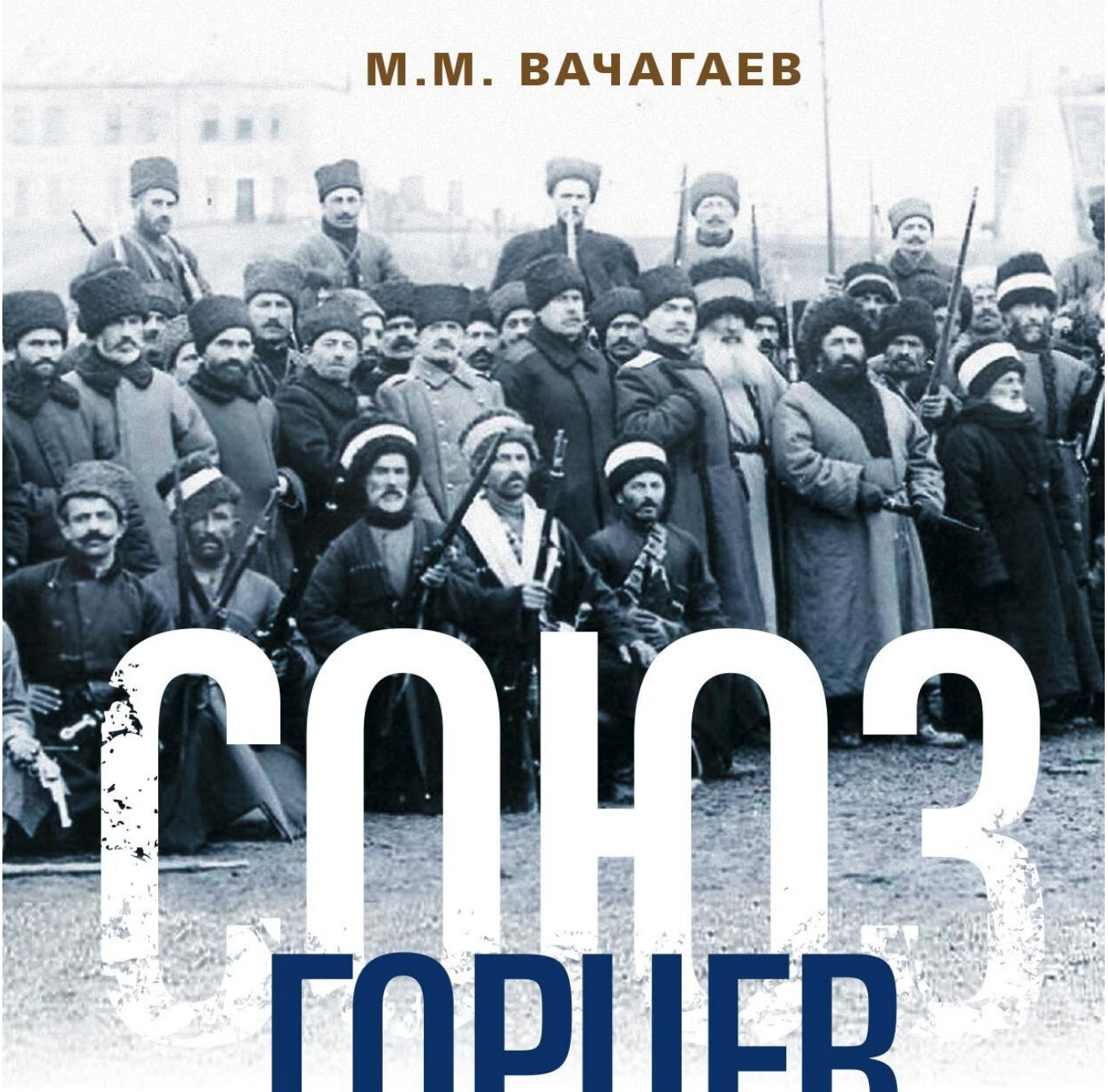
М.М. ВАЧАГАЕВ

СОЮЗ ГОРЦЕВ

СЕВЕРНОГО КАВКАЗА И ГОРСКАЯ РЕСПУБЛИКА

ИСТОРИЯ НЕСОСТОЯВШЕГОСЯ ГОСУДАРСТВА

1917—1920

М.М. Вачагаев
Союз горцев Северного Кавказа и Горская республика. История несостоявшегося государства. 1917–1920

© Вачагаев М.М., 2018
© «Центрполиграф», 2018
© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2018

* * *

Введение

Говоря о регионе Северного Кавказа 1917 года[1], следует иметь в виду территорию Терской, Кубанской, Черноморской, Ставропольской и Дагестанской областей в рамках административно-территориального деления Российской империи на тот период. При этом Терская область в начале XX века – это не только территории современной Чечни[2], Ингушетии[3], Северной Осетии-Алании[4] и Кабардино-Балкарии[5], но и юг Ставропольского края[6], в частности район Кавказских Минеральных Вод, а также земли современного Дагестана – в лице отдельно существовавшего до 1921 года в составе области Хасавюртовского округа[7].

Касательно Дагестана в рассматриваемый период (1917–1921), следует иметь в виду только часть территории – севернее от Петровска и до Дербента на юге, без Хасавюртовского округа, без Кизлярского района Терской области и уж тем более без части Ачикулакского уезда Ставропольской области (часть земель Ногайской степи).

Упоминаемый в книге Кубанский край – это земли современных Адыгеи, Карачаево-Черкесии, Краснодарского края. И наконец, Черноморская губерния[8] – это земли шапсугов по Черному морю и земли казаков кубанского казачества в современных границах части Краснодарского края по берегу Черного моря.

При этом отдельно стоит рассматривать территории, населенные казачеством, как кубанским, так и терским[9], которые вступали в союз с горцами или разрывали с ними отношения, но имели свои социальные и политические структуры и существовали независимо как от горцев, так и друг от друга.

Частые изменения административно-территориальных границ, которые далеко не всегда совпадали с этническим расселением того или иного народа Северного Кавказа, приводили не только к

обострению земельного вопроса (в первую очередь с казачеством), но и требовали изменения названия государственного образования[10]. Полное название Союза горцев на момент образования – Союз горцев Северного Кавказа, Дагестана, Абхазии, Закаталы и степных народов – мало кем употреблялось в период его существования. Впоследствии Союз лишился некоторых территорий, что повлекло за собой изменения в названии государства горцев.

История Союза горцев, несмотря на свою историческую скоротечность[11], тем не менее богата на многочисленные политические и военные события. Горская интеллигенция была представлена разнообразными течениями, однако она, безусловно, несла глубокий отпечаток российского влияния. Российская власть изначально стремилась создать из числа горцев именно пророссийскую элиту, чтобы оказывать на горское общество влияние в духе российского самодержавия. Каким бы нелогичным это ни казалось, но именно та часть общественности, на которую рассчитывала Россия, оказалась в авангарде борьбы за самоопределение горцев. Течения, выступавшие за федерализацию и впоследствии отошедшие от этих взглядов и занявшие позицию за предоставление полной независимости от России, были представлены яркими историческими персонами, которые вышли на политическую арену региона из кругов немногочисленной горской интеллигенции, ориентировавшейся на кавказское единство. И наоборот, силы, отстаивавшие сохранение единства бывшей Российской империи в разных ее вариациях, чаще всего выступали в союзе с неместными, командированными в регион представителями России. Это касается сторонников большевиков и армии генерала А. Деникина.

Государственное образование горцев, ориентированное на полную независимость от России, является важным элементом для понимания общей истории кавказских государств, возникших вскоре после развала Российской империи и до победы власти большевиков на Кавказе. Оно стало возможным и потому, что в

решении судьбы этой республики принимали участие не только сами горцы, но и их соседи по региону. В этом процессе были задействованы и страны, ранее не включавшие активно в зону своих интересов Кавказский регион (по обе стороны Главного Кавказского хребта)[12]. То есть наряду с привычными исторически сложившимися игроками на кавказской арене – Россией, Персией, Османской империей – мы не можем не заметить и новых игроков, пытавшихся влиять на ситуацию на Северном Кавказе, в лице республик Закавказья: Азербайджанской Демократической Республики и Грузинской Республики – и стран Запада: Гер мании, Франции, Великобритании, Италии, Болгарии, Австро-Венгрии и даже США и Японии. Интерес с их стороны был вызван желанием завладеть быстро развивающимся в этом регионе нефтяным бизнесом и заодно обезопасить свои владения на Ближнем Востоке на фоне угрозы выхода к границам их владений немецкой армии.

Внимание к Кавказскому региону западные страны начали проявлять во второй половине XIX века, однако это скорее было связанно с поиском новых рынков. И здесь особая роль принадлежала нефтяному бизнесу. По этой причине к началу XX века в городах Батуми[13], Владикавказе[14], Грозном[15], Петровске[16], Баку[17] и Тифлисе[18] находились два десятка консульств различных стран мира, в том числе и удаленных от Кавказа, например США и Японии[19]. Уже в период противостояния Белого движения большевикам в 1918–1920 годах с целью политической и военной поддержки генералу Деникину и барону Врангелю появились консульства в Майкопе, Екатеринодаре, Новороссийске и т. д.[20]

Тем не менее Республика горцев Северного Кавказа, в отличие от Азербайджана, Армении и Грузии, не была у западных стран, в числе фаворитов, которые были готовы принять в качестве новых государственных образований на Кавказе. И дело было не только в ее географическом положении, но и в том, что в первоначальный период своего существования горцы еще не могли определиться, с

кем идти: с Россией или с закавказскими государствами[21]. То есть сама горская интеллигенция первоначально не была готова говорить о своих планах на будущее[22]. Идеи горских социал-демократов и социал-революционеров не так сильно различались, поэтому неудивительно, что порой они пытались координировать свои действия против общего врага. По сути, можно считать, что развал империи застал горскую интеллигенцию врасплох. Ей пришлось быстро наверстывать упущенное и переориентироваться с Петрограда на кавказский вектор строительства государства.

В силу того, что в крае в рассматриваемый период параллельно существовали сразу несколько государственных образований (Союз горцев Северного Кавказа, Юго-Восточный Союз, Советская Россия, эмират Узун-хаджи, деникинская Россия), максимальное использование архивных документов позволит воссоздать картину региона с различных позиций, без акцента на позицию какой-либо одной из политических сил в регионе, будь то большевики, националисты или приверженцы строительства исламского государства. Попытка рассмотрения одного аспекта государственного образования вне связи с другими приводит к одностороннему исследованию и мешает понять взаимосвязь отдельных исторических процессов, происходивших в этом регионе[23].

Стоит отметить, что в деле обретения независимости путем создания Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана, нацеленного на автономию в составе новой России, горская политическая элита и духовенство допустили в 1917 году многочисленные просчеты. Националистическое крыло горской интеллигенции не доверяло духовным лидерам и пыталось все время дистанцироваться от них. Но духовные лица были более авторитетны в глазах народа, чем политики новой волны. К слову шейха относились как к чему-то святому, в то время как светскому политику приходилось доказывать свою правоту и свою идею. Вчерашние чиновники или

военнослужащие царской России были вынуждены заново завоевывать положение в обществе. Поэтому националистическое крыло горских политиков постоянно находилось в состоянии конфронтации с мусульманскими духовными лидерами. Россия не могла позволить себе отпустить регион, с таким трудом завоеванный в период колонизации. Экономических расчетов со стороны России здесь не было. Вопрос стоял о развале самой империи. Поэтому и власть российских большевиков в 1917 году оценивала ситуацию с точки зрения сохранения территориальной целостности. Для горцев смена политической системы в Петрограде практически не имела значения, так как никакая российская власть не выпустила бы горцев из-под своей власти. Определенную роль в этом играли большевики кавказского происхождения[24], которые формировали общее отношение центральной власти к Кавказу и выступали за сохранение границ бывшей империи.

В итоге Горское правительство хоть и было сформировано, но не могло полноценно функционировать. Горская республика вынуждена была вести борьбу не только с большевиками, но и с реваншистскими планами российских монархистов. Так, генерал Антон Деникин, пытаясь обезопасить себе тыл и поддержать в регионе казачество, являвшееся основным его союзником в борьбе против большевиков, решил сначала покорить юг страны и только потом уже нанести основной удар по центральной и северной части России.

Следует иметь в виду также мнение религиозной части населения, которая так и не пошла на соглашение ни с большевиками, ни с меньшевиками и не понимала, чего хочет местная политическая светская элита, которая не могла внятно изложить свою программу. Она не смогла объяснить преимущества своего плана развития по сравнению с планами белогвардейцев и большевиков. И уж тем более горцам трудно было понять, почему их политическая элита выступает против мусульманской верхушки. В этом плане важно обратить внимание на все еще малоизученную роль суфийских

шейхов: Узун-хаджи, Али Митаева, Али-хаджи Акушинского, Сугаип-муллы и др.[25] Благодаря их усилиям удалось не только оказать достойное сопротивление белым, мобилизовав для этого население Чечни, Ингушетии и Дагестана, но и разбить армию Деникина на территории Чечни и Дагестана.

Исторически обоснованно говорить о существовании Республики Союза горцев оправданно с марта 1917 по март – май 1920 года. С большой натяжкой возможно раздвинуть границы изучаемого вопроса до падения Грузинской Демократической Республики в марте 1921 года – оно поставило окончательную точку в вопросе возможного перелома ситуации в регионе в пользу антибольшевистской коалиции (союз горцев с азербайджанцами и с грузинами). Но на самом деле скорее можно говорить об *идее* Горской республики, а не о самом государстве как таковом.

Не совсем корректно, видимо, было бы согласиться с утверждением известных исследователей, что следует разделять период существования Союза горцев Северного Кавказа и период Горской республики как двух разных институтов самоорганизации горцев[26].

Советская историография изучаемого периода чаще всего не конкретизирует, с кем кооперировались большевики против армии Деникина[27]; против кого велась борьба Союза горцев до момента окончательного утверждения власти большевиков в 1920 году; кем были арестованы лидеры большевиков в Дагестане; с кем велись переговоры Османской империи в Батуми с марта по апрель 1918 года; кого признавала Германия в качестве Республики горцев; с кем в 1919 году вели переговоры Деникин и англичане, требовавшие отказа от политики независимого существования кавказских государств; как назвать деятельность до февраля 1921 года миссии Горской республики в Грузии, координировавшей разрозненные силы горцев по всему Северному Кавказу и Закавказью. И все это на

фоне многочисленных работ об иностранном вмешательстве в дела Северного Кавказа стран Европы, Турции и Грузии[28].

Начальную дату не стоит разделять между Союзом горцев и самой Горской республикой, так как сами участники Союза горцев и приняли решение о трансформации его в Горскую республику. То есть Республика горцев Северного Кавказа не была новым игроком на региональной политической карте, Союз горцев был ее первоначальным образованием, фундаментом для ее строительства. Горская республика возникла не на распаде или на основе новых территориальных изменений, а на базе Союза горцев. На его базе и происходит трансформация в более высокую степень политического развития – Республику горцев Северного Кавказа.

Окончательную дату ликвидации Республики горцев Северного Кавказа следовало бы обозначить периодом март – май 1920 года. Именно в это время происходит захват политического органа Республики горцев Северного Кавказа и Дагестана – Совета обороны, силами, ориентированными на большевиков. Эти действия большевиков де-факто полностью дезорганизовали все институты Горской республики (кабинет министров, представителей Союза меджлиса, газету «Независимый Горец»[29]).

Основное внимание в работе будет уделено именно этому периоду. Но и после установления советской власти на бывшей территории Республики Союза горцев члены ее правительства в изгнании продолжали свою работу в Тифлисе, что позволяет формально расширить данную тему исследованием деятельности горской эмиграции. В первую очередь нужно иметь в виду период с мая 1920 по февраль 1921 года, когда политики Горской республики продолжали надеяться на изменения в регионе в пользу антибольшевистского союза. Однако падение Грузии в начале 1921 года стало знаковым, и все, кто был связан с идеей независимости горцев от России, вынуждены были эмигрировать из Тифлиса в Стамбул (уже оттуда часть активистов, ориентированная на помощь стран Европы и США, направились на Запад).

Тема истории Республики горцев Северного Кавказа остается актуальной в кавказоведении на сегодня в силу многих причин. В первую очередь потому, что в Советском Союзе история Республики горцев Северного Кавказа и Дагестана принципиально игнорировалась, или в силу ее восприятия как антисоветской о ней высказывались как бы между прочим[30]. Неудивительно, что в Советской исторической энциклопедии можно было найти буквально несколько строк о Республике горцев Северного Кавказа, где указывалось, что это «антисоветская организация на Северном Кавказе (Владикавказ, май 1917 – март 1918, затем в Тифлисе, руководители – Р.Х. Капланов, А.-М.О. Чермоев и др.)»[31]. Именно данное определение и стало основой для многих постсоветских энциклопедических ресурсов[32]. Отдельные исследователи советского[33] и постсоветского[34] периодов старательно пытались обойти стороной сам факт существования этой республики.

Понадобилось десять с лишним лет после развала СССР в декабре 1991 года, чтобы в современной России начали появляться научные исследования, посвященные истории Республики горцев Северного Кавказа. В том числе сборники документов, диссертации, научные статьи, что позволяет утверждать, что данная тема выходит из полузабытого состояния и становится достоянием обширных кругов учителей, студентов и специалистов, интересующихся историей региона[35]. Однако все еще доминирует традиция преподносить данный период истории горцев Северного Кавказа как победу большевиков над меньшевистскими и монархистскими движениями, пытавшимися воссоздать Российскую империю. Что, безусловно, сужает тему и не дает читателю понять, почему большевикам понадобилось три с лишним года, чтобы заявить о полной победе в этом регионе над противостоящими им силами, хотя они якобы не были игроками на политической арене региона в изучаемый период.

За последние десятилетия в России издан ряд монографий, которые позволяют взглянуть на все, что происходило в регионе после распада Российской империи, с позиций различных источников, представлявших противоборствующие стороны[36]. Отрадно, что общество понемногу меняет свое отношение к тем, кто волею судьбы оказался за рубежом и выступал против политики большевиков. Политические деятели Республики союза горцев Северного Кавказа предстают в роли писателей, поэтов, историков, журналистов, это позволяет пересмотреть стереотип «врага, который с Запада пытался уничтожить страну». Однако это также всего лишь часть правды. Те, кто пишет о той или иной персоне Республики горцев Северного Кавказа, пытаются скрыть некоторые моменты их биографии, стыдятся их взглядов на Вторую мировую войну, что может ввести в заблуждение читателя. Читатель обязан получить всю информацию от исследователя, а не часть, выбранную им самим, даже исходя из его лучших побуждений.

При любом раскладе стоит исходить из того, что история горцев Северного Кавказа есть составная часть общекавказской культуры. И без понимания того, что происходило на Северном Кавказе, невозможно составить общее представление об истории всего Кавказа. Все, что мы имеем сегодня, – это неполнота общей картины развития ситуации после распада Российской империи. Отрывочность знаний, фрагментарность в подаче материалов (сборник документов по Азербайджану, сборник документов по истории Грузии, сборник документов по Северному Кавказу) дают прерывистую картину, а не полноценное отражение ситуации. Для тщательного исследования этого периода в истории горцев Северного Кавказа широкому кругу читателей необходимо предоставить весь массив документов из разных источников. Поэтому неудивительно, что уход коммунистической идеологии, то есть развал СССР в 1991 году, способствовал появлению новой волны публикаций по этому периоду[37]. Но даже этого

катастрофически мало по сравнению с тем, что хранится по исследуемой теме в архивах различных стран мира.

При всей своей актуальности данная тема совершенно не нашла должного освещения в зарубежной историографии[38]. Ее рассмотрение проходило под углом российской истории, и не более. Исключение составляют сами горцы, оказавшиеся за рубежом и пытавшиеся анализировать причины своего поражения в борьбе с большевиками.

Исходя из этого следует определить ряд первоочередных проблем исследуемой темы:

1. Определение места и роли в общей истории Кавказа истории Республики горцев Северного Кавказа.

2. Движение Деникина и позиция горской элиты по формированию своей государственности.

3. Национальная элита горцев и исламское духовенство: союз и противостояние.

4. Роль и место мусульманского духовенства Северного Кавказа в период противостояния национальной элиты советскому и деникинскому вторжению.

5. Определение причин, приведших к развалу республики.

6. Горская республика в контексте общей кавказской политики Германии, Турции, Великобритании, Франции и России.

7. Противостояние в среде горской элиты в вопросе о будущем Горской республики Северного Кавказа (полная независимость, конфедеративные отношения с Россией, Грузией и Азербайджаном, федеративные отношения с Россией).

8. Большевизация региона и выход Советской России на Южный Кавказ.

9. Проблемы горской эмиграции в странах Запада (1921–1945).

Начав с лозунгов о федерализации Российской империи в мае 1917 года, горцы вышли на требование признания независимости их государства от бывшей империи в мае 1919 года; побудительным мотивом смены варианта сосуществования с Россией стали разгон

Учредительного собрания в Петербурге большевиками и ожесточенное военное противостояние между политическими силами в России. Немаловажно понять, почему стремление построить единую Горскую республику с частью терского казачества не достигло цели и почему Советская власть предпочла образование в регионе отдельных национальных республик.

Особо стоит подчеркнуть, что историю эмирата Северного Кавказа Узун-хаджи стоит рассматривать не отдельно от истории Союза горцев Северного Кавказа, а параллельно ей, в силу многих причин, сопровождавших их совместную деятельность. Шейх Узун-хаджи, несмотря на скоротечность государственного образования, созданного им, был активным участником многих событий, происходивших в регионе до провозглашения им своего эмиратства.

Источниковая база исследования

Источниковая база исследования содержит широкий пласт малоиспользованных и совершенно неизвестных ранее документов горской эмиграции из архивов Франции, Германии и Великобритании. Некоторое количество документов относится к горско-мусульманскому движению в регионе Северного Кавказа. Далее по степени изученности следовало бы назвать те фонды документов, которые связаны с горской элитой, выступавшей за создание независимого государства. Личные архивы тех или иных деятелей из числа последователей идеи образования Республики горцев Северного Кавказа рассредоточены как в республиканских архивах на Северном Кавказе, так и в странах Закавказья, и в местах их активной политической деятельности в период эмиграции (Европа, Турция, Иран, США).

Большой пласт документов, связанных с деникинским движением в регионе, опубликован, будучи извлеченным из заграничных фондов, также и из отечественных хранилищ, в трудах российских исследователей Белого движения в России. И наконец, документы, относящиеся к деятельности большевиков, имеют самую широкую базу публикаций и возможности использования в открытом доступе.

Глава 1
Горцы Северного Кавказа накануне и после распада Российской империи (1917)

Кавказ в свете международных отношений

Несмотря на обилие работ по истории кавказских народов, того или иного региона Кавказа и отдельно взятого исторического периода, в российской, советской и в целом в мировой историографии крайне не хватает фундаментальных работ по истории Кавказа и его народов в целом. А это позволило бы узнать о событиях в регионе в контексте того, что происходило во всем крае и в близлежащих странах. Как отражалась политика сверхдержав на истории и народах края, как тот или иной народ соучаствовал в том, что происходило у его соседей, как события в одной стране отражались на событиях в других странах региона? Почему та или иная европейская или азиатская держава делала ставку на ту или иную страну Кавказа? То есть для того, чтобы хотя бы поверхностно понять историю края, необходимо читать десятки, сотни работ по каждой стране или каждому народу Кавказа, но нет возможности узнать общие контуры истории Кавказа в свете политики мировых держав по отношению ко всем народам Кавказа одновременно, а не только к отдельному региону или этносу.

Положительным исключением являются отдельные исследования, посвященные роли Кавказа во внешней политике России или Турции[39]. Если первоначально Кавказ был интересен в силу его географического положения (караванные пути из Азии в Европу), то впоследствии, в конце XIX и в начале XX века, регион приобретает стратегическое значение, становится объектом пристального внимания со стороны ведущих мировых держав, поскольку все ближе к нему становились территории, подконтрольные им на Ближнем Востоке и в Азии.

Кавказ только во втором тысячелетии перенес многочисленные набеги армий различных стран мира: он становился ареной татаро-монгольского нашествия, оборонялся от воинов Великого Тимура, пережил походы и персидских шахов, и османских султанов. И

конечно же в этом ряду – колонизация Кавказа Российской империей в XVIII–XIX веках.

Своего рода рубежом в историческом процессе колонизации территорий Кавказа Россией необходимо считать Кючук-Кайнарджийский мирный договор 1774 года, подписанный по итогам Русско-турецкой войны 1769–1774 годов, который подтвердил права России на Кабарду и Азов с прилегающими к нему территориями.

Их зависимость от России должен был определить крымский хан, так как считалось, что именно он находится в тесном контакте с народами, населяющими Кубанский край, и может представлять их интересы. В данном случае речь идет о территории Северо-Западного Кавказа, но его влияние, даже номинальное, ни в коем случае не распространялось на Северо-Восточный Кавказ. Этому договору суждено было просуществовать всего лишь девять лет: в 1783 году, с ликвидацией Крымского ханства, к России отошли и все формально подвластные ему прикубанские владения. «Тем самым, – отмечал А.В. Фадеев, – был завершен длительный, растянувшийся на двести с лишним лет процесс присоединения к России степного Предкавказья»[40]. На пути к границам Северного Кавказа Россия расправилась с ногайцами, которые не согласились с решением крымского шаха Гирея отказаться от своей власти в пользу российской императрицы. При этом тот факт, что вассал Османской империи шах Гирей не передал власть Порте, что было бы логично, поскольку он был ее подданным, а принял присягу на верность императрице российской, говорит о давлении, которое на него оказывалось князем Г.А. Потемкиным[41]. Это было вызвано и общим ослаблением внимания Османской империи к территории, охваченной социальными потрясениями[42]. Переход Крыма под юрисдикцию России подвиг ее к активизации действий на южном направлении – в сторону Главного Кавказского хребта, Россия уже считала себя готовой к освоению новых земель к востоку от Крыма.

Наряду с успехами в Предкавказье Россией были достигнуты соглашения с Грузией, которая, опасаясь угроз со стороны Персии и Османской империи, решилась перейти в вассальную зависимость от российской короны. По Георгиевскому трактату 1783 года[43] Картли-Кахетинское царство (так называемая Восточная Грузия) добровольно приняло протекторат России[44]. Для России это было важно, так как позволяло на территории Картли-Кахетии иметь базу для постоянного нахождения войск, что не могло не обеспокоить Персию и Османскую империю[45]. Несмотря на обязательство России сохранить корону царя Картли и Кахети за грузинскими наследниками царя Ираклия, это стало началом подчинения Грузии российскому престолу.

Таким образом, к концу XVIII века южная граница России непосредственно соприкоснулась с территорией, населенной горскими народами Кавказа. Следует отметить, что еще ранее российскими властями использовались невоенные формы колонизации северокавказских земель – путем создания казачьих, крестьянских и помещичьих поселений[46].

Одновременно, в периоды спокойствия на западных окраинах империи и в перерывах между войнами с Османской империей, Россия предпринимает активные шаги, способствующие укреплению ее позиций как на Северном Кавказе, так и в Закавказье. В рескрипте российского императора на имя командующего Кавказской линией генерала от инфантерии графа Гудовича от 5 января 1797 года по существу были сформулированы ближайшие стратегические задачи: «…Во всяком случае, удаляться от подания Портой Османской подозрения, что мы ищем с нею повода к ссорам. Павел I»[47]. То есть российский император понимает и подтверждает, что другим крупным игроком на кавказской арене является не кто иной, как Османская империя.

Этот рескрипт наглядно характеризует политику России в отношении горских народов Северного Кавказа. Указание

императора на Порту (Османская империя) следует рассматривать не столько как дипломатическую хитрость, но более как неуверенность в своих возможностях по укреплению влияния среди горцев. Россия, несмотря на заключенные ранее договоры, вынуждена была считаться с Турцией, которая не отказалась от своих притязаний и рассчитывала вернуть утраченные позиции на Кавказе. Любой повод мог быть использован турками для вмешательства. При этом следует отметить, что, несмотря на то что Османская империя постоянно декларировала свою близость к горским народам Северного Кавказа, при этом горцам какого-либо ощутимого результата ее деятельность никогда не приносила. Более того, из года в год горцы все более ожесточались в отношении позиции Турции и в 50-х годах XIX века не считали ее потенциальным союзником[48]. На протяжении нескольких веков армия Османской империи ни разу не входила на Северный Кавказ с целью помочь горцам этого региона в их сопротивлении России. Хотя помощь посредством поставки оружия черкесам шла на постоянной основе до полного завоевания Северо-Западного Кавказа в 1864 году[49].

В отличие от Османской империи Персия лишь изредка пыталась активно влиять на политическую жизнь народов Северного Кавказа; ее интересы не простирались дальше Закавказья и части Южного Дагестана. Немалую роль здесь играла и приверженность горцев суннитскому направлению в исламе. Россия столкнулась с интересами Персии в тот момент, когда ее интересы на Кавказе стали основополагающей политикой в этом регионе, а именно в начале XIX века. В то же время двор персидского шаха внимательно следил за событиями на Северном Кавказе и пытался использовать по мере возможности события в Чечне и в Дагестане для нажима на Россию с целью ослабить ее позиции в южной части Кавказа[50].

Говоря о политике России в отношении Кавказа, Фадеев писал: «Между тем владычество на Черном и Каспийском морях, или в случае крайности хоть нейтралитет этих морей, составляет

жизненный вопрос для всей южной половины России, от Оки до Крыма, в которой все более и более сосредотачиваются главные силы империи, и личные, и материальные. Эта половина государства создана, можно сказать, Черным морем… Но охранять свои южные бассейны Россия может только с Кавказского перешейка»[51].

При этом учитывалась также необходимость иметь союзника в борьбе против Османской империи и Персии, с помощью которого Россия хотела бы решить и ближневосточную проблему[52].

Новым толчком к активизации политики России на Северном Кавказе стало усиление ее позиций после победы над Наполеоном, что позволило вплотную заняться кавказской проблемой. Став на какое-то непродолжительное время государством, которое пыталось диктовать свою волю Европе, Россия явно переоценила свои возможности, которые оказались значительно ниже имперских амбиций.

Подписание мирных договоров с Османской империей (1812) и с Персией (1813) юридически подтверждало их отказ от притязаний на земли Северного Кавказа. Все это стало для России хорошим дополнением к разгрому Наполеона и победоносному маршу по Европе. Но, несмотря на это, Северо-Кавказский регион не переставал быть ареной острейших международных противоречий. Не прошло и трех лет, как чрезвычайный посол Персии Мирза-Абдул-Хасан представил в Петербурге меморандум от 2 февраля 1816 года с требованием отодвинуть российскую границу до Терека[53]. Россия отклонила все требования, подтвердив тем самым нежелание сдавать свои позиции, что привело к осложнению отношений между двумя государствами. Персия в последний раз попробовала что-то получить на Кавказе в ходе войны 1827–1828 годов и с тех пор ни разу не вела каких-либо войн в этой части региона.

А вот Османская империя не прекращала претендовать на изменение ситуации в этой части мира. До конца XIX века она

успела принять участие в войнах 1828–1829, 1853–1856 и 1877–1878 годов, которые все и проиграла. Это подвигло Россию продвигать более глобальные планы. Император России уже не скрывал свои намерения овладеть на данном этапе и Константинополем[54].

На кавказской арене проходили многократные войны с Турцией и Персией. Антиколониальная борьба горцев не позволяла России полностью овладеть Кавказом и реализовать свои планы по дальнейшему продвижению на юг вплоть до середины 60-х годов XIX века. После завоевания Кавказа Россия уже не проявляла стремления к дальнейшему продвижению в этом направлении[55]. Завоевание Россией Кавказа в XIX веке не сделало его зоной бурного развития в рамках границ Российской империи. Основой развития здесь нефтяной промышленности стал как раз таки иностранный капитал.

С завоеванием Кавказа Россией в XIX веке интерес к региону со стороны различных стран не только не уменьшился, а, наоборот, усилился. Их интерес к региону увеличивался пропорционально степени освоения залежей нефти, обнаруженных в этой части мира. То есть если до второй половины XIX века данный регион рассматривался как территория интересная для западных стран с точки зрения доминирования в Персии или оказания давления на Османскую империю, то со второй половины XIX века он становится ареной борьбы за нефть.

Иностранные компании в массовом порядке стали просить у местного наместничества лицензии на использование природных ресурсов. К началу XX века соотношение иностранного и российского сегментов в нефтяном бизнесе только в Чечне составляло 10 к 5[56]. В нефтяном бизнесе были задействованы крупнейшие мировые компании и банки. Одна из крупнейших фирм того периода «Ахвердов и К°» к концу XIX века полностью перешла в руки бельгийского капитала[57]. Впоследствии все активы были

проданы компании «Нобель». Здесь же, на Кавказе, успешно развивались и компании «Ройял Датч Шелл», «Ойл», французская «Новый русский стандарт», Англо-Русское Максимовское общество[58], Ротшильдов[59] и многие другие. Не говоря о том, что почти вся транспортировка кавказской нефти производилась англичанами на своих танкерах через порты Батуми или Новороссийска[60]. Англия, Германия и Франция видели в Кавказе не просто регион, недавно завоеванный Россией, а место концентрации почти половины всей мировой нефти, обнаруженной на тот момент. Это делало привлекательным присутствие их компаний. Многие европейские государства имели свои консульства в Тифлисе, Батуми, Владикавказе и Баку. Бизнес раньше понял ценность этого региона, чем политики иностранных держав.

По мере увеличения роли нефти в мировой экономике желание западных стран закрепиться на Кавказе выливалось в борьбу за него. Их пренебрежение этим регионом в период борьбы за независимость в первой половине XIX века сменилось соперничеством за как можно большее присутствие здесь своего капитала и защитой интересов своих фирм, в частности в нефтяных районах Грозного и Баку[61].

Одновременно заинтересованность западных стран пытались использовать и оппозиционно настроенные кавказские силы, которые формировались за счет тех, кто находился вне пределов Российской империи. Еще в 1914 году в Османской империи вынашивались планы по организации восстания черкесов и формированию Черкесского легиона для участия в боевых действиях против русских войск на Кавказском фронте[62].

Впоследствии на основе общих интересов грузинской, азербайджанской и северокавказской диаспор в Стамбуле было объявлено о создании Турецкой санитарной миссии, являвшейся, по сути дела, тайной организацией, объединяющей в своем составе кавказских активистов, стремящихся к независимости Кавказа. После

вступления Турции в войну упомянутая миссия официально была преобразована в Кавказский комитет, состоящий из представителей Северного Кавказа, Азербайджана и Грузии.

Президентом этого первого в истории Кавказского комитета являлся упомянутый нами Фуад-паша. Членами: черкес Азиз Мекер – активный общественный деятель кавказской диаспоры в Османской империи, профессор Стамбульской сельскохозяйственной академии; дагестанец Иса Котсеки-паша – бригадный генерал и санитарный инспектор Оттоманской армии; грузин князь Георгий Мачабели – председатель созданного в 1914 году в Берлине и к этому времени действующего также на территории Турции Комитета освобождения Грузии; лейтенант кавалерии Кямил Тавдгиридзе – представитель проживающих на территории Турции грузин-мусульман, а также азербайджанец Селим-бей Бебутов[63].

При активном участии кавказцев в 1916 году в швейцарской Лозанне была основана Лига нерусских народов России (Ligue des nationalités allogènes de Russie). На III конференции Союза национальностей (L'Union des Nationalités), состоявшейся в Лозанне 27–29 июня 1916 года[64], кавказцы выступили с обширными актуальными докладами по ситуации на Кавказе[65].

Более того, под эгидой немцев и турок на Северный Кавказ направлялись горцы с целью организации подрывной работы в отношении российской власти в регионе[66]. Контакты, приобретенные в рамках политической деятельности в Европе против российского самодержавия, помогали северокавказцам налаживать отношения с немецкими политиками. Позднее, в 1918 году, эти контакты оказались полезными и для самой Германии в ее действиях на Кавказе[67].

Османская империя активно использовала уроженцев Кавказа, оказавшихся здесь в результате мухаджирства в XIX веке. Потомки мухаджиров считали своим долгом нанести урон Российской империи, поэтому неудивительно, что в момент утверждения Горской

республики Османская империя привлекала их в качестве военных специалистов для достижения своих целей в регионе[68].

Германская и Османская империи активизировались на Кавказе в годы Первой мировой войны. Обе державы рассчитывали, что смогут расшатать Российскую империю и изнутри, а не только боевыми действиями на фронтах.

При этом Франция и Англия только присматривались к региону и пытались найти себе союзников в противостоянии планам Германии и Османской империи[69]. Германия, имея свои интересы в этом регионе, не могла не учитывать, что ее союзница Османская империя имела куда больше влияния на этой территории исторически, тем более что часть ее была в определенные времена под контролем Блистательной Порты. Но для Германии, ведущей войну сразу на нескольких фронтах, необходимо было иметь прочную базу в Закавказье, и в первую очередь в Баку. Западные страны, в лице Англии и Франции в первую очередь, с тревогой следили за активизацией политики Германии в регионе. Франция при этом внимательно наблюдала за действиями своей союзницы Англии, направленными на вытеснение немцев из региона и замену их своими войсками для контроля над стратегически важным районом. По мнению французского правительства, народы региона делились на три группы. К первой относились исповедующие ислам, они были более лояльны к идее союзничества с Османской империей. В то время как две другие группы – грузины и армяне – считали возможным оставаться в сфере влияния России, учитывая общехристианские ценности. При этом в своих донесениях французы указывали, что грузины и армяне были сильно подвержены российскому влиянию, так как они были более вовлечены в общероссийскую систему культуры, чем горцы[70]. Французское правительство, в отличие от английского, согласно было признать право кавказцев на свое видение будущего: создание ими независимых кавказских государств или федеративного кавказского

го сударст ва, или государства в союзе с будущей Россией[71]. Официаль ный Париж пытался доминировать в регионе и посредством активизации католических сил в Закавказье, но это было слабым инструментом в силу того, что католическая церковь в Армении и в Грузии была представлена ничтожно малой общиной[72]. Делая выводы из своей практики, французский генерал Лавиньи утверждает: в целом можно сказать, что Франция никак не представлена на Кавказе и не имеет плана по освоению этого региона в будущем[73].

В последнее время некоторые авторы, говоря о роли Запада в исследуемый период на Кавказе, совершенно неоправданно приписывают некую долю ответственности США[74], что на самом деле неправомерно. Приписывание США к исследуемому периоду связано с современным видением единой позиции Запада, чего не было в период Горской республики. Интерес США к данному региону возникает чуть позже.

Таким образом, в конце XIX и в начале XX века мир только начал интересоваться экономическим потенциалом[75] Кавказа, сойдя только с точки зрения этнографического или географического изучения. Этот фактор делал его близким и для стран Европы, и для США и Японии. Немаловажную роль здесь сыграли и стремительное развитие нефтяной промышленности, и перспективы ее развития в мировой экономике в ближайшем будущем.

Первая мировая война и распад Российской империи (1914–1917)

Первая мировая война не просто коснулась Кавказа, ее фронт проходил по линии границы с Османской империей. Судьба Российской империи решалась на Западном фронте в непосредственных столкновениях с армией Германии и Австро-Венгрии. Однако было бы неправильно недооценивать и значение Кавказского фронта. Тем более что история уже доказывала: как только отношения России с Османской империей обострялись, на Северном Кавказе возникала активность, направленная против власти России в этой части Кавказа[76].

Кавказский фронт растянулся вдоль всей границы Кавказского края с Османской империей. Турки входили в военно-политический блок Центральных держав, объединяющий Германскую империю, Австро-Венгрию, Османскую империю, Италию (до 1915 года) и Болгарское царство (с 1915 года). Османская империя, бывшая до этого в союзнических отношениях с Англией и Францией, на этот раз не могла не использовать момент для нанесения удара по интересам России на Кавказе. Имея в своем распоряжении полуторамиллионную кавказскую диаспору, Османская империя рассчитывала, уже в который раз, одержать реванш в войне с Россией[77].

С вступлением в войну Османской империи на Кавказском фронте российским командованием были определены два основных направления: Карское направление (Карс— Эрзерум) – около шести дивизий в районе Ольты – Сарыкамыш, и Эриванское направление (Эривань – Алашкерт) – около двух дивизий и конница в районе Игдыря. Именно здесь воевал и будущий командующий Добровольческой армией на Северном Кавказе генерал-лейтенант Ляхов[78, 79].

Османская империя, подталкиваемая Германией[80], сосредоточила на Кавказском фронте 3-ю армию под командованием Гасан-Иззет-паши. Она включала три армейских корпуса (9, 10 и 11-й), 1 кавалерийскую, 4 курдские дивизии, пограничные и жандармские войска (всего 100 батальонов, 165 эскадронов и курдских сотен, 244 орудия). Для усиления армии из Месопотамии подтягивалась 37-я пехотная дивизия 13-го корпуса. Основные силы армии были сосредоточены в районе Эрзерума[81].

Русские силы на этом театре представляла Кавказская армия под командованием наместника царя на Кавказе графа Воронцова-Дашкова, при фактическом руководстве начальника штаба армии генерала Н.Н. Юденича[82]. К началу военных действий Кавказская армия включала в свой состав 1-й Кавказский, 2-й Туркестанский корпуса и отдельные соединения: 66-ю пехотную дивизию, 2 казачьи дивизии, 2 бригады и другие части. Общая численность Кавказской армии составляла 153 батальона, 175 сотен, 12 саперных рот, 350 полевых орудий и 5 батальонов крепостной артиллерии (всего свыше 170 тысяч человек)[83].

Общая протяженность Кавказского фронта от Черного моря до озера Урмия составляла 720 километров[84]. При этом Османская империя, как и в предыдущих войнах с Россией, вновь потеряла часть своих территорий[85].

На момент развала Российской империи в 1917 году русские войска на Кавказском фронте насчитывали 183 775 штыков, 31 834 сабли, 8009 офицеров, 1057 пулеметов, 591 орудие[86].

Последняя война не обошла стороной и Северный Кавказ. Хотя фронт и не проходил по территории Северного Кавказа, представители горских народов были задействованы в боевых действиях российской армии против стран Центрального союза. Более того, фронт проходил в Закавказье, что делало весь Кавказский регион сопричастным к войне. Следует упомянуть и участие горцев в войне, в составе Кавказской туземной конной

дивизии[87], более известной как Дикая дивизия. Она была сформирована на основании высочайшего указа 23 августа 1914 года на территории Северного Кавказа и укомплектована добровольцами-горцами. Дивизия включала в себя шесть полков четырехсотенного состава: Кабардинский, 2-й Дагестанский, Чеченский, Татарский (из жителей Азербайджана), Черкесский и Ингушский[88]. Возглавил эту дивизию родной брат императора великий князь Михаил Александрович[89].

Через школу Кавказской туземной конной дивизии прошло несколько тысяч северокавказцев[90]. В том числе и те, кто впоследствии стали заметными фигурами на политической арене Северного Кавказа: чеченцы А.-М. Чермоев и Б. Тукаев, Ахмет-хан Эльдаров, кумык Нух-бек Тарковский, черкесы А. Шарданов и Килыч (Клыч) Султан-Гирей, кабардинцы К.Н. Хагандоков и Н.Ф. Бекович-Черкасский, абхаз Хаитбей Шервашидзе, ингуш С. Мальсагов и многие другие. Все они будут пытаться использовать свой опыт в решении судьбы своего края и после распада Российской империи.

Первая мировая война разорила Российскую империю в целом. Неудивительно, что российское правительство в лице большевиков больше боялось не столько внешних врагов, сколько внутреннего бунта[91]. Именно этим была обусловлена необходимость подписания заведомо проигрышного мира с Германией и Османской империей. Россия стояла на грани полного развала в результате как действий Белого движения, так и интервенции западных держав. И в этом Северный Кавказ не стал исключением: регион был полностью вовлечен в гражданскую войну, развязанную большевиками роспуском Учредительного собрания.

Общественно-политическая ситуация на Северном Кавказе накануне провозглашения Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана

Министерство иностранных дел Франции после официального развала Российской империи стало более внимательно присматриваться к Кавказскому региону. В донесениях на имя министра указывается, что данный регион с семимиллионным населением, включающим в себя территории Тифлисской, Кутаисской, Елисаветпольской, Бакинской, Карской, Батумской, Эриванской, Дагестанской областей с центром в Тифлисе представляет собой значимую часть старой империи. Французы понимали, что в этом районе им придется вести усиленную работу против интересов немцев и турок. Они понимали, что Османская империя опирается на мусульманскую часть региона. Сами они пытались делать ставку на христианскую часть населения: армян и грузин. Эта политика преподносилась как попытка обезопасить эти народы от возможного давления со стороны Османской империи, у которой были свои постоянные интересы на Кавказе на протяжении нескольких последних веков[92].

Не менее сильным конкурентом, по мнению французского МИДа, была Германия, которая рассматривала данный регион с точки зрения возможности контролировать магистрали, связывающие Европу с Персией и Индией. Однако действия немцев и турок в регионе столкнулись с активной позицией армян и грузин, которые сумели организовать местную милицию и армейские подразделения, первое время поддерживаемые многочисленными русскими частями в регионе и казаками, чтобы противодействовать политике Османской империи и Германии в этой части мира. Но именно Германии и Османской империи удалось за короткий срок первыми закрепиться на Кавказе[93]. Однако впоследствии проигрыш Германии

в Первой мировой войне в 1918 году заставил ее, а также ее союзницу Османскую империю в срочном порядке покинуть регион. Кавказ, бывший «бульваром России на Ближний Восток»[94], стал для европейских стран в этот период предметом раздора, даже среди союзников (Германия пыталась обыграть Османскую империю, Англия – опередить Францию).

Чуть иначе мировыми державами рассматривался регион по ту сторону Главного Кавказского хребта – Северный Кавказ. Северный Кавказ, объединенный в Терскую, Дагестанскую, Черноморскую и Кубанскую области при Кавказском крае, представлял собой территорию от Черного моря до Каспийского. С севера он граничил с Астраханской губернией и Областью войска Донского, на юге был ограничен Главным Кавказским хребтом[95]. Общая площадь его составляла 382 060 квадратных верст[96]. Одна только Терская область занимала 72 тысячи квадратных километров[97] с населением 1,3 миллиона человек, из которых горцы составляли примерно половину – 670 тысяч человек[98].

На момент распада империи наместником Кавказского края был великий князь Николай Николаевич. Губер наторами в подвластные ему края были назначены: в Черноморский – полковник П.И. Мартынов, в Дагестанский – генерал-лейтенант С.В. Вольский, в Кубанский – М.П. Бабич, в Терский – генерал-лейтенант С.Н. Клеймер[99].

Степень развития экономики в регионе сильно различалась. В городах, где преимущественно жили русские, шел заметный рост экономики за счет проведения и эксплуатации железных дорог и развития нефтяной промышленности[100]. Более того, некоторые города были выделены в отдельную административную единицу, например город Грозный. В этих городах запрещалось жить представителям коренных народов[101]. Исключения составляли фамилии, причисленные к дворянскому или купеческому сословиям.

При этом, на фоне запрета горцам свободно передвигаться, в регионе активно претворялась в жизнь политика русификации. Главнокомандующий гражданской частью на Кавказе Г.С. Голицын на совещании летом 1898 года в Тифлисе признал необходимым колонизацию Кавказа исключительно переселением русских из внутренних губерний России[102]. Так, на конец XIX века только в Грозном процент переселенного из центральных губерний России населения составлял 62,9 %[103].

На самом деле такая политика вредила народам, проживающим здесь, поскольку перераспределение земель шло исключительно за счет горцев. Их участие в индустриализации было ограничено. Такого рода влиятельные люди, как миллионеры чеченец А.-М. Чермоев, кабардинец П. Коцев, балкарец Урусбиев, осетин А. Туганов и др., составляли исключение из правил, это были единичные примеры успешной интеграции в российскую государственность. И эти исключения допускала сама Россия, которой были нужны представители местной знати, полностью ориентированные на Петербург.

Экономика, образование и здравоохранение в регионе, населенном горцами, резко отличались в худшую сторону. На всю Чечню была только одна горская школа в Грозном, в ней на 1900 год училось только 144 ученика, но и среди них из числа мусульман было всего 47, то есть это могли быть кумыки и чеченцы, не факт, что большинство составляли чеченцы![104]

Не лучшим образом обстояли дела и в других районах Северного Кавказа. На фоне многочисленных мусульманских школ, которых в больших селах могло быть и несколько[105], светские школы составляли единицы на весь округ. По отчету попечителя Кавказского учебного округа, на каждые 10 тысяч человек в Кутаисской области приходилось 5,6 училища, а в Дагестанской области – 0,41. Число учащихся на каждые 10 тысяч душ населения колебалось от 3,1

(Дагестанская область) до 416 (Кутаисская губерния), то есть от 0,31 до 4,16 %. Одно начальное училище приходится по народностям:

а) среди русского населения – на 3600 жителей;

б) грузинского – на 4800;

в) армянского – на 5400;

г) горского – на 11400[106].

Примерно такая же ситуация сложилась и в области здравоохранения. К началу XX века из-за того, что четыре средних учебных заведениях региона (в Новочеркасске и Екатеринодаре – военно-фельдшерские школы, в Ростове-на-Дону и Ставрополе – фельдшерские) были платными, уровень доступности их для горцев оказывался минимальным[107]. До открытия в Екатеринодаре фельдшерской школы фельдшеров готовили при войсковых госпиталях, а также за пределами Терской области, так как на территории области медицинских школ для подготовки фельдшеров не было. Горская молодежь для получения фельдшерского образования направлялась, как правило, в Тифлисскую фельдшерскую школу, учрежденную при военном госпитале, а также в Екатеринодарскую фельдшерскую школу[108]. Первый дипломированный доктор из числа кабардинцев Исмаил Шаков станет первым из горцев, кто открыл свой персональный кабинет врача в Грозном, и он же будет в числе тех, кто возглавит борьбу за установление Горской республики на Северном Кавказе.

Однако самым насущным и наиболее болезненным для горцев был земельный вопрос. Именно здесь интересы горцев кардинально расходились с интересами местного казачества и русского городского населения края. Соотношение земель у горцев и казаков разнилось в десятки раз в пользу последних[109].

Немало вопросов вызывала и общая ситуация в регионе, где наблюдался явный переизбыток оружия на руках у горцев. По данным справки, составленной летом 1917 года, с началом Первой мировой войны горцы активно скупали оружие. Стоит отметить, что

речь идет не о простом оружии, с 1915 года горцы отдавали приоритет нарезному оружию, преимущественно австрийского производства[110]. Оружие закупалось у русских военных, которые приезжали с Западного фронта из Украины. При этом указывалось, что больше всего продажей оружия и патронов к ним занимались те, кто числился в Дикой дивизии. Соответственно, это приводило к увеличению количества столкновений местного населения с казаками и военными именно с применением огнестрельного оружия.

Первый съезд Союза горцев Северного Кавказа

Известие из Петрограда о революции пришло во Владикавказ 1 марта, но, до выяснения обстоятельств, наказной атаман Терского казачьего войска генерал Сергей Николаевич Флейшер огласил его только 4 марта[111]. Как только общественности во Владикавказе стало известно о том, что российский император Николай II отрекся от престола и власть перешла в руки Временного правительства, различные политические силы на Северном Кавказе в срочном порядке начали обсуждать ситуацию на местах. Буквально на следующий день, 5 марта, на квартире известного во Владикавказе балкарского адвоката Басията Шаханова собрались те, кого можно было бы отнести к горской интеллигенции. Было решено немедленно начать процесс по взятию власти в свои руки. По словам полковника М. Джафарова, уже в начале марта в Дагестане активно обсуждалось, стоит ли признавать Временное правительство или надо отмежеваться от него принципиально, как от преемника царской власти[112].

Это непонимание момента, по словам дагестанского участника событий Алибека Тахо-Годи, продолжалось в Дагестане почти месяц. Именно по этой причине первоначально было решено даже оставить номинально при должности ставленника царской власти губернатора Дагестанской области Владимира Ермолова, переподчинив его Временному правительству[113]. Это решение Дагестанской области было тем более странным на фоне того, что последний кавказский наместник великий князь Николай Николаевич в срочном порядке покинул Тифлис уже 7 марта 1917 года в надежде, что может быть принят Временным правительством в Ставке под Могилевом[114]. С его отъездом власть на Кавказе оказалась на короткое время парализованной. Мало кто осознавал, что на самом деле происходило в Петрограде.

Во Владикавказе уже 8 марта 1917 года был создан Совет рабочих депутатов, который также первоначально под давлением местного чиновничьего аппарата бывшей царской России смог добиться его признания Временным правительством[115]. Здесь же Областной исполнительный комитет возглавлял эсер К. Мамулов. Комиссаром Временного правительства на недолгое время стал депутат Госдумы от Терского казачества есаул Михаил Караулов[116]. Выбор делался в пользу тех, кто уже отличился на общественной или военной службе. Поэтому неудивительно, что многие из тех, кто служил при царе на Северном Кавказе, оставались лидерами и после его свержения[117]. На то было несколько причин, одна из которых – дефицит кадров национальной политической элиты. Те немногие, кто получил образование в Москве и Санкт-Петербурге, других городах, пользовались неподдельным уважением среди горцев. Именно им предстояло отвечать за те преобразования, которые выпали на долю их народов в связи с Февральской революцией в России. Отзвук российских проблем быстро проявился на Северном Кавказе. Это проявление не было связано с какими-то революционными действиями[118]. Речь идет об отзвуке на действия в Петрограде, реакцией на формирования органов властей.

В первых числах марта 1917 года политическая элита горцев не совсем понимала ситуацию, которая сложилась в центре. Это касалось и тех, кто впоследствии стал известен в качестве одиозных фигур из числа устанавливавших советскую власть на Тереке и в Дагестане.

Для всех смена власти в России оказалась неожиданной, и на местах не были готовы к такого рода изменениям. Именно этим можно объяснить, что и во Владикавказе (центр Терской области), и в Темир-Хан-Шуре (Дагестанская область) новые власти на местах принимали половинчатые решения, оглядываясь на Временное правительство. В тот период трудно было понять, кто социал-революционер, кто большевик, кто меньшевик[119]. Разница

политических воззрений на происходящее была настолько незначительной, что каждая партия уверенно считала всех своим электоратом. Грозненский секретарь большевиков Н.Ф. Носов в июле 1917 года писал в Москву: «Среди рабочих много социал-революционеров и меньшевиков, но они рассуждают так, что не похожи ни на социал-революционеров, ни на меньшевиков: все большевики»[120]. Поэтому непомерная большевизация истории Северного Кавказа периода распада царской России не имела исторического основания и носила исключительно пропагандистский характер.

Большевиков как таковых в регионе не было. Во всем Северо-Кавказском регионе рабочий класс, как основа революционного пролетариата, присутствовал только на нефтяных разработках в пределах Грозного. В других частях Северного Кавказа эта часть общества была представлена ничтожно мало. Крестьянство на Северном Кавказе в этот период вряд ли вообще подозревало, что существуют какие-то политические партии, иная власть, кроме «белого царя» и мусульманского духовного лидера. Не была исключением и партия «Кермен» в Северной Осетии, которую вряд ли можно уверенно причислять к крестьянству, ведь ее создатели были сами из местной интеллигенции, хотя и указывали на свое крестьянское происхождение[121]. Жесткую позицию высказывал осетин Ахмед Цаликов, который считал, что в этой партии мало кто имеет отношение к беднякам, тем более что они, как функционеры, ежемесячно получали зарплату[122].

Разброс мнений у политических партий на Северном Кавказе в этот период не был таким большим, каким он стал впоследствии по мере усиления власти коммунистов после Октябрьской революции 1917 года. Трудно было отличить в регионе эсера от социал-демократа, большевика от меньшевика, федералиста от монархиста. Все крутилось вокруг единства с Россией. Разница в платформах могла затрагивать только формы федерации горцев с Россией. Да и

сами общественные деятели региона еще не определись к этому времени до конца в своих политических взглядах. В течение двух-трех лет после свержения царизма на Северном Кавказе мы наблюдаем изменение политических пристрастий у многих деятелей революционного периода (А. Шерипов, А. Цаликов, М. Халилов, Ибрагим Чуликов, П. Коцев, В.-Г. Джабагиев и многие другие).

Таким образом, на историческом переломе, уже буквально через несколько дней после получения информации об отречении императора (2 марта), во Владикавказе был образован Временный ЦК объединенных горцев Северного Кавказа (6 марта 1917 года). Возглавил орган новой власти юрист по образованию, балкарец по национальности Б. Шаханов.

Практически одновременно, не имея информации с мест о том, что происходит на родине, северокавказцы, проживающие в Петрограде, организовали свой Особый комитет горцев Северного Кавказа, куда вошли все, кто работал или учился на тот момент в столице. Это член Госдумы Магомед Далгат, председатель мусульманского благотворительного общества Мухамед-Захид Шамиль, председатель Общества распространения образования среди мусульман Петрограда В.-Г. Джабагиев, А. Цаликов, М. Пензулаев, М. Алиев, И. Алтадуков, Х.-М. Магомедов, Б. Пуматов и др. Члены данного комитета обратились к народам Северного Кавказа с призывом организовать власть на местах и стремиться закрепить свободы, провозглашенные Временным правительством[123].

Чуть позже в регионе стали создаваться национальные советы: Чеченский, Ингушский, Осетинский, Балкарский, Кабардинский и др., их задачей на этапе исторических перемен было защитить чисто этнические интересы[124]. Но этого было мало, каждая этническая общность нуждалась в более высокой форме устройства, где ее интересы могли бы быть представлены и обогащены сотрудничеством с другими. Именно такой формой мог стать Союз горцев Северного Кавказа и Дагестана. И уже этот орган искал форму сотрудничества с соседями по региону в попытках

противостоять общему врагу. То есть эволюция жизни горцев происходила обычным путем и не была чем-то исключительным для того времени.

Тем временем 9 марта в Темир-Хан-Шуре состоялся митинг, на котором было решено образовать Временный Дагестанский областной гражданский исполнительный комитет. Его председателем стал Зубайр Темирханов, инженер по образованию, кумык по национальности. Такого же рода комитет был создан и в Терской области.

В итоге в регионе власть одновременно была представлена в лице комиссаров Временного правительства, Советов, исполкома и Союза горцев. Неудивительно, что население не понимало, кто и за что ответствен. Союз горцев активно начал свою работу и на каком-то этапе стал доминирующим органом[125]. Именно он стал ускорителем революционных процессов на Северном Кавказе.

После этого по всему региону в марте – начале апреля прошли локальные съезды: в Ингушетии – 6 марта, в Дагестане – 9 марта, в Чечне – 14 марта, в Карачае – 21 марта, в Кабарде и Балкарии – 27 марта, в Осетии – 6–8 апреля, на Кубани – 19–22 апреля, в Хасавюртовском округе из-за разногласий горцев с казаками не смогли договориться о создании органов новой власти[126]. Уже на этих съездах определились лидеры: А.-М. Чермоев, Э. Алиев, А. Мутушев – в Чечне; В.-Г. Джабагиев, С. Мальсагов – в Ингушетии; П. Коцев, Наурузов, Атажукин – в Кабарде; Урусов – в Карачае; Б. Шаханов – в Балкарии; Мистулов, Хабаев, Кибиров – в Осетии; М. Халилов, Н. Тарковский, Н. Гоцинский – в Дагестане. Постепенно на политическую арену выходили новые люди, которые становились лицом эпохи.

14 марта определились и казаки терского казачества, выбравшие своим атаманом есаула М. Караулова, одновременно остававшегося в должности комиссара Временного правительства в крае[127].

Новые власти на первых порах финансировались меценатами. Ими были чеченский нефтепромышленник А.-М. Чермоев, азербайджанцы Гаджи Тагиев и Мирза Ассадулаев и др. Соответственно, это не могло не сказываться на работе новых властей. Их действия были ограничены их финансовыми возможностями.

Исполнительный комитет чеченского народа, возглавляемый Ахметханом Мутушевым, уже 28 марта 1917 года направил телеграмму центральным властям в Петроград с требованием отозвать и сменить всех начальствующих лиц в Грозненском округе и в других округах, где проживают чеченцы[128]. И две недели спустя, 10 апреля, ушла телеграмма[129] с требованием не принимать никого, кто не был бы уполномочен чеченским исполкомом. То есть на местах уже пытались сосредоточить власть в руках вновь избранных исполкомов, и для нейтрализации старых чиновников уведомляли власти в Петрограде о формировании новых структур на местах. Первым делом были распущены приставы и местные старшины от старой власти[130].

Временный ЦК Союза горцев Северного Кавказа назначил Общегорский съезд на 1 мая 1917 года во Владикавказе. На нем собрались представители Дагестана, горской части Терской области (Назрановский, Нальчикский, Владикавказский, Грозненский, Веденский и Хасавюртовский округа), Ногайского участка Терской области, Кубанского Горского областного комитета и Кубанского Горского областного совета, исполнительных комитетов ногайцев и караногайцев Ставропольской губернии. Речь шла о территории, населенной горцами от Черного моря до Каспийского моря. Это удалось сделать впервые за всю историю существования народов Северного Кавказа[131].

Первый съезд горских народов Северного Кавказа был представлен депутатами от всех народов и народностей региона. Каждый депутат должен был избираться от 5 тысяч человек. В

случае, если такого количества по каким-то причинам не набиралось, разрешалось выбирать и от меньшего количества избирателей[132]. Право голоса предоставлялось представителям обоего пола, по достижении 20-летнего возраста[133]. То есть в избирательном вопросе горцы продвинулись дальше, чем некоторые европейские страны и США[134].

В сообщении о созыве Первого съезда горских народов Кавказа указывалось, что съезд должен закрепить будущее горцев на принципах «разумного демократического начала»[135].

Открыл съезд Б. Далгат[136], который и был председателем первого дня съезда. Он предоставил слово Б. Шаханову[137].

Съезд интересен своей политической составляющей. Все выступления на Первом съезде были выдержаны в контексте того, что революция в России дала возможность горцам исправить историческую ошибку и позволила самим определять свое будущее. Но будущее все выступающие видели только в рамках единого федеративного государства с Россией. Выборы ЦК Союза горцев и его решения стали первыми шагами к образованию самостоятельного, вне рамок Российского, государства.

В телеграмме на имя членов Временного правительства М.В. Родзянко, Г.Е. Львова и Н.С. Чхеидзе говорилось, что съезд представителей всех горских народов выражает свою поддержку новым властям в России и ждет от них построения демократического государства и заключения федеративного договора[138].

Съезд постановил избрать ЦК Союза объединенных горцев, который должен был стать постоянным органом претворения в жизнь идей и решений съезда. Председателем и тем самым первым его руководителем был назначен А.-М. Чермоев.

В резолюции съезда первым пунктом стоял вопрос о войне с Германией, указывалось на необходимость ее быстрейшего прекращения. Вторым пунктом утверждалась поддержка усилий Временного правительства. В пункте 6 предлагалось разрешить

горцам носить оружие на основе их традиций и обычаев. Также в резолюции подчеркивалась необходимость организации в крае народной милиции[139].

В политической части резолюции съезда говорилось, что он признает Союз объединенных горцев частью «Великого Российского государства». Однако новая российская государственность должна быть федеративной по своему политическому устройству[140].

Стоит также отметить, что это было совместное заседание Первого Горского съезда и Второго войскового круга терского казачества. По инициативе Терского казачества предлагалось обсудить территориальное объединение горцев и казаков в рамках единого Союза горцев и казаков. На совместном заседании Горский союз и терское казачество продекларировали решение изменить устройство Терской области и образовать единое территориальное объединение горцев и казаков[141]. Это способствовало бы снятию напряженности в отношениях горцев и казаков в пределах одного территориального образования. Горцы стремились вернуть себе обратно земли, отторгнутые у них в период российской колонизации Кавказа во второй половине XVIII – первой половине XIX века. Казаки же предполагали в рамках этого единого устройства остаться на тех же землях, на которых они были расселены в годы царской России. Однако события после съезда показали, что совместное проживание казаков и горцев будет проходить испытание временем. Практически с момента распада империи между казаками и горцами не прекращались столкновения из-за земельного вопроса.

Важным событием съезда 7 мая 1917 года стало принятие Конституции Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана[142]. Этот документ разъяснял принципиальные позиции, на которых Союз горцев предполагал создание государства на Северном Кавказе.

Съезд стал показательным. Горцы продемонстрировали, что смогли быстро и вовремя сорганизоваться и предложить свои варианты

устройства государства, образования, духовной жизни и аграрного сектора. Национальная элита северокавказских народов доказала свою политическую зрелость и умение решать задачи, возникающие на фоне наступающего всеобщего безвластия. Признаки беззакония начали проявляться и на Северном Кавказе. Чаще всего это было связано с действиями солдат, которые нападали на горцев под разными предлогами. Было решено направить на железнодорожные вокзалы, в города и станицы депутатов Совета рабочих и крестьян с целью изучения ситуации и обсуждения проблемы стычек горцев и солдат путем переговоров.

Пытаясь защитить языки народов Северного Кавказа от русификации, съезд рекомендовал всюду активнее использовать местные языки. Для этого планировалось провести реформу образования. Горцы уже тогда осознавали, что русский язык и так широко используется среди горцев и это может негативно влиять на сохранение местных языков. На основе доклада Саида Гаибова был рекомендован к рассмотрению проект, предусматривавший максимальное употребление родных языков народов Северного Кавказа. Предполагалось, что в начальных классах, где дети должны были учиться четыре года, образование должно вестись исключительно на родном языке. И только с третьего года предлагалось вводить арабский и русский языки. В высшей начальной школе, которая также была рассчитана на четыре года, образование велось опять же только на родном языке, но с первого же года вводился и тюркский язык. Для всех горцев Кавказа за основу должен был быть принят арабский алфавит с прибавлением лишь тех букв, которых нет в арабском алфавите, с непременным условием, чтобы одинаковые звуки в языках горцев обозначались одинаковыми начертаниями[143]. Таким образом, русский язык отодвигался на второй-третий план, и делалось это осознанно, чтобы ослабить влияние России на народы Северного Кавказа.

Съезд по праву можно назвать историческим не только потому, что он был первым, но и учитывая полноту его политического

содержания.

Итоги съезда свидетельствуют, что ни один деятель мусульманского духовенства не был избран ни членом, ни кандидатом в члены ЦК Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана. И это несмотря на то, что на съезде присутствовали известнейшие шейхи того времени из числа чеченцев и дагестанцев. Более того, Духовный совет мусульман Северного Кавказа, возглавляемый Наджмутдином Гоцинским, не был частью ЦК Союза объединенных горцев, это была исключительно самостоятельная организация, которая тем самым должна была зафиксировать светский подход к решению вопроса о Республике горцев. То есть фактически провозглашался принцип отделений религии от власти. Власть показывала свое желание быть свободной от давления со стороны мусульманского духовенства. Создание отдельного Духовного совета позволяло правительству оградить себя от вмешательства в его дела со стороны шейхов. При этом, разумеется, даже горская национальная элита не посмела бы отказаться от принципов шариата как судебного права, так как осознавала, что это важная особенность общественного развития горцев региона. Но наличие десятков духовных лиц из числа шейхов, имамов и кадиев не является показателем его религиозности. Делегаты выбирались по принципу доверия населения, и их выбор духовного лица, живущего среди них и вникавшего в их вопросы, был очевиден: эта фигура, по сути, заменяла все остальные институты. Однако Первый съезд точно не был мусульманским, в отличие от Андийского (внеочередного) съезда.

Съезд отметил, что «Союз Горцев Кавказа объединяет все горские племена Кавказа, а также ногайцев и туркменов, является членом Кавказского Мусульманского Союза… Сознавая себя нераздельной составной частью Великого Российского государства, горцы, как для общего блага их Родины России, так и для собственного их блага и счастья, в данный революционный период ставят во главе всех задач

упрочение завоеванных свобод и обеспечение свободного развития освобожденного от гнета государства...»[144]. Съезд поддержал проведение Учредительного собрания, которое и должно было решить судьбу страны. Предполагалось провести реформы местного самоуправления, не дожидаясь созыва Учредительного собрания, правовые и судебные реформы, изменить государственную структуру, особо было отмечено, что новое государство может быть только федеративным.

Таким образом, обозначив свои приоритеты, Союз горцев заявил, чего он ждет от Учредительного собрания. Примечательно, что на съезде даже не обсуждались проекты устройства вне федерации, где каждая часть федерации, по мнению участников съезда, будет полностью автономной. То есть данные требования, можно сказать, были ближе к варианту обустройства конфедерации.

Но мало было выразить свое мнение во Владикавказе, необходимо было заявить о своих целях и задачах и в Петрограде, разъяснить то, что происходило в регионе. Одним из документов, направленных в Петроград, была телеграмма от 20 мая 1917 года, подписанная А.-М. Чермоевым. Адресатом был выбран военный министр А.Ф. Керенский[145]. В телеграмме указывалось, что «Союз горцев Кавказа организовался исключительно в целях оказания поддержки Временному правительству в борьбе с анархией и реакцией, обеспечения спокойствия населения, подготовки его к Учредительному Собранию. Центральный Комитет объединенных горцев берет на себя ответственность за сохранение спокойствия и преданности делу свободы горского населения. Полная лояльность горцев и горячее желание идти рука об руку с русской демократией не подлежит сомнению»[146]. В телеграмме также указывается, что проходящие через регион воинские части совершают многочисленные выпады против горцев, что в будущем плохо отразится на взаимоотношениях, если центральное правительство не примет мер для предотвращения подобного рода эксцессов в

отношении мирного населения Северного Кавказа. Горцы тем самым вели разговор о регионе как о неотъемлемой части новой страны. Уход с этой политической платформы будет связан с действиями центральных властей осенью 1917 года, а не инициирован горцами.

Андийский (внеочередной) съезд (мусульманского духовенства региона) (август 1917 года)

Съезд должен был собраться на фоне осложняющихся отношений чеченцев и ингушей с казаками в Сунженском, Грозненском и Хасавюртовском округах. По всей области возникали конфликтные ситуации, требующие немедленного вмешательства со стороны членов ЦК Союза объединенных горцев Северного Кавказа. Города Северного Кавказа Хасавюрт, Грозный и станицы Сунженского округа – это неполный перечень мест, где происходили стычки горцев с казаками. По мнению Пшемахо Коцева, все лето и зима 1917/18 года прошли в перманентной войне и беспочвенном мире[147]. Хуже всего обстановка сложилась во Владикавказе. Именно здесь два расквартированных стрелковых полка 6 и 7 июля 1917 года «устроили погром ингушей, в ходе которого было убито более 26 человек, ранено до 15, избито много десятков и ограблено более ста человек и десятки домов: производилась облава на ингушей не только на улицах и базаре, но и по домам, которые солдаты грабили совместно с толпой жителей, не давая пощады даже детям. Людей убивали самым жестоким образом прикладами, штыками, каблуками, это выглядело форменным надругательством озверевших солдат над человеческой личностью: разбитые черепа, вывалившиеся мозги, обезображенные до неузнаваемости лица и мародерство. И, что ужаснее всего – полная безнаказанность виновников этого бесчеловечного погрома, так как город очутился во власти взбунтовавшейся разъяренной провокацией, опьяненной кровью и жаждущей наживы толпы хулиганов-солдат, совершенно вышедшей из повиновения военному начальству»[148].

Андийский съезд, по мнению членов Союза горцев Северного Кавказа, должен был продемонстрировать связь правительства

Союза горцев с населением отдаленных районов края. Каковым, безусловно, и является село Анди, расположенное на границе Чечни и Дагестана в ее горной части, добраться до которой можно было только со стороны Чечни. Именно в Чечню прибыли делегаты со всего Северного Кавказа, в том числе гости с Южного Кавказа[149] и представители кубанского казачества[150].

Выбор населенного пункта был неслучаен, он свидетельствовал о том, что большое внимание уделяется Дагестану, и, в частности, его горной части, которая в союзе с Чечней не раз успешно выступала против российской армии в XIX веке[151]. Можно было провести съезд в Темир-Хан-Шуре или в Ведено, однако решено было собраться в именно этом высокогорном районе. Но и здесь сложилась конфликтная ситуация, в особенности в горной части Чечни и Дагестана, требующая срочного вмешательства со стороны властей. Обострение было вызвано все теми же земельными претензиями чеченцев и андийцев друг к другу[152]. По мнению известного деятеля тех лет Тахо-Годи, выбор места также должен был ассоциироваться со временем имама Шамиля[153]. И наконец, один из видных религиозных деятелей Дагестана того периода М. Дибиров считал, что место было определено специально, чтобы избежать давления со стороны армии и отдельных партий через их сторонников[154]. Здесь также могло иметь место и желание провести съезд подальше от влияния казаков и сторонников царской России. Поэтому выбор именно Анди можно расценивать как стремление решить сразу несколько задач, в том числе и задачи примирения приграничного населения Чечни и Дагестана. То есть выбор этого отдаленного горного населенного пункта был выгоден как лидерам Союза горцев, так и духовенству, которое имело возможность быть в своем привычном кругу, в отличие от городской суеты Владикавказа, и социалистам, которые рассчитывали на поддержку населения, настаивая на передаче земли беднякам.

В организационный комитет по проведению съезда в Анди вошли председатель А.-М. Чермоев, его заместители Р. Капланов и П. Коцев, а также Б. Шаханов, Б. Далгат, Эльбуздоко Бритаев, Султан Каплан-Гирей, Муслимов, князь Нух-бек Тарковский, З. Темирханов, Махач Дахадаев, Алибек Тахо-Годи. Роль А.-М. Чермоева заключалась в организации и финансировании самого съезда. Вряд ли он мог предположить, что речь шла не о сотне делегатов, а о нескольких десятках тысяч людей, которые собрались в итоге в районе села Анди.

Есть отдельные недопонимания в исследованиях этого периода относительно самой даты проведения съезда в селе Анди. В воззвании к делегатам съезда, в их информационном сообщении от имени ЦК Союза горцев, которое распространялось для делегатов и гостей съезда, указывалось: «Центральный Комитет Союза Объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана совместно со своей дагестанской секцией просит Вас приехать в селение Анди Дагестанской области Андийского округа на 10 августа с. г. к 10 часам утра на обшегорский съезд представителей всего Северного Кавказа и Дагестана...»[155]

Здесь же указывалось, что транспорт для перевозки делегатов и гостей будет организован 7 августа из села Ведено. Обозначались ответственные за встречу гостей в чеченском горном селе Ведено, откуда гостей и делегатов должны были препроводить к месту съезда. Странным здесь является то, что обозначенная дата разнится со всеми другими датами. Участник и очевидец тех событий А. Тахо-Годи не указывает ни одной даты, отмечая только начало сентября[156]. Другой участник съезда, русский офицер Борис Кузнецов, служивший при князе Нух-беке Тарковском, пишет о 20 сентября 1917 года[157], что совершенно невероятно: ни по старому стилю, ни по новому исчислению. А. Авторханов указывает, что съезд состоялся 1 сентября, что немного ближе к истине в переводе на новый стиль[158]. Этих разночтений можно было бы избежать,

придерживайся исследователи историчности, так как новый стиль был введен с 1 февраля 1918 года и нет никакого смысла, говоря о 1917 годе, давать цифры по двум стилям. Таким образом, датой начала съезда в Анди следует считать 20 августа по старому стилю и 2 сентября 1917 года по новому стилю.

Делегаты, согласно Конституции Союза объединенных горцев, должны были избираться в соотношении 1 на 15 тысяч жителей региона. Предполагалось пригласить на съезд не только делегатов, но и по одному знатному или авторитетному человеку от каждого народа. Критерии выбора такого авторитетного лица были непонятны. Более того, предлагалось пригласить по одному человеку и от окружных комитетов[159].

На съезде 20 августа 1917 года в селе Анди Дагестанской области предполагалось вынести на повестку дня 8 вопросов[160]:

1) духовные дела мусульман;

2) организация народных сил для спасения революции от анархии и контрреволюции (народная милиция);

3) борьба с разбоями;

4) продовольственный вопрос;

5) организация советов крестьянских депутатов и земельных комитетов;

6) подготовка населения к выборам в Учредительное собрание (перепись);

7) тесное сближение с грузинским народом и ликвидация недоразумений между горцами и грузинами, живущими по соседству;

8) другие вопросы момента.

По большей части вопросы съезда были связаны с установлением власти на местах и подготовкой населения к выборам в Учредительное собрание, для чего необходимо было провести перепись местного населения. Не имея четко выраженной территории, новая власть на Северном Кавказе столкнулась с проблемами взаимоотношений с казаками и грузинами.

Предполагалось создать специальную комиссию для налаживания отношений с грузинами. Остро стоял вопрос о разбоях в пределах территории Союза горцев. Грабежи на железной дороге стали обычным явлением. Отношения казаков с ингушами и чеченцами по поводу несанкционированного отвода последними земель в свою собственность грозили перерасти в открытое военное противостояние. На местах все держалось фактически на авторитете того или иного влиятельного человека, но не было создано никаких институтов новой власти взамен распущенной. Это касалось и милиции. Поэтому на Андийский съезд возлагались определенные надежды по части создания вертикали власти.

Неожиданно для организаторов еще до начала работы горского съезда в Анди стали появляться слухи о том, что главной целью съезда станет избрание имамом Чечни и Дагестана Н. Гоцинского[161]. И эти слухи не заслуживали бы внимания, если бы не «подробности» о том, как якобы будут проходить выборы имама. Предполагалось, что в момент его избрания произойдет сверхъестественное явление и это станет доказательством правильности выбора нового имама[162].

Из-за слухов к месту проведения съезда стянулись тысячи и тысячи людей, желающих увидеть этот исторический момент. Только со стороны Чечни на холмах вокруг села осели до 5 тысяч чеченцев[163]. По словам очевидцев, к месту потянулись тысячи последователей ислама. Разумеется, ни сам шейх Узун-хаджи, ни Н. Гоцинский ничего такого не могли говорить или обещать. Все это было вызвано желанием видеть чудо, увидеть человека, наделенного выдающимися способностями, могущего изменить тяжелую ситуацию, которая сложилась в ходе Первой мировой войны и последовавшего развала Российской империи. Население верило в чудо и ждало его от Н. Гоцинского. К моменту начала съезда перевес духовенства был очевидным, не говоря уже о том, что ожидания людей были связаны только с выборами имама, а не с программой строительства государства.

По словам одного из участников грузинской делегации на съезде в Анди Шалвы Амиреджиби, общее количество людей, собравшихся в районе села, могло достигать 20 тысяч человек[164]. По его словам, это был не просто съезд, а настоящий эмоциональный взрыв народных масс. Ш. Амиреджиби поражался той атмосфере, которая сложилась в те дни в районе села Анди. Он был взбудоражен такой активностью масс, чего, по его словам, трудно было ожидать в Грузии.

Прибывший на съезд в Анди председатель ЦК Союза горцев А.-М. Чермоев, увидев реальную картину, попытался взять бразды правления в свои руки и не позволить посвятить съезд исключительно выборам духовного лидера. Хотя ему и передали функции председателя[165], съезд шел своим ходом, а вопрос избрания Н. Гоцинского имамом был явно вне компетенции А.-М. Чермоева. Повестка дня была изменена без согласования с А.-М. Чермоевым и другими членами ЦК Союза горцев еще до их приезда на место проведения съезда. Все руководство ЦК Союза горцев молча наблюдало, как власть плавно перетекла в руки шейхов (религиозных лидеров).

Выступающие представители духовенства призывали жителей края принять за основу законодательства шариат. Стоит отметить, что и руководство ЦК Союза горцев не имело ничего против признания шариата, считая, что его можно приспособить к демократическим идеям революции. И даже если нет – все равно на этом этапе развития не стоило задевать чувства верующих, уверенных, что только с введением шариата уйдет из общества несправедливость.

Однако съезд показал и внутренние разногласия между известными представителями духовенства Чечни и Дагестана. Ярыми противниками избрания имамом Гоцинского выступили чеченский мулла, теолог и суфийский шейх Сугаип-мулла Гайсумов и не менее популярный в народе чеченский шейх Дени Арсанов. Но соотношение сил было не в пользу тех, кто выступал против избрания Н. Гоцинского. Авторитет шейха Узун-хаджи Салтинского был непререкаемым. Своего авторитета он добился при имаме

Шамиле, будучи его верным мюридом. За неприятие власти в лице Российской империи он был сослан на каторгу в Сибирь, за свои взгляды пользовался уважением среди населения горной части Чечни и Дагестана. Шейх Узунхаджи все сделал, чтобы Н. Гоцинский был выбран имамом в Анди. Дело, по некоторым данным, дошло даже до рукоприкладства между Узун-хаджи и Сугаип-муллой[166]. Противостояние двух этих влиятельных фигур привело к тому, что спор об избрании имама принял ожесточенный характер и продолжился и после съезда. Именно в этой ситуации проявил себя А.-М. Чермоев, который в качестве компромисса призвал обе стороны конфликта признать избрание Н. Гоцинского духовным лидером мусульман Северного Кавказа, но заменить титул имама титулом муфтия Северного Кавказа. Н. Гоцинскому было не столь важно, как его будут называть, так как суть не менялась, он все равно считался духовным лидером всего региона, а не Дагестана или Чечни. Это решение должно было быть согласовано и подтверждено на следующем, Втором съезде Союза горцев, который был назначен на 20-е числа сентября 1917 года во Владикавказе.

На самом деле разница была большая, так как имам в системе мусульманского государства считался единоличным правителем, в то время как муфтий был всего лишь лидером мусульман, духовным лицом, но не правителем. То, чего добился шейх Узун-хаджи, который хотел провозгласить Гоцинского имамом, чтобы свести власть светскую на нет и установить исключительно мусульманское государство на основе шариатского права.

Конфликт между шейхами Сугаип-муллой и Узун-хаджи не был конфликтом чеченских и дагестанских шейхов, так как шейха Сугаип-муллу поддержали и дагестанские шейхи, в то время как позиция шейха Узун-хаджи была поддержана и чеченскими шейхами. Не стоит забывать, что и сам Сугаип-мулла Гайсумов был последователем суфийских шейхов аксайской линии, которые стали мюридами от Умалат-шейха, получившего свое право быть шейхом от Мохмада Ярагинского, основателя дагестанской ветви суфийской

школы накшбандийского тариката. А шейх Узун-хаджи свое право быть шейхом получил по линии Джемалдина Казикумыхского, а тот, в свою очередь, от того же шейха Мохмада Ярагинского[167]. То есть все они являлись шейхами одной, дагестанской ветви накшбандийского тариката. В данном случае, видимо, проявился факт личностной неприязни. Сугаип-мулла, будучи образованным человеком своей эпохи, хафизом, шейхом по линии накшбандии, хозяином одной из самых богатых библиотек мусульманских трудов на Северном Кавказе[168], имел при этом в Чечне репутацию человека с трудным характером. Считалось, что он способен одним словом оскорбить любого, невзирая на титул и пост своего собеседника. Здесь трудно не согласиться с мнением исследователя, д. и. н., профессора Х.М. Доного, детально исследовавшего жизнь и деятельность Н. Гоцинского: конфликт мог возникнуть из-за претензий самого Сугаип-муллы на этот пост[169]. И это согласуется с тем, что мы видим Сугаип-муллу на съездах горцев (во Владикавказе) и на съездах чеченцев в Чечне (Урус-Мартан, Гехи, Старые Атаги). Хотя в это время в Чечне были шейхи не менее популярные, чем он. К примеру, на съездах не было известного шейха Али Митаева, или шейха Юсуп-хаджи Кошкольдинского, не говоря уже о тех, кто мог бы представлять интересы мюридов кунтахаджинцев в Чечне[170]. В дальнейшем неприятие позиции шейха Узун-хаджи и Н. Гоцинского привело Сугаип-муллу в лагерь их противников, чем и поспешили воспользоваться политики, представлявшие интересы большевиков в Чечне.

Спор шейхов мог накалить атмосферу вокруг съезда до такой степени, что дело кончилось бы вооруженным противостоянием их мюридов. Это обстоятельство могло стать решающим для ЦК Союза горцев, решившего прервать съезд и тем самым разрядить ситуацию, распустив десятки тысяч людей по домам.

Съезд смог сконцентрироваться только на вопросе избрания духовного лидера Северного Кавказа. Хотя, как предполагалось,

съезд должен был принять ряд существенных постановлений. В итоге организаторы решили объявить, что он не состоялся ввиду того, что многие депутаты не смогли вовремя добраться до места назначения. В этом была доля правды, так как немало делегатов задержались в чеченском селе Ведено из-за отсутствия возможности выехать в Анди – не было средств передвижения. Один из участников тех событий, В.-Г. Джабагиев, отмечал позднее, что по сути съезд разделился на две части: те, кто готов был участвовать в съезде, выехали в район высокогорного озера Кезеной-Ам; те, кто был против придания съезду горцев исключительно религиозного характера, собрались в Ведено[171]. Именно вторая часть приняла решение, что съезда как такового не было и что необходимо провести Второй очередной съезд заново, уже во Владикавказе.

По этому поводу газета «Время» писала: «Съезд горцев Дагестана, Северного и Западного Кавказа не состоялся за неприбытием значительного числа делегатов, часть которых застряла в селе Ведено, за отсутствием перевозочных средств. Зато на границе Андийского округа собралось большое число чеченцев, около 5000 человек, среди которых прошел слух о выборах имама. К ним выехал председатель Аварского округа Наджмуддин Гоцинский, объяснил им современное положение дел, нужды горцев и планы съезда объединенных горцев. Как арабист, знаток шариата Н. Гоцинский был выбран Муфтием Чечни и Дагестана. На совещании в селе Анди, где присутствовало большое число духовенства, было постановлено ввести для всех дагестанцев в пределах Дагестана шариат, после чего члены совещания разъехались. Слухи о том, что совещание не было допущено членами, распространены неблагонамеренными людьми»[172]. Таким было официальное объяснение того, почему данное собрание не могло считаться полноправным съездом горцев Северного Кавказа[173] и в силу чего было решено созвать очередной съезд как можно скорее и на этот раз во Владикавказе.

Как бы то ни было, факт избрания Н. Гоцинского лидером мусульман Северного Кавказа остается неопровержимым, что и было подтверждено на следующем съезде горцев Северного Кавказа во Владикавказе. Победителем съезда в селе Анди в итоге оказался Н. Гоцинский, и в его лице – сторонники мусульманского направления в строительстве будущего государства горцев, которые добились закрепления за ним статуса мусульманского лидера. Но победителем можно считать и А.-М. Чермоева, за то, что ему удалось уговорить Н. Гоцинского отказаться от титула имама, который ставил бы его над Горским правительством. Таким образом, Андийский съезд стал своего рода состязанием сил, представляемых мусульманским духовенством, и сил, представляемых Горской республикой.

Определенную роль в противодействии планам Гоцинского и Узун-хаджи сыграл и молодой Г. Баммат, который сумел, по его словам[174], переубедить Наджмудина Гоцинского принимать титул имама. Данное заявление Г. Баммата странное, в силу того, что о его участии не говорят другие делегаты съезда. Более того, Г. Баммат утверждает, что на съезде не было даже П. Коцева, который якобы так и остался в Ведено с другими делегатами. Хотя об участии Коцева на съезде, говорят разные источники, в том числе и его участники[175].

С этого момента руководство Союза горцев уже внимательно относилось к тому, что может потерять власть, если не будет контролировать отдельных шейхов, способных увести за собой значительную часть общества под знамена ислама.

Съезд в Анди можно по праву считать съездом мусульманского духовенства Северного Кавказа, с оговоркой, что при этом присутствовало все руководство ЦК Союза горцев. Съезд в Анди призвал также повсеместно содействовать утверждению шариата. При этом не рассматривать его как Второй, очередной съезд было бы все-таки ошибкой, так как избрание духовного лидера Северного Кавказа было вопросом немаловажным для региона с преобладающим мусульманским населением. Съезд в Анди наглядно показал, какие политические силы готовы идти до конца в деле

независимости Северного Кавказа. И неудивительно, что именно мусульманские силы на Северном Кавказе стали первыми в деле требования полной независимости от России. По крайней мере мусульманская часть общества была сильна настолько, чтобы не вступать в союз с кем бы то ни было, и в первую очередь с Россией, не важно с какой – царской, демократической или большевистской.

Съезд должен был продемонстрировать, что племенное существование в новых условиях невозможно и необходимо стремиться к единению под началом ЦК Союза объединенных горцев. При этом ЦК исходил из необходимости соблюдать полную автономию того или иного племенного устройства не в ущерб единому образованию в рамках всего Северного Кавказа.

Это важный момент, так как отдельные исследователи утрируют роль мусульманского духовенства в регионе. Считают, что с момента организации сопротивления в период завоевания Северного Кавказа в XVIII–XIX веках ислам ведет здесь религиозную войну. Более того – якобы под руководством накшбандийского ордена, что является неверным, так как в Чечне многие события в этот период развивались под знаменем кадирийцев[176]. Много внимания уделяется также суфийскому компоненту. Американский исследователь Джон Даллоп, ссылаясь на Пола Хенза, не совсем корректно утверждает, что Узун-хаджи был самым влиятельным деятелем в этот период истории чеченцев и всего Северного Кавказа[177].

Очень трудно согласиться с такого рода утверждениями. Влияние Узун-хаджи было, бесспорно, сильным в горной части Чечни (и то не во всей, а только в тех районах, которые граничили с горной частью Дагестана) и высокогорном Дагестане, но никак не распространялось на территорию всего Северного Кавказа (Ингушетию, Кабарду, Осетию, Балкарию, Карачай и Черкесию). Западные исследователи чрезмерно увлекаются суфийскими традициями, считая, что за их таинственностью скрывается нечто большее, чем то, что зафиксировано в документах того периода. Забывая, что суфизм на

Северном Кавказе в XX веке отходит от мистического учения и является больше антропологическим явлением.

По мнению Х.-М. Доного, авторитет Н. Гоцинского после вторичного утверждения значительно вырос. Он становится все более и более популярным среди горского населения, с ним пытаются сблизиться военные и политические деятели, его привлекают для разрешения серьезных споров. Так, в конце октября 1917 года в Дагестан из Чечни прибыли делегаты с целью пригласить Наджмуддина Гоцинского к себе[178].

Таким образом, его избрание в Анди не было случайностью или реализацией идеи группы людей. Он заслуженно занял свое место в истории, что и подтвердил своими действиями вплоть до расстрела большевиками в 1925 году. Другое дело, что за скобками остается вопрос, а кем себя считал сам Н. Гоцинский. Дело в том, что в своих посланиях, опубликованных для мусульман, он подписывается по-разному. В одном из обращений он пишет, что он муфтий Северного Кавказа, в другом месте у него проявляются амбиции быть имамом не только Северного Кавказа и Дагестана: «Я, глава Шариата, повелеваю…» – и ставит подпись «Шариатский Глава Северного Кавказа, Дагестана и других губерний, и областей (Наджмудин)»[179]. Какие «другие» губернии и области он имеет в виду, если он был избран только для Северного Кавказа и Дагестана? Подразумевает ли он, что он лидер для всех мусульман, не только на Северном Кавказе, но и в целом на Кавказе? И наконец, признание за ним статуса имама на Третьем съезде представителей Дагестана 23–25 января, который также перерос из съезда народов в съезд мусульманской части населения. Все это позволяет говорить, что статус муфтия, на который ему приходилось в итоге соглашаться, идя на уступки исполкому, ему был не мил и он желал бы быть именно в статусе имама; что, по его мнению и по мнению шейха Узун-хаджи, подталкивавшего его к этому титулу, было важно зваться именно имамом. Видимо, они полагали, что данный титул каким-то образом позволил бы ему иметь больше власти. То есть речь идет о его

возможных амбициях и планах по воссозданию имамата горцев, наподобие имамата Шамиля в период Кавказской войны в XIX веке.

Также стоит учесть, что политическая элита из числа новоявленных революционеров все еще не могла понять того, что происходило в Петрограде, и продолжала возлагать надежды на Учредительное собрание, которое должно было решить судьбу страны. В то время как мусульманские лидеры знали, что время требует действий и они должны быть конкретными в условиях слабости новых властей в России.

Стоит учитывать и другое: светская власть в лице Союза горцев вновь, в очередной раз, убедилась, что она не вправе игнорировать духовенство. Мусульманское духовенство продемонстрировало свою силу, собрав на съезд в Анди десятки тысяч людей. А.-М. Чермоев и другие не могли не увидеть в этом сигнал для себя: мусульманское духовенство лучше иметь в союзниках, чем пытаться от него дистанцироваться.

Таким образом, с юридической точки зрения съезд, прошедший в Анди, не был как таковым съездом Союза горцев Северного Кавказа. Его следует считать съездом мусульман Северного Кавказа с участием представителей Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана. Как верно и то, что съезд проходил по словам Гайдара Баммата[180] не в самом селе Анди, а в районе чеченского озера Кезеной-Ам, где и разворачивались события, связанные с данным съездом мусульман Северного Кавказа и Дагестана. Он не считает правильным давать ему № 2 и напоминает, что Второй съезд Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана прошел во Владикавказе в сентябре 1917 года.

Второй съезд Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана

Второй съезд Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана во Владикавказе 21 сентября 1917 года должен был стать своего рода продолжением того, что происходило в Анди в 20-х числах августа 1917 года, поскольку не все были согласны считать августовский съезд Вторым съездом Союза горцев Северного Кавказа[181].

Делегатам едва хватило времени, чтобы добраться до Владикавказа после съезда в Анди. Состав участников также изменился. К примеру, делегация от Чечни пополнилась новыми лицами, которые должны были представлять интересы влиятельного на тот момент чеченского суфийского шейха А. Митаева. Его представителями были определены два делегата из числа жителей села Автуры: Бислан Вагабов и Нуни Абдул Каримов[182]. Именно этим объясняется отсутствие на столь важном съезде такой фигуры, как шейх Али Митаев.

Делегатам съезда была предложена немного иная повестка дня, несмотря на то что в Анди не был рассмотрен ни один из восьми пунктов, вынесенных на обсуждение. На этот раз предполагалось рассмотреть уже 12 вопросов, в том числе аграрный вопрос, о создании советов крестьянских депутатов, лесное дело[183]. Новым был и вопрос о включении в состав Горской республики Абхазии – тем самым в нее вошла бы часть Закавказья. Было решено пересмотреть конституцию, принятую на Первом майском съезде. После подачи заявления представителями абхазской делегации было решено изменить название на ЦК Союза объединенных горцев Северного Кавказа, Дагестана и Абхазии[184].

Ситуация накануне съезда быстро развивалась в сторону рассредоточения центральной власти, через многочисленные Советы на местах, что было проявлением признаков кризиса власти в целом

по всей стране. ЦК Союза горцев не смог занять достойное место в обществе. Все его внимание было нацелено на предотвращение всевозможных конфликтов в столь пестрой по своему составу Горской республике. Выжидательная позиция в отношении возможного созыва Учредительного собрания была также ошибочным решением и влекла за собой потерю времени. Но подобное было характерно практически для всех регионов на пространстве распавшейся Российской империи.

На фоне казачье-горского противостояния появился и очаг недопонимания с Закавказским революционным комитетом во главе с Евгением Гегечкори[185]. Временный Кавказский ревком без учета мнения северокавказских политиков принял одностороннее решение о включении в зону своих интересов всего Северного Кавказа. В ответе Г. Баммата, занимавшего на тот момент пост председателя Тифлисского мусульманского комитета, указывалось на недопустимость объединения двух частей Кавказа в силу нереальности создания единого пространства Закавказья и Северного Кавказа. На Северном Кавказе считали достоянием Февральской революции децентрализацию власти и вывод ее из административного подчинения Тифлису. Лидеры Южного Кавказа продолжали считать центром Кавказа Тифлис.

Передислокация частей Кавказского туземного корпуса в районы Горской республики могла бы стать гарантом и силой правительства горцев, найди они возможность с первых же минут задействовать их в качестве своих подразделений[186].

Съезд во Владикавказе начался с многочисленных пленарных заседаний, на которых чаще всего говорилось об анархии в области и об обострении отношений горцев с казаками. Хотя все выступающие призывали к дружбе и братству, на самом деле линия отчуждения между горцами и казаками становилась все отчетливее[187]. Неудивительно, что даже в период съезда особое место уделялось столкновениям казаков и горцев. Председателю ЦК

А.-М. Чермоеву пришлось объяснить, что все это можно предотвратить только при наличии власти на местах, а этого пока недоставало. Для того чтобы в будущем предотвратить такого рода случаи, предлагалось использовать части бывшей Дикой дивизии как силы, подчиненные ЦК Союза объединенных горцев[188]. Насколько это было серьезно, показывает тот факт, что председатель ЦК и одновременно председатель съезда А.-М. Чермоев был вынужден в спешном порядке посетить Хасавюрт, где начались столкновения горцев близлежащих чеченских сел и солдат, расквартированных в городе[189]. Вообще в течение всего периода от распада Российской империи до установления советской власти на Северном Кавказе, как правильно замечает П. Полян, остро стоял вопрос отношений чеченцев и ингушей с казаками: «Каковы бы ни были главные акторы Гражданской войны на Северном Кавказе – Терско-Казачье ли правительство Г. Бичерахова, Горское ли правительство Т. Чермоева – П. Коцева, Красная ли или Белая армия, или даже эмират Узуна-Хаджи, вайнахскоказачье противостояние неизменно считалось одной из главных пружин Гражданской войны в Терской области»[6].

То, что этот вопрос всегда оставался в центре внимания политиков тех времен, связано с тем, что если брать границы нынешнего Северного Кавказа, то три четверти всех казаков России приходилось на Северный Кавказ, из 13 казачьих войск три находились здесь, в том числе самое большое – Донское[190]. И их расселение на землях горцев не могло не вызвать обратной реакции, то есть попыток вытеснения казаков с земель горцев.

Незаслуженно обойден вниманием исследователей и факт изменения Конституции Союза горцев. Второй съезд постановил, что Союз горцев является автономной частью России, и это решение оставалось в силе до созыва Учредительного собрания. Организаторы пытались держаться в рамках умеренной политики[191] и не идти на конфликт с Временным правительством в

надежде, что их автономия будет признана Учредительным собранием. С докладом по вопросам федерации и автономии выступил даргинец Башир Далгат, который обосновал необходимость более широкой автономии для горцев Северного Кавказа. Это требование было, по его мнению, созвучно с планами Временного правительства, которое не препятствовало любой форме автономии в рамках России[192]. Лидеры мусульманской партии (А. Цаликов и Г. Баммат) считали автономию для мусульманских районов приоритетным делом[193].

Видимо, здесь стоит учесть изменение настроений среди горской политической элиты, которое стало заметнее на фоне событий на окраинах Российской империи: в Финляндии и в Польше. К примеру, уже летом сейм Финляндии в одностороннем порядке провозгласил свою независимость от России; окончательно она была признана большевиками полгода спустя. Временное правительство шло навстречу и полякам в создании Польского государства. Поэтому по мере поступления информации о процессах, происходящих на территории бывшей империи, горцы стали ориентироваться на большую автономию в составе России, чтобы не упустить возможность объявить о полной независимости.

Не менее остро перед депутатами стоял и вопрос о разбое. В крае без четко выраженной власти на местах наметился рост числе разбоев на дорогах и нападений на населенные пункты. По предложению А.-М. Чермоева съезд избрал Особую комиссию для выработки мер борьбы с грабежами. Делегаты констатировали, что дальнейшие попытки организации карательных экспедиций в горские округа при помощи солдат и пехотных частей могут спровоцировать массовые волнения горцев. Съезд поручил А.-М. Чермоеву возглавить Особую комиссию.

Причиной роста анархических настроений съезд посчитал полное отсутствие властей как в Веденском, так и в Хасавюртовском округах бывшей Терской области. Столкновения горцев и казаков происходили по всей области, и их интенсивность набирала

обороты[194]. Для срочного вмешательства и налаживания властных структур в этих округах также была создана специальная комиссия[195]. Стоит иметь в виду, что налеты случались на казачьи станицы, на железнодорожную ветку всегда в этой части Северного Кавказа. Именно эта проблема заставила в 1911 году руководство Терской области передать все дела, связанные с грабежами, разбоем и нападениями на казачьи станицы, в ведение Военно-окружного суда, чтобы такого рода уголовные разбирательства имели выход на смертную казнь[196]. Но неверно уделять чрезмерное внимание только Чечне или Ингушетии; к примеру, в Кабарде князь Докшукин вынужден был создать своего рода «летучий отряд», который оперативно реагировал на любого рода сигналы о нападении со стороны горцев. В Хасавюртовском округе проблема была также актуальна – горцам потворствовал полковник Котляровский, бывший начальник Хасавюртовского района. Примерно такая же картина наблюдалась и в Дагестанской области, и в Осетии, она не была характерна только для какой-то одной этнической группы.

Стоит заметить, что и на Первом, и на Андийском, и на Втором съезде горцев большой популярностью пользовался А.-М. Чермоев. Это выражалось и в том, что его выдвигали на все чрезвычайные посты, ему доверяли разные политические силы – от монархистов до большевиков, более того, его принимало и само общество.

Съезд также, уже второй раз за месяц, принял решение утвердить муфтием Северного Кавказа Н. Гоцинского, избранного на съезде в Анди в августе. Газеты того времени сообщали: «Алим Нажмуддин Гоцинский, так же как на Андийском съезде, был избран муфтием всех кавказских мусульман и на Владикавказском съезде Горских народов Кавказа»[197].

Это было сделано для того, чтобы не было слухов о нелегитимности его избрания. Такого рода слухи могли иметь почву, поскольку съезд в Анди не стал полноправным съездом горцев Северного Кавказа. Это был съезд представителей народов

Северного Кавказа[198], чего было недостаточно для избрания – даже на столь представительном форуме, каковым, безусловно, был съезд в Анди – лидера мусульман. С юридической стороны правильно, что это было сделано официальными властями, на официальном съезде, то есть духовное лицо было признано частью самой власти. Это важно, чтобы предотвратить возможный раскол среди мусульман Северного Кавказа в вопросе о его легитимности. Стоит отметить, что светская власть, назначая или выбирая духовного лидера, тем самым превращала его в часть и светского аппарата управления. Хотелось этого северокавказским политикам или нет, но в тот исторический момент они никак не могли игнорировать влияние мусульманского духовенства. Поэтому выбранный на съезде горцев в Анди духовный лидер должен был быть с этой властью и при власти. Никаких «отдельных» имамов власть Союза горцев Северного Кавказа не могла себе позволить, иначе это свидетельствовало бы о двоевластии в регионе. Таким образом, на Втором съезде горцев Северного Кавказа Н. Гоцинский был переизбран или, вернее, утвержден на посту лидера мусульман всего Северо-Кавказского региона именно в должности муфтия, а не имама.

Съезд во Владикавказе продемонстрировал, что ислам сопричастен власти, а не диктует ей условия и не пытается подменить ее. Мусульманское духовенство на Северном Кавказе было мощной силой, способной в корне изменить ситуацию в регионе. Другое дело, что и само мусульманское духовенство не совсем осознавало те процессы, которые происходили в момент развала Российской империи.

При этом ни Наджмутдин Гоцинский, ни противостоящие ему другие муллы и шейхи Северного Кавказа не стали членами ЦК Союза объединенных горцев Кавказа. Это должно было успокоить казачество Терской области и осетинских христиан и убедить их в том, что Горская республика не будет идти по пути исламского доминирования в политике.

Съезд рассмотрел и другие вопросы, в том числе финансовый. Все понимали, что Союз горцев пока существует на пожертвования известных северокавказских и мусульманских меценатов из Азербайджана. Необходимо было найти источник пополнения своего собственного бюджета.

На местах власть была намерена действовать посредством исполкомов, назначенных представителем Временного правительства в регионе М. Карауловым по рекомендации Союза горцев.

Таким образом, Второй съезд горцев Северного Кавказа, Дагестана и Абхазии был насыщенным по количеству рассмотренных вопросов и принятых решений. Он был если не более, то уж точно не менее важным, чем Первый съезд горцев Северного Кавказа и Дагестана, прошедший в мае 1917 года.

Казаки и Юго-Восточный союз (до конца 1917 года)

Отношения горцев и казаков в первые дни распада Российской империи носили выжидательный характер. Горцы рассчитывали возвратить свои земли, отнятые у них в период российской колонизации в XIX веке. Казаки, в свою очередь, надеялись, что не будет глобальных изменений, более того, рассчитывали на полное сохранение своих прав на землю в пределах Северного Кавказа.

Казаки являлись субэтносом, который изначально включал в себя представителей разных народов. Специфика казачества на окраинах Российской империи заключалась в неприятии им власти Московии. Своего рода бунт, отказ подчиняться русским царям и привел их первоначально на земли горцев. Но со временем именно те, кто бежал от царя, стали проводниками его воли на окраинах империи. Они стали со временем надежной опорой российской власти, так как получили землю и массу привилегий. В случае конфликта с горцами они должны были знать, что за них вступится царь. Таким образом, союз казаков и власти был обоюдно выгодным, что и делало его перспективным на долгие годы вперед.

Казаки, расселенные вдоль бывших военных линий в предгорьях Северного Кавказа, оказались в итоге на всех плодородных землях Предкавказья, а горцы были вытеснены в неблагоприятные для жизнедеятельности места. Казачий надел составлял от 8 до 23 десятин. И это притом, что чеченский надел имел в среднем 1,2 десятины, у кабардинцев и ингушей – 0,3 десятины, в горной Осетии – 0,4 десятины[199]. По словам известного политика революционных лет А. Шерипова, только в одной станице Червленной земли было больше, чем у всего чеченского народа[200].

Терское казачество могло при необходимости выставлять до 12 полков, не считая отдельных сотен, дивизионов и батарей, и четыре

команды, расквартированные в станицах Грозненская, Горячеводская, Прохладненская и Владикавказская. Таким образом, это была реальная сила, способная не только защитить себя, но и наносить чувствительные удары по горцам.

Горское руководство по мере обострения ситуации в регионе с первых же дней пыталось установить диалог с населением, требующим возврата своих исконных земель, занятых казаками.

Столкновения с горцами в 1917 году чаще всего провоцировались не столько казаками, сколько солдатами, отозванными с фронта. Солдаты, возбуждаемые слухами о возможных действиях против казаков, брали на себя инициативу и роль защитников казаков и начинали действия против горцев. Так было и в период зверских убийств ингушей во Владикавказе в июне 1917 года. После этого чеченцы напали на хутор Сорохтинский, а казаки станиц Карабулакской, Троицкой и Слепцовской в начале сентября набросились на ингушей, затем 6 сентября казаки убили ингушских делегатов съезда, ехавших из Владикавказа. В ответ ингуши совершили набег на станицу Фельдмаршальскую[201], а в сентябре было отмечено также нападение на Хасавюртовский округ.

Но были ли эти столкновения чисто межэтническими? Вот как описывает отдельные случаи конфронтации горцев и казаков начальник Туземного конного корпуса П.А. Половцев[202]: «Картина борьбы между ними получается такая. Обыкновенно в воскресенье казаки, подвыпив… выкатывают пушку и начинают угощать шрапнелью ингушские аулы, а затем мирно заваливаются спать. В понедельник ингуши проводят мобилизацию, переходят в энергичную контратаку на казаков, вторник идет война, а в среду заключается перемирие… В четверг происходят дипломатические переговоры, в пятницу заключается мир, в субботу разъезжаются после торжественных клятв… а в воскресенье вся история начинается вновь…»[203] В действительности мы имеем дело с перманентными вылазками всех против всех. И национальное здесь

использовалось как дополнительный фактор, но не как основное, доминирующе антагонистическое составляющее столкновений.

Попытки М. Караулова, как представителя Временного правительства в Терской области, объявить в области 15 ноября 1917 года военное положение мало что смогли изменить в сложившейся ситуации[204]. Для этого как минимум надо было иметь силы, способные привести данный приказ в действие, а таковыми он уже не располагал и мог опираться только на поддержку казаков.

Когда части казачьих полков были на фронте, любые поползновения со стороны горцев на возможное установление порядков, противоречащих тем, что были при Российской империи, рассматривались как часть возможных агрессивных планов с далеко идущими целями. Нужно отдать должное руководству горцев, и, в частности, ЦК Союза объединенных горцев, что они не рассматривали казаков в качестве потенциальных врагов. Более того, руководство в лице А.-М. Чермоева, П. Коцева, Р. Капланова, Н.-Б. Тарковского и других поддерживало порой и дружественные контакты с военными лидерами казачества и пыталось заручиться их поддержкой. Именно на них возлагались надежды по нахождению варианта мирного сосуществования горцев и казаков в пределах одного государственного устройства – союза горцев и казаков[205].

Практически руководство горцев находилось между двух огней: с одной стороны – горцы, с другой – казачество. Каждая из сторон считала себя вправе требовать от противоположной стороны уступок. Разгулу бандитизма способствовало и то, что одновременно со структурами, создаваемыми в регионе Союзом объединенных горцев, большевики пытались укоренить свои органы власти – Советы. Этот параллельный аппарат, представители которого обещали все, что хотели от них услышать горцы, вносил сумятицу.

Тем очевиднее становилась необходимость создания в этот сложный период более сильных структур в союзе с казаками. На конференции юго-восточных областей во Владикавказе 16–21 октября 1917 года было окончательно официально оформлено

образование «Юго-Восточного Союза казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей»[206].

Подписание данного договора стало политической победой сторонников тесного союза горцев и казаков со всеми народами Кавказа и Закавказья[207]. В противовес тем, кто считал казаков «контрреволюционными» силами. В договоре указывалось, что цель его подписания – «способствовать установлению наилучшего государственного строя, внешней безопасности и порядка в Государстве Российском… Достижение скорейшего учреждения Российской Демократической Федеративной Республики с признанием Членов Союза отдельными ее штатами…». Членами Союза были обозначены практически все национальности Северного Кавказа: все народы Дагестана (аварцы, даргинцы, кази-кумухи, кюринцы, кумыки, табасаранцы, лезгины и иные); все горские народы Терского края (кабардинцы, балкарцы, осетины, ингуши, чеченцы, кумыки и салатавцы); все терские народы Кубанского края (карачаевцы, абазинцы, черкесы, ногайцы и иные); абхазцы и степные народы Терского края (ногайцы и караногайцы) и Ставропольской губернии (ногайцы и туркмены), с одной стороны, и с другой стороны казачьи войска: войско Донское, войско Кубанское, войско Терское и войско Астраханское и примкнувший к войску Астраханскому калмыцкий народ[208]. Каждый член Союза должен был послать в состав Объединенного правительства по два человека (кроме Астраханского казачьего войска и калмыков, которые должны были представить по одному человеку). Временным центром функционирования Объединенного правительства объявлялся город Екатеринодар (ныне Краснодар).

Таким образом, речь идет об обширной территории от Дона до Главного Кавказского хребта, от Черного моря до степей Калмыкии и Каспийского моря. Например, только территория Кубанского казачьего войска в 1919 году была больше, чем Бельгия, Голландия и

Дания, вместе взятые[209]. Общее население данного Союза достигало 10,5 миллиона человек[210].

О присоединении к данному союзу 31 октября объявило и Уральское казачье войско[211]. В военном отношении речь шла о регионе, способном выставить свыше ста казачьих полков и с десяток полков из числа горцев. Таким образом, Союз становился весомой силой для Временного правительства в Петрограде.

Что касается целей вхождения Союза горцев в этот Союз, то в его обращении от 9 декабря 1917 года по этому поводу отмечалось: «Сохраняя полную свободу в отношении внутренней жизни Союза и не связывая себя никакими политическими обязательствами, способными затормозить политические задачи Союза, Центральный Комитет таким путем достигнет значительного увеличения своей помощи, поднятия материального благосостояния и возможности внутреннего строительства… Установление живой связи и взаимной поддержки народов, населенных от Дона до Закавказья, обеспечивает порядок и правильный товарообмен по линии железной дороги и открывает широкие пути для разрешения финансовых проблем, принимающих весьма тяжкий характер, после фактического разрыва с Петроградом и со всем Севером»[212].

Таким образом, данный Союз рассматривался горцами как шаг к расширению своего влияния на Кавказе, это позволило бы им иметь большую материальную базу в достижении своих политических и экономических задач.

Но наряду с плюсами подобный Союз имел слабую сторону – разнородность; она таилась именно в расширенном варианте Союза горцев и казаков. Не столько национальная разнородность, сколько приверженность к различным политическим партиям, имевшим порой диаметрально противоположные взгляды на устройство Российского государства. Фактически внутри Союза столкнулись две совершенно разные политические силы: монархисты и сторонники

широкой автономии в составе новой, как они рассчитывали, демократической России.

Одновременно данный Союз рассматривался горцами и как возможный вариант для предотвращения столкновений чеченцев и ингушей с терскими казаками. Хотя и те и другие понимали, будучи реалистами, что это будет трудно сделать. Процессы дезинтеграции в Чечне, Ингушетии и в Хасавюрте вели к неизбежности таких столкновений.

28 ноября 1917 года была опубликована Декларация о создании объединенного правительства Юго-Восточного союза казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей[213]. В декларации указывалось, что «на территории Юго-Восточного Союза Объединенное правительство ставит своей первейшей задачей борьбу с анархией, насилиями, восстановление и сохранение завоеванных революцией свобод и укрепление нормальных условий общественно-политической жизни, обеспечивающих всем гражданам свободное и непринужденное изъявление своей воли, дабы явилась полная возможность создать опирающуюся на все здоровые слои станичного, сельского и городского населения краевую и союзную власть в началах национально-территориального представительства»[214].

При этом вновь и вновь указывалось на приверженность единой России в рамках федеративного государства: «Признавая Демократическую Федеративную Республику наилучшей формой государственного устройства России, Юго-Восточный Союз в своей практической деятельности будет держаться линии поведения, свойственной сторонникам федеративной формы правления. Гарантируя своим членам полную независимость внутренней жизни, Союз обязуется содействовать им всеми союзными средствами в подготовке их внутреннего устройства как самостоятельных штатов будущей Российской Демократической Федеративной Республики»[215].

Для того чтобы объяснить цели и задачи вступления в Юго-Восточный союз, 9 декабря 1917 года ЦК Союза объединенных горцев Кавказа выступил с обращением ко всем народам Кавказа. В нем говорилось, что вступление в ЮВС обеспечит не только улучшение материального положения горцев Кавказа, но и позволит облегчить «почти непосильную, в случае разъединения общих сил, борьбу с контрреволюцией и анархистскими выступлениями дезорганизованных солдатских масс»[216]. Здесь впервые ЦК Союза горцев упоминает проблему солдат, которые стали для него головной болью.

Октябрьские события в Петрограде не нашли какого-либо отклика в документах Союза, однако заставили его лидеров искать сторонников для противодействия большевикам[217], для обуздания хаоса в регионе. После долгих консультаций в ноябре 1917 года А.-М. Чермоеву и М. Караулову удалось заключить союз между Горским правительством Союза объединенных горцев и Войсковым правительством Терского казачьего войска, а 1 декабря 1917 года подписать документ о создании объединенного Терско-Дагестанского правительства[218]. Союз объединенных горцев искал всевозможные пути для продвижения своей главной цели – автономии для народов Северного Кавказа и Дагестана[219]. Имелась в виду автономия в рамках новой России, которой, по их мнению, могла стать бывшая империя после Учредительного собрания. Ожидания, связанные с Учредительным собранием, объяснялись желанием не выходить за рамки права.

Трудно определить, кто был главой правительства вновь образуемого Союза, потому что два первых лица – Р. Капланов и М. Караулов – занимали в нем посты министров. По всей вероятности, и глава терского казачества М. Караулов, и глава Горского правительства Р. Капланов вместе председательствовали в объединенном правительстве. Представитель горцев Рашидхан Капланов подписывался как комиссар по внешним сношениям

Терско-Дагестанского правительства (МИД). Терско-Дагестанское правительство состояло из 12 министров: министром МВД был назначен П. Коцев, министром финансов М. Караулов, министром обороны генерал Мирасадбек Талышханов, народного просвещения – Валентин Абрамов, продовольствия – Ахмед Дударов, торговли и промышленности – Асланбек Бутаев, контроля – Висан-Гирей Джабагиев, управляющим делами был К. Черкезов, он же – министр труда и т. д.[220]

Однако убийство взбунтовавшимися солдатами 13 декабря М. Караулова на станции Прохладная[221] только ускорило смерть новорожденного правительства, которому было суждено просуществовать всего три месяца. Этим убийством был разрушен мост, связывавший казаков с горцами. М. Караулова обвинили в уступках горцам, что на тот момент расценивалось как предательство интересов казачества[222].

Хотя правительство просуществовало недолго, оно успело выпустить денежные знаки, которые ценились наравне с керенскими, а те, в свою очередь, уступали только николаевским. Они были в ходу вплоть до ухода с Северного Кавказа армии Деникина, то есть денежные знаки ненадолго пережили само правительство. Смена власти на Северном Кавказе в пользу большевиков уже в марте привела к тому, что деньги, выпущенные Терско-Да гестанским правительством, изымались и заменялись советскими денежными знаками[223]. Тот факт, что Горское правительство не сумело создать свою валюту, будучи у власти в регионе, стоит отнести к ее слабым сторонам. Даже эмиратство Узун-хаджи в 1919 году пыталось за краткий срок ввести свои денежные знаки и тем самым избавить свое государственное устройство от недостатка денежных сумм. Горское правительство полностью исходило из тех сумм, что выдавались ему в помощь Азербайджанской Республикой и Грузией. И это несмотря на то, что в крае был сильный дефицит денег. Некоторые банки, например Азово-Донской банк, пытаясь хоть как-то

сбить этот кризис, вынуждены были выпускать свои собственные боны, которые принимались населением с доверием, хотя некоторые из них были даже без печатей, а только за подписью выпускающих банков[224]. То есть это не был вопрос технического характера: Горскому правительству не хватило политической решимости в столь трудный и судьбоносный период времени.

Данный проект считался немцами настолько удачным, что они летом 1918 года даже рассчитывали реанимировать этот союз, считая его выходом из ситуации, когда на постимперском пространстве возникли многочисленные образования, которые к тому же имели взаимные претензии, то есть заставить их выступить единым фронтом можно было только под единым флагом. В августе 1918 года, будучи в Киеве, представитель Горского правительства П. Коцев застал здесь же и делегации кубанского и донского казачеств, однако и под контролем немецкого командования они не могли согласовать свои цели; при этом Германия требовала восстановления союза как можно скорее[225]. То есть в Берлине проект Юго-Восточного союза не считали окончательно похороненным.

Негорские народы (ногайцы и горские евреи) в рамках Союза горцев

Судьба степных народов Северного Кавказа на протяжении нескольких веков была тесно переплетена с судьбой горцев. По первой и последней переписи Российской империи 1897 года только в Ставропольской губернии насчитывалось 19 тысяч туркмен и 18 тысяч ногайцев и еще несколько тысяч караногайцев в Терской области[226]. Больше половины из них жили, ведя кочевой образ жизни, в степях Ставропольской губернии. В тисках оседлых соседей на столь небольшой территории они вели жизнь на грани физического выживания.

Исторически соседствуя с горцами, они, по сути, являлись своего рода их частью на равнине. Суровые горы и не менее суровые степи составляли единый ландшафт региона. Никто не отделял ногайца от кумыка, балкарца, карачаевца: все тюрки были не просто близкими и родственными для горцев народами, они являлись непосредственной частью местного населения. В этом есть уникальность ситуации и отличие, к примеру, от казаков, которые, даже живя в предгорье и иногда в горах, все равно не воспринимались горцами как люди гор и уж тем более как близкий народ. Последние несколько веков история горца и степного ногайца была историей совместного проживания, взаимного обогащения и доверия друг к другу. То есть закономерно, что уже Первый съезд горцев во Владикавказе в мае 1917 года ввел в состав всех образуемых ими органов представителей народов, населяющие степную часть Северного Кавказа.

Решения съезда о праве собственности на землю и перераспределении ее среди малоземельных было встречено ногайцами, как и другими представителями Северного Кавказа, с энтузиазмом.

Ногайцам приходилось учитывать разделенность своего этноса на территории от Каспийского моря до земель Причерноморья, что делало необходимым участие не только в создаваемых институтах Горской республики, но и в институтах, создаваемых на Кубани казачеством[227]. К примеру, от горцев Баталпашинского отдела в состав Законодательной рады вошел ногаец Султан Шахим Гирей. Фактически он представлял туркмен. Подобная разделенность (между Кубанской радой и Горским правительством) была также характерна и для закубанских черкесов. Кабардинцы были представлены в составе Горского правительства, в то время как закубанские черкесы имели своего представителя в казачьих структурах правительства Кубани. Это наглядно показывает, насколько слабы были позиции горцев и Горского правительства, не сумевшего добиться объединения под своим патронажем всех народов, населявших край. Но в этот период Союз горцев на большее претендовать не мог.

Реальность была такова, что привлечение в Союз горцев, тех жителей гор и степей, кто жил в районах кубанских казаков, могло вызвать военное противостояние, что никак не входило в задачу только что организованных во Владикавказе новых структур.

Было закреплено и участие ногайцев в парламенте Горской республики – Союзном совета. В постановлении о созыве Временного союзного совета от 11 декабря 1917 года указывалось на представительство от ногайцев: «Создать особый временный союзный Совет из представителей окружных или народных комитетов, или советов последующей схеме: чеченцев – 5, осетин и кабардинцев – по 3, ногайцев и туркмен, кумыков, балкарцев и ингушей – по 2, а всего по Терской области и Ставропольской – 19, столько же и от Дагестанской области»[228]. Как видно изданного постановления, ногайцы и туркмены получили равнозначное представительство с другими горскими народами Северного Кавказа. Таким образом, ногайцы и другие степные народы в их лице принимали активное участие в различных структурах, создаваемых в

эти годы на Северном Кавказе, и пытались достойно представлять и защищать свои интересы на фоне развала Российской империи[229].

То, что Горская республика имела виды на союз с ногайцами, было подтверждено и провозглашением ее в мае 1918 года независимой от России. Горская республика, по замыслу ее создателей, распространяла свою государственную власть «на всю территорию Дагестанской области, на шесть горских округов и караногайский участок Терской области, а также территории ногайцев и туркмен Ставропольского края»[230].

Территориально ногайский вопрос решился совместно северокавказцами и А. Деникиным в период оккупации Белой армией территории Горской республики в 1919 году. В июне 1919 года Терское казачество во главе с атаманом генералом Г. Вдовенко принимает решение о включении всех земель караногайцев в общевойсковой казачий фонд. Был образован Караногайский участок, подчиненный атаману Кизлярского отдела, отдан приказ послать в ставку Терекли-Мектеб делегацию от Малого войскового круга и войскового правительства для закрепления этого события[231].

Однако неправильно считать, что не было ногайцев, поддерживавших идеи большевиков. Как можно было игнорировать силу, которая обещала то, чего так критически не хватало, – землю? Хотя называть ногайцев «опорой Советской власти в регионе» также было бы некорректно[232]. Тем более на фоне пребывания ногайцев, как и представителей всех других народов Северного Кавказа, в рядах армии, подконтрольной генералу А. Деникину[233].

Горские евреи в отличие от ногайцев и туркмен, в силу ряда политических причин оказавшихся отрезанными от горцев Северного Кавказа казачьими формированиями, проживали внутри территориального образования Союза горцев Северного Кавказа. Тем не менее вопрос участия в Союзе еврейской общины Северного

Кавказа в период развала Российской империи и до момента установления советской власти в регионе в 1920 году остается для исследователей открытым. Как и все народы, проживавшие на Кавказе, горские евреи были нацелены на объединение своих разрозненных по всему Кавказу общин[234]. Они осознавали, что им стоит представить Учредительному собранию и свои проблемы. И для этого лучше всего было бы иметь какую-то централизованную организацию. Проблема заключалась в том, что горские евреи также были неоднородны: таты-мусульмане в Азербайджане и таты-иудеи в Дагестане, горские евреи Нальчика и Ставрополья, ашкенази Грузии и Азербайджана и т. д.[235]

В мае 1917 года в Хасавюрте по инициативе известного этнографа и исследователя горских евреев Ильи Анисимова было созвано совещание по подготовке Всекавказского съезда горских евреев. В организационном собрании приняли участие делегаты от шести общин: двое из Грозного – И. Анисимов – инициатор и председатель – и Шамай Шаулов; трое из Кубы – раввин Ицхак Рафаэлов, Симанду Симандуев и Асаф Пинхасов; двое из Дербента – Юшва Меирович, секретарь совещания, и раввин Рафаэль Мушаилов; из Темир-Хан-Шуры – Гершон Бабаев; из Петровска – Захай Худайнатов; из Хасавюрта – раввин Сасон Шаулов и Манувак Анисимов[236]. На совещании было решено собрать съезд 15 июня 1917 года в Дербенте; повестка дня – выборы руководящих органов, принятие декларации о признании Временного правительства и выражения доверия Совету рабочих и солдатских депутатов в Петрограде.

На съезде в Дербенте в назначенный день собрались около 100 делегатов, которые на протяжении 10 дней шаг за шагом принимали единые для всех горских евреев региона решения. Самым главным решением съезда стало признание факта, что горские евреи являются неотъемлемой частью всех евреев России. Другим пунктом было решено создать горско-еврейские комитеты, издавать газету на языке горских евреев.

Примечательно, что с самого начала своей политической деятельности большевики пользовались симпатией со стороны горских евреев, поскольку обещали обеспечить мир и законность. Именно этого и хотели горские евреи, боявшиеся разгула анархии и понимавшие, что могут стать объектом для нападений. Поэтому неудивительно, что среди первых большевиков на Северном Кавказе мы видим многих из числа тех, кто ассоциировал себя с горским еврейством. К примеру, Ной (Самуил) Буачидзе, один из руководителей Дербентского Совета Ихил Мататов, участники защиты Нальчика от Белой гвардии[237]. По информации Краткой еврейской энциклопедии, около 70 % красногвардейцев в Дагестане были из числа горских евреев[238]. Это также служило поводом для нападений на горских евреев, якобы настроенных пробольшевистски. По своим традициям и укладу жизни они были близки к горцам, но выбор в пользу большевиков сделал их мишенью для нападений со стороны горцев. В отличие от бакинских евреев[239], которые были официально признаны как национальное меньшинство (доктор А. Бушман был членом парламента[240]) и придерживались разных политических течений (были представители и большевистского крыла[241]), издавали свои газеты и журналы, ошибочно можно решить, что евреи на Северном Кавказе были представлены только в партии большевиков. И что горские евреи остались как бы вне зоны интереса со стороны Союза горцев, не были задействованы в их местных органах и это определило выбор евреев в пользу коммунистов. На самом деле горские евреи на Северном Кавказе были частью горского сообщества. И нет ничего особенного в том, что, будучи маленькой по численности группой, они искали свое место. После первичных организационных съездов представителей национальных советов Дербента, Темир-Хан-Шуры, Шамиль-Калы и других населенных мест, где компактно проживали горские евреи, было решено провести 13 января 1918 года в Темир-Хан-Шуре Первый объединенный съезд представителей горских и

европейских евреев Дагестана[242]. От Дербента и близлежащих сел было выдвинуто 12 депутатов, от Шамиль-Калы и Темир-Хан-Шуры – по 9 депутатов. Были на съезде и представители таких организаций, как Сионистская фракция «Цейри-Цион» (Кукулиев от темир-ханшуринской секции и Алхазов – от шамиль-калинской). Необычность съезда заключалась лишь в том, что европейские евреи выступали совместно с горскими евреями как туземцы. Председательствовал на съезде доктор Янкелевич, который рассказал о встрече с председателем правительства Горской республики П. Коцевым, у которого он заручился поддержкой и пониманием необходимости защиты интересов национальных меньшинств. Более того, на съезде было высказано неодобрение игнорирования прав национальных меньшинств в представительстве всеобластного съезда Дагестана. Было решено избрать в области Национальный совет, а для постоянной работы собрать центральный исполнительный комитет в составе шести человек (Янкелевич, инженер Зильбершмидт, Радовильский, агроном Шур, Мушаилов и Осипов), который обязан был всегда находиться в контакте с властью, поэтому для исполкома предлагалось найти помещение там же, где располагалась власть, то есть в Темир-Хан-Шуре[243].

Таким образом, на съезде евреи обсуждали те же проблемы, что и другие народы Северного Кавказа. Они не считали свое положение уникальным или вызывающим обеспокоенность. Они понимали, что являются частью сообщества горцев, и пытались добиться большего представительства в их структурах, чтобы быть не наблюдателями, а участниками тех событий, что происходили в регионе.

Вопросы, с кем пойти и кто будет защищать их интересы, вставали и перед всей еврейской общиной. Именно с этой целью 8 августа 1919 года генерала А. Деникина посетила еврейская делегация, представлявшая различные территории бывшей Российской империи[244]. Делегация в составе М.С. Брука (представитель общины Екатеринославля), Л.В. Виленского (президента Харьковского

еврейского сообщества), доктора З. Голденберга (делегированного от ростовских евреев), И.А. Эвинсона (вицепрезидента еврейской коммуны Таганрога) пыталась заполучить из первых уст видение еврейского вопроса одним из главных персонажей Юга России. Но, в отличие от адмирала Колчака, выпустившего декларацию о защите евреев, генерал А. Деникин отказался это сделать, заявив, что, возможно, сделает это, но не сейчас и не здесь. Встреча явно не укрепила еврейскую общину в вере власти в лице генерала А. Деникина. А факт, что такую поддержку оказал адмирал Колчак, свидетельствует, что у Белой гвардии не было единого подхода к данному опросу, поэтому нельзя однозначно сказать ни об антиеврейских, ни о проеврейских настроениях руководителей Белой России.

Отдельные исследователи заявляют, что у евреев не было альтернативы. По мнению О. Будницкого, «выбор между красными и белыми постепенно превратился для евреев в выбор между жизнью и смертью. Неудивительно, что они предпочли первое»[245]. Вряд ли стоит быть таким категоричным. Тем более говорить о предпочтениях целой этнической группы. Выбор у каждого был индивидуальным, и порой он диктовался прагматизмом и не был оттенен национальным колоритом[246]. Может быть, эта проблема была очевидна в каких-то других регионах бывшей Российской империи, но на Северном Кавказе мы видим иную картину. В любом случае изучение истории горских евреев на Северном Кавказе достойно отдельного и тщательного исследования, без идеологических и националистических подходов. Такого рода исследование только дополнит историю народов Северного Кавказа и, бесспорно, обогатит ее.

Позиция и роль большевиков на Северном Кавказе (1917)

По мере изменения ситуации в России после Февральской революции 1917 года на Северном Кавказе политическая элита горцев пыталась добиться для себя, своего региона как можно больше местной автономии в рамках единого федеративного Российского государства[247]. На первом этапе, до Октябрьской революции 1917 года, мало кто считал возможным отдельное существование Кавказа вне рамок Российского государства. Горцы призывали Временное правительство (которому высказывали свое доверие на переходном этапе) сформировать федеративное государство: «Для отстаивания в Учредительном собрании принципов федеративной республики… требуется единение всех горцев…»[248] Представителями этой линии, обозначившими свои планы политического устройства в форме федерации, стали Б. Шаханов, А.-М.Чермоев, Р. Капланов, В.-Г. Джабагиев и др.[249] Сама политическая программа Союза горцев Северного Кавказа предполагала установление федеративной демократической республики с как можно большей автономией для народов, которые ранее входили в состав Российской империи. Каждое государственное образование, провозглашенное в результате ослабления центральной власти, предполагало схему независимых штатов[250] в составе страны с единым управлением и координацией наиболее важных вопросов[251].

С февраля по октябрь 1917 года на пространстве бывшей Российской империи легализовались многочисленные политические партии, союзы и организации, которые по-разному видели будущее страны. До октября 1917 года на всевозможных съездах, проводимых в регионе, мы наблюдаем многочисленные переплетения идей и фигур.

Захват большевиками органов власти в ноябре 1917 года[252] и низложение Временного правительства, на которое горцы возлагали большие надежды в свете многих вопросов, вынесенных на Учредительное собрание, многое изменили. Большевики, распустив Временное правительство, организовали, по сути, классический государственный переворот, выступили против всех. Действия большевиков стали причиной того, что их политические оппоненты на Кавказе сочли возможным изменить свои намерения жить в обновленном Российском государстве и стали требовать образования независимых от Петрограда государств в регионах[253].

На Северном Кавказе Временное правительство держало большие воинские силы. Это также послужило причиной проигрыша большевиков в первые дни Октябрьского переворота в Петрограде. По призыву питерских большевиков местные их приверженцы должны были захватить почту, вокзалы и телеграф[254]. Но эту попытку сорвали воинские части, которые были верны кому угодно, но уж точно не большевикам. Не приходится говорить о каком-то серьезном влиянии большевизма на Северном Кавказе. Тем более что накануне переворота большевиков в России был сформирован новый Юго-Восточный союз, который позволял сконцентрировать раздробленные силы перед натиском большевиков[255].

Органами власти (Временного правительства) на местах были исполкомы. Ни в одном из местных исполкомов большевики не имели ни власти, ни влияния. В Кабарде и в Балкарии комиссаром, то есть представителем власти Временного правительства, был князь Г. Чежоков[256], в Осетии – С. Такоев, в Ингушетии – М. Джабагиев, в Чечне – Т. Эльдарханов, в Хасавюртовском округе – Р. Капланов, в Веденском – полковник А. Адуев, в Грозненском – присяжный Ильин[257]. При комиссарах округа действовали исполкомы и местная милиция.

Советская историография сильно преувеличивала влияние северокавказских событий на исход общероссийской борьбы, что

было связано с канонизацией таких фигур, как С.М. Киров и Г.К. Орджоникидзе[258]. На самом деле мало кто знал о них, мало кому они были интересны, так как организация большевиков во Владикавказе к маю 1917 года насчитывала всего шесть человек[259]. И это притом, что С. Киров находился во Владикавказе с 1909 года, уже имея за плечами три ареста за революционную деятельность. Однако во Владикавказе ему удалось собрать вокруг себя лишь несколько человек, среди которых не было ни одного представителя коренных народов. Стоит критически подходить к тем или иным воспоминаниям советских деятелей на Северном Кавказе, писавшим их в период существования СССР. На самом деле вопрос о возможном союзе с большевиками был для горцев интересен в контексте их предложений о земле. Неудивительно, что большевики делали упор именно на решении этого вопроса. Еще до Октябрьской революции местные лидеры из рядов интеллигенции ставили этот вопрос как основополагающий. Но горская интеллигенция не спешила решать этот вопрос путем жесткого изъятия земли у казаков и крупных землевладельцев. Большевики осознавали, что казаки на данном этапе не могут стать им опорой в вопросе установления власти в регионе, и сделали ставку на Союз горцев. Союз предлагал отобрать землю и перераспределить ее в пользу малоимущих горцев.

В свои местные лидеры большевики по возможности пытались выдвинуть тех, кто хоть как-то был связан с элитой. То есть это должен был быть человек, способный возыметь хоть какое-то влияние на людей. Большевик аварец Магомед-Мирза Хизроев находился в родстве с наибом имама Шамиля Хаджи-Муратом. Кабардинец Бетал Калмыков принадлежал роду, который, по сведениям словаря Брокгауза и Ефрона, происходил от кабардинской княжны, выданной замуж за калмыцкого хана. Аварец Магомет-Али Дахадаев по прозвищу Махач был женат на внучке

имама Шамиля. Ногаец Магомет-Гирей Мансуров – один из многочисленных потомков легендарного мирзы Эдиге[260].

В противоположном лагере в первые годы распада Российской империи была широко представлена религиозная элита: шейх Узун-хаджи, шейх Н. Гоцинский, шейх А. Акушинский. Однако и здесь были исключения в лице представителей деловой элиты и интеллигенции, хоть и малочисленной. Например, А.-М. Чермоев из числа формирующейся торговой верхушки чеченского общества, начинающий писатель А. Шерипов, врач И. Шаков, агроном В.-Г. Джабагиев и т. д. Объяснялось это тем, что этим людям было легче выдвинуться в лидеры благодаря их происхождению, авторитету предков. Для людей было важно знать, что лидер из благородной семьи или из семьи, которая успела уже зарекомендовать себя какими-то позитивными делами.

В большевизм люди приходили по-разному, кто-то искренне веря, что такая идея способна обеспечить равенство, кто-то – ввиду разногласий. К примеру, А. Шерипов был противником исламского государства. Именно поэтому он ушел от социалистов из Союза горцев Северного Кавказа и примкнул к большевикам.

На самом деле большевистская идеология на Северном Кавказе была явлением позднего времени. Политическая организация большевиков начала формироваться практически только в период существования Временного правительства. И по примеру самоорганизации горцев в Союз горцев Северного Кавказа и Дагестана большевики, командированные в этот край, предпринимают действия для упрочения своих позиций в этой части Кавказа. С. Киров, А. Микоян, С. Орджоникидзе, Н. Буачидзе[261] смогли за короткий исторический отрезок времени создать базу большевиков из числа представителей коренных народов региона (1918–1920).

Большевики получили в свое распоряжение многочисленное оружие и боеприпасы, за счет чего удалось в самое короткое время только в одном Северо-Кавказском военном округе собрать до 75

тысяч вооруженных людей[262]. Но оставалась проблема военных кадров, именно по этой причине на первых порах массово привлекались те, кого считали монархистами. Но других не было. Выбор был ограничен. И, приближая к себе того или иного бывшего офицера Российской империи, большевики, разумеется, рисковали[263].

Любой союз большевиков в регионе с кем бы то ни было был для них явлением вынужденным. Не в них нуждались, а именно они нуждались. Для того чтобы создать себе платформу, базу для дальнейшей работы, они, будучи по сути атеистами, согласны были временно снять этот тезис.

Говорить о большевизме на Северном Кавказе до 1919 года можно с большой натяжкой, и то как об элементе совершенно неместном, импортированном из России. Единичные случаи присутствия большевиков в регионе свидетельствуют о трудностях, которые они испытывали в деле создания каких-либо организаций из представителей местного населения.

Отставка А.-М. Чермоева. Трансформация ЦК Союза объединенных горцев в правительство

Победа советской власти в Петрограде в октябре 1917 г. прервала мирный процесс становления национальной государственности на Северном Кавказе. В такой ситуации на местах возникли новые органы самоуправления. Поэтому ЦК Союза объединенных горцев в ноябре 1917 года сформировал правительство (Горское правительство). Государственно-правовая форма возникшего государства мыслилась как демократическая республика с парламентской формой правления. Каждый народ должен был самоуправляться, а все вместе должны они были иметь федеральные органы в лице Горского правительства и Союзного совета (парламента)[264].

Необходимо отметить, что правительство горцев в лице ЦК Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана и впоследствии в лице правительства Горской республики с момента свержения большевиками Временного правительства в Петрограде никаких связей с Москвой и Петроградом как центром единого государства уже не имело.

В начале декабря 1917 года в связи с преобразованием ЦК Союза в Горское правительство А.-М. Чермоев подает в отставку. Свое решение уйти с поста председателя ЦК Союза он объяснил неподготовленностью к «административно-управленческим функциям»[265]. Но он занимался тем же и до преобразования ЦК в правительство. Но смена названия не могла настолько кардинально изменить его работу, чтобы он решил уйти в отставку.

Причина отставки, видимо, крылась в другом. В это же время шло формирование Терско-Дагестанского правительства. При этом в составе нового правительства не оказалось того, кто был инициатором данного союза, – А.-М. Чермоева. Его отставка с поста

председателя ЦК Союза объединенных горцев 2 декабря 1917 года[266] не была следствием сиюминутного решения, поэтому ему не предложили поста в созданном Терско-Дагестанском правительстве.

По мнению Т. Музаева, его отставка была вызвана ошибочной политикой объединения казаков с горцами и следствием давления со стороны тех, кто был против данного союза[267]. Но в таком случае почему и после отставки А.-М.Чермоева ничего не изменилось? Наоборот, линия, предложенная Чермоевым, была продолжена Терско-Дагестанским правительством, в том числе и после признания независимости Горской республики на конференции в Батуми 11 мая 1918 года. Мехмед (Магомед) Кади Дебиров причиной ухода в отставку Чермоева назвал необходимость сосредоточиться на работе в Османской империи[268].

По всей вероятности, речь может идти о возможных нападках со стороны членов ЦК относительно его деятельности на посту председателя и конкретно его позиции по провозглашению независимости Союза горцев. Ведь именно с постановкой этого вопроса позднее, в апреле – мае 1918 года, он вновь оказался востребованным и вновь занял один из первых постов. То есть отказ форсировать данный вопрос мог вынудить А.-М. Чермоева уйти в отставку со всех постов.

Соглашаясь с мнением Т. Музаева (отставка произошла из-за союза с казачеством), можно предположить, что такого же рода претензии возникли и относительно других вопросов, которые должны были быть решены, но остались нерешенными. В первую очередь земельная проблема, которая в Чечне, Ингушетии и Осетии должна была решаться за счет казаков, в Дагестане – за счет перераспределения земель на равнине, в Кабарде и Балкарии – также за счет ущемления прав крупных землевладельцев из числа местной аристократической знати. Российский кавказовед Людмила Гатагова справедливо отмечает, что «после краха империи в 1917 году самая болезненная на Кавказе проблема переросла в

бесконечные территориальные споры...»[269]. По мнению российского исследователя Дмитрия Просалова, «непременным атрибутом «справедливости» рассматривалось достаточное наделение землей»[270].

После отставки А.-М. Чермоева с поста председателя ЦК Союза объединенных горцев в конце ноября его место временно занимает Р. Капланов[271]. Рашидхан Капланов – профессиональный юрист, получивший хорошее образование в Стамбуле, считался одним из перспективных политиков этого периода. Р. Капланов уже с 1 декабря 1917 года занимает должность сопредседателя Временного правительства Терско-Дагестанского союза (другим сопредседателем был М. Караулов)[272]. Газета «Горская жизнь», выходившая во Владикавказе, 9 декабря 1917 года публикует состав нового правительства, где руководителем правительства обозначен Р. Капланов[273]. Однако Р. Капланов не сумел взять власть в свои руки, в городе фактически образовался вакуум власти, что привело к меж этническим столкновениям во Владикавказе в январе 1918 года. Капланов сдал власть в городе полковнику Ивану Беликову и уехал в Хасавюрт[274].

Говоря о структуре Горского правительства, в интервью турецким газетам М.-К. Дебиров чуть позже указал, что оно состояло из 16 министров[275]. Новое правительство, по словам его представителя Джемала Албогачиева, было представлено национально-демократическими силами в соответствии с программой, разработанной А.-М. Чермоевым[276]. В него вошли: П. Коцев – председатель (с января 1918 года, до этого с декабря по январь председателем был Р. Капланов), военный министр – Н.-Б. Тарковский, министр иностранных дел – Г. Баммат, министр внутренних дел – Р. Капланов, министр финансов – В.-Г. Джабагиев, министр торговли – Бехадир Моллахаджихан, министр связи и транспорта – И.-Б. Гайдаров, министр народного просвещения –

Шахсуваш-бей, некоторые посты оставили за казаками, которые так и не приняли это предложение.

Таким образом, первая политическая проверка на зрелость, связанная со сменой правительства горцев, прошла удачно. Ушедший в отставку А.-М. Чермоев остался в политике, что было важно на данном этапе и должно было свидетельствовать, что в Горском правительстве нет раскола, что все его члены едины и вместе готовы искать пути решения многочисленных проблем, вставших перед ними в период создания своего государства.

Тем не менее А.-М. Чермоев остается членом правительства до замены своей кандидатуры Чеченским национальным советом[277]. Уже через три месяца он вновь возглавляет Горское правительство.

Глава 2
Провозглашение Горской республики (май 1918 года): между белой и красной Россией

Международная ситуация и расстановка политических сил в регионе

Ситуация в мире стремительно менялась, внося свои директивы в выбор кавказскими государствами союзников. В силу того, что кавказские государства формировались после большого исторического промежутка, связанного с их колонизацией, они рассматривались как совершенно новые на политической карте мира. То, что эти страны имели свою государственность до завоевания Россией в XVIII–XIX веках, в расчет уже не принималось. Понимая, что будут претензии со стороны России, как белой, так и красной, иностранные державы пытались вывести их из-под удара, готовя юридическое закрепление их независимого статуса.

Горская республика на 1918 год никак не соотносилась с Южным Кавказом, ее на Западе вообще не были готовы рассматривать как отдельный субъект, в том числе и на международной конференции по завершении Первой мировой войны. Более того, действия некоторых ее первых лиц, например А.-М. Чермоева, вызывали на Западе разочарование, непонимание людей, способных вести какую-то деятельность против идеи единой России. При этом они особо указывали, что капитан А.-М. Чермоев служил в личной охране императора и не должен был бы, по их мнению, выступать против единства России. Говоря о его действиях, французская миссия выражала сожаление, что они мешают силам, поддерживаемым ими, и просили довести эту информацию до Деникина и британской миссии[278]. Эти настроения поддерживались российским посольством (не большевистским, а еще функционирующим посольством Российской империи) в Париже, которое пыталось убедить Европу, что все кавказцы желают быть в составе новой России[279].

Германия была не против иметь дело с Горской республикой, но ее смущал факт претензий горцев на границы, которые, как считали в

Берлине, они не способны были держать под контролем. Это касалось в первую очередь Северо-Западного Кавказа, который немцы считали зоной влияния казаков, не имевших тесных контактов с горцами. Фактически немцы не хотели иметь проблем с Советской Россией в этой части Кавказа, и именно этим объяснялось изменение их позиции в отношении стран и народов Кавказского региона, за исключением Грузии, которую они решили поддерживать до конца[280].

К концу 1919 года на фоне неудач Белой армии союзники в лице военных миссий Франции и Англии уже не столь категорично отказывались вести переговоры с представителями Горской республики. Признавая при этом, что Горское правительство мало что контролирует на Северном Кавказе, они тем не менее не могли не видеть, что оно налаживает единый фронт против Белой армии[281]. Этого на Северном Кавказе союзники хотели меньше всего. Все, кто выступал против Белого движения, настораживал союзников, пытавшихся установить власть, которая образовала бы противовес большевикам.

После подписания в Брест-Литовске[282] мирного договора с Советской Россией и по мере его реализации Германия, пытавшаяся снять напряжение на Восточном фронте, чтобы не проиграть на Западном, кардинально изменила свое отношение к Азербайджану и Армении, она фактически пошла на аннулирование своего же признания их независимыми государствами. Более того, практически сочла их землями, принадлежность которых к России не обсуждалась (о Грузии – особый разговор). То есть в этой части Германия полностью пошла на уступки Советской России[283]. Позиция Германии в отношении земель, населенных мусульманами в Закавказье и оспариваемых армянами, полностью устраивала Францию – это позволяло внести сюда элемент конфликта с Москвой и представить для этой части населения края своего рода альтернативу политике Германии. По сути получалось, что Париж не готов вести какую-либо

политику в той части, где было мусульманское население. Именно поэтому официальный Париж был вынужден с уходом немцев из Закавказья следовать за тем, что делает Англия. По планам Германии базовой для нее страной в Закавказье фактически стала Грузия, которая также была настроена на тесное сотрудничество, в силу того, что с Турцией ей было не по пути, а с Россией говорить о единстве после большевистского путча не приходилось.

Другие европейские страны в первом полугодии 1918 года не были активными игроками в этой части Кавказа[284]. Они предпочитали внимательное наблюдение за всем, что здесь происходит, а также за действиями германского и турецкого правительств.

Турция вела свою политику в районах проживания мусульманского населения на Кавказе. Более того, французы подозревали, что Турция не прочь все эти земли, населенные мусульманами, включить в состав своего государства[285]. Что казалось вряд ли возможным на фоне ее проблем в Передней Азии и активной политики Англии и Франции по развалу Османской империи. Турция вела свою политическую игру на фоне действий Германии, которые были направлены на организацию выгодной торговли с этим регионом[286]. В отличие от Германии Турция имела и свои политические обязательства перед мусульманскими народами Кавказа. Политика султанов, считавших себя покровителями всех мусульман, давала шанс народам Северного Кавказа рассчитывать на помощь Турции в их стремлении к независимости.

В 1918 году мир все еще пребывал в состоянии неопределенности, сложившейся на мировой политической арене в результате мировой войны. Непонятная ситуация с большевистской Россией, взявшей курс на подписание мира с немцами любой ценой, делала исход войны совсем непонятным. Переговоры большевиков с немцами ослабляли планы Антанты[287]. Россия теряла по Брестскому мирному договору всю Украину, часть Белоруссии, Прибалтику,

Карскую и Батумскую области; все это усугубляло ситуацию на Северном Кавказе, так как высвобождало силы большевиков для борьбы с внутренними врагами[288].

Германии, считавшей, что она остается в выигрыше от соглашения с Россией, пришлось сворачивать силы на европейской арене войны, так как контролировать территории на востоке становилось труднее. Турция, вынужденная учитывать интересы Германии, не смогла удержать Кавказ. Сама Германия болезненно относилась к тому, что горцы буквально «осадили» Константинополь. По словам немецких военных и политиков, такого тесного союза горцев с турками они не ожидали, что сделало их политику в этом районе немного холоднее, чем то, на что рассчитывали сами горцы[289].

Хуже того, большевики стали новым активным игроком на северокавказской арене. Они привлекали на свою сторону всех противников белогвардейцев.

Тем временем на южной стороне Главного Кавказского хребта на период с февраля по май 1918 года верховным органом власти был Закавказский сейм, цель которого заключалась в подготовке региона к федерализации, планируемой Учредительным собранием. Закавказский сейм, объединявший огромную территорию Грузии, Азербайджана и Армении, оставался законным преемником распавшейся империи.

Тем не менее неожиданный захват Баку англичанами в августе 1918 года, при попустительстве турецких войск на севере Персии, заставил немцев готовиться к столкновению с англичанами на кавказской сцене. Для этого было решено перебросить войска в Тифлис, чтобы отсюда начать наступление на англичан в Баку. Однако обращение за помощью к турецким войскам в лице командующего Нури-паши привело к тому, что тот в обход планам Германии самостоятельно вторгся в Азербайджан и захватил Баку[290]. Немецкие власти не скрывали, что им необходим Баку, в силу того, что нефтяные разработки в Румынии не смогли покрыть и части

расходов немецкой армии и промышленности в те годы. То есть нефтяной Баку (и в перспективе Грозный) мог стать главной причиной вторжения немецких войск в Закавказье (имея там войска дружественной по союзу Оттоманской армии). Здесь не прослеживается цели продвижения на юг, как это предполагала Англия. Цели и задачи Германии в 1918 году были более приземленные и ориентированные на получения нефтяного рынка, способного оживить промышленность и армию.

На Северном Кавказе подобного не было. Здесь на власть претендовали сразу несколько политических сил и движений. С убийством законного представителя Временного правительства на Северном Кавказе М. Караулова связь с бывшей властью и ее преемником в лице Временного правительства, по сути, прервалась, и поэтому за право считать себя единственно законной властью на местах боролись различные силы[291].

На Северо-Западном Кавказе немногочисленные адыго-черкесские силы примкнули к Белому движению[292]. Уже в начале февраля 1918 года были сформированы черкесские отряды, выступившие против большевиков[293]. Это был своего рода ответ на «красный террор», устроенный большевиками в аулах адыгов и черкесов[294]. Адыги создавали отряды самообороны для защиты от репрессий со стороны большевиков, и их отряды под командованием бывших российских офицеров стали оплотом Белого движения на Кубани.

Примерно такая же ситуация была и в Кабарде, и в горных обществах Карачая и Балкарии. В Осетии и Ингушетии ситуация была неопределенной. Из-за того, что большевики перераспределили казачьи земли в пользу горцев, местное население поддерживало их.

Переходное правительство Горской республики

На начало 1918 года в крае кроме Горского правительства действовала власть Терско-Дагестанского правительства, возглавляемого казачьим атаманом М. Карауловым (после его убийства в середине декабря данный пост занимал Лев Медяник) и представителем горцев Р. Капланoвым[295], и Юго-Восточного союза, возглавляемого Валерием Харламовым[296], которые так и не смогли стать жизнеспособными органами власти в восприятии населения региона. Расширяясь в сторону Украины и включая в свой состав казачество Оренбурга и Урала, Юго-Восточный союз представлял собой аморфное образование. Предполагалось, что Союз примет свою конституцию, которая позволит правительству быть более гибким, но в итоге все это осталось нереализованным. Попытки ввести свою денежную единицу и создать единую армию также оказались безуспешными. Юго-Восточный союз все-таки был прежде всего союзом казачьих войск бывшей Российской империи[297]. Участие горцев Северного Кавказа в Юго-Восточном союзе было вынужденным стратегическим решением горцев, чтобы не иметь врагов в лице столь мощной силы, как казаки. Одновременно участие горцев в этом Союзе имело и практический смысл, так как могло позволить под прикрытием Союза расширить зону экономической деятельности для самих горцев. Однако ни Союзам, ни правительствам решить главный вопрос во взаимоотношениях горцев и казаков – земельный – не удавалось. В этом союзе отношения горцев и казаков несли отпечаток исторического недоверия друг к другу. Более приземленным оказалось правительство (Терско-Дагестанское), которое было сформировано из представителей Горского правительства и Терского казачества, при этом горское представительство составляло большинство, так как

равенство определялось по принципу горцы Терской области и Дагестана и казаки, то есть горцев получалось два раза больше:

• сопредседатели: Р. Капланов и М. Караулов (позже его сменил Л. Медяник);

• председатель правительства (с февраля по март) – Асланбек Бутаев;

• комиссары: Коцев (главноуправляющий ведомством общественного спокойствия); его через две недели сменил Алихан Алхазов;

• главноуправляющий внешними связями – Р. Капланов;

• главноуправляющий ведомством финансов – М. Караулов; и после его смерти Л. Медяник;

• главноуправляющим военным ведомством – генерал Самед-бек Талышханов;

• главноуправляющий ведомством народного просвещения Валентин Абрамов;

• главноуправляющий ведомством продовольствия и одновременно и. о. главноуправляющего земледелием – Ахмед Дударов;

• главноуправляющий ведомством торговли и промышленности – Асланбек Бутаев;

• главноуправляющий ведомством контроля – ВасанГирей Джабагиев;

• главноуправляющий ведомством путей сообщения – А. Одулаев;

• управляющий делами правительства, секретарь Совета Правительства и и. о. Главноуправляющего ведомством труда – К. Черкезов;

Неудивительно, что наиболее активным и предсказуемым был второй уровень союза казаков и горцев – Терско-Дагестанское правительство, где были объединены в один орган горцы и казаки терского казачества. Но судьба этого союза и правительства была скоротечной.

Времени катастрофически не хватало, тем более что перед горцами на горизонте замаячила возможность иметь свое полноправное независимое государство, что в итоге привело к развалу данного союза. Все попытки найти союзников в лице казаков и осуществлять с ними совместное управление заканчивались одним и тем же – декларациями о сотрудничестве, но до дела не доходило. И уж точно в этой неудаче были виноваты далеко не всегда большевики. Сама природа отношений между горцами и казаками делала этот союз временным и непрочным.

Горская республика, в каком бы статусе она ни была, оставалась главным действующим лицом. Те или иные силы, которые действовали в этой части региона, искали с ней союза или считали ее главным противником.

После свержения большевиками Временного правительства, то есть с того момента, как была нарушена законная преемственность власти, Горская республика действует уже как независимый политический игрок, вне рамок российской политической реальности. Все попытки большевиков исходить из принципа, что народы Горской республики жили в старой России и обязаны поэтому входить в состав Советской России, были совершенно не обоснованы с юридической точки зрения. Совершив государственный переворот, большевики тем самым нарушили эту преемственность и требовать вхождения в состав Советской России могли только посредством применения военной силы против тех, кого они объявили свободными от уз царского режима.

На 1918 год население Горской республики (Дагестанской области, а также шести округов Терской области) составляло 1 467 278 человек. А по данным ЦК Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана, их организация представляла 2,5 миллиона горцев[298]. Хотя к любым цифрам того периода стоит относиться с определенной долей настороженности, так как они давались с целью показать регион будущим союзникам в более привлекательном свете.

1918 год начинался для Горской республики тревожно, но мало кто мог предположить, что все будет так драматично. Состоялся поход красных во главе с дагестанским социалистом Д. Коркмасовым из Астрахани в сторону Петровска на востоке, на западе – случилось занятие земель казаками в районе Майкопа и Хадыжи[299]. Все это, на фоне нарастания проблем с казаками в Чечне и Ингушетии, делало ситуацию тревожной и требовало от руководства Горской республики поиска внешних союзников, чтобы с помощью белогвардейцев или российской власти в лице большевиков дать отпор тем, кто претендовал на поглощение еще только нарождающейся республики.

В Чечне причиной яростного сопротивления любым попыткам объединения с казаками стало убийство казаками направлявшегося на переговоры в Грозный одного из самых уважаемых суфийских чеченских шейхов того периода – Дени Арсанова[300]. По данным одного из очевидцев тех событий в Грозном Л. Ильина[301], 3 декабря во время разбора оружия на вокзале был убит чеченец из знатного рода Б. Тукаев, находившийся в родстве с А.-М. Чермоевым. В ответ на это чеченцы подожгли Новые грозненские нефтяные промыслы, что было расценено жителями Грозного как предупреждение самим гродненцам. Затем чеченцы сожгли станицу Каховскую. В ответ казаки сожгли расположенные вокруг Грозного чеченские села Старый Юрт, Новый Юрт и Старосунженское[302].

Первым Грозный покинул Совет рабочих депутатов, который, прежде чем оставить город, предложил то же самое сделать всем рабочим. По сути, шло бегство от возможной расправы со стороны чеченцев. Вслед за ними из города срочно был эвакуирован 3-й пехотный полк, который ушел в Ставрополь. Все это подвигло правительство горцев Северного Кавказа принять меры по удержанию чеченцев от похода на Грозный. Тем не менее плодами этой победы воспользовались большевики, которые, вернувшись в Грозный, в городе и в близлежащих станицах преподнесли все

проблемы казаков как исходящие от правительства горцев, в союзе с белыми казаками. Это подвигло на раскол в станицах вокруг Грозного, которые пошли на соглашения с большевиками. В итоге в самих станицах шли столкновения между теми, кто поддерживал терское военное казачество, и теми, кто стал на путь союза с большевиками[303]. Почти весь декабрь в районе Грозного была взрывоопасная ситуация, и любой повод мог стать началом полномасштабной войны между казаками и чеченцами.

С целью разрядить ситуацию и показать, что чеченцы могут и должны появляться в Грозном и вести диалог с казаками, в город 27 декабря 1917 г в окружении 60 своих мюридов въехал Дени Арсанов, шейх накшбандийского тариката, один из самых влиятельных людей этой эпохи в Чечне. 70-летний Д. Арсанов не просто въехал в Грозный, что было запрещено казаками, но, проехав весь город с юга на север, на обратном пути остановился в городской управе, чтобы лично узнать о претензиях казаков к чеченцам. Однако разговора не получилось, казаки потребовали разоружиться и шейху, и сопровождающим его лицам, затем продолжить свой путь. Требование казаков было решительно отвергнуто, и, несмотря на протесты казаков, шейх, выйдя на улицу, сел на своего коня. Дорогу ему преградил глава управы, наставил свой карабин. В ответ Дени Арсанов наставил свой пистолет, и прозвучали два выстрела, после чего глава управы упал замертво, а раненый Дени Арсанов начал отстреливаться уже от казаков, открывших огонь по нему и сопровождающим лицам. Шейх также был сражен пулей в голову. Оставшиеся в живых до ночи вели бой с казаками, закрепившись в первом же попавшемся доме, недалеко от управы[304]. В итоге 31 чеченец был убит, оставшиеся две группы из 11 и 10 чеченцев были выведены из города с условием сдачи оружия. Весть о гибели своих от рук казаков подвигла все население Чечни взяться за оружие. Союз горцев сделал все, чтобы остановить разъяренных чеченцев. Осознав, что произошло, казаки Грозного в срочном порядке организовали ревкомы, не имевшие ничего общего

с большевистскими и названные свидетелем тех событий Ильиным «мещанскими»[305]. Было принято решение опередить чеченцев и самим организовать набег на близлежащие чеченские села. Ревком прекрасно осознавал, что единственный путь спасти город – держать тело убитого ими Д. Арсанова как своего рода гарант, что чеченцы не нападут на Грозный. Долгих четыре месяца велись переговоры о выдаче тела чеченского шейха. При этом в качестве заложников все это время в руках станичной управы находились все жители чеченского и ингушского происхождения, не сумевшие покинуть Грозный в день убийства Д. Арсанова. Все заложники были выпущены только по настоянию Пятигорского съезда, на котором в качестве делегата присутствовал чеченец М. Такаев, избранный чеченцами депутатом, что спасло его от расправы со стороны казаков. Гарантом его свободы выступил большевистский Совет рабочих и солдат Грозного во главе с Григорием Ионисиани[306].

Моздокский съезд 25 января 1918 года, который должен был, по сути, объявить войну чеченцам и ингушам, смог буквально в последний момент найти с ними общий язык, что способствовало достижению временного перемирия. Моздокский и Пятигорский съезды хоть немного разрядили ситуацию. Если Моздокский съезд не стал съездом большевиков, то Пятигорский уже смог взять руководство делегатами в свои руки и направить его в то русло, которое было выгодно именно большевикам. И это несмотря на жесткое давление со стороны командира Кабардинского полка ротмистра Серебрякова, требовавшего выполнять его условия, грозя поднять всю Кабарду[307]. Большевики после Моздокского съезда, на Пятигорском, не создавали своей фракции, а, разойдясь по многочисленным фракциям землячеств, национальностей, партий, иногородних, рабочих и т. д., смогли провести в руководящие органы своих приверженцев, тем самым сумев перехватить инициативу. Именно это позволяет многим историкам говорить об установлении советской власти на всем Северном Кавказе, что не совсем верно.

Вытеснив правительство Союза горцев Северного Кавказа из Владикавказа, сами большевики не смогли утвердить своей власти в регионе.

Все эти события на Северном Кавказе, когда правительство оказалось неспособным хоть как-то изменить ситуацию, привели к тому, что 19 марта 1918 года оно было вынуждено согласиться на требование всех социалистических групп Владикавказа и объявить о своем роспуске, оставить Владикавказ[308] и перебраться в Темир-Хан-Шуру[309]. Но это заставило горцев серьезнее отнестись к вопросу о поддержке своего государственного образования извне, и с этого момента Горское правительство все свое внимание уделяет именно получению поддержки со стороны других государств.

Владикавказ в период захвата его большевиками напоминал город, отданный на разграбление красноармейцам. По свидетельствам горожан, редко какой день обходился без массовых расстрелов и национализации имущества тех, кто подозревался в антибольшевистских настроениях[310].

Уход Горского правительства и замена его во Владикавказе наглядно показывают, как инициативой других социалистических групп успешно воспользовались большевики, объявившие о своей победе на всем Северном Кавказе, хотя их присутствие в регионе было очень ограниченно[311]. Вся история этого периода, с 1917 по 1920 год, требует досконального изучения деятельности партии большевиков. Роль, которую она отвела себе, сильно преувеличена за счет действий не коммунистов, а лиц, успешно зачисленных задним числом в ряды большевиков.

Однако ситуация на Северном Кавказе вновь изменилась из-за перемены обстановки на Дону, когда во главе объединенной армии на смену убитому Корнилову в апреле 1918 года встал генерал А. Деникин. Он совершил стратегическую ошибку, направив армию против местного населения и разделив свои силы на два фронта: против народов Северного Кавказа на юге и против большевиков на

севере. О чем в 1920 году, перед своим отъездом в эмиграцию[312], в личном письме А. Деникину написал и барон Петр Врангель. На протяжении всей своей карьеры в должности командующего Добровольческой армией и главнокомандующего Вооруженными силами Юга России Деникин исходил из того, что Северный Кавказ для него должен был стать своего рода базовым регионом, поставляющим средства как материальные, так и людские[313]. Генерал Деникин недооценил справки и донесения, которые он получал с Северного Кавказа. Хотя в докладных записках и аналитических докладах указывалось на слабость Горской республики как государства как такового, но особо подчеркивалось, что ситуация далека от того, чтобы с наскока захватить территорию горцев[314].

По мнению русского генерал-майора Б.П. Лазарева[315], правительство горцев, эмигрировавшее в Тифлис после занятия Владикавказа большевиками в феврале 1918 года, содержится фактически на деньги самого председателя правительства А.-М. Чермоева, а также получает финансовую помощь от правительств Азербайджана и Грузии. Постоянная связь поддерживается только с Чечней и Ингушетией. Весь авторитет власти держится, по его мнению, исключительно на личном авторитете самого председателя[316]. В докладе указывается, что все части Северного Кавказа ведут себя разнородно: если кабардинцы спокойны и держат нейтралитет, то осетины-мусульмане ближе к настроениям ингушей, а осетины-христиане – к настроениям казаков. Ингушетия больше была занята выдавливанием казаков и захватом земель на равнине. В то же время Чечня была разбита на многочисленные партии и очень разрозненна, но русские чиновники и военные отмечали роль и значимое место в обществе чеченского шейха А. Митаева. В политическом отношении Чечня действовала в союзе с Ингушетией. И наконец, Дагестан с сильными туркофильскими настроениями являлся очагом напряженности между большевиками

и Горским правительством. Генерал Лазарев отмечал, что у Дагестана нет возможности самостоятельно управляться, что побуждает его постоянно искать союзников со стороны[317]. Главный вывод генерал-майора Лазарева состоял в том, что он не считает Горскую республику единым и цельным организмом. Все народы, входящие в Горскую республику, самостоятельны в своих действиях. Но именно правительство Горской республики является объединяющим органом для всех этих разрозненных сил, народов и регионов края. Ценность этих докладов и отчетов состояла в том, что они предупреждали, что при любом исходе вторжение Добровольческой армии в пределы Горской республики отодвинет борьбу горцев с большевиками.

Этот драматический период в истории горцев показателен в том отношении, что поддержки у правительства среди народных масс не было. Здесь большее значение имел авторитет того или иного представителя Горского правительства, чем власти в целом. Тот факт, что захват столицы большевиками прошел в отсутствие практически всех первых лиц, занятых на Международной конференции в Трапезунде, продемонстрировал слабость власти в регионе. Горское правительство было правительством интеллектуалов, никак не связанных с народом напрямую. Отсутствие у Горского правительства горизонтальных связей с народом стало проблемой в его дальнейшей деятельности.

Процесс преобразования ЦК Союза горцев Северного Кавказа в Горское правительство был прерван большевиками. Это не имело бы таких тяжких последствий, создай правительство на местах свои представительства – в округах, уездах, селах, а этого так и не было сделано. Все было хаотично. Было правительство, но не было структур на местах, способных выполнять решения, принимаемые на уровне министров[318]. Безусловно, власти пытались предпринять меры и в этом направлении. Даже муфтий Н. Гоцинский призывал народ к созданию структур власти на уровне села и общины, чтобы не быть оторванными от властной верхушки Горской республики.

Правительство горцев пыталось координировать свою борьбу против большевиков с Грузией. В Тифлисе трезво оценивали события, происходящие на Северном Кавказе, и понимали, что с падением Горского правительства наступят сложные времена и для Грузии. В ответ на просьбу горцев оказать военную помощь в начале февраля 1918 года грузины пытались выделить горцам летательные аппараты для создания особого авиационного отряда для Северного Кавказа[319]. Это сотрудничество продолжалось все время, пока существовала независимая Грузия, то есть до начала 1921 года, и тянулось в эмиграции вплоть до начала Второй мировой войны.

1918 год должен был стать своего рода экзаменом, показывающим, насколько новая власть готова взять ситуацию в свои руки. В конце февраля пришло осознание того, что участие в Союзе Терско-Дагестанского правительства и Юго-Восточного союза не приносит ожидаемых плодов. Правительство Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана на совместном заседании с Облсоветом на фоне надвигающейся опасности принимает решение о поиске путей объединения с Закавказьем. Для решения этого вопроса была официально сформирована делегация в составе А.-М.Чермоева, Г. Баммата, З. Темирханова и М.-К. Дибирова. Они должны были провести встречи в Берлине, Константинополе, Вене и в Софии для решения вопроса о том, как организовать это объединенное политическое и экономическое пространство[320]. Безусловно, Грузия и Азербайджан выглядели более привлекательными как в политическом, так и в военном отношении по сравнению с разрозненной Горской республикой с ее многочисленными проблемами с казаками, с уже оспаривающими власть большевиками, с претензиями представителей Белой армии. В силу того, что члены правительства были людьми из различных политических и социальных групп, в подходе к тем или иным событиям они были далеки от единодушия. Даже в феврале власть не была уверена, что способна удержать ситуацию, и рассматривала

вариант тесного союза с Закавказьем. Данный союз мог бы быть противовесом Юго-Восточному союзу и казачеству в целом.

При этом горцы не хотели учитывать то обстоятельство, что такой союз ослабил бы Закавказский край и перед Белой, и перед Красной армиями. Поэтому Тифлис не был готов принять территорию за Главным Кавказским хребтом с распростертыми объятиями. Неокрепший и еще до конца не определившийся со своими планами, он не хотел иметь нового врага в лице большевиков или Белой армии.

Но первыми слабость Горского правительства поняли именно большевики, которые внесли разлад, предложив малоземельным ингушам решить проблему безземелья за счет земель четырех казачьих станиц в Сунженском отделе Терского казачьего войска. Большевики, имевшие свои проблемы именно с казачеством по всему Северному Кавказу и Дону, определились в том, что для союза с горцами принесут в жертву казачество[321]. Это стало ясно уже к началу 1918 года, и какой-либо корректировке данная стратегия большевиков не подвергалась вплоть до раскулачивания в период советизации края в 20-х годах. Тот факт, что казаки стали основной силой, противостоявшей большевикам, был связан с нежеланием лишиться привилегии (вольность, частичное самоуправление внутри казачьего войска и т. д.). Казакам было что терять в этой борьбе[322].

Всадники Осетинского полка, ранее состоявшие в Дикой дивизии, оскорбленные действиями казаков Армавира против них, разогнали казачьи силы Владикавказа[323]. Первыми покинули город как раз те силы, которые ассоциировались с большевиками, во главе с С.М. Кировым. 10 января он принимает решение руководить регионом из Армавира, но в итоге на первое время останавливается в Пятигорске. Выбор места красноречиво говорит о силе и влиянии большевиков во Владикавказ, точнее, об его отсутствии. В городе царил хаос, который было решено прекратить силами военного гарнизона города, возглавляемого полковником Иваном

Николаевичем Беликовым. Так как он, будучи начальником военного гарнизона, состоял в штате Терско-Дагестанского правительства, то и действия, предпринятые им в городе, отчасти стоит считать действиями Горского правительства, направленными на преодоление хаоса в своей столице[324]. При этом надо понимать, что действия коменданта военного гарнизона не были продиктованы самим правительством, это была его личная инициатива.

Однако уже в марте 1918 года правительство Союза горских народов Кавказа под натиском большевиков извне, опиравшихся на части Красной армии из Астрахани, временно оставило территорию Горского союза и переехало в Тифлис, а также частично в Чечню и Дагестан, поддерживая при этом связи с населением всего края посредством своих представителей, в том числе депутатов Союза горцев Северного Кавказа.

Попытки большевиков узаконить свою власть посредством проведения Второго областного съезда народов Терека (мартовского) вызывают глубокие сомнения в его легитимности. Дело в том, что в Чечне и Ингушетии выборы депутатов были согласованы группой лиц, заявлявших о своей принадлежности к социалистической группе. Не могло быть и речи о том, чтобы на местах прошли сходы и были выбраны делегаты на съезд, о существовании которого мало кто знал[325]. Не говоря уже о том, что этот съезд никак не отразился на Дагестане, являвшемся неотъемлемой частью Горской республики.

Трудное положение в регионе подталкивало к мысли о необходимости иметь более тесную связь с Закавказьем. Глава Союза горцев А.-М. Чермоев считал, что Горская республика могла бы рассматриваться «как маленькое буферное государство (федеративное или конфедеративное), союзное с Закавказьем, которое способно развиваться подобно Швейцарии»[326].

К концу февраля правительство Союза горцев Кавказа за подписью Васан-Гирея Джабагиева выпускает официальное

решение: «Правительство Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана, обсудив современное политическое положение, признало необходимым: 1). принять решительные меры к политическому воссоединению территории народов Северного Кавказа и Дагестана с Закавказьем; формы какового соединения имеют быть установлены последующими соглашениями договаривающихся сторон...»[327] Что должно было показать решительность горцев в деле возможного объединения с Закавказьем.

Но Закавказью не нужен был регион, охваченный войной и многочисленными проблемами, в том числе и казаков с горцами.

Горская дипломатия в Стамбуле (конец апреля – начало мая 1918 года)

14 марта – 12 апреля небольшая делегация горцев принимала участие в Трапезундской конференции, на которой турки предъявили Закавказской конфедерации большие территориальные претензии, с которыми та в конце концов была вынуждена согласиться. Представители Горского правительства, хотя и были на конференции на правах статиста, все же получили возможность контактов с оттоманскими дипломатами и военными.

Горцы, члены делегации, воодушевленные итогами Трапезундской конференции, не могли просто так уехать, не получив все сразу. Впервые со времен колонизации отчетливо проявилось желание третьих стран видеть горцев в независимом государственном образовании. Большая часть заслуг здесь принадлежала горцам-эмигрантам, состоявшим на руководящих постах в армии и в политических структурах Османской империи.

Северокавказцы отбыли из Трапезунда, обсудив с председателем турецкой делегации Рауф-беем гарантии учета их мнения при формировании позиции турецких властей в деле организации и признания Горской республики, и направились в Батум. Здесь они были приняты Энвер-пашой, который командовал Кавказским корпусом турецких сил[328]. После чего направились в Стамбул.

Более тесные отношения с турками обеспечивались не только представителями северокавказской диаспоры в Османской империи, занимающими видные политические посты в стране, но и вернувшимися на родину мухаджирами. Среди них был и личный секретарь председателя правительства Тарик Джарим Схазар Кужбель. Он был близок к А.-М. Чермоеву и занимался вопросами связей с Великой Портой, практически неформально выполняя роль министра иностранных дел в правительстве А.-М. Чермоева[329].

Когда члены делегации вернулись в Стамбул, они были восторженно встречены прессой как новые союзники Турции на Кавказе[330]. О характере отношений говорит тот факт, что в Стамбуле их приняли султан Мехмед-Ришад, а также Энвер-паша, Джемаль-паша и Талат-паша. Члены делегации разъяснили, почему они приехали в Стамбул и сообщили, чего ждут от турецкого правительства: признания Горской республики, заключения договора о дружбе и организации коалиции против России. При встрече с султаном Османской империи северокавказская делегация поделилась своими планами по организации Республики горцев Северного Кавказа. Султан Мехмед-Ришад пояснил, что для продолжения дискуссии по этой теме необходимо официальное провозглашение своей независимости.

Энвер-паша обратился с телеграммой к Вехиб-паше, который в это время был в Трапезунде, и поручил ему передать А. Чхенкели (который находился в Батуме), что горцы Северного Кавказа решили провозгласить свою республику и султан Османской империи поддерживает это их стремление[331]. Было решено организовать встречу, на которой турки и закавказская делегация должны были обсудить в том числе и намерение горцев провозгласить свою республику[332].

30 апреля 1918 года горская делегация встретилась в Стамбуле с Халил-беем, главой османской делегации в Трапезунде, и обсудила актуальные проблемы Кавказа и задачи, поставленные горцами перед собой в деле провозглашения государственности[333].

Делегация Горской республики во главе с Г. Бамматом отбыла из Стамбула 1 мая в Трапезунд на корабле «Гульнихал», на котором также была и делегация Германии (которую возглавлял Отто фон Лоссов), направлявшаяся в Батум[334]. Для улаживания вопросов, возникших после Трапезундской конференции, было решено, что в Стамбуле задержатся два члена из состава делегации горцев, в числе которых был и А.-М. Чермоев[335].

Переночевав в Трапезунде, делегации отправились в Батум и прибыли туда 6 мая 1918 года. Там им была организована государственная встреча турецкими военачальниками.

Официальные власти Турции предупредили, что горцам прежде всего необходимо самим сделать первый шаг и провозгласить независимость от Кавказской федерации и от России. Только после этого Турция могла себе позволить вмешаться и поддержать северокавказцев.

После подписания Брест-Литовского договора политика немцев на Кавказе была уже не совсем дружеской по отношению к Турции. Немцы опасались усиления влияния турок в регионе. Для немцев кавказская нефть была вопросом номер один.

Берлин не скрывал своего интереса к контролю над Босфором, и Батум в этих планах был интересен немцам как город, который они хотели рассматривать в качестве своей базы. Они были готовы при необходимости даже вступить в конфликт по поводу этого города с турками[336].

Для укрепления своих позиций в этой части немцы решили вместе с Отто фон Лоссовом направить еще трех дипломатов[337].

28 апреля 1918 года командующий турецкими войсками Вехиб-паша сообщил Закавказскому правительству, что Оттоманская империя признала независимость Закавказья и информировала об этом своих союзников. Смена правительства Закавказья (Е. Гегечкори был сменен на А. Чхенкели) в Константинополе была воспринята как сигнал для продолжения переговоров и согласие достичь мира на тех условиях, что были отвергнуты предыдущим правительством Закавказья[338].

Турция внимательно следила за событиями в Закавказье. Она интересовалась всем, что было связано с представительством мусульманского населения в правительстве и в органах управления Закавказья[339].

Понятно, что ее больше интересовал Азербайджан, и власти старались оказать как можно больше внимания тюркскому населению. Дипломатический представитель Горского правительства Г. Баммат, сообщая А.-М. Чермоеву о политике Турции в отношении Кавказа, отмечал, что Али Башамин от имени Энвер-паши высказался за объединение Горской республики и Азербайджана. Мотивация заключалась в том, что положение Азербайджана было более благоприятным. Это предложение, впервые возникшее в недрах правительства Османской империи, в дальнейшем не раз обсуждалось между горцами и правительством Азербайджана в 1919 году. Но в мае 1918 года Гайдар Баммат писал: «Со времени приезда Форуха-бека Везирова и Агаева здесь стали ходить слухи о соединении Дагестана (одного) с Азербайджаном и образовании самостоятельной единицы из чеченцев и прочих народов наших на Северном Кавказе. Я, конечно, самым критическим образом возражал против проектов, называя их инсинуациями и подчеркивая, что мы рассматриваем такой проект как предательство наших братьев, я заявил от своего имени и имени коллег Башамина, что мы немедленно покинем Константинополь, если турецкое правительство по тем или иным видам станет на эту точку зрения. Вопрос формального воссоединения с Азербайджаном в настоящий момент дал бы тот же эффект, так как ни наши кавказские соседи, ни их покровители не допускали чрезмерного увеличения Азербайджана и, конечно, сильнейшим образом сократили его на север, отдав все возможное казакам»[340].

То есть сами турки первыми предложили вариант объединения Дагестана с Азербайджаном. В дальнейшем, в 1919–1920 годах, уже и отдельные дагестанские политики будут считать возможным и необходимым объединиться с Азербайджаном в надежде спастись от оккупации армией генерала А.И. Деникина. Интересным в этом предложении было то, что предлагалось разделить Горскую республику на Дагестан (который необходимо объединить с Азербайджаном) и на территорию, где проживают чеченцы, черкесы

(провозгласив ее отдельным государством). Отделяя Дагестан от остальной части Северного Кавказа, турки, видимо, пытались расширить свое влияние за счет этой территории, где находился немаловажный порт Петровск на Каспии, позволявший оказывать давление на Астрахань. При этом остальная часть Северного Кавказа, видимо, рассматривалась не иначе как буферное государство между Азербайджаном и Россией.

Батумская конференция (11 мая 1918 года)

Батумская конференция стала логическим продолжением предыдущей конференции в Трапезунде, завершившейся 13 апреля 1918 года. Согласившись на главные условия турецкого ультиматума на Трапезундской конференции – признание Брест-Литовского мирного договора и объявление независимости Закавказской Федерации, Тифлис считал возможным и необходимым продолжить переговорный процесс с Турцией. Для чего и была согласована дата начала новых переговоров – 11 мая 1918 года, на этот раз в Батуме.

Саму конференцию, видимо, стоит делить на два этапа: первый – это переговоры немецкой и турецкой делегаций с единой делегацией Закавказского сейма и Северного Кавказа 11 мая, и второй этап – переговоры с отдельными делегациями республик Закавказья после провозглашения их независимости в конце мая – начале июня 1918 года[341].

С юридической точки зрения конференция открылась и закончилась в первый же день, то есть 11 мая. После чего было решено продолжить общение не на общих заседаниях, а посредством обмена нотами между делегациями. Что и происходило в течение трех недель, до 4 июня 1918 года.

В немецкую делегацию вошли: генерал-майор Отто фон Лоссов – руководитель делегации; фон Шуленберг – консул; лейтенант-капитан фон Хаас; фон Весендонк, секретарь; капитан фон Боитенгер; доктор А. Кирмис[342].

Турецкую делегацию представляли: Халил-бей – министр юстиции, глава делегации; Мухтар-бей – секретарь министра финансов; Нусрет-бей – директор отдела турецкого правительства; Орхан-бей – первый секретарь посольства; Низамеддин-бей – секретарь посольства, майор Садик-бей[343]. При этом делегацию обслуживали

многочисленные высокопоставленные чины из числа тех, кто знал Батум и Кавказ в целом[344].

Закавказскую делегацию представляли: А. Чхенкели – министр иностранных дел глава делегации; Мехмед Хассан Гаджинский – министр торговли; Рубен Хачаснунян – министр; А. Хатисов – министр финансов; Николай Николадзе; Мехмед Эмин Расул-заде; В. Гоздава-Соколовский; секретари: Р. Микеладзе, С. Ахведиани, Ж. Дерзибашев, С. Грузян, Вразьян, С. Келиа; А. Пепинов – секретарь, переводчик; С. Авалов – советник, переводчик с немецкого; доктор Хамбашидзе – переводчик с французского; капитан Мачабели – помощник председателя делегации[345].

Горская делегация была представлена на начало конференции только двумя членами – Г. Бамматом и З. Темирхановым[346]. Их на борт своего корабля взяла официальная турецкая делегация[347].

11 мая 1918 года в Батуме под председательством турецкого поверенного Халил-бея[348] и представителя германского правительства в лице поверенного Отто фон Лоссова начинается мирная конференция, главная задача которой – заключение мира между Оттоманской империей и Закавказской Федерацией. Данная конференция, безусловно, являлась продолжением политической и дипломатической деятельности Закавказья в этот сложный период его становления в качестве государства[349]. Но стоит учитывать и ее существенные отличия от Трапезундской. На Трапезундской конференции от имени Четверного союза говорила только Турция, в то время как на Батумской мирной конференции свою заинтересованность Кавказским краем выразила Германия и ее роль на конференции явно не выглядела второстепенной. К тому же на конференции в качестве полноправного члена присутствовало и Горское правительство[350], чего не было в Трапезунде[351].

На первом же заседании слово взял Г. Баммат, который, поприветствовав начало мирной конференции, сделал официальное заявление. Он заявил: «Союз Объединенных горцев Северного

Кавказа и Дагестана декларировал свою независимость, нотифицировал ее в Константинополе перед Блистательной Портой и сообщил об этом союзным Турции державам. Осведомив об изложенном Конференцию, я имею честь ходатайствовать перед высоким собранием о допущении делегации Союза горцев к участию в его работах»[352].

Данное заявление не стало неожиданным для участников конференции, как со стороны закавказских делегатов, так и с турецкой стороны. После того как свое согласие дали Турция, представитель Германии Отто фон Лоссов и руководство Закавказской федерации, было принято решение о допуске делегации горцев Северного Кавказа на в качестве равноправного члена мирной конференции[353].

Таким образом, именно горцы Северного Кавказа были первыми из числа кавказских народов, провозгласивших свою независимость. Они же стали и первыми, кто был признан официальным Константинополем. Второй свою независимость провозгласила Грузия две недели спустя, то есть 26 мая 1918 года.

После провозглашения Союзом горцев независимости можно было бы предположить, что речь идет и об Абхазии тоже, поскольку со времени Второго съезда горцев Северного Кавказа и Дагестана Абхазия была официально включена в состав Конфедерации горцев Кавказа. Но здесь настораживает один момент. Во время объявления о независимости Гайдар Баммат говорит о Союзе объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана, в то время как Второй съезд во Владикавказе решил изменить название именно в связи с участием Абхазии: Союз Объединенных горцев Северного Кавказа, Дагестана и Абхазии. Что это, опечатка или все-таки продуманный шаг в деле поиска союзников в условиях, когда само правительство горцев Северного Кавказа вынуждено было эмигрировать в Тифлис и быть на временном содержании у правительств Грузии и Азербайджана?

Отличительной чертой этой конференции стало предложение турецкой стороны о поочередном председательствовании (аналогичное предложение закавказской делегации в Трапезунде было в категорической форме отклонено турецкой стороной, тем самым принижался статус закавказцев как полноправных участников переговоров с Турцией). Турецкая сторона предложила, чтобы работа комиссии на переговорах носила закрытый характер, в том числе для прессы. Было решено, что официальный текст мирной конференции должен быть выпущен на французском языке.

Глава закавказской делегации А. Чхенкели начал обсуждение с того, из-за чего были прерваны предыдущие переговоры в Трапезунде, а именно с предложения взять за основу обсуждения текст Брест-Литовского мирного договора. Но это уже не устраивало турецкую и немецкую стороны. Константинополь и Берлин видели более широкую перспективу, чем та, что была зафиксирована в мирном договоре в Брест-Литовске.

Турция действовала на переговорах с позиций победительницы. Она осознавала, в какой ситуации находятся закавказские республики и на что они могут согласиться. Поэтому любое ее предложение можно было рассматривать как ультиматум тем, кто пришел на переговоры.

Но и здесь стоит учитывать, что ее отношение было неодинаково ко всем, кто был представлен на этой конференции с кавказской стороны. Особым вниманием пользовались представляющие территорию, населенную тюрками, которая в ближайшее время провозгласит независимость и объявит об образовании независимого Азербайджана. Таким же благосклонным было отношение и к членам северокавказской делегации, в них также видели потенциальных союзников. Исторические связи в виде протектората над отдельными территориями Северного Кавказка до колонизации Россией[354] давали османским политикам надежду, что такое будет возможно и в будущем. Тем более что чаще всего на переговоры с горцами Северного Кавказа и вообще с

представителями Кавказа Блистательной Портой определялись военные и политики из числа горских переселенцев в Османскую империю во второй половине XIX века[355]. И наоборот, отношение к Грузии и Армении[356] было настороженно-негативным, в них видели возможное препятствие продвижению в Закавказье.

На самом деле этой игрой была полностью разобщена сама делегация Закавказского сейма, так как все стороны были заинтересованы договориться «по максимуму» исключительно в интересах своих собственных территорий в обход интересов других. Таким образом, Турция за месяц дважды заставила закавказскую делегацию выполнить ее условия касательно разделения или объединения территорий. То есть в апреле 1918 года на Трапезундской конференции Блистательная Порта заставила объединиться и провозгласить независимое государство Закавказья. Это позволяло завершить развод с другой частью бывшей Российской империи. А уже в мае 1918 года она ведет политику, направленную на разделение этой федерации и провозглашение отдельных независимых государств, что и было в итоге сделано.

Турция стала, по сути, той силой, которая ускорила образование трех независимых государств Закавказья и Республики горцев на Северном Кавказе. Разумеется, делала она это не столько в интересах государств Закавказья, сколько для того, чтобы облегчить свою игру на противоречиях этих трех новых государственных образований.

В период работы мирной конференции в Батуме политическая деятельность руководителей Горской республики активизировалась. Они на шаг опережали своих закавказских собратьев. И было это связано с благосклонным отношением к ним со стороны Турции, желавшей видеть на Северном Кавказе государство, способное стать на пути Красной армии и распространению большевизма.

Турки видели в Горской республике временное буферное образование, но, по мере усиления своего влияния в Закавказье,

рассчитывали использовать ее и как плацдарм для своих дальнейших планов под флагом пантюркизма.

Если Северный Кавказ ориентировался на Османскую империю и готов был иметь любого рода союзные отношения с ней, то у государств Закавказья дело обстояло немного иначе. Три государства (Азербайджан, Грузия и Армения) имели разных покровителей. Азербайджан, как и Северный Кавказ, был ориентирован на Османскую империю, в то время как Грузия не просто искала понимания у Германии, но и, по словам немецкого военного и политика Эриха Фридриха Вильгельма Людендорфа[357], была готова заключить договор о вхождении в Германский союз. В телеграмме генерала Э. Людендорфа на имя генерала Карла Грёнера[358] говорилось:

«Чрезмерные требования, которые выдвинуло турецкое правительство правительству Закавказской федерации во время переговоров в Батуми, привели к тому, что Закавказская федерация раскололась. Грузия объявила о своей независимости. Официальные полномочные представители грузинского правительства и грузинского народа просят о присоединении к Германскому рейху в приемлемой для нас форме. Учитывая огромные запасы сырья на Кавказе, которые сразу же станут доступными для нужд немецкой военной экономики, и, кроме того, учитывая возможность создания действующей грузинской армии из числа многочисленных бывших русских офицеров и рядового состава грузинской национальности, которая в случае необходимости будет воевать на стороне Германии, Верховное Германское командование решило:

1) просить правительство Германии признать независимость Грузии; этого легче добиться для Грузии, чем для других частей бывшей Российской империи, учитывая особые государственно-правовые отношения Грузии и русского правительства;

2) постараться добиться скорейшего заключения мирного договора между четырьмя союзными державами, с одной стороны, и независимой Грузией – с другой;

3) после этого удовлетворить просьбу Грузии о присоединении ее к Германскому рейху…»[359]

Грузия не могла не понимать, что Османская империя будет добиваться постоянных уступок со стороны Грузии и Армении. Именно по этой причине выбор пал на Германию, которая в интересах экономического характера смогла бы противостоять политике Османской империи в Закавказье. Немецкое командование исходило из того, что в противовес возможному союзу славянских народов следовало бы создать союз нерусских, нехристианских народов, населявших бывшие окраины развалившейся Российской империи, как базу, где доминирование Германии было бы абсолютным. Немецкое командование всерьез рассчитывало на укрепление в этом регионе и было недовольно действиями своих союзников турок[360].

Таким образом, еще одним результатом конференции в Батуме стало то, что кавказские игроки определились в выборе союзника из пары Германия – Османская империя.

Для горцев эта конференция стала историческим событием. На ней они впервые были восприняты как полноправные участники. Статус делегации был приравнен к статусу закавказских делегаций. Этот факт, который остается за рамками исследований по данному вопросу, достоин более внимательного изучения, без которого трудно объяснить, чем занимались горцы на конференции, если, формально говоря, их представили в день открытия, и далее они практически не фигурируют. Им было не просто дозволено быть участниками конференции, их статус предполагал и участие в заключении договора со всеми участниками конференции: как со странами Закавказья[361], так и с Османской империей[362] и Германией[363].

Итогом Батумской конференции для горцев стал факт официального признания их государства на основе общепризнанных международных соглашений. Первым делом

дипломатия горцев имела успех. В отличие от Трапезундской конференции горцы были полноправными участники международной конференции, на которой решалась судьба всего Кавказского региона. Горцы подписали мирные договоры с Германией, Османской империей, с Азербайджаном. Подписание мирного договора о дружбе с Грузией, видимо, было отсрочено в связи с планами в отношении Абхазии. По этой причине между Грузией и горцами заключались межправительственные соглашения, которые не базировались на основе мирного договора.

Именно Батумскую конференцию стоит считать первым выходом Союза горцев Северного Кавказа на мировую политическую арену. Это позволило обратиться к странам Запада уже как реальный политический игрок Кавказа. В этом значение и историческая ценность для горцев Северного Кавказа Батумской конференции.

Провозглашение независимости государства Союза горцев Кавказа

Накануне конференции горская политическая элита, связанная с Союзом горцев Северного Кавказа, разворачивает бурную деятельность, целью которой является участие в Международной конференции в качестве независимого государства горцев, а не как часть Закавказской федерации. Этого хотели не только горцы, инициатива исходила от османской стороны. Блистательная Порта была заинтересована, чтобы Кавказ представляли различные делегации, двусторонние переговоры с каждой из них упростили бы работу турецким дипломатам. И на первом плане у турок были Азербайджан и горцы Северного Кавказа, которые после разгона Учредительного собрания не видели себя в составе большевистской России.

После отступления из Владикавказа в марте 1918 года Горское правительство уже не раздумывало, с кем быть и в союзе с кем развиваться как независимое государство. Оно окончательно определилось, что берет курс на становление своего собственного государства горцев Северного Кавказа и Дагестана, в перспективе в содружестве с закавказскими республиками[364], и в первую очередь в союзе с Азербайджаном и Грузией, при полной поддержке этого курса со стороны Османской империи. Данное отступление стало первым тревожным уроком для Союза горцев, свидетельствовавшим, что строительство своего государства будет нелегким делом и справиться своими силами будет непросто.

Курс на возможное объединение с Закавказьем был сформулирован и в официальном заявлении Г. Баммата от имени горской делегации на Трапезундской мирной конференции, где особо указывалось, что воссоединение Закавказья с Союзом объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана было бы

самым разумным решением на данном этапе[365]. И тот факт, что в Закавказском сейме присутствовали представители горцев в лице члена Сейма Алихана Кантамира[366], а в феврале 1918 года на заседаниях присутствовали и принимали участие в обсуждении вопросов А.-М. Чермоев, З. Темирханов, Магомед-Кази Дибиров в качестве делегатов от горцев Северного Кавказа[367], позволяет предположить, что и в Тифлисе считали в перспективе возможным такое объединение.

Именно с этой целью после Трапезундской и накануне Батумской конференций начинаются интенсивные переговоры с Османской империей. В срочном порядке в Константинополь были делегированы А.-М. Чермоев, Г. Баммат, М.-К. Кадиев[368], которые прибывают на место уже 26 апреля 1918 года и останавливаются в Pera Palace Hotel. Они должны были убедить Блистательную Порту, что временные неудачи на фронте с большевиками будут исправлены в самое ближайшее время. И главное, они должны были убедить власти Турции, что они – законно избранные представители, уполномоченные говорить от имени всех народов Северного Кавказа – верных союзников Турции к северу от Главного Кавказского хребта.

В интервью стамбульской газете Tasvir Efkar-I председатель делегации А.-М. Чермоев и М.-К. Дебиров сделали официальное заявление по поводу своего приезда в Стамбул. Их цель, сказал Чермоев, довести до мировой общественности, что Северный Кавказ провозгласил свою независимость и они надеются на его признание со стороны Османской империи. А.-М. Чермоев заверил, что новое государство на Северном Кавказе намерено искать тесный союз с турками и что они преисполнены желания быть союзниками Османской империи[369]. В другом интервью, для газеты Hilal 10 мая 1918 года, М.-К. Дебиров заявил, что горцы осознают, что нет разницы – имперская ли Россия или советская – она все равно не признает независимости горцев. Именно по этой причине они ищут

поддержки у исторического друга горцев и просят защиты у Османской империи от вмешательства в их дела со стороны России[370].

На самом деле вопрос о независимости Горской республики не был неожиданностью для политических кругов Закавказья и стран Четверного союза. Дело в том, что активность горской делегации трудно было не заметить в Тифлисе и Константинополе. Многочисленные встречи на уровне султана и его премьер-министра не оставляли сомнений, что все идет к более тесному союзу горцев с Османской империей. Блистательная Порта, не разглашая все нюансы, ставила в известность своих союзников по коалиции в войне. В этом союзе четырех государств (Германии, Австро-Венгрии, Турции и Болгарии) мнение Германии нельзя было обойти, именно поэтому улаживать все вопросы с ней брала на себя Блистательная Порта. О высокой степени доверия между Горской республикой и Османской империей чуть позднее ставил известность в своем письме Г. Баммат А.-М. Чермоева, сообщая, «что Турция берет на себя разрешение нашего вопроса в полной мере… Признание Германией нашей независимости принципе обеспечено…»[371].

Известие о провозглашении Горской республики быстро нашло отражение в комментариях по всему миру. Газета «Эхо Парижа» уже 13 мая сообщила, что Горская республика, возглавляемая «полковником Чермоевым»[372], куда лучше, чем бакинские марксисты или турецкие эмиссары, втягивающие край в войну против христиан[373]. Это была реакция на еще неизвестный французам факт о контактах горской политической элиты с немцами. Горцы понимали, что поддержка немцев оттолкнет от союза с ними казаков и сделает их партнерами Франции и Англии в борьбе против большевиков и немцев в регионе[374]. Немцы, уже находившиеся в Закавказье, были для горцев реальной силой, способной помочь им в отстаивании суверенитета. Ни Англия, ни Франция не видели в горцах силы, на которую стоило бы делать ставку в борьбе против

большевиков. Все расчеты англо-французской коалиции на Северном Кавказе строились в расчете на царских генералов, претендующих на восстановление России в рамках единой и неделимой Российской империи.

Проработав в Константинополе свой вопрос с турками и получив от них заверения в поддержке продвижения горцев к независимости от России, делегация возвращается в Тифлис, чтобы урегулировать отношения с Закавказьем. Отсюда, получив ответ на обращение от члена делегации Горской республики З. Темирханова[375], от главы германской делегации на конференции генерала Отто фон Лоссова, тут же отправляется в Батум.

Вернувшись из Константинополя, горцы столкнулись с тем, что об их решении уже было известно. Письмо об этом на имя председателя закавказской делегации А. Чхенкели 2 мая 1918 года написал турецкий представитель Халилбей. В нем он просил принять горскую делегацию в качестве отдельной полноправной делегации на конференции в Батуме[376]. Для решения этого вопроса 9 мая 1918 года в Батуме было проведено специальное предварительное заседание представителей делегаций, прибывших на конференцию. Таким образом, турецкая сторона отчетливо дала понять, кто в действительности принимал решение. При этом стоит иметь в виду, что турки не делали большой ставки на горцев, это было видно и впоследствии, когда они послали в Дагестан лишь один батальон. Для турок куда более важным был регион Закавказья.

Поскольку свои действия горцы начали с Константинополя, весть об объявлении независимости их республики шла впереди самой делегации. Так, например, в телеграмме главнокомандующего Кавказским фронтом турецкой армии Вехиб-Махмуд-паши на имя председателя Закавказского правительства от 28 апреля 1918 года сообщалось, что Турция признает независимость как Закавказской республики, так и горских народов[377]. То есть получается, что командующий турецкой армией поздравляет горцев с объявлением

независимости за две недели до того, как это было сделано официально.

Получив желаемое признание со стороны турок, делегация должна была срочно отбыть в Батум, чтобы принять там участие в конференции – это также было предложено турками. Более того, глава турецкой делегации Халил-бей предложил северокавказской делегации плыть в Батум на его корабле. В Константинополе остался А.-М. Чермоев, которому предстояло решить еще ряд вопросов, он присоединился к северокавказской делегации в Батуме в день открытия конференции, 11 мая 1918 года.

Уже 9 мая, за два дня до официального провозглашения независимости на конференции, Г. Баммат обращается к правительству Австро-Венгрии с просьбой признать независимость Горской республики[378]. Это было своего рода дипломатическим жестом, направленным на то, чтобы страны блока Четверного союза, не присутствующие на конференции в Батуми, не игнорировали участников конференции.

Уже на первом заседании конференции представители горцев под руководством Г. Баммата присутствуют в качестве отдельной и полноправной делегации.

«Нижеподписавшиеся, полномочные представители Кавказа, имеют честь довести до сведения всех правительств нижеследующее[379]:

Народы Кавказа закономерно избрали национальное собрание, которое, собравшись в мае и сентябре 1917 года, заявило об образовании Союза горцев Кавказа и вручило исполнительную власть настоящему правительству. В виду царящей в России анархии и пользуясь признанным самим петроградским правительством правом за всеми народами бывшей империи царей свободно создавать свою политическую будущность, правительство Союза горцев Кавказа приняло следующую резолюцию:

1. Союз горцев Кавказа решает отделиться от России и образовать независимое государство.

2. Территория нового государства будет иметь своими границами на севере те же самые географические границы, какие имели области и провинции Дагестана, Терека, Ставрополя и Черного моря в б. русской империи, с запада – Черное море, с востока – Каспийское море, на юге – границу, подробности которой будут определены по соглашению с Закавказским правительством.

Полномочным делегатам, подписавшимся здесь, поручено довести до сведения всех правительств это решение и прокламировать этим заявлением образование независимого государства Союза горцев Кавказа, а посему нижеподписавшиеся заявляют, что от сегодняшнего дня независимое государство Кавказского Союза рассматривает себя закономерно установленным.

11 мая 1918 за подписями: *Абдул-Меджид Чермоев, Гайдар Баммат*»[380].

Реакция турецкой прессы на это известие была оживленной. Многие ведущие журналы опубликовали сообщение, что на Северном Кавказе провозглашена независимость дружественных туркам горцев. Указывались подробности о новом государстве, давалась информация о его территории, населении, о границах новой республики. Официальная реакция была более чем благожелательной: «Появление в этой части Кавказа государства – это приятное известие для всего тюркского и Оттоманского мусульманского мира»[381]. Приводилась карта нового государства: по своим размерам оно превышает все три закавказские республики, вместе взятые. Разумеется, на карте территории, населенные казаками (терскими и кубанскими), были представлены как земли горцев, что в дальнейшем станет объектом тревоги со стороны казачества.

Сутки спустя А.-М. Чермоев и Г. Баммат обращаются с письмом к великому визирю с просьбой о помощи и содействии признанию Горской республики. Представители горцев обращали внимание на то, что жителей Северного Кавказа «связывают давние исторические связи с Оттоманской империей. Говоря о ситуации в республике, они

особо отмечали, что большевики сеют кровь и бедствие по всему региону. В этих чрезвычайных условиях молодой Горской республике необходима помощь для отражения атак большевиков, и без помощи Турции ей это не удастся сделать»[382].

На основе этих документов чуть позднее (8 июня 1918 года в Батуме) было заключено соглашение, подписанное представителями Горской республики в лице все тех же А.-М. Чермоева, Г. Баммата, З. Темирханова, А. Кантамира. От имени Оттоманской империи подписи поставили Халил-паша и Вехир-паша[383]. Соглашение состояло из шести пунктов: об установлении вечного мира между странами; о военной поддержке Горской республики со стороны Оттоманской империи; об открытии консульских отношений[384], о налаживании экономических отношений; о признании международных соглашений о почте и налаживании на основе этого договора о почтовой связи; о признании Брест-Литовского мирного договора; об утверждении этого договора Константинополем и предоставлении его в подписанном виде в течение месяца.

Договор дружбы, подписанный Горским Оттоманским правительством, был опубликован в Тифлисе в 20-х числах июня 1918 года. Главным в договоре было признание независимости горцев и желание видеть Северо-Кавказское государство процветающим и живущим в дружбе со своими соседями[385]. Таким образом, можно сказать, что Турция стала первым государством, не только официально признавшим Горскую республику, но и подписавшим договор о сотрудничестве в военной, экономической и политической областях.

Первым премьер-министром независимого Горского правительства становится А.-М. Чермоев, который занимал ранее пост председателя ЦК Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана. То есть парламент горцев Северного Кавказа, подтверждая его мандат, дал ему право на продолжение его курса. Новый кабинет

министров ненамного отличался от предыдущего по своему персональному составу.

В период работы Батумской конференции у горцев уже были договоренности с Турцией. Они также заручились обещанием Отто фон Лоссова, представителя императорского германского правительства, в ближайшем будущем рассмотреть вопрос об установлении дружественных отношений с Горской республикой. Предполагался договор из 10 пунктов, в том числе и об оказании горцам в случае необходимости военной помощи, что было немаловажным на фоне того обстоятельства, что правительство Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана вынуждено было оставить накануне столицу своего образования Владикавказ.

В отличие от турецкого договора немцы предлагали помочь и в установлении границ на севере. Видимо, они исходили из того, что смогут договориться или заставить большевиков согласиться с теми границами, которые немцы сочтут необходимыми для горцев. Граница, по их мнению, могла бы проходить в 20 верстах севернее Армавира, далее по линии Ставрополь – Святой Крест – течение и устье реки Кумы, а на юге по реке Ингури, Главному хребту Кавказских гор с включением в него Закатальского округа и Дагестанской области[386].

Граница включала в состав Горской республики Абхазию, а на юге предметом для споров с Грузией и Азербайджаном мог стать Закатальский округ. На севере возникла бы конфликтная ситуация с кубанским казачеством. Предполагаемые границы превзошли бы самые смелые ожидания горцев, сумей они претворить такого рода договор в жизнь. Не стоит забывать, что все это предлагалось Германией в момент, когда она считала себе победителем и была способна оказывать влияние на русских.

Это не отвечало интересам англичан и французов, которые требовали от армянских и грузинских делегатов не соглашаться с пожеланиями Германии и Турции[387]. Укрепление немецко-турецкого альянса в Кавказском регионе шло вразрез с планами Англии и

Франции. Опасаясь проявления антифранцузских и антианглийских настроений, о которых сообщало консульство Франции в Тифлисе, атташе Франции и вице-консул Великобритании во Владикавказе спешно покинули город, уехав в Тифлис[388]. Город был погружен в анархию, власть фактически не контролировала ситуацию. Это обстоятельство не могло не сказаться на представлениях о том, что происходило на северном склоне Главного Кавказского хребта. Ухудшающаяся ситуация и возможность победы большевиков в этом районе заставили французский МИД в какой-то момент обсуждать возможность переброски на Северный Кавказ частей Чехословацкого корпуса[389].

Тем временем (13 мая 1918 года) Горское правительство направило правительству РСФСР ноту об объявлении независимости и отделении от России[390]. Нота была передана немецким поверенным в России графом Вильгельмом Мирбахом, что должно было показать, кто стоит за новоявленным государством. В ответной ноте от 15 мая 1918 года советское правительство обозначило свою позицию, заявив, что не признает ни Закавказскую республику, ни тем более Горскую республику в силу того, что, мол, народные массы требуют не выходить из состава России[391]. Сутки спустя, 16 мая 1918 года, советский НКИД заявил отдельный протест по поводу создания Горской республики и подтвердил, что не признает решения группы людей, принятого в обход многочисленных съездов, подтвердивших намерение горских масс остаться в составе России[392]. Более конкретно об этой телеграмме высказался И. Сталин: «Дело ясное. Авантюристы Северного Кавказа, разочаровавшись в англо-французах, рассчитывают теперь на врагов последних. А так как рвение туркогерманцев к захватам не знает пределов, надо думать, что не исключена возможность «соглашения» северокавказских искателей приключений с турко-германскими «освободителями»[393].

Однако было бы неправильно считать, что с принятием декларации о независимости согласились все политические силы в

Чечне, Ингушетии и в других регионах Северного Кавказа. Представители горских народов, члены Народного совета Терской области, узнав о намерениях турецкого правительства, созвали экстренное собрание своих фракций. На собрании делегатов вопрос об отделении Северного Кавказа от России был подвергнут всестороннему обсуждению. Делегации резко негативно отнеслись к декларации и потребовали от А.-М. Чермоева не выступать от имени чеченского народа. При этом они задним числом аннулировали его мандат на съезд народов Терека[394]. В противовес существующим советам (Гойтинскому и Староатагинскому) большевики создали подконтрольный их сторонникам Алдинский совет, выборы которого никто не проводил. Используя чеченскую молодежь, большевики пытались нейтрализовать и так едва представленную власть Горской республики на местах.

Как бы то ни было, действия большевиков были не более активны, чем действия Узун-хаджи или шейха А. Митаева. Поэтому не стоит считать, что влияние большевиков превосходило влияние других сил в регионе.

И. Сталин в своей телеграмме на имя наркома Л. Троцкого от 26 июля 1918 года описывал положение на Северном Кавказе как катастрофическое и просил прислать для спасения ситуации хотя бы одну дивизию из центра. По его словам, «все дело во времени, если вовремя не придет помощь, Северный Кавказ будет потерян, об этом говорят все данные, только что полученные от Кальнина[395]»[396]. В октябре 1918 года И. Сталин писал в Президиум ВЦИК о необходимости учреждения «комиссии по укреплению Советской власти в районе горцев Северного Кавказа и Дагестана и об организации при местных совдепах национальных подотделов по делам горцев Кавказа»[397]. Это полностью противоречит позиции советской историографии, утверждавшей об установлении советской власти в регионе уже с 1918 года. Из переписки Сталина с Москвой нетрудно понять, что Северный Кавказ рассматривался как

продовольственная база для северных областей России[398]. То есть речь не шла о помощи Северному Кавказу, была только одна установка – использовать регион для помощи Москве и Петрограду.

Нота немецкого посла советскому руководству о провозглашении горцами независимости возмутила большевиков в Москве. Сталин был оскорблен этой новостью, он утверждал, что «на Северном Кавказе, в Кубанской и Терской областях, укрепились действительно народные Советы депутатов, сплотившие вокруг себя широкие слои всех без исключения племен и народов Северного Кавказа. Кабардинцы и казаки, осетины и грузины, русские и украинцы широким кольцом сплотились вокруг Терского Совета депутатов. Чеченцы и ингуши, казаки и украинцы, рабочие и крестьяне заполнили в лице своих представителей много численные Совдепы Кубанской области. Широкие трудовые слои всех этих племен и народов громогласно провозгласили на своих съездах неразрывную связь с Советской Россией»[399]. Сталин имел в виду, что к весне 1918 года весь Северный Кавказ был уже советским, что, разумеется, не соответствовало исторической действительности. Сталин ссылался на телеграмму чечено-ингушской фракции Терского народного совета за подписью А. Шерипова, который заявлял, что никто не уполномочивал делегацию Горской республики провозглашать независимость после переговоров с турками[400].

Чтобы успокоить настроения, вызванные пущенными большевиками слухами о том, что территория Горской республики в ходе переговоров с Османской империей будет включена в ее состав, правительство Горской республики выступило со специальным официальным опровержением, в котором было отмечено, что, наоборот, именно Османская империя была первой, кто протянул руку дружбы и предложил свои услуги по укреплению государства горцев на Северном Кавказе. И как доказательство того, что хочет достижения полного понимания с горцами, поверенным в делах Османской империи в Горской республике был назначен

этнический черкес, специалист по истории горцев Северного Кавказа Юсуф Изет-паша, показывая тем самым, что для нее важны знания тех, кто будет работать в регионе[401].

К осени сменившие турок и немцев англичане в лице генерала В.М. Томсона заявили о решении бакинского командования признать Горскую республику союзником. Томсон в своем заявлении от 27 ноября 1918 года объявил, что, пока мирная конференция не решила судьбу Кавказа, правительство Северного Кавказа будет признаваться союзниками в качестве единственно законной власти[402]. Тем самым, вслед за немецким и турецким признанием, Горская республика получила признание военного командования Англии на Кавказе. Такие решения не принимались на уровне главы военной миссии без согласования с Лондоном, генерал Томсон не смог бы сделать такого рода заявление. Это позволяет говорить о временном признании статуса Горской республики официальным Лондоном. На каком-то отрезке истории Англия сочла, что, может быть, статус горцев стоит рассматривать шире, чем виделось из ставки генерала Деникина. Это не было юридическим признанием, его стоит рассматривать как признание факта, что не повлекло юридических обязательств Англии.

Нерешенность вопроса о границах Союза горцев Северного Кавказа с Грузией и Азербайджаном

С момента образования Республики Азербайджан в Гяндже в Баку внимательно следили и за настроениями в приграничных с Горской республикой районах. Всякого рода обращения приграничных участков, населенных лезгинами, к правительству Горской республики болезненно воспринимались А. Ахундовым, официальным представите лем при нем Азербайджана[403]. Стоит отметить, что данную местность со всем Закатальским округом горцы Северного Кавказа считали территорией Горской республики[404] и некоторое время она фигурировала в документах как часть Горской республики. При этом особо указывалось, что имеются в виду только районы, населенные лезгинами, то есть дагестанские народы. В Конституции Союза горцев Северного Кавказа указывается, что Закатальский район должен иметь одного депутата в Центральном комитете Союза горцев[405].

Надо также иметь в виду, что первоначально, в 1917 году, ЦК Союза объединенных горцев Кавказа претендовал на эту территорию и имел претензии не столько к Азербайджану, сколько к Грузии: «Относительно Закатальского округа никакие переговоры не возможны, так как громадное большинство населения округа состоит из горцев и гелойцев. В большинстве своем мусульмане живут в центре округа, ссылки же грузин на принцип экономического тяготения указывают только на не в меру разыгравшиеся аппетиты»[406].

Но картина была бы неполной, если не упомянуть и тот факт, что данный регион по документам другого государства также считался частью собственной территории, а именно Грузии. В докладе для мирной конференции в Париже правительственная делегация Грузии, отмечая границы своего государства, указывала: «Грузинская

делегация полагает, что в территорию Грузии должны входить: губернии Тифлисская и Кутаисская, Сухумский и Закатальский уезды, Батумская область, два западных уезда Карской области и Трапезундского вилайята...»[407] То есть на данную территорию претендовали сразу три государственных образования, существовавшие на тот момент. В приложении к докладу шло детальное описание территории[408].

Однако данная территория экономически и политически больше была связана с Азербайджаном, чем с Северным Кавказом, что и послужило причиной утверждения в дальнейшем всего округа в составе Азербайджанской Демократической Республики. Более того, в 1919 году сама Горская республика имела планы тесного союза с Азербайджаном. Горское правительство перед угрозой полного поглощения Добровольческой армией было согласно на вхождение в состав дружественного Азербайджана не только Закатальского округа – сама республика была согласна на «поглощение» Азербайджаном, считая это меньшим злом по сравнению с Советской Россией или армией генерала А. Деникина.

Предоставляя справку для мирной конференции во Франции в 1919 году, северокавказская делегация в Париже указала Закаталы как составную часть Горской республики, хотя фактически округ уже год как числился в составе Азербайджана. Население этого края, считали власти Горской республики, на 90 % состоит из дагестанцев[409]. В справке указывалось, что в районе Закаталы проживают 5 тысяч армян, 5 тысяч грузин из 120 тысяч жителей, определявших себя как дагестанцы – «и мы не сомневаемся о воле этих жителей, которые хотят присоединиться к нашему Союзу»[410].

Тем временем единственный официальный представитель от Закатал на съезде горцев во Владикавказе Ибрагимбек Гайдаров был включен в состав правительства Азербайджана в качестве министра[411]. Тем самым Союз горцев лишился единственного легитимно избранного делегата от этого края. На самом деле его

уход не был, видимо, политической игрой официального Баку: И. Гайдаров после поездки во Францию в составе горской делегации вернулся на родину уже убежденным представителем тюркского мира, что и стало причиной его приглашения в правительство АДР.

Кроме Закатал, именно с распадом Российской империи стал на повестку дня вопрос о разделенности Осетии на Северную и Южную. Во Владикавказе чувствовали, что граница с Грузией впервые может быть обсуждена с позиции давления на только что образованное, молодое, еще не окрепшее Грузинское государство. Пользуясь тем, что территория Горской республики была оккупирована Добровольческой армией, ее правитель генерал Я. Хабаев посылает в Пятигорск к казачьему руководству представителя с предложением от имени осетинского народа. Он просил генерала Г. Вдовенко решить вопрос об объединении двух Осетий в контексте более тесного союза казачества и осетинского народа[412].

Вопрос об объединении двух частей Осетии практически ставился впервые, и генерал Г. Вдовенко не был готов решать его, поскольку он втягивал казачество в конфликт с Грузией. Осетинам было предложено самим решить вопрос как внутриосетинский, а не передавать его на рассмотрение казачеству и не требовать от казаков выступить с территориальными претензиями к Грузии.

Мнение горцев по этому поводу было однозначным, учитывая, что местные политики из числа приверженцев социал-демократического течения «не придают этому вопросу существенного значения при условии обеспечения за ними права широкого культурного самоопределения. Так как в данном случае, как и во всех остальных, для Центр. Комитета решающее значение имеет воля населения, то и возражения наши против грузинских притязаний естественно отпадают»[413]. Для координации совместной программы было решено созвать съезд, который прошел 17 ноября во Владикавказе[414].

Было решено подготовить Устав Осетинского национального совета[415]. Он должен был быть принят съездом, который назначили на 15 декабря 1917 года во Владикавказе[416]. При этом было бы ошибкой исходить из современных представлений о натянутых отношениях между осетинами и грузинами. На самом деле осетины были членами Социал-демократической партии Грузии[417]. Грузины и осетины на тот момент вели интенсивный диалог, как и в других районах Грузии. Но если в 1918 году еще был актуален вопрос объединения с Северной Осетией, то с 1919 года в решениях Национальных советов как Северной Осетии, так и тех осетин, что жили по южную сторону Главного Кавказского хребта, такой вопрос уже не фиксируется.

Тем временем на Мирной конференции в Париже горская делегация распространила справку о Северном Кавказе за подписью Г. Баммата, в которой разъясняла свою политику касательно двух Осетий. В документе отмечалось: «Районы Южной Осетии, населенные осетинами, хоть расположены по южной части Кавказского хребта, должны быть частью Союза народов Северного Кавказа, потому что это воля людей, соотечественники в основном живут по северной части хребта и имеют союз с нами. Осетины в целом не признают, что они делятся на две части, и категорически заявляют, что они с нашей республикой»[418]. То есть руководство Союза горцев даже не допускало сомнений в том, что осетины, жившие по южную сторону хребта, являлись частью Союза горцев Северного Кавказа.

Осетинская делегация, решившая достучаться до конференции в Париже, была сформирована из числа жителей осетинской национальности, проживавших по южную сторону Главного Кавказского хребта. На нее возлагалась задача донести мнение осетинской общественности до представителей союзников в Тифлисе. Так, 16 января 1919 года Национальный совет Южной

Осетии принял решение представить подробную записку вместе с меморандумом от имени осетинского народа на мирную конференцию и в миссию союзников по Антанте на Кавказе. Национальный совет избрал лиц, уполномоченных донести это решение и желание осетин жить совместно. Делегатами были избраны председатель Национального совета Южной Осетии И. Плиев, его секретарь В. Санакоев и член Всеосетинского объединенного комитета И. Совиев[419]. В составленном меморандуме на 14 страницах дается полная географическая, историческая, экономическая характеристика региона и в целом осетинского этноса. На данном этапе для осетин был куда важнее сам факт прекращения разделения этноса границами двух республик, Горской и Грузинской. Главное – быть едиными и, быть может, не столь важно, в составе какой республики проживать.

Осетинская делегация передала свои требования представителям миссий союзников в Закавказье 10 марта 1919 года на четырех страницах от имени тех же уполномоченных, что и при составлении меморандума к Мирной конференции в Париже (добавлена была только еще одна фамилия, Петра Макаева, члена общего комитета). В нем союзникам вновь разъяснялись причины желания осетин жить в едином пространстве[420]. 26 марта 1919 года глава французской военной миссии на Кавказе полковник П. Шардиньи передал этот меморандум в Париж, во 2-е бюро военной разведки Генерального штаба военного министерства Франции[421].

Не менее остро стоял вопрос и относительно принадлежности к Союзу горцев Северного Кавказа Абхазии. Абхазский национальный совет, который был в меньшинстве по отношению к другим Национальным советам Абхазии (сформированным по этническому принципу: грузинский, армянский, греческий), также пытался довести свое мнение до тех, кто, по их мнению, должен был решить судьбу народов Кавказа, – до членов Мирной конференции в Париже.

В своих официальных обращениях и публикациях для зарубежного читателя на 1 января 1918 года Союз горцев Северного Кавказа в числе перечисляемых территорий всегда указывает Абхазию[422]. То есть решения Второго съезда на этот момент относительно участия Абхазии в северокавказском союзе не были подвергнуты изменениям.

В Батуми в период работы Международной конференции в мае 1918 года было заявлено, что абхазы ассоциируют себя именно с Северным Кавказом, а не с Закавказьем.

С этим отчасти был согласен один из видных грузинских политиков А. Чхеидзе, который писал на имя председателя Абхазского национального совета: «Ваш союз с горцами отнюдь не должен, по-моему, помещать Вам войти в известное соглашение с Грузией – это тем более, что последняя кроме добра ничего другого не желает Абхазии, в составе которой она мыслит и Самурзаканию»[423]. То есть официальный Тифлис считал вполне приемлемой формулу, где Абхазия могла быть связана договорами как с Северным Кавказом, так и с Грузией. Приглашая на конференцию в Тифлис всех представителей четырех Национальных советов Абхазии, А. Чхенкели указывает, что он и сам из Самурзакани и что отношениям с этой частью не стоит пренебрегать абхазцам, в силу тесных отношений существующих испокон веков.

Однако удаленность центра Северо-кавказской республики от Абхазии[424] требовала иметь хорошие отношения с близким соседом – с Грузинской республикой. Тем более что грузины, составляя большинство в Абхазии, безусловно хотели отношений с Грузией более тесных, чем с горцами Северного Кавказа. Для предотвращения какого-либо недопонимания относительно стремления абхазцов к сближению с горцами Северного Кавказа Абхазский национальный совет подписал 9 февраля 1918 года в Тифлисе соглашение с Национальным советом Грузии (НСГ). Здесь абхазская делегация во главе с князем А.Г. Шервашидзе стремилась

отстоять свое вправо быть равноправным партнером с Грузией. В подписанном соглашении было три пункта:

«1. Воссоздать единую нераздельную Абхазию в пределах от р. Ингур до р. Мзымта, в состав которой войдут собственно Абхазия и Самурзакань или, что то же, нынешний Сухумский округ.

2. Форма будущего политического устройства единой Абхазии должна быть выработана (в соответствии) с принципом национального самоопределения на Учредительном собрании Абхазии, созванном на демократических началах.

3. В случае, если Абхазия и Грузия пожелают вступить с другими национальными государствами в политические договорные отношения, то взаимно обязываются иметь предварительные между собой по этому поводу переговоры»[425].

Более того, прекрасно сознавая, что численный перевес грузинского населения над абхазами может привести к срыву задач по сближению с горцами, номинальный шеф, бывший влиятельный князь А. Шервашидзе попытался уговорить абхазов, проживающих в Османской империи, переселиться в Абхазию.

Высадка турецких солдат в районе Цкургил не была простой случайностью и произошла не без ведома абхазской стороны, мало того, это было личное имение абхазских князей Шервашидзе. Будь они посланы турецкой властью, вряд ли были бы так учтивы, что при первом же требовании Абхазского национального совета согласились вернуться обратно в Турцию. К тому же разоружившись, сдав боеприпасы и оружие абхазам. По всей вероятности, речь идет не столько о турецком отряде, сколько об абхазских добровольцах из Турции. Косвенным подтверждением этого может служить факт обсуждения на заседании Абхазского национального совета темы об абхазах, которые прибыли из Турции именно по линии князя А. Шервашидзе.

Национальный совет, представлявший грузинскую часть населения Абхазии, требовал провести на основе равенства выборы в четырех

крупных общинах, а до его избрания возложить финансирование Абхазии на грузинское правительство [426].

В это время с целью обезопасить себя от вторжения большевиков с севера грузинская армия выходит на линию Сочи – Адлер – Туапсе[427]. Недолго думая грузинское правительство отдельным декретом оформить вхождение этой территории в состав Грузинской Республики[428]. Эти действия грузинских властей были направлены не только против большевиков, но и против деникинцев[429]. Неудивительно, что действия грузинских властей не нашли поддержки у представителей Белой армии, потребовавшей от Грузии соблюдения внутриимперских административных границ, установленных в 1905 году[430]. То есть оформление Сочинского округа в составе Грузии было продиктовано сугубо политическими соображениями, а не притязаниями на расширение национальных границ с включением этнических грузинских сел в этом районе[431].

На фоне таких противоречий не могло быть и речи о каких-то союзнических отношениях между Грузией и Добровольческой армией. Только взаимная неприязнь к большевикам удерживала их от возможного противостояния[432]. Позже грузинская армия базировалась в Гаграх, где располагался ее штаб[433]. Более того, у главнокомандующего грузинскими войсками в этом регионе генерала Г.И. Мазниева (Мазниашвили) существовали доверительные отношения с представителем генерала А. Деникина генералом Е.В. Масловским, который в период Первой мировой войны был непосредственным начальником Г.И. Мазниева. Именно личные отношения двух генералов и послужили причиной отставки Г.И. Мазниева с этого поста по требованию официального Тифлиса[434]. Действия грузинских властей относительно оформления Сочинского округа не могли не беспокоить английскую военную миссию, которая смогла убедить генерала А. Деникина не начинать полномасштабных действий против грузинских частей. Англичане заверили А. Деникина, что им удастся уговорить официальный Тифлис отозвать

грузинские части за реку Бзыбь. Тем не менее английская военная миссия на Юге России дала понять А. Деникину, что в этом споре она намерена поддерживать грузин, а не русскую армию. Попытка английской миссии договориться с Ноем Жордания и убедить его оставить Сочинский округ закончилась провалом, так как грузинская власть исходила из того, что государственные границы должны быть установлены не иначе как на Мирной конференции в Париже[435]. В итоге граница между Грузией и Россией, подконтрольной А. Деникину, так и осталась законсервированным взрывоопасным очагом напряженности, где военные действия могли начаться в любой момент. И только большевики выигрывали от конфликта в этой части Северного Кавказа из-за необходимости держать дополнительные силы Добровольческой армии против вооруженных сил Грузии в районе Адлер – Сочи.

Решение Грузии перенести границу в район Сочи было опротестовано Горским правительством в том пункте, который касался Абхазии. Так, 13 июня 1918 года Г. Баммат в статусе министра иностранных дел Республики горцев Кавказа выразил протест правительству Грузии и дипломатическому агенту императорского правительства Германии в Тифлисе Шуленбергу по поводу вторжения немецких войск в Сухуми.

В августе 1918 года Абхазский национальный совет в лице представителя правительства Горской республики С. Басарва в письме на имя Г. Баммата указывал, что раздираемое изнутри национальное движение не смогло выработать единую линию действий в столь непростое для него время. Со слов Симона Басарва, Грузия лишила возможности заниматься политической деятельностью всех, кто ассоциировал себя с Горской республикой, вплоть до того, что они были лишены права жить в Абхазии[436].

Бывший владетельный князь Абхазии Александр Шервашидзе в своем письме на имя Г. Баммата просил учесть желания абхазов в условиях, когда на территорию были введены войска Грузии. Он

писал, что население края само примет решение, с кем быть, и что для этого стоит дать право выбора без давления[437].

Вплоть до ликвидации структур Горской республики среди политиков Абхазии шла дискуссия, на кого следует ориентироваться в политическом развитии. При явном тяготении определенной части к тесным контактам с горцами Северного Кавказа, схожих традициями, была и другая часть, которая видела возможность союза с Грузией, так как именно с ней Абхазия была связана экономически.

Более того, даже в конце 1918 – начале 1919 года Абхазия пыталась вести независимую от Грузинского национального совета политику в попытке остаться в сфере влияния Горской республики Северного Кавказа[438]. И это притом, что она уже фактически была включена в состав Грузинской Демократической Республики.

Тем не менее руководство Союза горцев не было склонно согласиться, что Абхазия – часть Грузии. Г. Баммат в своем письме из Берна в феврале 1919 года настаивал, что это – часть Горской республики: «Я честно продолжаю делать общекавказскую политику и в ответ на грузинское сообщение, выпущенное под влиянием Чхенкели в Берне, которое гласит, что Абхазия составляет часть Грузии, а Туапсе грузины уступают Деникину – грузины в сношениях как с русскими социалистами, так и с русскими монархистами, и на худой конец примиряются с Россией. Конечно, в моей брошюре и во всех официальных случаях, и в абхазском вопросе никаких уступок не делала…»[439]

О том, что это были не только мысли одного из деятелей Горского правительства, говорит и речь делегата от Абхазии в Союзном совете (парламенте) Республики горцев Северного Кавказа Туманова, который настаивал на своем участии во всех органах власти горцев: «Я член Правительства родного по крови братского вам абхазского народа приветствую от лица всего абхазского народа членов Союзного Совета, как высшего органа, объединяющего разрушенные и угнетаемые горские народы Северного Кавказа… Наш

представитель вместе с вашей делегацией от имени горских народов Кавказа отправился в Париж на всемирную конференцию. Мы это высоко ценим, мы чувствуем и разделяем вашу психологию»[440].

Ситуация с Абхазией ставила в тупик Горское правительство, которое действовало в Тифлисе и существовало на деньги грузинского правительства, просило помощи ее армии и при этом выступало против планов включения Абхазии в состав Грузии.

В своем письме в адрес Горского правительства из Тифлиса П. Коцев в сентябре 1918 года писал, что включение Абхазии в состав Грузии заставило горских политиков жестко говорить с членами грузинского правительства, при этом отмечалось, что все это делалось в устной форме, никаких письменных протестов с их стороны не предпринималось: «По абхазскому вопросу мы до сих пор не находили нужным письменно протестовать, пока не устроим пропуск войск, не создавая трений, да кроме того такие вопросы сейчас разрешаются реальным соотношением сил, а скоро, вероятно, мы будем иметь возможность письменный протест поддержать и реально»[441].

То есть горцы не хотели напряжения с грузинским правительством до того, как турки и немцы не будут на Северном Кавказе. И связь осуществлялась только через Грузию, так как выход к Черному морю и к его портам был только в далекой перспективе. Более того, горцы ждали ответа от Тифлиса по поводу разрешения переброски оружия из Турции на Северный Кавказ через Поти на Владикавказ.

Турция и Германия в свете признания Горской республики в 1918 году

Говоря о ситуации в регионе, стоит отметить, что процессы исторического масштаба происходили здесь с такой скоростью, что это порой затрудняет анализ одного отдельно взятого аспекта[442]. Разные по характеру процессы в течение одного-двух месяцев налагались друг на друга. Взятие в Дагестане определенными силами того или иного города происходило практически каждый месяц, это ошибочно предлагается трактовать как факт установления власти. О степени неконтролируемости ситуации в этой части Северного Кавказа можно судить и по косвенным свидетельствам участников событий. Например, владетельный князь Н.-Б. Тарковский держал свою семью в Чечне, у своих знакомых чеченцев в селе Ножай-Юрт[443]. Власть в городах менялась в зависимости от того, чей (белых, красных, анархистов, монархистов) поезд проезжал вдоль Каспийского побережья.

К числу малоизученных вопросов относится степень турецкого влияния на Горскую республику, в частности оказание Турцией военной помощи на Северном Кавказе.

Сказать, что для Турции и Германии Северо-Кавказский регион был приоритетным, было бы не совсем корректно. Взоры их были обращены на Азербайджан и Грузию, то есть на Закавказье[444]. При этом Грузия нужна была как транзитная территория[445]. Для того чтобы обеспечить беспроблемное сообщение с Баку, нужно было иметь контроль и над Тифлисом[446]. Турция пыталась добиться уступок от Грузии, которая стояла на пути ее продвижения к Каспийскому морю.

Турция и Германия, хоть и выступали союзниками в Первой мировой войне против стран Антанты, но их интересы нередко

вступали в противоречие друг с другом[447], в том числе и относительно всего Кавказа[448].

Правительство Германии, признав независимость трех государств в Закавказье – Грузии, Армении и Азербайджана, поручило их правительствам сформировать официальные делегации и направить их в Берлин. Немецкое правительство обещало содействовать созыву конференции в Константинополе, чтобы решить вопрос о границах. Казалось бы, все складывалось лучше, чем можно было ожидать. Однако политика Германии в отношении Закавказья в течение короткого времени кардинально меняется. Неожиданно для всех Берлин отказывается от своих обещаний признать независимость всех трех республик и признает только Грузию, более того, обещает ей и военную помощь. Что касается Армении и Азербайджана, то Германия, основываясь на новых договорах с Советской Россией, отрицает не только их независимость, но и признает в качестве российской территории[449]. Францией и Англией это было расценено как попытка ослабить возможное влияние этих стран, заставляя их иметь дело непосредственно с Россией. Хотя здесь стоит иметь в виду и возможные договоренности с Османской империей, направленные на то, чтобы застолбить эти территории как зону интересов Блистательной Порты.

Горским политикам, получившим поддержку курса на независимость от Турции, было необходимо иметь и заверения от немцев. Именно с этим связаны все контакты А.-М. Чермоева с немецкими официальными лицами в Тифлисе. В ход шло все. К примеру, А.-М. Чермоев во время встречи с немецким представителем Ф. Крейсом обратил внимание на то, что, несмотря на тяжелое положение в стране горцев Северного Кавказа и постоянные нападения на русское население и на казаков, ни одна из немецких колоний ни разу не пострадала, так как, мол, горцами они рассматриваются союзниками Турции, а значит, и мусульман Северного Кавказа[450]. Конечно, все было далеко не так просто, но

сам факт, что в ход были пущены и разговоры о немецких колонистах Северного Кавказа, показывает заинтересованность горцев в благоприятном отношении немцев к своему Союзу горцев Северного Кавказа.

Одновременно в Берлине вел активную деятельность направленный Союзом горцев Северного Кавказа Х. Арсамаков, для которого это была далеко не первая поездка в Германию. Он был в свое время членом кавказской миссии 1915 года, когда в Германии и Швейцарии прошли первые Кавказские конференции[451]. Х. Арсамаков, докладывая Г. Баммату, очень красноречиво высказался об историческом моменте взаимоотношений с горцами Турции и Германии: «Турция хочет нам помочь, как братьям, но не может, а Германия может, но не хочет»[452]. Арсамаков выступал как человек Г. Баммата, по этой причине он в письмах все время заверяет его, что сделал все возможное, чтобы изменить ситуацию в пользу горцев, и что с его стороны не было сделано опрометчивых ошибок.

В отличие от Германии, которая видела в этом регионе лишь сырьевой придаток, Османская империя заглядывала чуть дальше. Для Турции важно было обеспечить свою протекцию народу, близкому языком и культурой к турецкому этносу, то есть азербайджанцам, и другим мусульманским народам, населяющим Кавказ.

Предполагалось, что отряды из числа офицеров-турок совместно с местными отрядами возьмут под контроль Чечню и Дагестан[453]. Однако дальше Дагестана дело не продвинулось, и то преимущественно только в горной его части.

Приход турецких военных в Дагестан был встречен населением, как ни странно, холодно, хотя все политики Горской республики рассчитывали, что именно их появление ознаменует гибель большевизма в регионе. Это могло объясняться разочарованием горцев: ведь вместо ожидаемой многотысячной армии они увидели всего лишь группу инструкторов. Первоначально группу турецких

инструкторов возглавлял полковник Исмаил Хакки-бей (Беркук)[454]. Он напрямую подчинялся генералу Юзеф-Изет-паше, который в свою очередь подчинялся Нури-паше. Тот, продвигаясь в горы и взяв под контроль Кумух, Гуниб, Хунзах и другие села, объявил эти территории свободными от большевизма и назначил двоих своих подопечных командующими. Хасан-Тахсин стал командующим на территориях Кази-Кумукского, Даргинского, Аварского, Андийского, Гунибского и Темир-Хан-Шуринского округов, Такеддинбей объявлялся командующим на территориях Самурского, Кюринского и Кайтаго-Табасаранского округов[455].

Исмаил Хакки-бею удалось совместно с местными влиятельными шейхами организовать широкую мобилизацию в свои ряды местных жителей. К примеру, если численность Красной армии за счет большевиков Астрахани и сбежавших из Баку большевиков достигала порядка 2 тысяч человек, то протурецким силам удалось собрать порядка 15 – 20 тысяч человек[456]. Костяк этих сил составляли вчерашние офицеры из местного населения, служившие некогда в армии Российской империи. Организовав под шефством турецких офицеров такую армию за столь короткое время, турецкие политики, делавшие ставку на Горское правительство, посчитали, что смогут поднять всеобщее восстание в регионе.

Если первоначально помощь со стороны турок оказывалась как бы частным образом, то уже после майской Батумской конференции 1918 года, после объявления независимости Горской республики[457] 8 июня османское правительство заключило с ней договор о союзе[458]. В свою очередь А.-М. Чермоев, председатель правительства Горской республики, обратился за помощью к Турции для борьбы с советской властью на Северном Кавказе, и помощь эта была оказана. Договор предполагал и оказание конкретной военной помощи[459]. Однако Германия предупредила Гайдара Баммата, что эта помощь будет «неофициальной», то есть ее не стоит рассматривать в контексте подписанных Турцией и Германией договоров[460]. То есть

страны – союзницы Горской республики не желали афишировать свое присутствие на Северном Кавказе и противостоять как Советской России, так и англичанам, выступающим в союзе с антисоветскими силами в России.

Многомесячное ожидание помощи турецкой армии было очень трудным для горских политиков. В своем письме на имя Г. Баммата Зубайр Темирханов указывал, что ситуация очень сложная и она каждый день ухудшается, территория охвачена анархией[461]. По его словам, большевики, захватив Петровск, Темир-Хан-Шуру и Дербент, плотно закрепились в прибрежной зоне, выкопав со стороны гор сплошные окопы, чтобы оградить себя от нападений горцев. То есть ими контролировалась территория вдоль железнодорожного пути из Баку в Грозный. Тем не менее, со слов З. Темирханова, настроения горцев складывались в пользу Союза горцев Северного Кавказа, но необходимо доказать, что их поддерживают и внешние государства. Само население, по его словам, не верит, что будет оказана помощь со стороны Турции. Именно по этой причине он настаивает на том, чтобы Г. Баммат сделал все, чтобы убедить турок срочно направить хоть какой, но вооруженный отряд для демонстрации поддержки Горского правительства со стороны Турции. Со слов З. Темирханова, отряд численностью в 600 человек был бы способен совместно с горскими отрядами взять под контроль всю территорию Союза горцев Северного Кавказа. Он также дает понять, что ситуация в округах Дагестана различная, кто-то симпатизирует большевикам в обмен на обещания дать землю, но даже те, что симпатизируют, перешли бы на сторону Союза горцев, видя поддержку турок. По его мнению, «аварцы, гунибцы и андийцы тверды и ведут себя молодцами», как и отчасти даргинцы… Касательно Н.-Б. Тарковского, его он считает союзником стратегическим, тем более что тот поддерживает отношения с Нурипашой.

При этом стоит отметить, что в этот период турецкая армия активно сотрудничала с шамхалом Н.-Б. Тарковским, который также выступал в тесном союзе с Горской республикой. Начатые против

большевиков действия были прерваны из-за появления в конце августа 1918 года отряда Л. Бичерахова. Его бросок с юга Дагестана до Петровска заставил большевиков считаться с ним и заключить соглашение о перемирии[462]. Но союз этот не мог быть долговечным – интересы у них были совершенно разные. Поэтому Л. Бичерахов заключил договор с князем Н.-Б. Тарковским о том, что отряды Бичерахова не будут вторгаться в горы, а в городах Тарковский и подчиненные ему силы не будут мешать Л. Бичерахову. Этот союз позволил им вместе выступить против большевиков и заставить тех временно уйти почти из всех городов Дагестана[463].

6 октября 1918 года части турецкой дивизии генерала Юсуфа-Иззет-паши заняли Дербент, а 23 октября турки вошли в Темир-Хан-Шуру[464]. Вместе с ними в Дагестан вернулось Горское правительство во главе с А.-М. Чермоевым. В его приказе по поводу начала функционирования правительства указывалось: «Правительство Союза горцев твердо решило очистить территорию Дагестана от лиц и организаций, силою оружия стремящихся препятствовать проведению в жизнь права большинства и тормозящих работу по самоопределению горских народов. Стремясь к означенной цели, Правительство, однако, преисполнено желанием совершить эту операцию возможно безболезненно для мирного населения, мятущегося в поисках нормальной жизни. После ряда переговоров и принятых мер Правительство союза горцев имеет возможность твердо заявить, что: Всем, кто не является явным врагом самостоятельности горских народов, гарантируется неприкосновенность личности и целость их имущества. Желающим покинуть территорию горского союза предоставляется свободный проезд с надежной охраной; что же касается тех, кто ведет сейчас вооруженную борьбу с горскими народами, заявляется определенно, что, если ими будет сложено оружие, Правительство союза горцев берет на себя доставку русских, в том числе и моряков, в Екатеринодар, армян независимо от их прошлой деятельности и

боевых действий, – в Эривань, поездом под надежной охраной. Все вопросы, обостряющие отношения между горцами и Терскими казаками, особенно земельный, будут разрешены совместными усилиями в положительном и примиряющем стороны смысле»[465]. То есть правительство предлагало мирное урегулирование всех конфликтных вопросов, в том числе с теми, кто с оружием в руках вел военные действия на территории Горской республики, не являясь жителем этой страны. Важно иметь в виду и то, что бывший военный диктатор Дагестанской области князь Нух-бек Тарковский пошел на союз с Горской республикой и лично с А.-М. Чермоевым. Это было важно, так как он опирался на бывший Дагестанский конный полк, который представлял собой организованную боевую единицу, способную действовать жестко в отношении тех, кто ему противостоял: «Горожанам Т.-Х.-Шуры нет надобности беспокоиться за свою судьбу: охрана города, жизни граждан и их имущества вручена Дагестанскому Конному полку и прибывающему в Шуру 30 октября батальону турецких войск, которые не позволят себе и не допустят других до бесчинств, насилия и грабежей. Население может взирать на будущее с полным спокойствием и твердой верой в благополучное разрешение всех событий»[466].

Это был не просто ввод турецкой армии на Северный Кавказ. Личное присутствие А.-М. Чермоева должно было подчеркнуть, что освобождение идет самими горцами, во главе с правительством Союза Горцев. А.-М. Чермоева с турками встречали местные отряды приверженцы Союза горцев. По словам очевидцев тех лет, командир шариатской гвардии Чеченского национального совета Магомед-Мирза Токаев совместно с чеченским шейхом Али Митаевым лично встречали главу правительства у Темир-Хан-Шуры и принимали участие в бою за город вместе с турками[467].

И на этом они не хотели останавливаться, победу надо было закреплять новыми победами, почему и было решено продвигаться вперед, на север в сторону Петровска (Шамиль-Каль). 6 ноября турки

вместе с войсками Н. Гоцинского и шейха Узун-хаджи повели наступление на бичераховцев, которые, вскоре погрузившись на пароходы, отошли в открытое море.

Таким образом, совместными действиями горцев и турецкого отряда, уже 7 ноября 1918 года был взят Петровск, территория Дагестана практически была освобожде на от какого-либо влияния большевиков[468]. Власть перешла к Горскому правительству. По этому случаю, посылая телеграмму на имя президента А.-М. Чермоева и военного диктатора Н. Тарковского, командующий армией Республики Союза горцев Северного Кавказа Ферик-Юсуф-Иззет сообщал: «С Божьей помощью войска Республиканского Правительства сегодня в 3 часа дня вошли без боя в Анжи-Кала (Петровск), который был очищен неприятелем. В городе восстановлены полное спокойствие и порядок. Таким образом, старый русский режим, угнетавший ислам, в особенности на Кавказе, отошел в вечность. Иллюзия Петра Великого вместе с его именем переброшены в Петроград. Неприятель оставил множество вагонов полн. снарядов и оружием. На ст. Петровск-Кавказский неприятельский паровоз состава его поезда с вывозимым продовольствием разрушен после получения об этом донесения. Поздравляю с победой Кавказской Мусульманской Республики. Это победа, торжество военного политического утверждения на Кавказе Мусульманской Республики»[469]. Казалось, что победа Горской республики даст возможность распространить власть на прилегающие к Дагестану территории. Но этот благоприятный шанс был сорван не планами большевиков, а действиями генерала Деникина. Горцам предстояло вновь выдержать бой, на этот раз воюя год с лишним с Добровольческой армией.

Турки пытались организовать в Дагестане пехотную дивизию, а в Чечне – кавалерийскую. Командиром пехотного полка в Хунзахе был назначен майор Ахмед-бей. В районе Аксая турки приступили к формированию кавалерийского полка. Однако к этому моменту англичане добились от Османской империи согласия на

окончательное свертывание ее присутствия в Закавказье, в том числе в Дагестане. Уже с середины ноября ее военные инструкторы были заменены англичанами[470].

Пытаясь хоть как-то сблизиться с горцами, генерал Томсон в своем заявлении от 27 ноября 1918 года объявил, что, пока мирная конференция не решила судьбу Кавказа, правительство Северного Кавказа будет признано союзниками в качестве единственно законной власти. Более того, было обещано, что силы Деникина не будут допущены на территорию Горской республики[471]. Генерал В. Томсон телеграфировал Горскому правительству, обещая поддержать народы Кавказа и помочь им, если они согласяться на следующие условия:

1. Учредить коалиционное правительство.
2. Объединиться против большевиков.
3. Учредить справедливую власть.
4. Восстановить железнодорожные и морские коммуникации и уменьшить страдания от голода, возникшие из-за недостатка продовольствия.
5. Удалить из страны всех турок и прекратить германо-турецкую пропаганду.
6. Помочь союзникам поддерживать контакт с Деникиным[472].

Проблема горцев была в том, что англичане были уверены в их пронемецких настроениях, они не могли простить того факта, что Германия совместно с Турцией фактически стала гарантом их независимости, и это заставляло относиться к горцам как к тем, кто якобы втайне симпатизируют немцам. На самом деле это было совершенно не так. Горцев можно было бы обвинить в протурецких настроениях, но уж точно не в пронемецких. Горцы искали союзников в зависимости от развития ситуации на Кавказе, а не потому, что как-то были связаны с немцами, чему не было и исторических подтверждений, как в случае с Турцией.

При этом англичане не могли не видеть временного успеха Союза горцев в Дагестане против Бичерахова. 18 ноября 1918 года в Темир-Хан-Шуре собрались представители Чечни и Дагестана, которые, заслушав доклад правительства, выразили ему всемерную поддержку, о чем было сообщено в донесении от П. Коцева на имя министра иностранных дел Грузии. Таким образом, в этот период горцы могли изменить мнение новой иностранной коалиции на Кавказе в лице англичан и французов, повернув в свою сторону. Другое дело, что момент длился не так уж и долго, чтобы те, кто был на Кавказе, смогли передать новости в Лондон и Париж. Ситуация менялась быстрее, чем военные миссии успевали порой доносить о происходящих на Кавказе событиях…

Хуже всего обстояло дело с требованием поддерживать контакт с генералом Деникиным, с тем, кто не скрывал своего намерения возродить единую Россию в рамках границ бывшей Российской империи.

Глава 3
Дезорганизация Республики Союза горцев в 1918–1919 годах

Казачество (движение братьев Бичераховых в 1918 году)

На фоне дипломатических побед представителей Горской республики в Стамбуле, Трапезунде и Батуме в апреле – мае 1918 года события на самом Северном Кавказе стремительно ухудшались.

Большевики решили сделать ставку на горцев, стремясь к переделу земли за счет казаков. Логичным было бы сделать ставку на вооруженное казачество, но именно эта часть российского общества оказалась в оппозиции к советской власти[473]. Казаки в большей своей части оказались верны присяге императорской России. Поэтому они поддерживали тех, кто выступал за восстановление монархии – конституционной или абсолютной.

Горцам не совсем были понятны разногласия в политических течениях, они готовы были поддержать любого, кто пообещает им возврат земель, утерянных ими в ходе колонизации Северного Кавказа Российской империей в XVIII–XIX веках, а именно большевиков, которые безоглядно обещали все, что хотели от них услышать горцы: землю, шариат, адаты, автономию. То есть все то, чего они в итоге были лишены в 20-х годах, после упрочения советской власти в регионе.

Ситуация в регионе, осложнившаяся после взятия большевиками в марте 1918 года Владикавказа, стала усугубляться после того, как новые власти приступили к решению казачьего вопроса. Для большевиков это означало передачу земли безземельным горцам.

Как уже отмечалось, казаки владели в десятки раз большей площадью земель, чем горцы, земельный казачий пай на Тереке составлял в среднем 18,8 десятины, а на душу горского населения приходилось лишь по 0,57 десятины пашни[474]. Стоит иметь в виду, что речь шла не о переделе наделов, а о выселении целых казачьих станиц. Для начала, чтобы удовлетворить интересы ингушей и

закрепить за ними статус союзников большевиков, советская власть решила передать им в собственность земли четырех казачьих станиц – Воронцово-Дашковской, Сунженской, Тарской и Фельдмаршальской. Речь шла о решении Третьего областного Терского съезда 1918 года[475], которое предусматривало переселение казаков из Сунженского отдела в Пятигорский. Общая численность переселяемых определялась в 10 тысяч казаков[476]. Но озвученной цифры было достаточно, чтобы все остальные терские казаки поняли, что это может произойти и с ними. Поэтому неудивительно, что антибольшевистские настроения в их кругах усилились и первые мощные выступления казаков пришлись именно на лето 1918 года.

Сам факт принятия решения стал своего рода сигналом к действиям казаков против власти большевиков, которую они опрометчиво признали в начале 1918 года. Что касается масштабов выселения, то сегодня некоторые исследователи идут на поводу у политических пристрастий, отказываясь от самих фактов[477]. По мнению российской исследовательницы Елены Жупиковой, количество переселенных в начале 20-х годов советской властью казаков не превышало 25 тысяч человек, что составляло на тот период десятую часть всех терских казаков. Но весной и летом 1918 года речь шла не столько о количестве, сколько о самом прецеденте переселения казаков с обжитых ими мест в предгорьях Северного Кавказа.

Именно это и стало главным, но не единственным побудительным мотивом для организованного выступления казаков против советской власти, которая уже сделала свою ставку на горцев. Например, 24 апреля 1918 года был издан декрет народного комиссара по военному ведомству Терской области о ликвидации до 15 мая всех терских казачьих частей[478]. Это ослабляло казаков в борьбе с горцами[479]. Именно это подвигло казаков, несмотря на формальное существование войсковых полков и частей, создать

добровольческие сотни по уже существующим казачьим линиям (Пятигорский, Кизлярский, Владикавказский, Моздокский и Сунженский). Они формировались в основном из числа бывших офицеров.

Отсутствие лидера такого уровня, как убитый в декабре М. Караулов, не позволяло терским казакам оперативно согласовывать свои действия по всей линии. Иначе трудно объяснить, почему постоянно находящиеся под ударами со стороны ингушей сунженские станицы в течение всего 1917 и до лета 1918 года не получали помощи от казачьих войск того же Терского войска.

Здесь также стоит учесть, что выступление терских казаков летом 1918 года происходит почти одновременно с выступлением атамана А. Шкуро на Кубани и в Пятигорске[480]. Даже при отсутствии координации сам факт активности казаков на Кубани мог стать дополнительным аргументом в пользу выступления против советской власти. Поводом для начала казачьего восстания летом 1918 года среди терцев стало очередное нападение ингушей 5 июня 1918 года на станицу Тарскую Сунженского отдела[481]. Этот случай не позволил закончить подготовку организованного выступления казаков, сделав таким образом их выступление спонтанным.

Говоря об этом времени, российский представитель в Тегеране В. Минорский утверждал, что на Северном Кавказе казаки начали преследование горцев, те в свою очередь заняли все российские крепости. А железная дорога Петровск – Баку не функционирует вообще[482].

Лидером своего движения терские казаки выбрали Георгия Бичерахова[483], старшего брата войскового старшины Лазаря Бичерахова. Второй раз за год терские казаки сделали выбор в пользу казака из среды интеллигенции, из числа тех, кто не имел за спиной военного опыта. Первым выдвиженцем из среды терцев в 1917 году стал М. Караулов, и вот летом 1918 года им становится Г. Бичерахов, инженер по образованию[484], хотя для выбора у терцев

имелось два десятка боевых генералов и несколько десятков полковников. Конечно, выбирая Георгия, казаки делали ставку и на помощь более влиятельного на тот период Лазаря Бичерахова.

Также стоит, наверное, иметь в виду, что, выбирая интеллигента своим лидером, они давали сигнал, что хотят не военного решения проблемы, что невоенному легче будет договориться с горцами. То есть это не было объявлением горцам войны, иначе они выбрали бы одного из генералов. Это было продуманное решение, ориентированное на мирное соглашение с горцами.

События, определяемые с 30-х годов XX века в советской историографии как «бичераховщина», охватывают короткий исторический период в рамках истории Союза горцев Северного Кавказа. Но при этом они были масштабным явлением, оказавшим напрямую влияние на события в Горской республике и вокруг нее[485]. Братья Георгий и Лазарь Бичераховы, не имея четких политических пристрастий, занимали однозначную позицию в вопросе об укреплении влияния казачества. Ради этого они могли себе позволить искать союзников в какой угодно среде: среди большевиков, меньшевиков, монархистов, в том числе и в союзе с иностранными державами.

Еще одним наглядным примером сложности процессов, которые происходили в регионе в то время, является тот факт, что летом 1918 года, когда Г. Бичерахов воевал против большевиков в районе станицы Грозненской, его родной брат Л. Бичерахов стал союзником большевиков в Баку в противостоянии с турками. И это не было случайностью. Представитель военной миссии англичан в Тифлисе докладывал, что большевики просят помощи у англичан перед возможным вступлением турок в Баку[486]. То есть союз Л. Бичерахова с большевиками был заключен исключительно с одобрения англичан, которые не хотели перехода этого региона туркам или немцам. Видимо, англичане считали, что им легче будет расправиться с большевиками, чем с турками или немцами. Недооценка на первоначальном этапе возможностей и сил большевиков дорого

обошлась как союзникам по Антанте[487], так и их противникам из Четверного союза.

Проблема состоит в том, что отдельные исследователи пытаются подогнать исторические процессы под свою теорию через призму современного видения того или иного события. Принято считать, что тот или иной политик в обязательном порядке должен был быть членом какой-то партии, в крайнем случае симпатизирующим тому или иному течению. Определив Г. Бичерахова социалистом, куда причислить его брата Л. Бичерахова? Его уж точно трудно было бы назвать социалистом. И при взятии Баку, и при взятии Петровска он не прикрывался и лозунгами республики. Он был больше приверженцем России, но при этом нет уверенности, какой именно – монархической или демократической. Казачество он видел в составе единой России, но устроенной на основе федерации[488]. Впоследствии, в эмиграции, он признавал, что казачество, став инструментом в чужих руках, сделалось врагом для неказачьего населения, что затрудняло борьбу с большевиками[489].

Как бы то ни было, в итоге именно благодаря Л. Бичерахову пали Советы Баку, а их лидеры были задержаны. С разрешения Л. Бичерахова, который к тому времени был уже не в городе, провели суд, который вынес всем им смертный приговор[490]. При этом попытки отвести эти расстрелы от Лазаря Бичерахова неуместны. В своей телеграмме он ясно и четко дал согласие на военный суд, и он не мог не понимать, что в военной обстановке суд может вынести только одно решение – расстрел.

Прибытие отряда Л. Бичерахова под Петровск и двухдневные бои 27–28 августа стали окончательным поводом для его разрыва с большевиками, которых он предал в Баку. Однако большевики были не в силах удерживать город, и уже 2 сентября 1918 года атаман зашел в Петровск, в котором не было большевиков: одни уплыли на кораблях (в основном это были пришлые русскоговорящие

большевики)[491], другие, из числа местных дагестанских социалистов, отошли на юг в сторону Темир-Хан-Шуры.

Укрепившись в Дагестане, Л. Бичерахов должен был сделать ставку на кого-то из числа местной элиты, тесно связанной в прошлом с Российской империей. Большевики при приближении его отряда спешно отплыли в Астрахань, представителей Горской республики он не воспринимал всерьез[492], и в итоге он сблизился с князем Н.-Б. Тарковским[493], который к тому времени тесно контактировал с лицами из окружения А. Деникина.

С Л. Бичераховым нашли общий язык как англичане, так и французы. По их мнению, он был настоящим русским генералом, и в своей нелюбви к Германии был им интересен и важен в их играх на Кавказе[494]. Не зная истинных целей его продвижения из Дербента в Петровск в середине октября 1918 года, Горское правительство принимает решение выдвинуть против него свои силы. Неожиданно для самого Л. Бичерахова ему пришлось вступить в бой с двумя турецкими дивизиями (5-й и 15-й) и одной дивизией Горской республики, который возглавлял лично А.-М. Чермоев. До открытых жестких столкновений дело, видимо, не дошло. Однако это заставило Л. Бичерахова убедить А.-М. Чермоева, что занятие им Петровска продиктовано только желанием предотвратить использование этого морского порта большевиками, которые были готовы выдвинуться из Астрахани. Появление на его пути сил, представлявших Горскую республику, вызвало сожаление у союзников и заставило их понять, что с ними придется считаться. Это подтверждается и письмом А.-М. Чермоева на имя князя Н.-Б. Тарковского от 25 октября 1918 года. Чермоев подтверждал, что он не только не протестовал, а у него была договоренность с Л. Бичераховым о беспрепятственном отводе им своих войск из Петровска на основе прежних договоренностей от 17 октября 1918 года. Бичерахов объяснил свой отказ от предварительных соглашений с Горским правительством государственными и

стратегическими соображениями[495]. При этом Бичерахов писал, что не намерен предпринимать что-либо против Горского правительства, но предупреждал, чтобы и оно ничего не смело предпринимать против него.

Таким образом, Л. Бичерахов взял только Петровск и, высадив там десант, не захотел ввязываться в военные действия с горцами в Дагестане. Именно по этой причине он позволил Н.-Б. Тарковскому договориться с Горским правительством в лице А.-М. Чермоева. Фактически мы наблюдаем первое столкновение Л. Бичерахова с горцами, где он явно уступил им и вынужден был тянуть время, чтобы сорганизоваться и дать отпор Горскому правительству. Но этот момент противостояния планы Лазаря Бичерахова негативно были восприняты союзниками в лице французской военной миссии, сторонниками в его борьбе против большевиков[496].

Назначая Н.-Б. Тарковского своим диктатором в Дагестане, он практически оставляет за собой только сам Петровск, железную дорогу на север и море. По словам помощника Н.-Б. Тарковского А. Гасанова, написавшего свои мемуары в 1924 году:

«1) Бичерахов сохраняет за собой гор. Петровск, железную дорогу и море.

2) Остальная часть Дагестана передается в управление Тарковскому на правах диктатора.

3) Тарковский обязуется признать над собой власть России, когда царящая в ней анархия будет ликвидирована и в ней установится законная власть…

4) Бичерахов обязуется не вмешиваться во внутренние дела Дагестана.

5) Тарковский обязуется не только не предпринимать враждебных шагов против отряда Бичерахова, но даже предотвратить возможные со стороны населения враждебные выступления»[497].

Главное здесь было то, что Н.-Б. Тарковский назначался Л. Бичераховым, что сразу определяло их взаимоотношения. Формула

«Л. Бичерахов – представитель центральной власти, а Тарковский – лишь местный правитель» расставляла знаки препинания в старшинстве и подотчетности одного другому[498]. Никто не должен был заблуждаться в автономности деятельности князя Н.-Б. Тарковского, не говоря уже о том, что его вступление в Темир-Хан-Шуру также произошло только с разрешения Л. Бичераховым[499].

Однако, когда Бичерахов устроился в Петровске, его планы стали кардинально расходиться с действиями и желаниями горцев. Тем более что к границам горцев уже продвинулись силы Добровольческой армии. Неудивительно, что он приглашает князя Н.-Б. Тарковского и назначает его диктатором Дагестана. Более того, Бичерахов дает деньги и оружие для формирования частей, которые должны выступить против большевиков. Однако его действия в районе Петровска явно выходили за рамки подписанного им с князем Тарковским соглашения. Это привело к тому, что в Темир-Хан-Шуру прибыли турецкие части 2-й дивизии во главе с Юсуф Изет-пашой[500], и продвижение того к важному и единственному порту на Северо-Восточном Кавказе Петровску ускорило отъезд Бичерахова морем в Баку[501].

В этот краткосрочный момент в истории горцев Северного Кавказа со стороны дагестанцев не было отмечено никаких враждебных действий против отряда Л. Бичерахова[502]. Почему? По той причине, что его отряды не соприкасались с дагестанскими военными формированиями. Более того, Н.-Б. Тарковский сыграл роль своего рода посредника между Л. Бичераховым и дагестанскими народами. Это смягчило факт присутствия атамана в Петровске.

В отличие от своего младшего брата Г. Бичерахов оказался менее удачливым. Чудом избежав расстрела красноармейцами, задержавшими его в Моздоке 1 июля 1918 года, и освобожденный благодаря ультиматуму казаков, он не видел себя вне казачества. Выступая против большевиков, Г. Бичерахов не мог не знать ситуацию в регионе. Он понимал, что одних большевиков, не

объединенных в союз с другими силами, вполне можно победить, но не предусмотрел, что против казаков с большевиками объединятся и горцы, и шариатисты. Этот просчет отнял жизнь у него и многих его сторонников. По данным командующего Северо-Кавказским военным округом В. Снесарева на 12 июня 1918 года, «за советскую власть стоят 600 тыс. человек, а против нее – 410 тыс. человек. Численность красных войск в области достигала 5 тыс. человек. Максимальное число, на которое могли рассчитывать большевики здесь при мобилизации, было 20 тыс. человек»[503]. Правильнее было бы определить силы сторонников и противников советской власти как примерно равные[504] и считать цифры чисто условными, так как они быстро менялись в силу изменения обстановки в регионе в пользу той или другой стороны конфликта. Тот факт, что Красная армия могла выставить всего 5 тысяч человек, свидетельствует о ее реальных возможностях в регионе. Только казаки Терека могли себе позволить выставить в несколько раз больше, чем вся Красная армия на территории Горской республики. То есть очевидно, что против казаков выступила не столько Красная армия, сколько союз этой армии с горцами и шариатистами и что именно они стали противниками казаков, а не мнимая большевистская армия.

Начиная свое выступление, Г. Бичерахов, видимо, рассчитывал выгнать большевиков из Грозного и Владикавказа[505] и тем самым заставить горцев считаться с Терско-Казачьим правительством, но все это выглядело бледно на фоне того, что фронт ему, по сути, приходилось держать по всему периметру Горской республики. По мнению участников событий на Кавказе, в регионе над большинством довлело чувство апатии. Люди разочаровались во всех партиях и не могли понять, чего от них хотят те или иные лидеры, выступающие порой с одними и теми же лозунгами[506].

Г. Бичерахову не понадобилось много сил и энергии, чтобы с первого же раза захватить Владикавказ. Однако, вместо того чтобы разъединить силы возможного союза ингушей и большевиков, его

казаки производят нападения на ингушские хутора, что сделало ингушей естественными союзниками Красной армии. Большевики удерживали Владикавказ исключительно благодаря тому, что брали в союзники то горцев, то казаков и, натравливая их друг на друга, будучи даже в меньшинстве, смогли закрепить за собой столицу Горской республики вплоть до наступления Добровольческой армии в 1919 году.

После этих акций возможное решение о выселении казачества с территории Сунженского отдела уже не казалось им чем-то нереальным, казаки сами пришли к выводу, что придется смириться с потерей ряда станиц в этом округе[507].

Та же ситуация с Грозным: казаки не смогли договориться с чеченцами, в итоге равнинные чеченцы Грозненского округа поддержали большевиков и не позволили казакам захватить город. В данном случае можно говорить о союзе Горского правительства с большевиками против сил терского казачества.

Восстание казаков Терека против большевиков летом – осенью 1918 года интересно в том смысле, что свидетельствует о сильных антибольшевистских настроениях в регионе[508]. Это не было кратковременной акцией – совместные действия Г. Бичерахова и других лидеров терского казачества (Э.А. Мистулов[509], В.К. Агоев[510], Я. Хабаев[511]) длились почти полгода. Движение было неслучайным и немалочисленным, если могло существовать вне союза с горцами и Белой армией.

Г. Бичерахов вынужден был покинуть Сунженский отдел и перебраться в Дагестан к брату, но и здесь задержаться надолго не удалось; продолжив движение на юг, он в Баку попал в руки красноармейцев, которые и расстреляли его.

Движение терского казачества против большевиков (1918–1920) практически на два года отодвинуло саму возможность утверждения советской власти в этом регионе. Этим не смогли воспользоваться горцы, находившиеся на этапе создания собственного

государственного образования. Но действия братьев Бичераховых повлияли и на генерала Деникина, который решил сначала обезопасить свой тыл, включив Северный Кавказ в зону своего влияния.

Чем больше деникинцы говорили о единой России в рамках границ прежней империи, тем меньше они находили союзников для своего лагеря. Последующие события на Северном Кавказе показали, что различные политические силы в регионе выбрали для себя временный союз с большевиками против деникинцев[512]. Хотя этот союз и был самым нежелательным для них, но перед угрозой реставрации прежней России горская элита и даже шариатисты пошли на этот шаг.

Бегство Бичерахова (а не отъезд и не временная передислокация) из Баку стало прелюдией к действиям Добровольческой армии на Северном Кавказе. Бичерахов своими рапортами явно убедил генерала Деникина в легкости обретения победы над остатками Горской республики.

Тем не менее было бы неправильно считать, что взаимоотношения горцев и казаков велись только с оружием в руках. Правительство горцев занималось и поиском мер, которые способствовали бы единению различных сил на Северном Кавказе.

Именно в этом свете и был подписан Договор между представителями белоповстанческого Временного военного правительства казаков и крестьян Терского края и правительством Республики Союза горцев Кавказа[513]. Терские казаки, не признающие власти большевиков, сочли возможным пойти на временное объединение своих сил с горцами в этом вопросе. Подписавшие договор от имени правительства Республики Союза горцев Северного Кавказа А.-М. Чермоев и П. Коцев и уполномоченные Временного военного правительства казаков и крестьян Терского края Константин Иванович Сапронов и Федор Михайлович Киреев заявили, что готовы объединить свои силы для противодействия большевикам в регионе. На всех землях,

освобожденных от большевиков, предполагалось установление власти в лице объединенного правительства горцев и терского казачества[514].

Однако действия Добровольческой армии свели это объединение на нет уже к началу 1919 года. Вместо того чтобы нанести удар по большевикам, Добровольческая армия вела борьбу с признанием власти Горской республики, что привело к частичному совпадению интересов большевиков и властей Горской республики.

Стоит иметь в виду, что казачество само было далеко не однородным, поэтому такого рода соглашения всегда принимались в штыки его определенной частью и не могли считаться гарантией сохранения мира в регионе (впрочем, как и среди горцев). Чаще всего то, что устраивало и принималось кубанским и донским казачеством в отношении горцев Северного Кавказа, входило в противоречие с пониманием терского казачества, считавшего, что такого рода договоры наносят вред единству казачества и что с горцами следует подписывать договоры только единым фронтом, то есть от имени всего казачества.

Однако, как это ни странно, но угроза Горской республике в этот период назревала более со стороны деникинцев, чем большевиков. К концу 1918 года генералу А. Деникину удалось сломить сепаратистские настроения казачьих верхов и объединить все силы Дона, Кубани и Терека под своим началом[515]. Все территорию он разделил на четыре части: Харьковскую, Киевскую, Новороссийскую области и Терско-Дагестанский край[516]. В последнем главноначальствующим был назначен генерал Владимир Платонович Ляхов (замененный позднее, в апреле 1919 года, генералом Иваном Георгиевичем Эрдели). Все органы власти на местах полностью зависели от военных, по сути создавших систему военной диктатуры.

Тифлисская (Кавказская) конференция (14–30 ноября 1918 года)

Пытаясь решить вопросы в регионе оперативно, грузинское правительство предложило собраться на конференцию в Тифлисе. В своем обращении к дипломатическим представительствам Азербайджана, Армении и Союзу горцев Северного Кавказа оно конкретно обозначило свое видение насущных проблем:

«…Правительство Грузинской Республики предлагает Правительствам Азербайджанской и Армянской республик, а также Правительству Союза Горцев народов Северного Кавказа собраться на конференцию в Тифлис 10 ноября сего года в 12 часов дня в помещении Министерства Иностранных дел, прислав на эту конференцию по два представителя с надлежащими законными полномочиями.

В решение Конференции Правительство Грузинской Республики решило поставить следующие вопросы.

1) Взаимное признание независимости государств, правительства коих приглашаются на конференцию.

2) Разрешение всех спорных вопросов, не исключая и спора о границах по соглашению заинтересованных государств, а при отсутствии такого соглашения при посредстве арбитража.

3) Взаимное обязательство не входить ни в какие соглашения с каким-либо государством во вред какому-либо из участвующих в Конференции народов.

4) Солидарное, с взаимной поддержкой, выступление на всемирном конгрессе, в целях признания независимости республик и защиты общих интересов»[517].

Хотя срок конференции определен был двумя неделями, на самом деле состоялось всего одно заседание. И связано это было исключительно с деструктивной позицией армянской делегации в

отношении северокавказских представителей и отношением азербайджанских делегатов к вопросам границ.

Инициатором решения всех спорных вопросов на мирной конференции выступило грузинское правительство, что было поддержано северокавказской и азербайджанской делегациями. Первоначально Грузия предложила всем делегациям закавказских республик и Горской республики Северного Кавказа собраться 3 ноября 1918 года[518]. Затем дата была перенесена на 10-е число, но в связи с неявкой в Тифлис армянской делегации было предложено отложить начало конференции на 14 ноября[519]. Упорное нежелание армянской делегации явиться на конференцию было связано с первым серьезным конфликтом между Арменией и Грузией по поводу демаркации линии вдоль Борчалинского уезда бывшей Тифлисской губернии, который вылился в итоге в вооруженный конфликт между этими двумя новоявленными странами[520].

В итоге армянская делегация вновь проигнорировала дату открытия конференции. На заседании конференции, которая открылась 14 ноября без армянской делегации, северокавказская делегация, возглавляемая П. Коцевым[521] (вместо заболевшего В.-Г. Джабаги, ставшего руководителем делегации от горцев Северного Кавказа), совместно с азербайджанской делегацией (возглавляемой М.Ю. Джафаровым) предложили продолжить работу конференции, несмотря ни на что[522]. Однако грузинская делегация настояла на том, что без участия армян не смогут быть претворены в жизнь многие решения по спорным вопросам, и предложила продолжать настаивать на присутствии на конференции армянской делегации[523]. Было и другое предложение, которое озвучил М.Ю. Джафаров. Он предложил объявить конференцию закрытой, несостоявшейся и созвать новую конференцию с участием трех делегаций: Грузии, Азербайджана и Горской республики. Но данное предложение было отвергнуто как Грузией, так и горцами Северного Кавказа в лице П.

Коцева, предложившего сделать все возможное, чтобы на Закавказской конференции присутствовала армянская делегация.

Таким образом, конференция, которая должна была заложить основы взаимоотношений между четырьмя республиками Кавказского региона, так и не смогла начать свою работу из-за осложнений взаимоотношений между Грузией и Арменией[524].

В это же время горцы формируют делегацию для поездки в Париж на мирную конференцию, где должна была решиться судьба и кавказских народов. По сообщению французского МИДа, горская делегация была определена в составе: А.-М. Чермоев – председатель делегации горцев; Г. Баммат – министр иностранных дел; И. Гайдаров – министр гражданского строительства; Х. Хадзарагов – председатель Национального совета Осетии и Азиз Мекер в качестве секретаря[525].

Эта конференция была важна в том смысле, что горцы на данном этапе обсуждали интеграционные процессы в контексте возможного тесного сотрудничества с закавказскими государствами. По сути, это могло стать первым шагом в деле построения реальной конфедерации четырех кавказских республик. Для горцев это было куда важнее, чем для какой-либо из кавказских республик, так как вопрос о существовании реально зависел от общей позиции кавказских республик перед угрозой с Севера – как со стороны белой, так и со стороны красной России.

Решимость, с которой горская делегация настаивала на содержательной форме данной конференции, свидетельствовала о том, что она понимала всю остроту ситуации и пыталась заблаговременно приобрести себе союзников.

Делегации горцев и Мирная конференция в Париже

Вопрос «Быть или не быть Республике Союза горцев?» решался не только на фронтах противостояния на Кавказе. Все осознавали, что мирная конференция в Париже должна будет видоизменить мир по итогам Первой мировой войны. Одним из самых главных и проблемных вопросов на конференции (после немецкого) должен был стать российский. Конференция должна была определиться с тем, кого она считает властью в России, какую территорию признает отделившейся и включает в список независимых стран и с кем возможно иметь союзнические отношения…

Именно с этой целью было решено сформировать горскую делегацию для поездки в Париж. От имени Союза горцев Северного Кавказа парламентом республики была отобрана делегация в лице: А.-М. Чермоева (председатель), Г. Ибрагимбекова, Х. Хадзарагова, Г. Баммата и в качестве секретаря делегации А. Мекера. Выбор делегации не был связан ни с паритетом национальностей, ни с паритетом политических воззрений, больше учитывалось, насколько эти люди друг другу подходят, чтобы вести командную работу. Преимущество А.-М. Чермоева перед остальными кандидатами, претендующими отправиться на мирную конференцию в Париже и представлять горцев, было в его абсолютной легитимности на момент избрания его председателем официальной делегации, и другое, что было немаловажно, – в его финансовой независимости от кого бы то ни было, на что особо указывалось в сообщениях французских представителей из Тифлиса и Стамбула касательно его персоны[526]. Единственное, что беспокоило французов, – так это его тесные связи с высшим руководством Османской империи, за что в своих донесениях отмечали, что он политик протурецкой ориентации.

В связи с избранием А.-М. Чермоева главой делегации горцев на мирной конференции в Париже он слагает с себя обязанности главы правительства. О формировании нового кабинета министров новый председатель П. Коцев сообщил через дипломатического представителя в Азербайджане А. Кантамиру в письме из Темир-Хан-Шуры за номером 390, датированном 26 декабря 1918 года, где просил поставить Фатали-хана Хойского «в известность о сформировании мною, согласно постановлению Союзного Совета, нового Кабинета со мною во главе и личный состав этого Кабинета…»[527]. Предлагалось оповестить об этом также генерала Томсона (представителя союзников в Баку), а также представителей Армении и Персии.

Горская делегация выехала 18 января 1919 года из Батуми и несколько дней спустя прибыла в Стамбул[528]. Зная, что делегации Грузии, Азербайджана и Армении уже находятся в городе, горцы попытались уже здесь скоординировать свои действия.

В Стамбуле, в ожидании получения визы, кавказские делегации проявили и свое отношение друг к другу. Они предварительно определились, кто для них будет союзником. Грузины и армяне общались между собой более тесно, горцы же нашли поддержку только у азербайджанцев. Член горской делегации Х. Хадзарагов подверг резкой критике политику грузинской и армянской делегаций, обвинив их в работе против горцев. В письме на имя П. Коцева Х. Хадзарагов писал: «К сожалению, на заседании выяснилось, что грузины окончательно уклоняются от всех совместных с нами действий. Даже по вопросам одинаково всех нас касающихся: основываясь на пустой формальности, именно на отсутствии председателя Чхеидзе, они заявили, что вынуждены уклониться от всяких общих политических шагов совместно с другими делегациями. Проявленный грузинами крайний сепаратизм нас мало удивил: еще задолго до этого мы и азербайджанцы дважды предлагали грузинам подумать над тем, что рано или поздно нам придется подойти друг к другу ближе, так как всякий знающий наш

край ясно понимает, что спешно народившиеся на почве революции мелкие республики, будучи изолированными, едва ли окажутся жизнеспособными. К сожалению, на наш прямой вопрос, принимается ли наша протянутая рука или нет, грузины ответили нам ничтожными дипломатическими любезностями, ни сделав никаких определенных заявлений»[529]. Относительно членов армянской делегации у Х. Хадзарагова вообще не было иллюзий, он считал, что ими стоит интересоваться не больше, чем армяне интересуются горцами. Единственными друзьями для горской делегации, по словам Х. Хадзарагова, оставались азербайджанцы, которые во всем помогали им в переговорах по отбытию в Париж.

По мнению горской делегации, главные препятствия их отъезду в Париж чинили именно французы. По этой причине они задержались в Стамбуле почти на полтора месяца. Отдельно от всех уехал Г. Баммат, рассчитывая раньше всей делегации добраться на конференцию и начать работу по признанию Горской республики. Однако именно это оказалось ошибкой. В итоге он пробыл в Женеве почти три месяца в ожидании визы из Парижа. Сама делегация добралась в Париж уже в марте 1919 года. В телеграмме в МИД Франции указывалось, что в Париж прибывает делегация северокавказцев (А.-М. Чермоев, Г. Ибрагимбеков, Х. Хадзарагов, секретарь А. Мекер, при этом Г. Баммат все еще был в Швейцарии)[530]. Среди прочих указывается и жена А.-М. Чермоева Хава-ханум Чермоева (урожденная Ибрагимбекова)[531].

Г. Баммат, будучи изолированным от всех, в Женеве вел активную деятельность по пропаганде идей Горской республики. Он составил меморандум на имя Мирной конференции в Париже, рассказывающий об истории, экономике и политике горцев Северного Кавказа и Дагестана, издал карты республики.

Но следует иметь в виду, что кроме официальной делегации Горской республики, представителей ее парламента и правительства были и те, кто самостоятельно хотел попасть на конференцию, чтобы

оказать влияние на решение судьбы той или иной народности или части республики.

К примеру, осетинская, абхазская и черкесская делегации, каждая по отдельности, считали необходимым самостоятельно донести свои проблемы до Мирной конференции. Они были сформированы той или иной группой или сообществом людей, не доверявших решение своей проблемы делегации Горской республики.

Париж всерьез отнесся только к одной делегации – армянской, вопрос которой настроен был решить именно на основе международного права. В отношении всех остальных кавказских делегаций Парижу трудно было скрывать свое нежелание видеть их на Мирной конференции.

Усиление присутствия большевиков и влияния Советской России в регионе

Единичные акции большевиков, совершенно краткосрочные по времени, или их заявления, больше ориентированные на Москву, чем свидетельствующие об истинной ситуации, трактовались идеологами Советской России как подтверждающие установление ими своей власти на Северном Кавказе.

Даже тот факт, что видный представитель большевиков С. Киров, прикомандированный в регион, не смог приехать в Петровск в 1919 году, потому что желавшие принять его Уллубий Буйнакский и Махач Дахадаев находились в глубоком подполье, выдается, как ни странно, за свидетельство победы советской власти в Дагестане. Или же неудачный бой под селом Гимры против полковника Магомеда Джафарова и вынужденный уход в сторону села Араканы, где Буйнакский попытался выпросить под конец у М. Арахцанова разрешение согласиться с его присутствием в регионе и, не получив согласия от него, вынужден был ни с чем вернуться в Темир-Хан-Шуру. Это также преподносится как показатель «победоносного» (?!) советского присутствия в регионе[532]. То есть достаточно было наличия персоны из местной интеллигенции, выражавшей интерес к большевистской идеологии, чтобы преподнести это как наличие сильной базы, как факт присутствия самой советской власти в регионе. Всего два десятка людей, стоявших на позициях, близких к большевистским, давали основание говорить о «сильной организации большевиков в Дагестане»[533]. То, что указанная ячейка за все это время не смогла ничего сделать самостоятельно, без союза с другими политическими силами в республике, оставалось всегда за рамками обсуждения. И лишь в марте 1920 года, придя к власти в Совете обороны путем подлога и обмана шейха А.-Х. Акушинского, они смогли уже выступать от своего имени – большевиков Дагестана.

Все, что делалось в 1919 году от имени Совета обороны Северного Кавказа – официального органа власти Горской республики, также преподносилось в советской историографии как доказательство влияния большевиков на лидера этого органа шейха А.-Х. Акушинского[534].

Мартовские события 1918 года в Баку, когда в городе произошли массовые убийства, также стали поводом для антибольшевистски настроенных деятелей, чтобы призвать к борьбе против большевиков. Полную поддержку азербайджанцам выразил и муфтий Северного Кавказа шейх Н. Гоцинский, который призвал к газавату против большевиков, способствовавших убийству тысяч и тысяч людей в Баку[535]. Практически это стало первым такого рода призывом к священной войне против одной из политических сил на Северном Кавказе. Этот призыв должен был способствовать укоренению в массах осознания того, что эта власть против ислама, против мусульман. Попытка горцев прорваться на помощь азербайджанцам потерпела поражение в районе Северного Азербайджана у местечка Хурдалан, где они были оттеснены большевиками, наступавшими из Баку[536]. Это столкновение стало поводом для большевиков начать наступление против Горской республики. Поддерживаемые с моря кораблями, они к 20 апреля 1918 года без труда овладели Петровском. Захват главного портового города на Северном Кавказе был произведен 36-м Туркестанским полком при содействии канонерской лодки «Ардаган». На помощь захватившим Петровск из Астрахани прибыло до шести пароходов с частями Красной армии[537].

Однако продвижение большевиков вдоль берега Каспия и захват Петровска не давали чувства победы над горцами, так как Дагестан находился большей частью выше побережья и войска большевиков туда не продвинулись. То есть речь шла исключительно о захвате узкой полоски побережья Каспия, при этом на территорию выше побережья они даже не претендовали. Поэтому овладение

Петровском не было захватом Дагестана ни фактически, ни теоретически. Речь могла идти только об отторжении побережья Дагестана вдоль железной дороги. Более того, продвигаясь к Петровску, большевики даже не попытались захватить один из главных городов Дагестана Темир-Хан-Шуру. То есть, по сути, было бы правильно говорить о высадке десанта. Петровск нужен был большевикам для морского сообщения с Астраханью и Баку – продвигаться по суше войска себе позволить не могли из-за многочисленных атак со стороны горцев, что также подтверждает малозаметное присутствие большевиков в районе, на власть над которым они претендовали. Они вынуждены были сконцентрироваться вокруг Петровска, чтобы иметь возможность при первой же опасности отойти в Астрахань. Поэтому совершенно неприемлемо выдавать за контроль над всем Дагестаном взятие под контроль одного города.

Северный Кавказ не мог существовать отдельно, все, что происходило в соседних регионах, не только отражалось на нем, но становилось частью событий по эту сторону Главного Кавказского хребта. Однако большевики всячески пытались создавать видимость своего контроля над данным регионом. О неадекватности отношения центра к тому, что происходило на Северном Кавказе, свидетельствует заявление Сталина на объединенном совещании представителей мусульманских организаций с участием Эшба, Энбаева, Яруллина и др. 19 апреля 1919 года в Москве. В его выступлении говорилось о направлении на фронт и на Северный Кавказ активных работников. Сталин заявил, что «в это время на Северном Кавказе горцы захватили Грозный и Темир-Хан-Шуру»[538]. И это на фоне того, что именно в эти дни армия генерала Деникина шаг за шагом захватывала все территории Горской республики на равнине и спокойно продвигалась к Петровску.

Говоря о большевиках-горцах и присутствии большевиков из России на Северном Кавказе, стоит иметь в виду, что сами горские деятели признавали, что большевиков до революции здесь не

было[539], а после революции социалистические идеи были восприняты как шаг вперед по сравнению с тем, на что местные жители могли рассчитывать в годы царской России. То есть эти идеи пали на благодатную почву. Они были горцам интересны, поскольку речь шла о земле, о равенстве, о самоуправлении и т. д. Но можно ли утверждать, что это были идеи большевизма? Видимо, все-таки нет, так как именно интеллигенция в лице Чермоева, Баммата, Капланова, Джабагиева, Коцева и других смогла повести за собой людей. Речь может идти о социал-революционерах, но уж точно не о большевиках.

Не говоря уже о том, что сами большевики относились к горцам как к отсталым народам, которых надо поднять до высот российского понимания и осознания необходимости большевизма. К примеру, Н.Ф. Гикало уже после установления советской власти в 1925 году, не скрывая, указывал: «Революция у отсталых народностей, среди отсталых народностей, среди глубоко некультурных, – иной быть не могла… В Октябрьскую революцию они шли не теми путями, которыми шел рабочий класс нашей страны. Они шли путями национального движения, религиозного роста и анархии»[540]. То есть, по мнению российских большевиков, командированных для большевизации региона, горцы не были еще готовы к революции. И их пришлось вести к советизации региона, давая многочисленные обещания, которые изначально были невыполнимы (сохранение шариата, арабской графики алфавита, особенностей общественных отношений и мн. др.).

В местном обществе восприятие большевиков было неоднозначным, это наглядно показывает и отношение к Красной армии. По словам участника тех событий П.Л. Янчевского, весной 1919 года чеченцы разоружали целые части Красной армии, отступавшей из Владикавказа[541]. Трудно, имея многочисленные источники того периода, писать о победоносном шествии советской власти на Северном Кавказе. При этом надо признать очевидное:

большевикам удалось пересилить многочисленных противников в регионе буквально за три года.

Тезис, что «советская власть на Северном Кавказе была привнесена извне, на штыках Красной Армии», имеет полное право на жизнь[542]. Этой точки зрения придерживался и видный политический деятель тех времен А. Цаликов: «Советская власть в Терской области была явлением наносным, не имевшим прочных органических корней в крае, и первое слабое дуновенье жизненных испытаний разрушило карточный домик большевистских построений»[543].

Другой очевидец и участник тех событий отмечал позднее в своих статьях, что «дебют большевиков среди горцев в 1918 г. был сумбурен и почти не выделил ярких фигур»[544]. Среди тех, кого можно было отнести именно к этой политической платформе, он называет горцев С. Габиева, Н. Самурского (Эфендиева) и А. (Махача) Дахадаева в Дагестане, А. Шерипова и Т. Эльдарханова в Чечне, А.-М. Гойгова и З. Яндиева в Ингушетии, С. Токаева в Осетии и др. По мнению тех, кто стоял против большевиков и провел в годы эмиграции, советская власть была чужда горцам по своей природе. «Большевизм был навязан им извне вследствие политической неорганизованности их, вследствие отсутствия организационно-твердого и достаточно авторитетного национального руководства...»[545]

Содержательно показывает неместный характер большевиков и национальный состав войск Северо-Кавказского военного округа (к концу 1921 года он включал территорию Терской и Ставропольской губерний, Донской и Кубано-Черноморской областей, Горской и Дагестанской республик и Кабардинской автономной области). Оказалось, что среди служивших в этих войсках русские составляли 82 %, украинцы – 11 %, немцы – 0,6 %, евреи – 1,2 %, татары – 1,6 %, латыши – 0,3 %, башкиры – 0,03 %, поляки – 0,7 %. В числе

«остальных» 2,57 % значатся: абазинцы, аварцы, армяне, белорусы, грузины, ингуши, калмыки, осетины, чеченцы, чуваши, эстонцы[546].

Естественными союзниками большевиков считались ингуши, поскольку большевики предлагали освободить земли от казаков и передать их безземельным ингушам[547]. Всего ингуши, по словам генерала А. Шкуро, смогли выставить до 2 тысяч бойцов, что было много для столь малочисленного народа[548]. Речь шла в первую очередь о землях в районе реки Сунжи, и тот факт, что Добровольческая армия, взяв под свое покровительство четыре станицы, на которые претендовали ингуши, сделала их своими заклятыми врагами, не повод считать всех ингушей сторонниками большевиков.

Не меньше волновал вопрос о земле и горцев Дагестана, желавших переселиться с гор на равнину, и это предлагали только большевики, за счет притеснения других, а не на свободные земли. По словам председателя Совета министров Горской республики, «существует три течения:

1) К первому течению относится группа людей, которая настроена большевистски и симпатии этой группа на стороне российских большевиков.

2) Ко второму течению относятся люди среднего класса и темная масса, которые определенно говорят, что «мы будем подчиняться тому правительству, в руках которого будет твердая власть».

3) Третье течение представляет собой группу статской интеллигенции и офицерства, эти два класса стоят за присоединение Горской республики к Азербайджану»[549]. То есть и представителями правительства признавалось, что поддержка в обществе у большевиков минимальна.

То же касается балкарцев и карачаевцев, черкесов Кубани; каждый пытался получить в политических торгах взамен своей поддержки больше преференций от своих временных союзников.

Тот факт, что население все-таки сделало выбор в пользу большевиков, было связано и с тем, что, не имея своих управленцев, Добровольческая армия призвала на гражданскую службу прежнюю царскую администрацию[550], что также было воспринято как сигнал к возврату старого режима.

Однако в целом в обществе большевики ассоциировались с силой, которая опиралась на прогерманские настроения. Тот факт, что большевики пошли на столь унизительный мир на фоне успешных действий Антанты, позволил некоторым ученым считать, что внешнеполитический курс новой власти был прогерманским[551]. В ситуации, когда горцы воевали против немцев в Первой мировой войне, этот возможный союз России и Германии воспринимался ими как предательство.

Немаловажным фактором дестабилизации обстановки стало и решение о мобилизации в Белую армию[552]. Большевики играли на такого рода противоречиях, пытаясь представить себя политической силой, которая будет делать только то, что захочет само общество.

Даже отказ Добровольческой армии учитывать специфику мусульманского общества в регионе, большевики, вошедшие в 1919 году в вынужденный союз с шариатистами, представляли как тактику большевизма – не вмешиваться в вопросы ислама. Хотя к 1919 году бои на Северном Кавказе и происходили в глубоком тылу Белой армии, необходимость иметь здесь воинские формирования, вместо того чтобы перебросить их на север, указывает на ошибку в действиях генерала А.И. Деникина, недооценившего степень возможного сопротивления горцев.

При всем этом официальная точка зрения историков бывшего СССР, что борьба с Деникиным координировалась из далекой Астрахани директивами М.С. Кирова, конечно, не имеет под собой исторической базы[553]. Советская власть была представлена на Северном Кавказе в рассматриваемом периоде исключительно небольшими группами, выступавшими в союзе с другими

патриотическими силами этого региона. «Советский флаг на фронтоне Терской Республики был сплошной чепухой, а вся политическая жизнь «коммунистического», «советского» Терека – трагикомическим фарсом, невыносимым для всякого мыслящего политического деятеля, способного трезво глядеть в глаза действительности...»[554]

Великие державы и горский вопрос в 1919 году

Франция выступала на Кавказе осторожно, больше в роли наблюдателя (в Тифлисе была открыта военная миссия). Ее прежде всего интересовал район Крыма и побережье Черного моря в районе Одессы.

В декабре 1918 года глава французской военной миссии на Кавказе полковник П. Шардиньи отправляет в Париж свое видение того, как должен быть устроен мир на Кавказе в свете Мирной конференции в Париже, на которой определялось, в каких границах стоит иметь в виду Россию по итогам Первой мировой войны[555]. По его мнению, первым делом стоит определиться с отношениями новых кавказских республик с Россией. В этом перечне он постоянно указывает на Республику горцев Северного Кавказа, ставя ее в один ряд с тремя закавказскими республиками. Он отмечает, что горцы Северного Кавказа и Азербайджан мало приспособлены к устройству государства, в силу полного отсутствия класса управленцев. Из всех четырех кавказских республик Шардиньи особо выделяет Грузию, как наиболее приспособленную к самостоятельному существованию. Касаясь Армении, он подчеркивает, что разделенность Армении на российскую и турецкую усложняет пути решения проблемы армян в целом. Он также отмечает, что и Армения, и Азербайджан не способны будут в будущем не применять оружия, в силу многочисленных проблем, и в первую очередь территориальных. В той же Грузии он выделяет проблему Абхазии, тему осетин в Грузии, аджарцев и татар (азербайджанцев), считая, что от этих проблем будет не легко избавиться. Исходя из того, что он видел и слышал от многочисленных политиков, хозяйственников и других лиц, он предлагает устройство четырех кавказских республик по принципу Швейцарии, то есть создание кантонов, что, по его мнению, смягчит отдельные вопросы. Из всего того, что им предлагается на семи

страницах, он совершенно не игнорирует Республику горцев Северного Кавказа. Наоборот, он постоянно отмечает ее и предлагает включить в проект будущего кавказского государственного устройства. Если исходить, что документ датирован серединой декабря 1918 года, то мы имеем принципиальное признание Республики горцев Северного Кавказа как именно государственного образования. На этом этапе французы рассматривают Республику горцев как часть своего плана.

Однако именно французское вмешательство способствовало ослаблению позиций антибольшевистских сил, и без того ослабленных наступлением большевиков в районе Киева и на Северном Кавказе. Французы вмешивались во все организационные моменты, вместо того чтобы наступать на большевиков. В отличие от А. Деникина, который старался с боем захватывать населенные пункты, французы предпочли дипломатический путь – договариваясь с силами Петлюры. Более того, боязнь наступления большевиков заставила французов защищаться и тре бовать от Белой армии не оставлять их без прикрытия в Одессе.

Тем не менее офис французской миссии в Тифлисе в 1919 году продолжал посылать подробные депеши в Париж[556] о ситуации на Кавказе, в том числе на Северном Кавказе, в контексте влияния ее на общую ситуацию в южном регионе бывшей Российской империи. По мнению министра иностранных дел Республики Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана Г. Баммата, отношение Франции к региону начало претерпевать изменения во второй половине 1919 года[557]. Франция боялась гневить Деникина, так как надеялась, что ему удастся побороть большевиков. И что, воссоздав сильную единую Россию, он расплатится по всем долгам перед Францией[558]. Таким образом, Париж старался поддержать кавказские государства и конкретно Горскую республику, не обижая в то же время генерала Деникина.

Французская газета «Тан» в октябре 1919 года писала: «Исключительный интерес для нашей торговли имеет Северный Кавказ, где в данный момент отсутствует еще всякое иностранное влияние и где имеются огромные запасы продовольствия и нефтяные богатства… Достойно сожаления, что между Деникиным и кавказскими народами возникли трения. Потрясенные его крайне централизаторскими стремлениями, кавказские народы, по-видимому, боятся возвращения старого злополучного режима…»[559] Автор статьи предлагал открыть торговое представительство на Северном Кавказе и тем самым помочь и горцам, и отношениям их с Деникиным.

Хуже всего обстояли дела у горцев с Англией. Первоначально Горское правительство активно поддерживало все устремления английской миссии на Кавказе. 27 ноября 1918 года генерал Томсон, глава военной миссии союзных войск на Кавказе, встретился с членами правительства горцев в Баку[560]. Исходя из понимания, что Горское правительство всеми силами борется против большевиков, было решено направить в Темир-Хан-Шуру представителя, лейтенант-полковника Жоржа Роландсона, что должно было, по мнению Томсона, удержать Добровольческую армию от продвижения вглубь территории Республики Союза горцев Северного Кавказа. В какой-то момент английские политики, видимо, всерьез обсуждали возможное прямое вторжение в Дагестан и занятие стратегически важного порта Петровск. Само Горское правительство под угрозой захвата Добровольческой армией Дагестана сочло необходимым назначение английского представителя, считая, что это может стать гарантией сохранения хотя бы части территории Горской республики.

Но 15 февраля 1919 года Добровольческая армия начала занимать населенные пункты горцев один за другим. Серьезное сопротивление оказали три населенных пункта в Ингушетии: Экажево, Кантышево и Базоркино[561]. Позднее сопротивление было

оказано и жителями аула Сурхахи[562]. Чтобы подавить сопротивление, армия взяла на вооружение жестокость: некоторые населенные пункты уничтожались полностью. Начальник добровольческого Владикавказского отряда предъявил ультиматум, в котором требовал от непокорных ингушских селений выдать по 10 человек заложников в лице самых уважаемых в селе людей и отправить их на железнодорожный вокзал села Беслан[563]. В целом сопротивление в Ингушетии было полностью подавлено в июне 1919 года[564]. Сопротивление, оказанное жителями ингушских селений, показало, что захват территории горцев вряд ли будет таким простым, как это могло себе представлять руководство Добровольческой армии.

Генерал Деникин не мог довольствоваться только одним важным железнодорожным узлом Гудермес, ему необходим был и порт Петровск. С этой целью он убедил англичан дать ему возможность взять его под свой контроль, с дальним прицелом на продвижение по морю в сторону Астрахани. То есть планы Деникина противоречили инструкциям, полученным из Стамбула руководителем английской миссии на Кавказе Томпсоном (который, в свою очередь, порекомендовал переубедить свое начальство в лице генерала Джорджа Френсиса Милна[565], который являлся представителем британской военной миссии в Константинополе[566]). Генерал И.Г. Эрдели из Баку предупреждает генерала Деникина, что англичане уже передали все заводы и военные базы российской армии в руки Азербайджана и не согласны, чтобы он продвигался в Петровск. Более того, он предупреждает, что англичане намерены признать и факт существования Горского правительства. Однако такая позиция была не у всех занимавшихся кавказской политикой англичан. К примеру, британский генерал сэр Вильям Туэйтс[567] предлагает ввести в сферу деятельности Деникина Дагестан, так как, по его мнению, нет основания предполагать, что итальянские войска

успеют прибыть на Кавказ в ближайшее время, поэтому «будет невозможным настаивать на том, чтобы Добровольческая армия осталась севернее Дагестана». По данным с мест, дагестанцы не имеют ничего против присутствия Деникина на их территории и Деникин воздержится от пересечения границы с Дагестаном, если азербайджанцы не будут вести себя агрессивно[568].

От военного министерства поступили инструкции о том, что операции на Северном Кавказе минуют Томсона[569] и открытие связей между силами Деникина и Петровском касаются исключительно генерала Деникина. Петровск имеет решающее значение для морских сил на Каспии, а «вашим делом должна быть передача контроля над этой территорией Добровольческой армии, как только последняя очистит упомянутую страну. Поэтому мы считаем, что миссия генерала Левшина является полезным предложением, в случае, если она воздержится от вмешательства в дела территорий, расположенных южнее Кизил-Бурун – Закаталы – и далее вдоль Большого Кавказского хребта до Туапсе, на Черном море»[570]. Таким образом, военное министерство Великобритании однозначно высказалось за захват Дагестана армией Деникина и демаркацию границы с Азербайджаном южнее Дербента.

Непонятно, что стало самым весомым аргументом в убеждении Деникина английской миссии, но продвижение в Дагестан в итоге было осуществлено фактически с согласия англичан.

В самой Англии депутаты парламента пытались вынести на обсуждение вопрос о действиях деникинцев на территории Северного Кавказа и узнать, насколько это связано с политикой военного министерства Великобритании. На слушаниях правительства в парламенте 11 ноября 1919 года прозвучал запрос заместителю секретаря по иностранным делам: «Было ли обращено внимание правительства на протест, заявленный парламентом Северного Кавказа представителю союзников, полковнику Гаскелю, против нападения Добровольческой армии по приказу ген. Деникина

на территорию Северо-Кавказской Республики; правда ли, что Добровольческую армию обвиняют в убийствах, оскорблениях женщин и разрушении мечетей… и что делается, чтобы оружие, посылаемое Англией, не было применено для притеснения народов Северного Кавказа?»[571] Другое дело, что ни МИД Англии, ни тем более военное министерство не высказывали ника кого желания помогать именно горцам или оказывать давление на генерала Деникина в связи с теми преступлениями, что совершались Добровольческой армией на территории Северного Кавказа. Более того, военный министр У. Черчилль уверял парламентариев, что имеет своих представителей как у Деникина, так и у горцев Северного Кавказа, что вызывает сомнения, так как сами горцы почему-то ни разу не упомянули о представителе Великобритании среди них. Свою миссию на Северном Кавказе Черчилль видел однозначно: Англия была обязана прийти на Северный Кавказ, чтобы изгнать оттуда турок и немцев, при этом его не смущал тот факт, что в регионе не было никаких немецких войск. Такого же мнения о Горской республике придерживались не только в кругах политических – так думали и те, кто считался специалистом в области изучения Кавказа. Во время встречи председателя азербайджанской делегации на Мирной конференции в Париже А.М. Топчибаши с известным ученым-востоковедом и кавказоведом Симпсоном он отметил: «По-моему, они (горцы) не могут образовать государства, ибо они не составляют одну нацию, а разбиты на множество племен»[572]. При этом в разговоре ученый просил азербайджанцев не тревожиться и быть готовыми забрать Дагестан: Деникин туда не сунется[573].

Окончательно вопрос о Дагестане решился, видимо, уже после взятия железнодорожного узла Гудермес. Добровольческая армия не могла рисковать единственным портом на Каспии в районе Северного Кавказа, оглядываясь на мнение англичан. Не было никакого смысла останавливаться за 170 километров от Петровска –

единственного полноценного порта на всем побережье кавказского Каспия с выходом на Астрахань и Баку. Именно сюда были перебазированы суда Белой армии из Баку. Астрахань находилась под влиянием большевиков, поэтому взятие Петровска под контроль для Деникина было делом предрешенным. После взятия Добровольческой армией железнодорожного узла Гудермес английский полковник Дж. Роландсон[574], представитель английской миссии при генерале Деникине, в обращении к представителям Чечни, Ингушетии и Дагестана недвусмысленно заявил горцам о необходимости подчиниться генералу Деникину, поскольку Англия полностью разделяет его планы по воссозданию единой и неделимой России в рамках старой империи в борьбе против большевиков[575]. Все народы, населяющие Северо-Восточный Кавказ, по его мнению, должны были полностью подчиниться ставленникам Деникина и отказаться от сношений с немцами и турками в регионе, а их представителей выгнать со своей территории[576].

Это воззвание имело эффект разорвавшейся бомбы. Резкий ответ Союзного меджлиса горцев Кавказа и бурное обсуждение этого ответа казаками Терека привели к тому, что англичане сделали шаг назад. Уже в первых числах ноября 1919 года[577] в Тифлисе горские политики в срочном порядке встретились с верховным британским комиссаром Оливером Уордропом, который попросил довести до всех горцев его точку зрения, что воззвание полковника Роландсона было нетактичным и что офицеры британской армии не имеют права говорить от имени британского правительства. К тому же полковник Ж. Роландсон не является главой британской миссии при генерале Деникине, настоящим главой британской миссии при Добровольческой армии является генерал Хольман[578]. При этом он забыл упомянуть, что на момент этого заявления полковник Роландсон находился в Темир-Хан-Шуре как официальное лицо от британской военной миссии, а не как частное лицо или лицо, представляющее военную миссию при Деникине. 5 ноября министр

иностранных дел Грузии Е. Гегечкори получил заверения от верховного британского комиссара О. Уордропа, что после сношения с Лондоном он решительно заявляет, что мнение полковника Роландсона не является официальным мнением британского правительства[579].

Мы имеем мнение английской стороны, представленное двумя ее офисами. Представительство при генерале Деникине исходило из того, что никто не должен мешать планам его армии. Это было мнение военного министерства, разделяемое министром У. Черчиллем. А в офисе в Тифлисе, представлявшем министерство иностранных дел, считали, что все, кто не с большевиками, – естественные союзники Англии в этом регионе. То есть любую цитату английского политика из документов тех лет стоит рассматривать через призму того, чьи интересы он представлял: военного министерства (У. Черчилль[580]) или МИДа (А. Бальфур[581] и Д. Керзон[582]).

Западные державы тем самым сами разделили силы, которые могли и должны были бы вместе бороться против большевиков. Непонимание ситуации и ставка на одну из многочисленных политических сил в регионе оказалась губительной не только для развязки на Северном Кавказе, но и стала причиной поражения всего Белого движения, а не только армии Деникина в борьбе с Красной армией в масштабах всей страны. При этом в Лондоне, как, впрочем, и в Париже, не рассчитывали на долгосрочную войну.

Ллойд Джордж[583] осенью 1919 года недвусмысленно дал понять, что Англия не намерена тратить огромные финансы на бесконечную гражданскую войну в России[584].

В 1919 году неожиданным игроком в этом деле выступил президент США Томас Вудро Вильсон[585], прибывший в Европу на Парижскую мирную конференцию. Прием горской делегации 30 мая 1919 года в Париже позволял горцам надеяться на приобретение сильного союзника в лице США[586]. Однако ситуация в самих США

изменилась, авторитет президента в стране был подорван, и его действия не смогли оказать какого-либо влияния на позицию французских властей.

В отличие от европейских держав, распадающаяся под жестким давлением победителей – Великобритании и Франции, захваченная силами Антанты Османская империя стремилась сохранить свое влияние в регионе. Это объяснялось и тем, что среди первых лиц государства была мощная группа из числа выходцев с Северного Кавказа: черкесы, осетины, абхазы, чеченцы и дагестанцы. Османская империя переживала самые трудные времена с момента ее образования. Англия и Франция, добиваясь ослабления позиций султана на огромных пространствах, вычленяли территории и готовили их к «восстановлению» государственности, а иногда создавали и совершенно новые государства, не имевшие собственной истории в качестве государственных образований.

Османская империя не могла просто так отказаться от возможности иметь влияние в этой части мира. Поэтому турецкая армия свернула свои действия. Но не окончательно. Ее козырем оставались рычаги давления на местные кланы через соплеменников-северокавказцев из числа тех, кто переселился в Османскую империю после окончания Кавказской войны в 1859–1864 годах[587] и оказался на службе в турецкой армии и во власти. Абхазцы Рауф-бей (Ашхаруа) и Мустафа Шахин-бей, осетин Бекир Сами-бей (Кундухов), адыг Исмаил Хаккы-бей (Беркук), абазин Азиз-бей (Мекер) и многие другие северокавказцы стали своего рода проводниками турецкой политики на родине своих предков. Развал Османской империи и приход к власти кемалистов мало что изменили в этом смысле. Планы создания на Кавказе государств, независимых от России, остались актуальными и после распада Османской империи. Это объяснялось тем, что в новом правительстве кемалистов были представлены высокопоставленные воинские чины из числа тех, кто состоял и в правительстве Блистательной Порты. Например, Бекир Сами-бей (сын генерала Мусы Кундухова) и Рауф-

бей, известный своей принципиальной позицией по вопросу о необходимости создания Северо-Кавказского государства на Трапезундской и Батумской конференциях 1918 года[588]. Поражение Османской империи от войск Антанты вынудило северокавказскую диаспору переориентировать свою политику на поиск новых союзников для оказания действенной помощи соплеменникам на Северном Кавказе. Ими была сделана ставка на Великобританию, хотя именно представители этой страны больше всего сомневались в возможности создания горцами своего государства[589].

Для координации всех сил, связанных с Северным Кавказом, в Стамбуле на базе Общества Северного Кавказа проводились постоянные консультации с Горским правительством в Тифлисе. Эта связь помогала убедить кемалистов не отказываться от помощи горцам Северного Кавказа в расчете на то, что такая политика будет перспективна для защиты интересов Турции в этом регионе в будущем. В Анкаре не могли просто так оставить регион вне сферы своих интересов, так как эти интересы диктовались не столько геополитическими устремлениями Анкары, сколько необходимостью помочь и содействовать народам, с которыми поддерживались вековые отношения. Это было важнее для самих горцев, чем для Анкары, которая не имела с этого ничего, кроме проблем. Но горцы должны были знать, что у них есть союзник, способный поддержать их в стремлении к государственности.

Именно присутствие на Северном Кавказе турецких представителей, даже из числа потомков мухаджиров, позволяло горцам в 1919 году надеяться на активную помощь Турции в противостоянии с Добровольческой армией. Оно придавало уверенности сторонникам создания Горской республики. Поэтому этот шаг Турции не следует недооценивать, он заслуживает пристального исследования. Хотя западные страны переоценивали участие турецких военных в составе горских подразделений, считая, что именно турецкие инструкторы занимаются возмущением масс против армии Деникина. На самом деле несколько десятков турок не

могли решить проблему горцев военным путем, но они могли дать понять, что горцы не одиноки, и это было куда важнее, чем военная помощь со стороны Анкары. После официального вывода войск Османской империи из Закавказья по Мудросскому соглашению оставшиеся на Кавказе офицеры и солдаты бывшей турецкой армии не были связаны напрямую с властью в Анкаре или в Стамбуле. Это были те, кто решил остаться с горцами. Большинство из них были потомками мухаджиров. Помощь Османской империи военными инструкторами можно расценивать как стремление Стамбула продвинуться в деле поддержки горцев настолько далеко, насколько это позволяла ситуация. Сделав все возможное для создания Горской республики, расчлененная западными странами Османская империя с 1919 года уже ничем конкретно помочь ей не могла.

Военный союз горцев с Азербайджаном и Грузией (1919)

Если с западными державами было трудно вести переговоры из-за конфликта интересов с союзниками из антибольшевистской коалиции, то с республиками, пограничными на юге, отношения были более тесными. Прежде всего это касалось и Грузии, которая с самого начала своей независимости взяла курс на всемерную поддержку соседей по ту сторону Главного Кавказского хребта. Для Белой армии Грузия была самой желанной целью, так как именно здесь находились громадные военные запасы техники, направленные во время военных действий на Кавказском фронте в Первую мировую войну[590]. Смена немцев на англичан в Закавказье не изменила мнения местных жителей, что Добровольческая армия не должна продвигаться на юг за Главный Кавказский хребет – по нему проходила граница между Грузией и территорией горцев Северного Кавказа. За основу была взята граница царского периода между Терской областью и грузинскими областями. Со стороны Грузии на подходе к границе было два поста: «Казбек» и «Дарьяльский мост». За «Дарьяльским мостом» в районе Дарьяльского моста и у селения Старый Ларс стояли северокавказские посты. В зависимости от того, кто контролировал Владикавказ, тот и оставлял здесь свои посты: когда горцы, когда представители Деникина или большевики[591].

Новый 1919 год для Добровольческой армии начался с того, что грузины закрепились по реке Лоо. Возмущение армянского населения стало поводом вторгнуться в пределы Сочинского округа и объявить его территорией, подконтрольной Деникину[592]. Но дальше Сочи армия не продвинулась – Добровольческой армии тогда был ни к чему еще один фронт на западе Кавказа, против грузин.

В начале 1919 года после открытия на Северном Кавказе фронта Белой армией правительство горцев обратилось к Грузии с просьбой о помощи. Рассмотрев просьбу горцев 27 февраля 1919 года, правительство Грузии выразило протест по поводу ввода войск армии генерала Деникина на территорию горцев Северного Кавказа. Была распространена официальная нота правительства Грузии, обращенная ко всем дипломатическим представительствам держав, аккредитованным в Тифлисе. Грузинское правительство констатировало, что «предъявленное горскому правительству требование является нарушением принципа самоопределения народов и покушением на независимость Горской республики, признание или непризнание всецело зависит от решения Всемирного конгресса. Солидарность народов Закавказья, основанная на взаимном признании и доверии кавказских республик, тесно связанных между собой узами исторического и экономического характера, обязывает правительство грузинской республики самым категорическим образом протестовать против подобных насильственных требований командования Добровольческой армии, которые, будучи направлены в ущерб интересам Горской республики, толкают горские народы на путь большевистских выступлений и тем самым представляют угрозу спокойному течению жизни всех народов Кавказского края»[593]. Более того, грузинское правительство приняло решение о финансовой помощи: «Выдать Республике Союза горцев 3 миллиона рублей в кредит, из этой суммы бонами Терской республики – 2,5 миллиона рублей, а остальные 0,5 млн рублей – закавказскими бонами». В марте Грузия принимает решение о выделении горцам двух аэропланов, двух грузовых машин и двух легковых машин.

Уже через месяц, 16 апреля, правительство Грузии распорядилось выдать Горскому правительству базисную рабочую радиостанцию стоимостью 280 тысяч рублей и мачту к ней стоимостью 40 тысяч рублей. Грузии поставки обошлись в 320 тысяч рублей. И это в ситуации, когда сама Грузия находилась в тяжелом экономическом

состоянии! Практически на все просьбы со стороны Горского правительства грузинское правительство отвечало положительно[594].

Летом 1919 года Грузия принимает не самое простое для себя решение – направить на Северный Кавказ грузинский отряд[595]. В распоряжении Министерства обороны от августа 1919 года за № 3222 указывается на необходимость выделить полковнику Л. Кереселидзе[596] на нужды экспедиции в Ингушетии два пулемета, пятьдесят ружей, четыре лошади, две двуколки, сорок овец[597]. То есть мы имеем дело с фактом реального присутствия грузинской группы военной помощи на Северном Кавказе. Это был очень важный момент в истории взаимоотношений народов Грузии и Северного Кавказа, когда стоящий сам перед угрозой вторжения с севера Белой армии и большевиков Тифлис делает выбор в пользу оказания помощи горцам. В Грузии понимали, что укрепление на Северном Кавказе как Белой, так и Красной армии ничего хорошего ей не предвещало.

В конце сентября 1919 года Грузия специально направляет в Дагестан к руководству горцев делегацию, возглавляемую князем Чавчавадзе. В его задачу входило уверить горское руководство в желании Грузии и дальше всемерно помогать в ее борьбе против деникинской армии[598]. Интересным является тот факт, что в делегации находился и немецкий офицер, который также заявил о поддержке Грузии в деле помощи горцам в их борьбе против Добровольческой армии.

Уже осенью 1919 года Грузия принимает решение о преобразовании отряда, состоящего из группы офицеров, приданных для помощи северокавказцам в их борьбе против оккупации, в Грузинский легион. Он должен был войти в состав армии Северного Кавказа, командовать им должен был лично Лео Кереселидзе. В задачу грузинских частей входила помощь армии шейха Узун-хаджи, в борьбе которую тот вел против Добровольческой армии. Кроме него на Северном Кавказе были еще два известных грузинских

военных – Тухарели и Кавчавадзе[599]. То есть Грузия была готова помогать тем политическим силам на Северном Кавказе, кто был готов встать против Добровольческой армии.

География действий Грузинского легиона в Чечне была обширна: практически от окраин Грозного на севере границы с Грузией на юге. Летом 1919 года (июль – август) Грузинский легион участвовал в боях на Шатойском направлении. Но в задачу его руководства не входило помогать большевикам. По словам самого Л. Кереселидзе, в течение столь короткого времени ему удалось сделать немало: «Я почти 9 месяцев воевал против армии Деникина, от которой очистил равнинную Чечню. Занял Шатой, Урус-Мартан, Белгатой, Гудермес и многие другие места. Взял в плен первый, второй и третий пехотные полки, а также КараНогайский гусарский кавалерийский полк. Однако не смог взять Грозный, Петровск и Дербент, так как в этом мне мешала мощная вражеская артиллерия, бронепоезда, флот, сформированная англичанами авиация и т. д.»[600] Именно по этой причине он принял решение уйти в Ингушетию, что и было сделано 30 октября 1919 года. Он забрал всю свою военную технику и оружие, отказавшись выделить его отрядам большевиков, воевавшим против генерала Деникина[601]. Что касается неудачной попытки взять Грозный, то стоит отдать Л. Кереселидзе должное: ему удалось, видимо, войти на окраину Грозного, однако подоспевшие части Добровольческой армии, окружив один из его флангов, заставили его отступить. Окруженный добровольцами отряд был захвачен в плен и показательно повешен и расстрелян в назидание другим[602].

В декабре 1919 года, исполняя просьбу представителей Северного Кавказа в Тифлисе, правительство Грузии подтверждает решение Совета обороны Республики Северного Кавказа[603] о назначении главнокомандующим войсками Северного Кавказа и Дагестана Л. Кереселидзе[604]. Новый главнокомандующий в своем обращении к народам Северного Кавказа и Дагестана называет генерала Деникина самозванцем и командиром бандитов и грабителей.

Разъясняя политику западных стран, и в первую очередь Франции и Англии, он обращает внимание, что и они начали понимать это и отказались его финансировать. Конечно, это обращение было слишком оптимистичным, но его задача в том и заключалась, чтобы убедить горцев, что они воюют против банд Добровольческой армии, а не против союзных сил Антанты.

Трудно судить о численности грузинского отряда на Северном Кавказе, но из отрывочных сообщений об этом походе понятно, что речь идет о нескольких сотнях человек. Например, Кереселидзе указывает: «Для экспедиции в Чечню правительство мне выдало только 120 000 рублей. В то время как лишь зарплата офицеров (у меня их было 40 человек) составляла 800 000 рублей ежемесячно. Поэтому на это дело я потратил 54 000 швейцарских франков собственных денег. Что касается экспедиции в Дагестан (имеется в виду несостоявшаяся вторая экспедиция в Дагестан в апреле 1920 года. – *Авт.*), там под моим командованием находилось 300 офицеров и зарплату им должно было платить азербайджанское правительство»[605]. Французская военная миссия на Кавказе дает цифру 40 офицеров и 100 инструкторов в чине унтер-офицеров. Для них правительством Грузии было выделено 80 пулеметов и 10 орудий[606].

О том, что содержание грузинских военных на Северном Кавказе ложилось тяжелым бременем на грузинское правительство, свидетельствуют и другие данные, приводимые правительством Грузии. Только за месяц необходимо было выплатить из расчета:

1. Жалованье гг. офицерам и классным чинам – 715 750 рублей.
2. Суточные деньги им же за январь – 1 293 000 рублей.
3. Жалованье солдатам за январь – 396 650 рублей.
4. Деньги, подлежащие уплате подрядчикам за довольствие солдатам в продолжение января, – 330.

Итого – 2 738 100 рублей только за один месяц пребывания группы на Северном Кавказе[607].

Более того, военные операции грузинских частей проходили также на территориях горной части Ингушетии и Осетии, соседствующих с территорией Грузии, что провоцировало активизацию притока беженцев с Северного Кавказа и ложилось тяжелым бременем на грузинское правительство. По этой причине Грузия, пытаясь предотвратить гуманитарную катастрофу с беженцами, стремилась регулировать их поток как в Грузию, так и транзитом за ее пределы. К примеру, ответственный по делам беженцев при правительстве Грузии в июне 1919 года призывал полностью закрыть Военно-Грузинскую дорогу[608]. При этом стоит учитывать, что речь шла не столько о беженцах-горцах, сколько о русских из Карсской области и русских беженцах, оказавшихся на территории Северного Кавказа и желавших перебраться на юг.

Весь маршрут отряда под командованием Л. Кереселидзе можно свести к следующему перечню: Ингушетия (Дарьяльское ущелье) – Осетия (Владикавказ) – Ингушетия (Цори Джейрах) – горная Чечня (Шатой) – предгорная Чечня (Урус-Мартан) – равнинная Чечня (Белгатой-Гудермес) – Аух (Хасавюрт) – Ведено (Чечня) – Шатой (Чечня) – Джейрах (Ингушетия).

Грузии было легче предоставлять военную помощь своему офицеру. По крайней мере, не нужно было волноваться о ее распределении. 18 сентября в Шатой из Грузии с военным грузом перебрался капитан Чавчавадзе, который привез с собой для грузинского отряда в Чечне тысячи винтовок и патроны к ним, а также два горных орудия и пять снарядов. А уже 4 октября из Грузии прибыла большая делегация из 24 человек, среди которых были не только грузины, но и азербайджанцы и несколько турок. Они прибыли вечером в село Ведено, в резиденцию шейха Узун-хаджи. По этому случаю здесь же находился и генерал Л. Кереселидзе. Прибывшая делегация, целью которой был сбор информации из первых рук, привезла и военный груз: французские винтовки и патроны к ним, 16 пулеметов, пистолеты[609]. Из донесения барона Нолкина на имя главы французской военной миссии можно узнать,

что в рядах чеченской армии служат, кроме генерала Л. Кереселидзе, полковник князь Чавчавадзе, капитан Т. Беридзе. О влиятельности Л. Кереселидзе можно судить и по письму, написанному им на имя чеченского генерал-губернатора (правителя) Э. Алиева, в котором грузинский генерал просит сделать правильный выбор и встать со своим народом[610]. Можно только предположить, что это обращение, да и ситуация в Чечне, когда Добровольческая армия потопила в крови десятки чеченских селений[611], заставило генерала от артиллерии Э. Алиева уйти в отставку и заявить о своем нейтралитете в этом конфликте.

Зимой 1919 года от натиска Добровольческой армии Л. Кереселидзе удалось организовать оборону ущелья в горах Шатоя. Под его командованием в декабре 1919 года было уже порядка 800 человек, хорошо экипированных и не имевших проблем со снабжением. Многие в отряде были из числа тех, кто был мобилизован Добровольческой армией, но при первой же возможности, захватив обмундирование, оружие и продукты, экспроприированные деникинцам в чеченских селах, перешел на сторону чеченского гарнизона в Шатое[612].

Грузия действует в это время не просто как страна-сосед, но и как базовая страна в регионе, способствующая определению своей политики, независимой от России и стран Антанты (и раннее – стран Тройственного союза). Это немаловажное обстоятельство позволяет понять, почему северокавказские и азербайджанские эмигранты первоначально оседали в Тифлисе и отсюда вели свои действия против большевиков и Добровольческой армии. То есть Грузия была на тот момент единственной из кавказских стран, которая могла претендовать на роль независимого игрока в регионе.

Мы должны иметь в виду, что на Северном Кавказе действовал не один грузинский отряд под командованием генерал-майора Л. Кереселидзе. Зная об участии другого грузинского офицера полковника Жордания[613] на Дербентском направлении, можно

предположить, что военных из Грузии, привлеченных руководством Северного Кавказа, было несколько. И для их объединений, видимо, и был создан под Л. Кереселидзе пост командующего всеми силами на Северном Кавказе. Более того, если Грузинский легион Л. Кереселидзе вступил на территорию Северного Кавказа через Дарьял, то, видимо, можно считать, что отряд полковника Жордания попал в Дагестан через дагестанско-грузинскую границу. Тот факт, что Л. Кереселидзе не говорит о полковнике Жордания, позволяет предположить, что они не имели между собой тесной связи и действовали независимо друг от друга. Отряд под командованием полковника Жордания входил структурно в Дербентский фронт, где командующим был турецкий капитан Тасуйбей.

Все это позволяет говорить о военной помощи Грузии Северному Кавказу как о способе ослабить общего врага – сначала армию Деникина, а впоследствии и большевиков.

В конце ноября 1918 года Горское правительство и правительство Азербайджана заключили договор, согласно которому обе страны обязались всячески помогать друг другу в случае угрозы с третьей стороны[614]. К моменту подписания договор немного видоизменился, так как сам проект договора, предложенного Азербайджаном, предполагал не просто помощь, речь шла об объединении двух республик на основе федерации. На заседании азербайджанского правительства от 9 июня 1918 года был заслушан среди прочих и вопрос о союзе с Союзом объединенных горцев Кавказа[615]. С докладом выступил министр иностранных дел Азербайджана М.-Г. Гаджинский, вел заседание Р. Хойский, было принято решение:

«1. Признать желательным самое тесное объединение правительств Азербайджана и Союза горцев Кавказа.

2. Пока же приступить к осуществлению намеченного докладом объединения четырех областей: а) вооруженных сил, б) иностранной политики, в) духовных дел и г) связанных с вышеуказанными вопросами финансов.

3. Одновременно с заключением договора по вышеуказанным вопросам установить и оформить особым дополнением: а) взаимоотношения союза обоих Правительств к Турции и по вопросам «а» и «б» ст. 2-й и б) внешние границы обоих государств.

4. Для редактирования договора и для выработки подробной Конституции Союза избрать особую смешанную комиссию»[616].

То есть речь идет не просто о союзе, Азербайджан предлагает горцам в самый ответственный момент в их истории объединение на основе единого государства. Уже через сутки министр Гаджинский переправляет этот проект для ознакомления исполняющему обязанности председателя Горского правительства З. Темирханову. В сопроводительном письме М.-Г. Гаджинский просит как можно быстро ознакомиться с проектом и создать объединенную комиссию, которая смогла бы быстро приступить к работе «для выработки текста договора»[617].

Кроме того, договор затрагивал и вопросы экономического сотрудничества. На основе этого соглашения правительство Горской республики обратилось к правительству Азербайджана с просьбой о выделении десятимиллионого беспроцентного кредита с возвратом этой суммы в течение двух лет начиная с 1 февраля 1919 года[618]. Предполагалось, что взамен Горское правительство снимет все таможенные и транспортные налоги с товаров, закупленных на территории, подконтрольной Горскому правительству. Договор был принят парламентом страны 23 февраля 1919 года[619]. Конечно, то, что требовалось от горцев, было чисто формальным предложением, так как в это время трудно было надеяться, что Горское правительство будет иметь четкое представление о транзите через свою территорию, поскольку в разных ее частях власть была под контролем разных политических групп (казаки Терека, Добровольческая армия и т. д.). Месяц спустя правительство Азербайджана принимает постановление о выделении еще 5 миллионов рублей, так обосновывая свое решение: «Ввиду

чрезвычайно затруднительного положения Горского правительства поручить министру финансов выдать уполномоченному представителю означенного правительства пять миллионов рублей в счет предполагаемого тридцатимиллионного займа»[620]. И наконец, в апреле Азербайджан выделяет для правительства Горской республики беспроцентный заём в размере 30 миллионов рублей[621]. При этом ранее выданная сумма в размере 5 миллионов в данном законе уже не упоминается, что можно расценивать как желание помочь дополнительными денежными суммами горцам, находившимся к тому времени под оккупацией войск Добровольческой армии.

Правительство Азербайджана постоянно напоминало по всем своим каналам, что ввод войск армии Деникина на территорию горцев не соответствует тем целям и задачам, которые декларировались генералом, а именно – борьбе с большевизмом[622]. Там прекрасно осознавали, что вслед за захватом территории горцев непосредственная угроза вторжения армии Деникина в Азербайджан только усилится.

Через месяц, в условиях оккупации, правительство горцев Северного Кавказа и Дагестана запросило сумму уже в 60 миллионов, с учетом ее возвращения в случае совместного выпуска единой с Азербайджаном денежной единицы [623].

Для оперативного решения этого вопроса и получения информации с места в правительство Горской республики направляется дипломатический представитель Азербайджана Абдурахим-бек Ахвердов с резиденцией в Темир-Хан-Шуре[624]. Согласие на его утверждение дал князь Нухбек Тарковский, бывший в то время председателем совета министров[625].

Министр-председатель и министр иностранных дел Фаталихан Хойский пытался ослабить давление Добровольческой армии на горцев Северного Кавказа просьбой к английской миссии: «Я имею

честь настоятельно просить во имя человеколюбия и в целях предотвращения кровопролития и огромного пожара, могущего охватить весь Кавказ, принять самые решительные меры к немедленному приостановлению агрессивных действий со стороны Добровольческой армии генерала Деникина в отношении республики Союза горских народов Кавказа и к быстрейшему удалению их из пределов этой республики»[626].

Ситуация была сложной, и время требовало со стороны Горской республики активных действий. Обращая внимание Азербайджана на то, что происходило на Северном Кавказе, полномочный представитель Горской республики в Баку писал: «Назначенный Генералом Деникиным на должность Командующего войсками Терско-Дагестанского края Генерал Ляхов предложил Горскому Правительству отказаться от власти и расформировать Горскую армию. Генерал Ляхов намерен разбить наш Союз по национальностям, проектируя назначение правителей национальных округов, причем во все районы уже намечены контрреволюционные генералы, известные своим враждебным отношением к идее независимости горцев. Не ограничиваясь этим, генерал Ляхов требует формирования новых частей, которые должны войти в состав Добровольческой армии»[627].

Помощь Азербайджана носила деликатный характер. Угроза вторжения Добровольческой армии в Азербайджан была реальной. На фоне этой угрозы политика Баку была направлена на то, чтобы не давать Добровольческой армии повода для вторжения в республику. Однако это не могло перечеркнуть желание помочь горцам Северного Кавказа. Для этой цели 6 апреля 1919 года правительство принимает постановление «Об оказании военной помощи Республике Союза горских народов Северного Кавказа». Текст постановления предписывал:

«1. Посылку регулярных войсковых частей в Горскую Республику для оказания помощи последней признать невозможной.

2. Признать целесообразной отправку неофициально в Горскую Республику добровольческих отрядов, организацию коих предоставить политическим партиям Парламента.

3. Послать в означенную республику санитарные отряды для оказания медицинской помощи»[628].

И уже через неделю, 12 апреля 1919 года, принимается постановление об утверждении сметы на организацию санитарных отрядов для отправки на Северный Кавказ, для этой цели было выделено 142 500 рублей[629]. В горах Северного Кавказа горцам помогал медицинский отряд бакинского студенчества[630].

В октябре 1919 года в распоряжение горского правительства прибывают 22 охранника азербайджанского парламента, вместе с ними прибывают еще 16 аскеров из числа азербайджанцев[631]. Присутствие азербайджанских офицеров имело «моральное значение для местного населения, необходимо и весьма важно присутствие на фронте офицера азербайджанца»[632]. Это показало бы горцам, что речь идет не только о добровольцах, но помощь оказывается на уровне правительства Азербайджана.

В декларации кабинета министров Азербайджана особо указывалось, что правительство сочувствует горским народам. Более того, правительство уверено, что «в ближайшем времени между кавказскими республиками будет установлена тесная связь и долговечная дружба. В какую форму это выльется: в форму ли конфедерации или в иную форму союза – это покажет ближайшее время. Одно непреложно, что в эту связь и общение должна войти и Северо-Кавказская республика»[633].

По мере того как армия генерала Деникина продвигалась на юг Дагестана, возрастал и поток беженцев с Северного Кавказа в Азербайджан. 18 октября 1919 года правительство Азербайджана принимает постановление, на основе которого предполагалось выделение для беженцев из Дагестана 1 миллиона рублей [634].

История взаимоотношений Азербайджанской и Горской республик в 1918–1924 годах показывает, что неоднократно появлялись проекты объединения, слияния этих двух государственных образований. Инициатива, как правило, исходила от представителей Северного Кавказа[635]. И в этом нет ничего удивительного, так как именно Горская республика, будучи в тяжелом положении, искала пути существования вне влияния России, какой бы она ни была – белой или красной.

Азербайджан видел в горцах Северного Кавказа естественных союзников в своей борьбе за независимость, именно по этой причине правительство республики уделяло так много времени изучению ситуации на Северном Кавказе. Единственное, что удерживало Баку от более активной помощи горцам, например отправки армии, – это боязнь быть втянутым в войну за Большим Кавказским хребтом одновременно и красными, и с белыми.

При этом горские эмигрантские круги в Тифлисе, несмотря на то что план по включению Дагестана в состав Азербайджана не был предметом рассмотрения для Совета обороны, считали, что такого рода разговоры неуместны в целом[636]. Такие разговоры рассматривались ими как попытка уничтожить единство горских территорий. Известие о том, что в ходе дебатов в селе Касум-Кент в присутствии гостей из Баку и турецких инструкторов в итоге было решено этот план считать неприемлемым для Дагестана, что было встречено в горских кругах Тифлиса с воодушевлением. Это совещание, если оно было на самом деле[637], – свидетельство того, что план был достаточно серьезным. То, что план обсуждался и стороны пытались принять какое-то единое решение, свидетельствует, что такое вполне могло произойти. Видимо, для этой цели в Дагестан был срочно направлен бывший министр путей сообщения Горского правительства при П. Коцеве, член горской делегации на Мирной конференции в Париже Ибрагимбек Гайдаров, назначенный в Азербайджане министром внутренних дел[638]. Вполне

возможно, что его поездка могла быть связана именно с решением данного вопроса. По крайней мере, она совпадает по времени с упомянутым совещанием, и совершенно понятно, что, посылая своего министра, Азербайджан пытался через него решить какой-то вопрос.

Другое дело, что Баку хоть и закрывал глаза на других политических игроков на Северном Кавказе, такого рода вопрос, как объединение в единое государство, следовало решать не только с членами Горского правительства.

В любом случае стоит отметить, что к январю 1920 года вопрос об объединении Горской республики и Азербайджана был окончательно снят с повестки дня.

Вступление генерала А. Деникина на территорию Республики Союза горцев Северного Кавказа

Летом 1918 года Деникин начинает на Северо-Кавказском фронте операцию, поставив войскам задачи: «Овладеть Торговой, прервав тем железнодорожное сообщение Северного Кавказа с центральной Россией; прикрыв затем себя со стороны Царицына, повернуть на Тихорецкую. По овладению этим важным узлом северокавказских дорог, обеспечив операцию с севера и юга захватом Кущевки и Кавказской, продолжать движение на Екатеринодар для овладения этим военным и политическим центром области и всего Северного Кавказа»[639]. Таким образом, вопрос, когда Белая армия столкнется с горцами, с этого момента стал всего лишь вопросом времени.

Сделав ставку на казачество, он не смог бы проигнорировать того факта, что терское войсковое казачество нуждалось в его помощи, чтобы противостоять натиску как горцев, возглавляемых Горским правительством, так и тех, кто был подвержен влиянию большевиков.

Отношения горцев с казаками Терека и Кубани были сложными, разногласия были по самым актуальным для горцев вопросам – о земле, границах и преемственности власти на местах. Именно в этих вопросах не смог найти общего языка с горцами и генерал Деникин[640]. Практически сделавший ставку на казачество, которое и стало основной базовой силой его движения, он вынужден был исходить в первую очередь именно из его интересов. Нетрудно понять, что горцам генерал Деникин отводил второстепенную роль.

Триумфальное шествие на Северном Кавказе, начавшееся с победы над 11-й Красной армией в январе – феврале 1919 года, позволило Добровольческой армии считать, что все ее враги будут разбиты так же, как и армия большевиков. После падения Минеральных Вод и Ставрополя большевики 16–20 января начали

эвакуацию своих сил из Владикавказа[641]. Военные миссии на Кавказе отправляли в адрес Лондона и Парижа многочисленные телеграммы, которые свидетельствовали об успешном наступлении соединений Деникина в Северо-Кавказском направлении. Несмотря на то что из Грозного были направлены силы для поддержки военных в противостоянии с Доброармией во Владикавказе, сдержать натиск армии Деникина не удалось. Только из Владикавказа в направлении Кизляра было эвакуировано от 15 до 20 тысяч большевиков, большей частью раненных и больных тифом, с тем чтобы оттуда перевезти их в Астрахань или в Петровск. В этих телеграммах нет ни слова о силах, подконтрольных правительству Горской республики, что говорит об отсутствии координации сил, подчинявшихся главе правительства П. Коцеву. Горское правительство, видимо, вовсе не занималось проблемой наступления армии Деникина в надежде, что это ослабит силы большевиков. Эта игра на противостоянии двух сил (большевиков и армии Деникина) никак не была стратегически просчитана политиками Горской республики. Все было пущено на самотек, в расчете, что потом можно будет договориться с победителем.

Большевики бежали также в Грузию. По данным военного министерства Франции, после взятия Владикавказа в эту страну прибыло от 3 до 4 тысяч большевиков. Сотни их сразу оказались в тюрьмах. Почти 700 большевиков отправили под конвоем до границы с Россией в район Сочи, почти 500 бывших большевиков согласились воевать против Деникина, и власти Грузии отправили их в Дагестан. Другие устраивались на сельхозработы по всей Грузии[642]. Неприятие в Грузии толкало их на то, чтобы на свой страх и риск пробираться в Астрахань, которая находилась на расстоянии 600 километров, в то время как до ближайшего грузинского поста было всего 44 километра. Большевики понимали, что отношение к ним властей в Грузии будет не лучше, чем со стороны генерала Деникина.

Тем временем генерал А.Г. Шкуро без проблем взял Нальчик. Владикавказ не смог противостоять и двух недель Добровольческой

армии, а в Грозный, населенный казаками и русскими, 5 февраля 1919 года без каких-либо осложнений въехал корпус В.Л. Покровского. В этот же день пал Кизляр[643], стратегически очень важный железнодорожный пункт, который позволял связываться с Астраханью не только морским путем.

Захват Владикавказа сопровождался анархией уже в самой Добровольческой армии. Генерал Шкуро, ранее сжигавший непокорные селения, вынужден был смириться с тем, что уже не в силах взять горцев под полный контроль. Во Владикавказ вместе с армией прибыли и казаки, которые, со слов директора депо трамвая во Владикавказе М. Лорента (французского подданного), грабили город, как только могли, ожесточая осетин и заставляя город все больше смотреть в сторону большевиков[644]. По его мнению, у деникинцев не видно было даже особого желания установить порядок, складывалось ощущение, что их устраивал этот беспорядок. Наблюдался разгул коррупции среди чиновников на местах, цены на продовольствие взлетели, преступность увеличилась за счет нападений казаков.

После взятия Владикавказа и Грозного перед руководством Добровольческой армии встал вопрос: выработать административное устройство для горских народов. За образец была принята модель, уже апробированная на Кубани. На территории Терской области было образовано четыре национальных округа: Нальчикский, Владикавказский, Назрановский и Веденско-Грозненский. Широкую автономию получало Терское казачье войско, декларировавшее свое единство с «Единой демократической Россией». Местные народы получали якобы широчайшую автономию, пользуясь, по определению генерала Деникина, «полнейшей самостоятельностью»[645]. Однако самостоятельность предполагала в качестве контекста «единую и могущественную России», хотя все еще не было определено, что следует иметь в виду под этим термином – восстановление монархии, хотя бы

конституционной, или же Российского государства, основой которого были бы русский народ и православие.

Казалось бы, все шло именно так, как планировал А. Деникин накануне принятия решения о подчинении себе всего Северного Кавказа, и в первую очередь – территории горцев. Особых проблем с признанием его власти со стороны казачества, и тем более терского, у него не возникло. Однако, разобравшись с большевиками, Добровольческая армия неожиданно столкнулась с проблемой неорганизованной массы горцев, представлявших разнородные политические силы: большевиков, шариатистов и приверженцев Горской республики. Деникин считал, что после ухода большевиков ему не с кем воевать, оказался не готов к тому, что против армии поднялись горские народы.

Тревогу забили и члены Горского правительства. Их надежды на то, что Добровольческая армия будет воевать по большей части с большевиками, не оправдались. Ее явно не устраивала победа только над большевиками, ей нужна была полная победа над горцами. Союзный совет в резолюции от 17 февраля 1919 года осудил вторжение армии Деникина на территорию Северного Кавказа, выразил поддержку своему правительству в деле отражения нападения врага, призвал приложить максимум сил для признания независимости и требовать вывода деникинской армии с территории Горской республики[646].

Было, конечно, наивно предполагать, что Добровольческая армия до своего вторжения не проконсультировалась и не узнала о настроениях своих союзников у постоянных представителей Франции и Англии при Главной ставке Деникина. Поэтому на протесты со стороны Горского правительства Добровольческая армия не реагировала.

Дипломатическое представительство правительства Республики Союза горцев Кавказа при правительстве Азербайджанской республики в письме от 26 февраля 1919 года за № 186 на имя

министра иностранных дел Азербайджана сообщало, что назначенный генералом Деникиным на должность командующего войсками Добровольческой армии в Терско-Дагестанском крае генерал Ляхов[647] потребовал от Горского правительства отказаться от власти и покинуть территорию республики. Сообщалось также, что идет формирование новых частей, которые должны быть включены в состав Добровольческой армии[648]. Сама территория Горской республики была разделена по национальному признаку, утверждены представители в лице правителей. Горцы надеялись на активное вмешательство Азербайджана и Грузии.

В этих условиях генерал А. Деникин пытается перехватить инициативу у Горского правительства и начинает вести переговоры с чеченцами, минуя правительство П. Коцева. Было решено пригласить на встречу с ним в Грозный всех более или менее известных чеченских религиозных и общественных деятелей. После захвата Грозного у Добровольческой армии было преимущество перед горцами, она уже могла ставить условия и требовать подчинения. Иностранные военные миссии одна за другой отправляли сообщения в Париж и в Лондон об успешных военных операциях добровольцев генерала Деникина на Северном Кавказе[649].

В здании общественных собраний в Грозном 11 апреля 1919 года собрались представители чеченского общества из Грозненского, части Веденского округа, где они совместно с высокопоставленными чинами Белой армии в лице генералов А. Деникина, В. Ляхова, Г. Вдовенко и Романовского должны были решить судьбу Чечни, и не только[650]. Эта встреча проходила уже после обращения, сделанного Чеченским национальным советом 26 марта, в котором высказывалась полная поддержка курсу чеченского генерала от артиллерии Э. Алиева, выступающего в статусе правителя Чечни от лица генерала Деникина. Чеченская делегация от общественности состояла из весьма влиятельных представителей мусульманской интеллигенции и старшин крупных аулов предгорной Чечни.

На Грозненской конференции со стороны горцев присутствовали члены правительства Р. Капланов, З. Темирханов и Н. Гоцинский. Со стороны Добровольческой армии были генералы А. Деникин и В. Ляхов. Со стороны союзного командования – генерал Бракс и полковник Ж. Роландсон[651].

29 марта в своем выступлении генерал Деникин укорял чеченцев тем, что встретил вместо друзей врагов. Что вместо того, чтобы благодарить его за борьбу с большевиками, чеченцы стали сражаться с ним. После него генерал В. Ляхов объявил семь пунктов требований к чеченскому народу, необходимых для начала перемирия. Они явно не свидетельствовали о желании деникинцев договориться с чеченцами:

«1. Подчиниться управлению Доброармии, сохраняя внутреннее самоуправление.

2. Выдать красноармейцев, большевиков-главарей и абреков.

3. Выдать все награбленное и увезенное в Чечню красноармейцами.

4. Выдать всю артиллерию и пулеметы.

5. Возвратить все похищенные железнодорожные материалы.

6. Выдать захваченных в Цацан-Юрте казаков.

7. Доставить на ближайшие станции и в аул Алды 100 тыс. пудов пшеницы или муки, 200 тыс. пудов ячменя и кукурузы, 200 тыс. пудов сена или соломы за плату по назначенной расценке, и др.»[652]

Выступил и английский генерал Ч. Бриггс. Он стразу дал понять чеченским представителям, что уполномочен выступать от имени британского правительства в качестве руководителя английской военной миссии при А. Деникине, созданной, чтобы снабжать его оружием, снаряжением и всем тем, что ему понадобится для борьбы с большевиками[653]. То есть выбора, кого поддержать – генерала А. Деникина или горцев, не существует, что Лондон однозначно сделал ставку на А. Деникина и не намерен что-либо менять в этом вопросе.

Выступление терского атамана генерала Вдовенко было примирительным. Он сказал, что казаки Терека и горцы веками жили по соседству, и гарантировал, что, если чеченцы сдержат свое слово не выступать против Добровольческой армии, ни один казак не поднимет на них руку[654].

Вряд ли чеченские участники конференции ждали такого разговора. Надежды, что армия не будет грабить села, не осталось. Разъехавшиеся чеченские представители вынуждены были рассказывать, что с ними общались как с завоеванными. А это было не так – Белая армия контролировала всего два десятка населенных пунктов на равнине и ни разу не подошла вплотную к горам. Более того, у деникинцев вряд ли была цель захватить горную часть Чечни, ее больше волновала безопасность вдоль железной дороги на равнине.

Однако на фоне встречи с чеченской депутацией Добровольческая армия не меньше была заинтересована в нейтрализации действий Горского правительства. Постановление, принятое съездом представителей чеченского народа, состояло из пяти пунктов и должно было, по замыслу его авторов, нейтрализовать чеченцев и позволить деникинцам спокойно выйти к берегам Каспийского моря. В постановлении говорилось:

«Мы, нижеподписавшиеся уполномоченные Грозненского округа и аулов Мискер-юрт, Герменчук, Белгатой, Новые Атаги, Дуба-юрт Веденского округа, даем обещание, что уполномочившее нас население Чеченского народа обязуется:

1. Признать власть Главнокомандующего Вооруженными силами Юга России Генерала Деникина.

2. Не признавать никакого другого Правительства и не допускать в пределах территории подписавшихся ниже представителей власти кроме утвержденной Генералом Деникиным.

3. Выразить сожаление по поводу происшедшего столкновения и выполнять условия, предъявленные Главнокомандующим.

4. Принять меры к немедленному прекращению военных действий и к установлению мирной жизни: изгнать от себя большевиков и агитаторов, возбуждающих народ против Добровольческой армии.

5. Немедленно выставить всадников для формирования Чеченской дивизии, которая будет содержаться за счет казны.

29 марта 1919 года, г. Грозный»[655].

Кроме того, новое правительство в Чечне от генерала Деникина начало со сбора налогов с населения в пользу Добровольческой армии. К примеру, по приказу правителя от 30 апреля 1919 года, каждый населенный пункт был обязан выделить сено, солому, пшеницу и ячмень по указанной ими цене[656]. Так, село Автуры Веденского округа облагалось налогом в 2946 пудов пшеницы, 5822 пуда кукурузы или ячменя и 5892 соломы или сена. Для села Шали пшеницы было определено в размере 13 252 пудов, кукурузы или ячменя – 26 500, и соломы или сена – 26 505. И так по всем селам, согласно количеству жителей. Если учесть, что налогом население облагалось и Горской республикой, то понятно, почему лозунги большевиков, не контролировавших на тот момент ни одного квадратного метра в Чечне, призывы освободить от всех налогов и податей воспринимались населением как спасение от тех, кто их облагал непосильными налогами.

Тем временем обозначилась необходимость встречи правительства Горской республики с представителями вторгшейся в ее пределы Добровольческой армии. Она была продиктована событиями последних месяцев, а именно ожесточенным сопротивлением, оказанным местным населением. Это никак не укладывалось в планы генерала Деникина, рассчитывавшего быстро покончить с регионом и направить все силы на север, против большевиков России. После недолгих переговоров было решено организовать личную встречу представителей двух противоборствующих сил в Грозном.

Северокавказская делегация, соглашаясь на эту встречу, видимо, все еще лелеяла надежду, что руководство Добровольческой армии

будет считаться с ней. Инициатива исходила из лагеря союзников, которые не могли не обратить внимание на тот факт, что действия Добровольческой армии в Чечне и Ингушетии начинают носить затяжной характер. А. Кантамир так описывал эту конференцию: «На конференции генерал Деникин категорически заявил, что он все же не признает Горского союза и его правительства. Наши делегаты, пробыв всего два часа на конференции, покинули Грозный, вернулись обратно через Чечню. Чеченский народ встретил делегацию восторженными овациями и на многочисленных митингах выносил резолюции о продолжении войны за независимость. Ездил в Чечню вскоре после того и председатель правительства П. Коцев, которого народ приветствовал как первого избранника, оказывая ему царские почести и восклицая: «Да здравствует наш Союз, наш президент». После этого, видя такое твердое настроение народных масс, правительство вынесло решение продолжать войну с Деникиным, и я разослал всем правительствам и представителям союзного командования ноту о продолжении войны, которая до сих пор не прекращается»[657]. То есть все надежды горцев были Добровольческой армией отвергнуты. В письме присутствуют нотки бравады. Наверное, Кантамир все-таки рассчитывал, что горцы не останутся один на один с деникинцами, и искренне считал, что помощь будет оказана со всех сторон. «Идут восстания в Кабарде, Балкарии, Дигории, не говоря уже об Ингушетии и Чечне, которая, собственно говоря, держит правительственный фронт. Шейхи Узун-хаджи, Али-хаджи и другие единодушно объединились и обещали Правительству всяческую поддержку, пока оно будет стоять на почве ведения войны за независимость. Эта война способствовала в большей мере объединению союза и укреплению престижа Правительства»[658].

При этом Горское правительство уведомило правительство Азербайджана о планах горцев: «Парламент Горцев отклонил все требования Добровольческой армии и предложил Правительству защищать всеми средствами независимость Республики и просить

поддержки у Закавказских Республик, в частности у братского Азербайджана, с народом которого горцы связаны кровью и традициями непоколебимой дружбы».

Но эти настроения по мере продвижения армии генерала Деникина по территории региона, в особенности с момента вторжения на территорию Дагестана, быстро улетучатся, и будут письма отчаяния, многочисленные просьбы помочь любой ценой народам Северного Кавказа.

Выступая в парламенте, председатель Совета министров Союза горцев сказал, что представители британской миссии в Темир-Хан-Шуре заверили правительство горцев в том, что армия генерала Деникина не будет вторгаться в Дагестан, но вынуждена будет пользоваться портом Петровск и что только в случае победы в Дагестане пробольшевистских настроений или в случае анархии и недееспособности правительства горцев навести порядок своими силами не только армия Деникина, но и Британия сочтут своим долгом вторгнуться и навести порядок, чтобы не дать большевикам закрепиться в этой части региона[659]. При этом именно действия деникинцев способствовали росту в крае большевистских настроений[660]. Любого рода официальные протесты по поводу ввода армии Деникина на территорию Горской республики приносили мало пользы жителям региона[661].

Более того, по словам председателя правительства П. Коцева, делавшего отчет по поводу вторжения Добровольческой армии в Горскую республику в Союзном совете 16 февраля 1919 года, «руководство Добровольческой армии в лице генерала И.Г. Эрдели даже знать не знало о планах и задачах Горского правительства». «Вторым лицом после Деникина является ген[ерал] Эрдели, находящийся в г. Баку, и мне пришлось поговорить с ним о всех делах Добровольческой армии, – доложил он. – Оказалось, что Добровольческая армия совершенно не осведомлена о нас, Азербайджане и Грузии. О Грузии они знают, по частным сведениям,

больше[й] частью неверным, почему они и настроены враждебно [к] Грузии. Они, правда, знают, что Горское правительство существует, что оно боролось против анархии, но им неизвестны наши цели. Когда я показал генералу Эрдели пункт[ы] нашего договора, заключенного [с] союзным командованием [войск Антанты], где союзники признали за нами право самоопределяться, самоорганизов[ыв]аться до мирной конференции, показал и другие бумаги, где определенно признавали наше правительство, нашу республику, генерал был поражен. Правительство же наше стоит на моей точке зрения, что мы не желаем ни с кем конфликта, а хотим установить мирные добрососедские [отношения], но не такие вовсе, как, например, поход в глубь России против большевиков»[662].

Добровольческая армия пыталась прикрыть свои действия декларациями о самоопределении наций в рамках единой России[663]. В приказе командующего 1-й конной дивизией П.В. Шатилова говорилось: «Довожу до сведения чеченского народа, что в ближайшие дни во главе его будет поставлен ген. Ляховым правитель из туземцев, при котором будут состоять помощники по военной и гражданской части, и земская управа по выбору народа для решения вопросов хозяйственного и бытового характера. Таким образом, управление чеченским народом будет поручено лучшим его представителям под высшим наблюдением Главноначальствующего, с предоставлением полного самоуправления Чечне, которая должна составить часть целой единой России»[664]. В своем обращении генерал-майор П.В. Шатилов утверждает, что все остальные северокавказские народы по мере приближения к их границам Добровольческой армии сами безоговорочно становились на ее сторону. По его словам, так поступили черкесы, кабардинцы Большой и Малой Кабарды, осетины. И только ингуши трех селений оказали сопротивление, но после жесткого его подавления уже скоро влились в отряды Добровольческой армии и вместе с ней боролись под

Владикавказом против большевиков. Конечно, дальнейшие события никак не укладывались в эти декларации деникинских генералов.

Видя настрой чеченцев, готовых оказать сопротивление Добровольческой армии активными боевыми действиями, а не какими-то единичными выступлениями того или иного аула, генерал В.П. Ляхов просит о финансировании политических и религиозных деятелей Чечни, дабы через их нейтралитет сломить активное сопротивление чеченцев. Вот что, по мнению генерала Ляхова, было необходимо предпринять: «Объявить горским народам, что содержание войск и местной администрации мы берем на себя, что ранее делало горское правительство. Подкупить некоторых главарей Чечни, что сделало Горское правительство, дав шейху Али Митаеву 150 тыс. рублей и шейху Шуагиб Мулле до 400 тыс., и пропорционально другим главарям. Не рассчитывать на Тарковского, который состоит в Горском правительстве военным министром. Проявить силу в самой резкой форме, для чего сосредоточить в район Чечни больше войск»[665]. В шифрограмме речь идет о двух значимых фигурах в чеченском обществе. Шейх Али Митаев из села Автуры был в числе тех, кто имел самую большую военную группу из числа мюридов, приверженцев суфийского толка, а шейх Шуагиб-мулла (имеется в виду Сугаиб Мулла Гайсумов из Шали), армии не имел, но с его мнением считались, отдавая должное его знаниям в области мусульманской теологии. Его статус суфийского шейха накшбандийского тариката обеспечивал ему довольно высокий авторитет в обществе. То есть генерал Ляхов пытался нейтрализовать двух человек, которых меньше всего хотел иметь в числе врагов в Чечне.

Неожиданное для генерала Деникина противостояние народов Северного Кавказа заставило его выступить с Декларацией, разъясняющей цели и задачи его борьбы[666]. Подписанная самим Деникиным и еще 18 офицерами Белой армии, она была предназначена не столько для народов Северного Кавказа, сколько

для руководителей союзных держав, не одобрявших столь жестокие методы покорения горцев[667].

Практически все население региона выступило против армии Деникина[668]. Это не было оценено союзниками (французами и англичанами), которые считали, что восстание чеченцев в предгорьях и в районе Грозного было подавлено[669]. В итоге это способствовало ошибочному пониманию всего того, что происходило в регионе. Союз англичан и французов с А. Деникиным был для них приоритетным, и осознание ошибки пришло только после поражения генерала в 1920 году.

Однако приход армии Деникина на Северный Кавказ существенно повлиял на общую ситуацию. Для зажатых со всех сторон горцами и большевиками терских казаков он стал спасительным. Впервые с момента развала Российской империи они увидели того, кто готов был за них бороться и наказать любого, готового пойти против них и отнять у них земли. По этой причине терское казачество было самым надежным союзником Добровольческой армии на Северном Кавказе.

В ответ на согласие мировых держав говорить о Горской республике в Париже терское казачество 13 февраля 1919 года направило в адрес французской военной миссии на Кавказе обращение с требованием отказаться вести какие-либо переговоры с горцами о признании их отдельной территорией вне России. Первый заместитель правительства терских казаков и крестьян Константин Сапронов заявил, что любое государственное образование в союзе с чеченцами и ингушами казачеством будет воспринято «крайне враждебно»[670]. В самых негативных тонах была представлена сущность Горского государства как анархического, неполноценного, неспособного существовать в обход желания русской части населения. Возможный уход казаков с территории горцев, считали они, стал бы бедствием для них самих, так как среди горцев начались бы трения, они не смогли бы заниматься землей и

вести нефтяной бизнес без специалистов русского и армянского происхождения, все это в итоге привело бы к анархии и хаосу среди горцев (а русский элемент составлял, по их мнению, чуть больше половины от всего населения региона). Таким образом, официальное руководство терского казачества было заинтересовано в приходе в регион Добровольческой армии и в гибели Горской республики. Им нужен был гарант того, что результаты Кавказской войны не будут пересмотрены, и таким гарантом для них виделся генерал Деникин. Стоит иметь в виду, что терское казачество так и не стало полноправным союзником кубанского казачества. В противовес кубанцам, которые находили общий язык с горцами, терские казаки больше ориентировались на донское казачество. Поэтому неудивительно, что Добровольческая армия полностью доверяла и потворствовала терским казакам в их желании отомстить за планы выселения сунженских казаков за территорию Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана.

Если первая половина 1919 года была периодом побед Добровольческой армии, то со второй половины года стоит говорить уже о тактике защиты от народов Северного Кавказа, восставших против оккупации земель региона армией генерала Деникина. А начало 1920 года было, по сути, началом конца самой армии, ее правления в регионе и бегства в Крым для последующего исхода офицерства из России.

Однако с захватом части Северного Кавказа и назначением новой администрации в лице главноначальствующего перед А. Деникиным встали вопросы хозяйствования и решения сопутствующих задач. Это касается как денежного регулирования[671], так и выделения пенсий и пособий[672]. Администрации на захваченных землях приходилось вести и санитарную деятельность, предотвращая заразные болезни у крупного рогатого скота, числившегося у населения[673]. Практически работать приходилось во всех сферах: банковской[674], сельскохозяйственной[675], социальной и др. То есть

речь идет о полноценной замене тех органов и структур, которые до захвата территорий подчинялись правительству Горской республики и Союзу горцев Северного Кавказа и Дагестана. К примеру, начальник Управления торговли и промышленности на заседании правительства 5 июня 1919 года рекомендовал передать чеченскому народу права по распоряжению недрами земель, находящихся в его пользовании[676]. Или о выделении ссуды на имя правителя Ингушетии (представление начальника Управления земледелия и землеустройства об отпуске средств на обсеменение полей в Ингушетии) в 2 миллиона рублей[677]. То же самое – о выделении ссуды правителю Кабарды для решения санитарно-медицинских вопросов на сумму 1 миллиона 345 тысяч 380 рублей[678].

Национальные формирования северокавказцев в составе Добровольческой армии

Об остроте противостояния в обществе наглядно свидетельствует факт участия горцев практически во всех блоках и союзах, действовавших в регионе в тот период. Это противостояние в обществе в 1919 году достигло своего апогея не только в отношениях Горского правительства с большевиками и Добрвольческой армией. Все общество было повсеместно и непосредственно вовлечено во все политические конфликты в регионе. А. Цаликов писал в 1919 году: «Казаки дерутся – с горцами и солдатами. Горцы – с солдатами и казаками. Солдаты – с казаками и горцами. Три силы бьют друг друга, и ни одна не может выйти победительницей»[679].

Но это только одна сторона вопроса, на самом деле проблема куда более обширна.

Было бы ошибочно считать, что горцы воевали только против Добровольческой армии. Они воевали не только под флагами большевиков или Горской республики. За пределами исследования чаще всего остаются те представители горцев, которые воевали в составе Белой армии[680].

В числе малоизученных остается вопрос об участии горцев из числа сторонников монархии, привлеченных под знамена Белой армии сторонниками Добровольческой армии. Это были офицеры, принесшие в свое время присягу императору и сделавшие свою карьеру на службе Российской империи. Они считали, что история может еще повернуться вспять. Они так и не осознали, в чем суть проблем, которые способствовали развалу Российской империи.

После взятия под контроль Грозного и Терека, 20 января 1919 года барон П. Врангель в своем приказе по армии говорит о той роли, которую сыграли горцы Северного Кавказа в завоевании этого

региона для А. Деникина: «Славные терцы, храбрые кабардинцы, черкесы и осетины – вы долго боролись с неравным врагом, ожидая помощи. Она пришла в лице нашей армии, и вы, как один, стали в ее ряды…»[681]

Причину появления Добровольческой армии на территории Горской республики разъясняет в своих мемуарах главнокомандующий А. Деникин: «В начале декабря 1918 го да Добровольческая действующая армия располагалась в четырех главных группах, из них одна – Кавказская группа (1-й, 3-й, 1-й конный; позднее 2-й конный корпуса с приданными частями), силами в 25 тысяч и 75 орудий, располагалась между Манычем и Кавказскими предгорьями у Минеральных Вод. Она имела общей задачей окончательное освобождение Северного Кавказа до Кавказского хребта, овладение западным берегом Каспийского моря и низовьев Волги, что давало возможность войти в связь с англичанами у Энзели и с уральцами у Гурьева и отрезать Советскую Россию от бакинской и грозненской нефти»[682]. То есть, по словам Деникина, его задачей на Северном Кавказе было отрезать большевиков от нефти Баку и Грозного. Неудивительно, что с момента появления Добровольческой армии в пределах Грозного владельцы нефтяных компаний начали усердно выплачивать «пожертвования» в виде отпуска нефти, исчисляемые миллионами рублей[683]. Беспорядки в районе добычи нефти, часто меняющаяся власть на местах привели к кризису нефтедобычи в регионе. Если, к примеру, в 1916 году в Баку добывалось 476 тысяч пудов нефти и в Грозном 102 тысячи пудов, то к 1919 году в районе Баку добыча сократилась больше чем наполовину – до 237 тысяч пудов, в Грозном – почти на две трети, до 37 тысяч пудов. Вместе эти два региона давали почти 98 % от всей нефти бывшей Российской империи[684].

11 апреля 1919 года в Грозном было решено на основе Чеченского конного полка сформировать *Чеченскую дивизию*. Дивизия формировалась в Святом Кресте. Приказом Деникина

№ 1101 от 1 июня 1919 года Чеченская конная дивизия считалась сформированной в составе четырех чеченских и кумыкского полков с 15 апреля 1919 года[685]. Ее командиром стал генерал-майор Александр Петрович Ревишин. Начальником штаба дивизии был назначен полковник Николай Васильевич Маас. К 18 октября 1919 г. все четыре чеченских полка отбыли в тыловой район Добровольческой армии, а кумыкский находился в составе Кавказской армии. Чеченские полки принимали участие в боях за Царицын и в борьбе против атамана Махно. На 29 ноября Чеченская дивизия включала в себя: 1-й полк – 387 сабель; 2-й полк – 235 сабель; 3-й полк – 264 сабли; 4-й полк – 45 сабель; итого: 931 сабля. Расформирована чеченская дивизия была 28 марта 1920 года. По словам одного из офицеров этой дивизии штабс-ротмистра Де-Витта, чеченские полки не выказывали особого рвения драться под флагом Добровольческой армии. И при первой же возможности искали повод покинуть ее ряды[686].

1-я Туземная горская дивизия. В июне 1919 года Сводный Черкесский конный полк был отведен в тыл и вновь начал разворачиваться в дивизию. На 18 октября 1919 года она насчитывала 1976 сабель. Расформирована 19 мая 1920 года. Офицеры этой дивизии также нелестно отзывались о боевом духе участников дивизии из числа горцев[687].

Приказом главнокомандующего Вооруженными силами Юга России (ВСЮР) генерал-лейтенанта А.И. Деникина № 341 от 8 марта 1919 года в состав Вооруженных сил на Юге России и Кавказской Добровольческой армии была включена *Ингушская конная дивизия*. Однако больше двух полков набрать не удалось, на их основе была сформирована *Ингушская бригада*. Что уже было прогрессом, так как именно Ингушетия оказывала войскам генерала Деникина ожесточенное сопротивление[688]. Набор проводился исключительно посредством силового давления, запугивания, захвата заложников, это приводило к локальным стычкам с деникинцами. К примеру,

отправка одного из двух сформированных полков из числа жителей плоскостной Ингушетии 22 июня 1919 года закончилась нападением ингушей, пытавшихся препятствовать отправке их односельчан на фронт[689].

В первом обращении воинов Черкесского конного полка Добровольческой армии к мусульманам России говорилось о том, что они сформировали полк, осознавая необходимость победить большевиков, что только после победы над ними можно будет говорить о будущем России[690]. На основе этой идеи были сформированы несколько черкесских полков. *1-й Черкесский конный полк* был сформирован 14 марта 1919 года в ауле Шенжий в составе Кубанского отряда и насчитывал 600 человек. На 18 октября 1919 года в нем насчитывалось 662 сабли. Командиром полка был черкес полковник Султан-Кылыч-Гирей, после него полк возглавлял шапсуг ротмистр Касполит Улагай[691].

2-й Черкесский конный полк был сформирован в июле 1918 года после занятия Майкопского отдела (приказ от 23 сентября 1918 года). На 18 октября 1919 года насчитывал 523 сабли. Одним из командиров этого подразделения был также выходец из горцев, адыгеец, полковник Пшемахо Ажигоев (нач. 1920 года)[692].

3-й Черкесский конный полк был сформирован 25 сентября 1918 года в Баталпашинском отделе. На 11 января 1920 года в этом полку числилось 26 офицеров и 1200 сабель (выступил на фронт в район Ставрополя). Перед самым расформированием командиром был назначен абазинец ротмистр Х. Аджиев[693].

4-й Черкесский конный полк был сформирован 25 сентября 1918 года и, как и 3-й Черкесский полк, находился в составе отряда полковника А. Шкуро. Вошел в состав 1-й Туземной Горской дивизии как 3-й Черкесский (сначала – 1-й Кабардинский) полк. В числе его командиров был кабардинец полковник Тамбиев[694].

Карачаевский конный полк был также сформирован в Баталпашинском отделе осенью 1918 года и вошел в состав 1-й

Туземной Горской дивизии. 20 декабря последовал приказ о включении его со 2 декабря в состав Добровольческой армии; он вошел во 2-ю бригаду Черкесской конной дивизии. 16 сентября 1919 года Карачаевский конный полк, будучи уже в составе Ингушской конной бригады, вошел вместе с ней 1-й бригадой в *Сводно-Горскую конную дивизию*. На 18 октября 1919 года был вновь в составе Черкесской конной дивизии (насчитывал 100 сабель). Командиром был карачаевец полковник М.-К. Крым-Шамхалов (с 24 декабря 1918 года)[695].

Именно черкесские формирования в рядах Добровольческой армии более или менее изучены. По словам С. Шиловой[696], они формировались с участием офицеров бывшей Российской армии (Султан Кылыч Гирей, К.К. Улагай, Султан Крым-Гирей). Именно черкесские формирования были одними из самых боеспособных в Добровольческой армии из числа национальных отрядов северокавказских народов: Красная армия прошлась по Кубани и в Причерноморье, оставив и без того бедных черкесов без средств к существованию. Немаловажно и то, что черкесские формирования действовали в союзе с кубанскими казаками, что также предопределяло их выбор в пользу Добровольческой армии. А черкесские генералы (Султан-Кылыч-Гирей, Улугай) играли далеко не второстепенную роль в действиях армии против красных.

Была также сформирована Абазинская конная сотня в составе отряда полковника А. Шкуро.

1-й Осетинский конный полк. Сформирован во ВСЮР 20 февраля 1919 года. Входил в состав *Осетинской конной дивизии*. На 5 октября 1919 года насчитывал 265 сабель и 5 пулеметов. Командиром полка был определен полковник Беликов из числа терских казаков.

2-й Осетинский конный полк был сформирован 20 февраля 1919 года. Входил в состав Осетинской конной дивизии. На 5 октября 1919 года насчитывал 244 сабли, 8 пулеметов. Командиром полка был осетинский полковник А.Д. Гутиев.

3-й Осетинский конный полк. Сформирован 15 февраля 1919 года. Входил в состав Осетинской конной дивизии (на 5 октября 1919 года – в составе Сводно-Горской конной дивизии). Командиром полка был назначен осетин полковник К.Ш. Гуцунаев (до октября 1919 года).

4-й Осетинский конный полк. Сформирован 15 февраля 1919 года. Входил в состав Осетинской конной дивизии. На 5 октября 1919 года насчитывал 93 сабли, 8 пулеметов. Командиром полка был осетин полковник Хабаев[697].

11 апреля помощником главноначальствующего краем генерала Ляхова был избран чеченский генерал Э. Алиев. В обращении к чеченцам А. Деникин отмечал: «Чтобы в полной мере были обеспечены интересы вашего народа, правителем Чечни будет лицо, выбранное вами»[698].

Поставить чеченца хоть и было правильным решением, но не могло решить саму проблему: два года спустя после развала империи трудно было понять, зачем им помогать ее восстанавливать.

10 декабря в районе станицы Мерефа наступают части 1-й Терской и Чеченской дивизий. После участия в боях с повстанцами в составе особого оперативного объединения Чеченская конная дивизия вошла в состав войск Новороссийской области.

1 января 1920 года красные разбили в районе Авросимовки Черкесскую дивизию, захватив около 600 пленных казаков и до 40 пулеметов.

Кабардинская конная дивизия состояла из шести полков. Четыре полка находились в составе Кавказской армии генерала Врангеля на Царицынском фронте, командовал ими командир 1-й бригады Кабардинской конной дивизии генерал М. Анзоров. 5-й полк был на Астраханском фронте. Последний полк (6-й), считавшийся запасным, квартировал в Нальчике[699].

По мнению российского исследователя Белого движения на Юге России В. Цветкова, отношение к призыву в ряды Добровольческой

армии было разным у разных народов Северного Кавказа. Если карачаевцы, черкесы, адыги, кабардинцы и осетины без какого-либо принуждения вступали в инородческие полки (многие из них шли служить добровольно), то в Нагорной Чечне, Ингушетии, Нагорном Дагестане мобилизация встретила активное противодействие горцев и стала причиной антидобровольческих восстаний[700]. Приказ Добровольческой армии о пополнении рядов в национальных частях в составе Добровольческой армии не мог не вызвать возмущения в обществе. Только по Дагестану по приказу от 4 августа 1919 года генерала М. Халилова, правителя Дагестана, население края обязывалось предоставить Добровольческой армии около 8 тысяч бойцов в возрасте от 19 до 40 лет, причем мобилизованные снабжались одеждой, получали лошадей, седла и бурки за счет родных аулов[701].

В разное время численность горских представителей под знаменем Добровольческой армии менялась кардинально. По мере неудач в боях против большевиков горцы уходили из армии и возвращались к себе на родину. Например, к началу января 1920 года из числа горцев в Вооруженных силах Юга России насчитывалось всего 490 штыков и 552 сабли. В то время как численность только терских казаков была в 4 раза больше: 1185 штыков и 1930 сабель[702].

Потере любого рода симпатий к Добровольческой армии способствовали жестокие методы по разоружению целых аулов, заподозренных в сокрытии большевиков. В своем обращении к чеченцам командующий Южным районом Северного Кавказа (грозненской группы) генерал Драценко на примере убийства 15 солдат-деникинцев сообщает, что уничтожил села, расположенные поблизости от места преступления: Гудермес, Исти-су, Энгель-Юрт и Хамау-Юрт сожжены, а защитники сел перебиты. Более того, командование Добровольческой армии возложило обязанность обеспечения семей убитых на ближайшие к месту убийства

чеченские аулы[703]. В своем обращении к чеченцам правитель Чечни генерал Э. Алиев от имени генерала Д. Драценко проинформировал, что он намерен делать со всеми, кто не выполнит его требования, и что жители аулов должны иметь в виду:

«1. Если аул выдаст русских красноармейцев-большевиков, дезертиров, грузин, азербайджанцев, турок и других участников из отрядов Узун-хаджи, Гикало, Эльдарханова и прочих главарей и не сделает ни одного выстрела по войскам Добровольческой армии, такой аул не будет уничтожен.

2. По требованию отрядов генерала Драценко аулы должны давать проводников и охранять отряды Добровольческой армии от стрельбы злоумышленников с тыла; если раздастся хоть один выстрел из ближайшего аула, то этот аул будет немедленно разрушен.

3. Аулы, которые не могут выполнять вышеозначенных условий, должны теперь же озаботиться выводом в безопасные места всех женщин и детей, так как никакой пощады никому сделано не будет»[704].

Более того, Добровольческая армия вводит против населения Северного Кавказа экономические санкции в виде прекращения торговли гор с равниной. В своем очередном обращении к чеченцам генерал Драценко угрожал: «Аулам плоскостной Чечни немедленно приступить к засеву полей, а аулам нагорной Чечни помнить, что если они не прогонят банды большевиков и Узун-Хаджи, то Добровольческая армия не пропустит в горы ни одного фунта хлеба… За каждого укрытого большевика, грузина или другого подстрекателя, ведущего Чечню к разрушению, виновный аул уплачивает пеню в 10 тыс. руб., а укрывший – на месяц в тюрьму»[705].

Неудивительно, что против Добровольческой армии выступили все силы: Горская республика, большевики и шариатская партия. Даже немногие национальные представители в лице правителей, назначенных деникинцами, отошли в сторону, так как не хотели быть

причастными к тем преступлениям, что творили белые в Чечне, Ингушетии и Дагестане. Например, правитель Чечни генерал от артиллерии Э. Алиев ушел в отставку со своего поста еще задолго до решения судьбы Белой армии на Северном Кавказе. На его место был назначен генерал-майор Е.А. Пашковский, до этого бывший начальником грозненского отряда[706].

Те немногие горцы, которые были призваны в ряды Белой армии, со временем массово покидали ее. Пытаясь препятствовать полному распаду армии, командование было вынуждено перебросить части Туземной дивизии вглубь России. Тезис отдельных исследователей, что горцы были привязаны к своему краю и чем дальше их уводили от Кавказа, тем меньше проявлялась их доблесть в военных операциях, не может считаться обоснованным. На самом деле горцы, участвуя в военных операциях Российской империи в Маньчжурии, или в Карпатах, или против турок в Болгарии, доказали обратное. Другое дело, что в 1919 году они были меньше всего мотивированы для участия в Гражданской войне. Они не понимали сути войны между представителями одного и того же народа за власть. Со временем их симпатии оказались больше на стороне тех, кто предлагал им воевать по убеждению, по праву выбора, где действовали комитеты и советы, которые, в отличие от Добровольческой армии, создавали иллюзию коллективного командования и защиты от начальства.

И чем больше охватывали их эти настроения, тем меньше их влекло на фронт под знаменем Белого движения.

О моральном состоянии призванных нетрудно догадаться: те, кто дезертировал и сбежал с фронта, содержались в Кизлярской тюрьме – среди 88 человек было 18 детей в возрасте от 12 лет[707].

На 18 октября 1919 года под командованием генерала от кавалерии Эрдели состояли следующие северокавказские части:

- 8-я пехотная дивизия – 5657 штыков;
- 1-я Терская пластунская бригада – 819 штыков;
- батальон и батарея 2-й Терской пластунской бригады;

- 1-я Кубанская пластунская бригада – 1607 штыков;
- 3-я Терская казачья дивизия – 1145 сабель;
- 4-я Терская казачья дивизия – 1057 сабель;
- часть Кабардинской конной дивизии – 447 сабель;
- Осетинская конная дивизия – 692 сабель;
- часть Чеченской конной дивизии – 378 сабель;
- часть Дагестанской конной бригады – 230 штыков;
- 5-й Кабардинский конный полк (в войсках Северного Кавказа);
- 6-й Кабардинский конный полк (в войсках Северного Кавказа);
- части, не входившие в состав дивизий и бригад, – 1296 сабель;
- Закаспийский отряд – 2051 штык.

Итого по всему региону – 11 167 штыков, 5513 сабель, 131 пулемет, 58 легких орудий, 7 горных и 5 гаубиц, 4 роты, 328 саперов, 2 самолета и 8 бронепоездов[708].

Северокавказские части были и в составе Кавказской армии барона Врангеля.

Сводно-Горская конная дивизия – полковник Гревс (временно исполняющий должность полковник Котиев).

Ингушская конная бригада: 1-й Ингушский конный полк – 80 сабель; 2-й Ингушский конный полк – 61 сабля, 3 пулемета; Карачаевский конный полк; Дагестанская конная бригада: 1-й Дагестанский конный полк – 249 сабель, 4 пулемета; 2-й Дагестанский конный полк – 53 сабли; 1-й Дагестанский стрелковый батальон имама Шамиля – 230 штук, 4 пулемета. *Итого:* 443 сабель плюс 230 штыков и 7 пулеметов.

При дивизии: Кабардинская конная дивизия – генерал-майор Бекович-Черкасский: 1-й Кабардинский конный полк – 140 сабель; 2-й Кабардинский конный полк – 35 сабель; 3-й Кабардинский конный полк – 62 сабли, 3 пулемета; 4-й Кабардинский конный полк – 40 сабель. *Итого:* 277 сабель, 3 пулемета, 3 легких орудия, 1 гаубица[709].

Это самые последние цифры, характеризующие присутствие горцев в рядах Добровольческой армии. Позже, до весны 1920 года, они шли только на убыль.

В этих не совсем и не всегда добровольных формированиях из числа горцев была также необходимость и для действий против самих горцев. Тем самым командование Добровольческой армией пыталось сберечь своих людей. К тому же здесь это был и пропагандистский момент – свидетельство того, что у армии есть поддержка у определенной части горцев. Официальный представитель ингушского народа, член Союзного совета Горской республики Абубакар Плиев 28 июня 1919 года направил председателю парламента АДР письмо с указанием данного факта. Такого же рода пример можно привести и по Чечне, где Добровольческая армия в марте 1919 года использовала сотню из числа дагестанцев против жителей селения Гойты[710]. По словам Плиева, в рядах Добровольческой армии, вторгшейся на территорию Чечни и Ингушетии, были части, сформированные из числа кабардинцев и осетин.

Горское правительство в условиях оккупации Добровольческой армией Северного Кавказа и Дагестана

Действия армии генерала А. Деникина поставили Горское правительство в тупик. Оно было фактически дезорганизовано и не предпринимало действий, пока армия не вошла в Чечню. То есть позволило без организованного сопротивления пройти треть всей территории (Осетию, Кабарду и Ингушетию). Уже в Чечне, когда на помощь чеченцам начали собирать отряд шейха Узун-хаджи[711], Горское правительство наконец вспомнило, что надо что-то делать, тем более что есть поддержка среди местного населения. Проблема для Горского правительства возникла и среди офицерского состава в военных подразделениях, подчиняющихся им.

Например, одна из немногих боеспособных частей, Иррегулярный дагестанский полк, снялся с позиций перед важным боем у селения Алхан-Юрт. Со слов губернатора Чечни полковника М. Джафарова: «Прибывшая с этой бумагой чеченская делегация была у меня и заявила следующее: Добровольческая армия занимает фронт в 70 верст. Находившийся там Дагестанский полк, чувствуя возможность боя, бросил Чечню на произвол судьбы и вернулся в Шуру, заявив, что чеченцы якобы их не приняли, что сущая неправда»[712]. И в самом деле, мог быть факт симпатий офицеров дагестанского полка к Добровольческой армии. Не столько армии Деникина, сколько своеобразная к прежним временам, когда они воевали вместе бок о бок против общего врага, ностальгия. Примерно такого же рода настроения были замечены и среди той категории населения, которую стоит отнести к состоятельной, для которых армия А. Деникина не была исчадием зла. Они считали, что смогут найти общий язык с теми, с кем имели его до революционных потрясений. Состоятельная часть населения больше боялась угрозы со стороны

большевиков, идеология которых была им чужда во всех ее вариациях[713].

Жестокость Добровольческой армии по отношению к местному населению была настолько сильна, что в политику вмешались практически все слои населения. После уничтожения чеченского аула Алхан-Юрт в марте 1919 го да чеченские старшины обратились напрямую, минуя правительство Горской республики, к правительству Азербайджана с просьбой о немедленной помощи – спасти от физического уничтожения чеченцев казачьими войсками. Поэтому неудивительно, что именно в этот момент встал вопрос о возможном присоединении Дагестана к Азербайджану для спасения от армии Деникина[714]. В конце марта 1919 года в Грозном для встречи с руководством Добровольческой армии собирается группа влиятельных чеченцев. Приглашенные были не «проденикинскими» или «пророссийскими», нет, на самом деле они пришли по просьбе чеченского генерала от артиллерии Э. Алиева, который был для них авторитетом, его уважали в народе. Помощником у чеченского правителя стал И. Чуликов. Чеченская депутация не была никем уполномочена, она не представляла какие-то определенные политические или религиозные силы в Чечне. Чеченские шейхи и влиятельные люди из разных сел пришли, чтобы услышать от самого Верховного главнокомандующего – что он хочет от них. Но услышали они ультиматум чеченскому народу. Хотя чеченская депутация и старалась сбить накал напряженности, нетрудно было догадаться, что военное сопротивление только усилится. Чеченцы убедились в том, что им не стоит рассчитывать на взаимопонимание с командованием Добровольческой армии. Поэтому столкновения возобновились еще до того, как депутаты успели разъехаться по домам[715].

В противовес этим настроениям генерал Деникин начал переговоры с горцами. 7 апреля через Пржевальского он вызвал в Грозный к себе на переговоры первых лиц Горской республики

якобы для переговоров с ним и Союзным командованием[716]. С ним встречались председатель Совета Р. Капланов, З. Темирханов, министр путей сообщения и глава шариатского правления Н. Гоцинский. Однако вместо представителей Союзного командования делегацию горцев встретили только английское командование и А. Деникин по отдельности. Генерал Деникин прибыл вместе с представителем британского командования. Это были не столько переговоры, сколько заявление горцам об отказе признавать вообще кого-либо из числа тех, кто представляет Горскую республику[717]. Эта встреча должна была продемонстрировать членам Горского правительства непреклонность решения генерала Деникина захватить весь Северный Кавказ и считать его частью той России, что развалилась в 1917 году. На встрече с представителем командования английской миссии англичане пытались убедить горцев, что войска генерала Деникина не выйдут за рамки границ Терской области, единственное исключение будет сделано в отношении Петровска, так как этот порт необходим им для выхода на Каспий и для контроля по морю на отрезке Баку – Астрахань. Особо подчеркивалось, что Дагестанская область остается в сфере влияния английской миссии, а значит, будет гарантирована от вторжения деникинцев.

Факт встречи с Горским правительством самого генерала Деникина также должен был погасить малейшее желание горцев выступить против или поставить под сомнение способность Добровольческой армии захватить Северный Кавказ. Горцы также продумали свою тактику, понимая, что назначение в их делегацию бывших генералов, некогда сражавшихся под знаменами Российской империи (М. Халилов, Н.-б. Тарковский[718] и др.), поставило бы встречу под контроль со стороны руководства белых. Именно по этой причине в делегации горцев не было ни одного военного. Однако члены делегации еще не успели покинуть Чечню, как войска

Деникина 9 апреля заняли Гудермес – важный железнодорожный узел[719], и двинулись на захват порта Петровск.

В силу сложившейся ситуации парламент Союза горцев Северного Кавказа на своем заседании 11 апреля поставил вопрос о недоверии политике правительства республики, не сумевшего собрать армию для сопротивления деникинцам. Спикер парламента В.-Г. Джабагиев потребовал предоставить ему пост министра внутренних дел, заявив, что он сумеет «за три дня организовать армию»[720]. В Дагестане могли рассчитывать лишь на Дагестанский конный полк и сформированный буквально накануне вторжения армии Деникина батальон имама Шамиля[721] (они относились к армии Горской республики). В распоряжении правительства имелось 27 скорострельных орудий, 24 полевых и 3 горных орудия, но на все эти орудия не было ни одного артиллериста, все это было мертвым грузом. В ответ на критику со стороны парламента президент республики П. Коцев поставил вопрос о доверии всему кабинету, заявив, что готов уйти в отставку немедленно. Однако он получил поддержку большинства членов парламента: в этой ситуации заниматься новым правительством не было уже времени. Ко всему прочему в народе циркулировали слухи, что правительство работает против горцев, и в качестве доказательства назывался тот факт, что жена президента П. Коцева – казачка, а министр народного хозяйства – вообще православный осетин, а в армии Деникина много осетин именно из числа христиан. Это были слухи, но они негативно влияли на репутацию правительства, и его авторитет таял так быстро, что вопрос об отставке стоял в повестке дня практически каждый день. Представитель Азербайджана А. Ахвердов указывал, что в Горской республике нет вообще понимания необходимости иметь информационную службу. Все опиралось именно на слухи. Порой о том, что происходило в Чечне, в Баку узнавали быстрее, и уже оттуда информация передавалась в Темир-Хан-Шуру[722].

Было решено срочно отправить приглашение двум шейхам – Узун-хаджи Салтинскому и Али-хаджи Акушинскому. Влияние первого было сильно в горной Чечне, а второго – в горном Дагестане.

Мусульманское духовенство в период распада Российской империи было свободно в выборе своих политических пристрастий. Одни пошли на союз с Республикой Союза горцев Северного Кавказа (первоначально Сугаип-мулла Гайсумов, Юсуп-хаджи Кошкельдинский, Дени Арсанов и др.), другие были приверженцами независимой политики, не входили в союз ни с одной политической силой – к примеру, Али Митаев, находились и те, кто был готов идти на союз с армией Деникина, лишь бы предотвратить кровопролитие (Н. Гоцинский), и те, кто считал, что союз с большевиками ничто не изменит в пользу последних (Али-хаджи-Акушинский).

Основное в институте шейхов на Северном Кавказе – их разнородность. Они не были едины в своем стремлении немедленно построить исламское государство. Если и было желание, то не в союзе или под руководством того или иного шейха. Каждый шейх, особенно на Северо-Восточном Кавказе, в силу того, что в регионе был ислам суфийского толка, ощущал себя не столько союзником, сколько соперником в деле поддержки сторонников того или иного суфийского братства. Это не была однородная масса, говоря современным языком, каждый шейх имел свою партию.

Но в числе тех, кто мог оказывать влияние на события в целом регионе, было не так много шейхов, из этой группы решили пригласить кое-кого в Горское правительство с целью усиления позиций. Но и между двумя шейхами не было единства. Положительным фактом было то, что ни один из них не выступал открыто против другого. Шейх Али-хаджи Акушинский, при всем при том, что декларировал свое единство с шейхом Узун-хаджи Салтинским, так и не смог стать с ним рядом и признать власть одного над другим. То же самое с муфтием Наджмутдином Гоцинским, который не смог найти общего языка с Али-хаджи Акушинским, считая его ниже рангом. Его председательство в Совете

обороны было унизительным для Гоцинского, и он предпочел не оказывать сопротивления Добровольческой армии.

Та же самая картина сложилась и среди чеченских шейхов суфийских братств. К примеру, один из самых авторитетных на тот момент из числа шейхов кадирийского тариката Али Митаев принял решение не принимать ни одну из сторон конфликта. Ему не удалось найти общую позицию с Узун-хаджи. К примеру, в самый ответственный момент в истории Чечни в период захвата ее территории армией Деникина он постарался вступить в союз с Узунхаджи, направив ему в Ведено захваченное им в бою с деникинцами оружие. Али Митаев рассчитывал, что недопонимание будет преодолено, однако, несмотря на острую нехватку оружия, Узун-хаджи отверг подарок[723]. А вот Сугаип-мулла Гайсумов как раз активно вмешивался в происходящее, выступая попеременно на стороне Союза горцев, против Узун-хаджи и Н. Гоцинского. Юсуп-хаджи Кошкельдинский, будучи членом Союзного парламента, выступал против большевиков и активно пытался влиять на правительство Союза горцев. Многие шейхи занимали выжидательную позицию, удерживая своих мюридов от участия на той или иной стороне конфликта. Тем не менее Узун-хаджи не был против расширения своего влияния и на территорию Ингушетии, для чего поддерживал тесные контакты с Тарко-шейхом Гардановым и Гапуром Ахриевым[724].

«Институт» шейхов не стал решающей силой в противостоянии большевиков и тех, кто стоял за выход из состава России (без разницы – белой или красной). Это постоянное лавирование шейхов между большевиками и представителями Горской республики, армии генерала Деникина и претензиями шейха Узун-хаджи на восстановление исламского государства времен имама Шамиля, взаимное недоверие, соперничество между собой привело к усилению большевиков.

Возлагая надежды на шейхов, тем не менее Коцев и другие понимали, что необходима и помощь извне. По итогам упомянутой

встречи по поручению председателя П. Коцева А. Кантамир обратился ко всем державам с заявлением о том, что горцы отказываются подчиниться ультиматуму со стороны Добровольческой армии и продолжат свою борьбу против деникинцев. В заявлении горцев указывалось, что Деникин не вправе называть себя правопреемником российской власти и не может говорить от имени русского народа. По мнению горского дипломата, судьба Горской республики, как и России, должна была решиться на Международном уровне[725]. В своем информационном письме на имя делегации горцев на международной конференции в Париже А. Кантамир подробно описал ситуацию в регионе: «Правительство вынесло решение продолжать войну с Деникиным, и я разослал всем Правительствам и Представителям союзного командования ноту о продолжении войны, которая до сих пор не прекращается. Идут восстания в Кабарде, Балкарии, Дигории, не говоря уже об Ингушетии и Чечне, которая, собственно говоря, держит правительственный фронт. Шейхи Узун-хаджи, Алихаджи и другие единодушно объединились и обещали Правительству всякую поддержку, пока оно будет стоять на почве ведения войны за независимость. Эта война способствовала в большей мере объединению союза и укреплению престижа Правительства»[726].

В своем интервью главнокомандующий и командующий войсками Северного Кавказа генерал от кавалерии Иван Эрдели обращал внимание, что никакой войны на Северном Кавказе нет и быть не может, что речь идет об отдельно взятых аулах или персонах. То есть для чего на Северном Кавказе уже который месяц держится корпус Добровольческой армии, было непонятно. Не менее интересным было и то, что генерал считал, что все неурядицы на Северном Кавказе есть отпечаток вмешательства со стороны Закавказья, имелись в виду, видимо, Азербайджан и Грузия[727]. Для этого отчасти

у нее были основания, достаточно вспомнить о присутствии в Чечне грузинского легиона, возглавляемого полковником Л. Кереселидзе.

Стоит признать, что говорить о дееспособном на тот момент аппарате Горской республики, который бы действовал на всей территории, не приходится. Даже члены парламента, находившиеся в Темир-Хан-Шуре, не имели тесных контактов со своими народами на местах. Ситуацию в борьбе против Добровольческой армии спасли фактически два человека: шейх Узун-хаджи в Чечне и шейх Али-хаджи Акушинский в Дагестане, которым удалось организовать сопротивление планам Деникина в этой части Северного Кавказа. Только это побудило членов Горского парламента 12 апреля разъехаться по местам своего избрания (сроком на два месяца), чтобы вести в едином ключе с правительством работу по оказанию сопротивления деникинской армии. Этот шаг был правильным, так как в селах работали и представители Деникина, вербовавшие горцев в свою армию, там же действовали представители большевиков, пытавшиеся блокировать все силы, не вовлеченные в союз с ними, работали люди шейха Узун-хаджи и др. Не было только людей, представляющих Горскую республику.

Приезд 13 апреля в Темир-Хан-Шуру шейха Узун-хаджи и вслед за ним 16 апреля шейха Али-хаджи Акушинского реанимировал Горское правительство в глазах многих в Чечне и в Дагестане. Население поверило, что с появлением двух шейхов впервые появилась реальная возможность оказать достойное сопротивление армии Деникина[728]. Участие шейхов позволило говорить о дополнительной 20-тысячной армии горцев, и теперь уже мало кто сомневался, что генерал Деникин не сможет легко пройтись по территории горцев Северного Кавказа[729].

18 апреля 1919 года состоялся многотысячный митинг, на котором выступили оба шейха. Здесь же было объявлено, что в Шали прошел съезд чеченского народа, который принял меры для оказания сопротивления Добровольческой армии, и только в одном Шали

чеченцы собрали двухтысячный добровольческий отряд для противодействия армии Деникина. Чеченцы постановили:

«1. Защищать интересы горцев до последней капли крови и сохранить свободу.

2. Мобилизовать всех мужчин от 18 до 30 лет с их лошадьми и оружием; не имеющих оружие население обязано вооружить.

3. Для ускорения мобилизации командировать по аулам верных людей.

4. Обеспечить мобилизованных достаточным количеством съестных припасов.

5. Население обязано дать по три конных арбы на каждые сто человек.

6. Все пушки и пулеметы должны считаться собственностью Республики.

7. Все приказы властей должны быть приводимы в исполнение беспрекословно.

8. Запрещается ввозить в Грозный и вообще в районы, занятые добровольцами, какие-либо продовольственные грузы. У виновных будут конфискованы в пользу правительства арбы, продукты и оружие, а сами они понесут наказание.

9. Бакинские боны должны иметь хождение повсеместно.

10. Чечня объявляет врагами народа тех, кто не будет сражаться против Добровольческой армии.

11. Виновные будут наказаны по всей строгости законов»[730].

Одновременно было сообщено, что французы уходят из Крыма, что также стало первым сигналом начала ослабления сил генерала Деникина в регионе.

В начале мая 1919 года актуальным вновь стал вопрос о присоединении Дагестана к Азербайджану, который был обсужден на общем собрании дагестанского офицерства, духовенства, отельных членов парламента и интеллигенции[731]. По мнению А. Ахвердова, из десяти округов Дагестанской области четыре активно выступали за воссоединение с Азербайджаном. К таковым

относились: Самурский, Кайтаго-Табасаранский, Кюринский, Аварский и город Дербент[732]. Тяготение к Азербайджану объяснялось депутатами этих округов не только с точки зрения положения Горской республики, но и тем, что испокон веков эта часть Дагестана была тесно связана с Баку экономически. Однако было бы неправильно не учитывать, что активизация обсуждения вопроса была подкреплена заявлениями деникинцев о желании продвинуться на юг Дагестана и занять Дербент, то есть практически выйти к границе с Азербайджаном. Дискуссия военных и депутатов округов продолжалась несколько дней. Начав с предложения включить в состав Азербайджана только Дагестан, в итоге уже на третий день дискуссии ее участники предлагали войти в состав соседней республики всем северокавказским регионом и образовать единое мусульманское государство[733]. При этом все осознавали, что даже в случае поражения Добровольческой армии дееспособность Горской республики оставалась под вопросом в силу того, что на смену Добровольческой армии готова была прийти Красная армия, создавшая в Астрахани базу для своего вторжения.

Для армии Деникина на фоне интереса к нефти Грозного немаловажным был и вопрос о взятии под контроль порта Петровск. Проблемой здесь были не горцы и даже не большевики. Как это ни странно, для деникинцев проблемой стали англичане, которые, пользуясь распадом Российской империи, перебросили сюда свои силы для организации морской базы в районе Петровска и острова Чечень. Назначенный в марте 1919 года генералом Деникиным начальник Каспийской военной флотилии Аполлинарий Иванович Смирнов писал: «Главная цель их – владение краем для выкачивания из него в метрополию всех богатств, главным же образом нефти; борьба с большевизмом ведется ими здесь постольку, поскольку большевики мешают их собственным планам»[734]. По мнению деникинского командующего, англичане даже не были заинтересованы в победе деникинцев над большевиками, и в

особенности во взятии ими Астрахани, поскольку флот деникинцев на Каспийском море становился в таком случае в два раза больше, чем английская флотилия на Каспии. Не говоря уже о том, что, имея такого рода базу, как Астраханский порт, деникинцы получали рычаг давления на англичан, в силу того, что этот порт был намного важнее, чем Петровск, учитывая численность кораблей и материальную базу.

Уже в июне Добровольческая армия неожиданно для себя получает все корабли, которыми владела Англия на Каспии, что в краткосрочном порядке решительно изменило ситуацию в регионе в пользу белогвардейцев[735]. Неожиданный подарок со стороны Великобритании заставил Деникина откомандировать в Петровск всех, кто хоть как-то имел дело с кораблями. Таким образом, Петровск для Деникина был куда более важен, чем Дербент или Темир-ХанШура. У новой флотилии была только одна задача – стать морской базой для контроля над Каспием. История этой флотилии закончилась ровно через год, в мае 1920 года[736], с захватом ее большевиками в порту Энзели, куда та отступила из Петровска и Баку.

Удивленное таким щедрым подарком англичан Добровольческой армии, азербайджанское правительство от 1, 4 и 8 августа 1919 года обратилось с просьбой выделить ему также определенное количество судов для охраны береговой линии своего государства[737]. Те суда, что были отбиты англичанами у большевиков, они считали своей собственностью и никаких претензий не принимали или обсуждений вести не собирались[738], о чем и сообщали для передачи командованию Добровольческой армии. Однако русское командование, ссылаясь на договор, заключенный Россией с Персией в Туркменчае 10 февраля 1828 года, отказалось признать факт присутствия иного флота, кроме как российского и персидского, в том числе военного[739].

Правительства Азербайджана[740], Грузии[741] и Армении[742] без промедления встали на защиту интересов Горской республики. И в Баку, и в Тифлисе не могли не осознавать, что ситуация с захватом Горской республики чревата продолжением белой экспансии на юг. Если даже исходить из того, что англичане ручались, что продвижения на Азербайджан и Грузию со стороны Добровольческой армии не будет, то в Закавказье не могли не понимать, что такого рода действия деникинцев подстегнут настроения пробольшевистских сил[743], что считалось не менее опасным, чем само вторжение деникинцев в Закавказье.

При всем при том, что Союзное командование требовало от Азербайджана прекратить любого рода помощь горцам Северного Кавказа, как и горцам Дагестана[744], тем не менее Азербайджан до конца оставался верен своей политике, впрочем, как и Грузия, которая понимала, что вслед за Горской республикой жертвой может стать и сама.

Военный переворот в правительстве горцев. Приход к власти генерала М. Халилова (май 1919 года)

Дискуссии вокруг темы недееспособности правительства и давление со стороны тех, кто выступал за вхождение в состав Азербайджана, привели к отставке кабинета министров под председательством П. Коцева и формированию нового правительства, главой которого был назначен генерал М. Халилов. Это было требование военных, недовольных правительством П. Коцева. По сути, именно военные сменили кабинет министров Горской республики, о чем и сообщил в своем донесении представитель Азербайджана при правительстве Союза горцев Кавказа, назвав эти действия военным переворотом[745]. На самом деле ситуация в республике была на грани катастрофы, и именно военные могли требовать более решительных шагов, что и подвигло собрание требовать замены министров на военных в надежде, что они смогут выправить ситуацию. 13 мая 1919 года парламент принял отставку правительства П. Коцева.

Недоверие к председателю подогревалось и внутренним противостоянием в кабинете министров. В самом правительстве существовало два лагеря: П. Коцева поддерживали военный министр князь Тарковский, министр земледелия Бутаев и министр юстиции Таджудин Пайзулаев; другой лагерь возглавлял министр внутренних дел Р. Капланов, его поддерживали министр финансов В.-Г. Джабагиев и министр просвещения Шахсуваш-бей (Шахсеваров). Интриги в самом правительстве приводили к тому, что его члены не очень заботились о поддержке в обществе. Именно отстраненность от нужд общества и сделала его самым неавторитетным правительством. И это на фоне активной деятельности социалистов и

большевиков в Дагестане, которые выступали как единственные защитники интересов общества перед угрозой полного покорения страны Добровольческой армией генерала Деникина.

Офицеры[746] заставили П. Коцева перед самой отставкой подписать приказ об аресте 18 лидеров большевиков Дагестана. В этом был особый смысл. Совершая переворот и получив власть, военные заставили практически отстраненный кабинет министров взять на себя ответственность за приказ об аресте большевиков. Военные тем самым выступили как бы исполнителями приказа П. Коцева. В глазах арестованных он был ответственным за гибель большевиков[747]. Этот приказ поставил большевиков в разряд врагов Горской республики открыто и однозначно, хотя ее лидеры настаивали, что необходимо иметь постоянный контакт с большевиками ввиду захвата Доброармией Северного Кавказа. Именно эти утверждения о необходимости временного союза с большевиками для борьбы с Деникиным приводили и английские военные в своих депешах военному министерству в Лондон. В своей телеграмме из Константинополя английский генерал Бриггс, говоря о северокавказских делах, отмечал: «Я полагаю, правительство Ее Величества окончательно отвергнет фантастические притязания Чермоева и похожих политических авантюристов. Информация, полученная 11 мая из Темир-Хан-Шуры, показывает, что П. Коцев отрекся, так же, как и остатки так называемого правительства, которые не были выбраны. В любом случае его представители ведут опасную большевистскую пропаганду в Дагестане»[748]. Известие о роспуске Горского правительства было самой лучшей новостью для Бриггса, так как горцы никак не вписывались в его понимание роли А. Деникина на Северном Кавказе. В полученной новости он видит залог быстрого окончания войны в этой части России и возможность энергично заниматься только северным направлением, то есть активизировать наступление на большевиков в направлении Москвы.

Лондон все свои оправдания относительно своей политики против Горского правительства связывал именно с усилением большевиков в этом регионе. В его понимании большевиками были все, кто оказывал Деникину сопротивление, чего, конечно, не могло быть даже в теории. В конце апреля большевистское влияние в Дагестане стало расти. 18 мая атаке со стороны большевиков окрестных селений подверглась даже Темир-Хан-Шура. Это дало пред лог Добровольческой армии оккупировать 23 мая Дербент. 29 мая было объявлено, что Деникин согласен предоставить Дагестану автономный статус. Сообщалось, что северокавказское правительство бежало, а председателем нового правительства стал генерал М. Халилов, назначенный Деникиным. И правительство генерала Халилова пригласило белых занять Темир-Хан-Шуру. Таким образом, к концу мая Добровольческая армия крепко обосновалась в Дагестане, в том числе в южной его части[749].

Чуть раньше, 23 мая 1919 года, члены Союзного совета горцев Кавказа от Дагестанской области (Д. Апашев, Юсул-Кади Гасанов, Шихи Кади Аблуев, Ага Рагим Кади, Али Гасанов, Х.М. Хан-Магомедов, Г. Пензулаев, Абдурашид, Аслан Мурзаев, Молла Абди Джалиев, А.Д.К. Кухмазов, Молла Амрах Годаев, Абдул-Азиз Кади, Минкаил Халилов, М.Г. Аргуанский, М. Кади Дибиров, М.М. Мавраев, С. Куваршалов, М.М. Гаджи Магомедоглы, А. Далгат, В. Сеидов, Г. Бабаев и Зильбершид) под руководством и. о. шейх-уль-ислама Абдул-Басира Гаджи Мустафаева собрались в Темир-Хан-Шуре, чтобы выслушать пред ложения от командования Добровольческой армии. Эти предложения были озвучены градоначальником Петровска полковником Магомедовым. Данное собрание проводилось втайне от других делегатов Горской республики (чеченцев, ингушей, кабардинцев и осетин), которые также находились в это время в Темир-Хан-Шуре. Магомедов выступил с инициативой от Добровольческой армии, в ней указывалось, что Деникин не признает ни Горскую республику, ни ее правительство, но согласен иметь дело с правительством Дагестана, если таковое будет

создано[750]. В поддержку этого обращения к дагестанцам выступил и. о. шейх-уль-ислама А.-Б. Гаджи Мустафаев[751], который заявил, что шариат запрещает лидерам народа втягивать его в неравную борьбу и тем самым подвергать опасности физического уничтожения. Его предложение было принято единогласно. Это частное собрание дагестанских депутатов также приняло решение предложить самороспуск Союзного совета горцев Кавказа. Однако, предполагая, что другие парламентарии не примут это решение, члены дагестанской фракции договорились, что в этом случае они просто покинут Союзный совет и не станут собираться под его началом. То есть было решено сделать все, чтобы власть горцев Северного Кавказа прекратила свое существование, что давало Дагестану шанс вести переговоры об автономии с Деникиным как отдельному субъекту. Был ли этот демарш со стороны Добровольческой армии актом признания Дагестана как субъекта переговоров? На самом деле пойти на такой шаг ее заставил тот факт, что захват Чечни обошелся дорогой ценой и новые сражения в Дагестане вынудили бы задействовать дополнительные силы, которых катастрофически не хватало генералу Деникину на других фронтах. То есть это был шаг, вызванный тактической необходимостью, временной необходимостью. И ничто в заявлениях генерала Деникина не говорило о возможности признания Дагестана в качестве субъекта переговоров в будущем. Деникин не воспринимал в качестве субъектов переговоров в будущем даже страны Закавказья, считая, что их независимость – временное явление, пока центральная часть России занята большевиками. После расправы с ними все бывшие регионы Российской империи должны вернуться под ее власть. Поэтому вопрос о роспуске был подготовлен в узком кругу, и попытки М. Халилова представить это как знамение времени, а не результат закулисных игр с представителями Добровольческой армии не совсем корректны.

Авторитет П. Коцева как главы правительства был ничтожен. Сам факт, что у него не было поддержки даже в Кабарде, делал его

уязвимым в Дагестане, в окружении местных политиков и шейхов. Поэтому генералу М. Халилову не потребовалось много усилий, чтобы распустить правительство. Другое дело, что произошедшее нужно было узаконить, чтобы оно не выглядело со стороны как свержение. Для этой цели и необходимо было решение парламента Горской республики. Парламент состоял из 36 дагестанских депутатов и 28 депутатов от остальной части Северного Кавказа. Но и здесь стоит иметь в виду, что порой депутатом могли назвать кооптированного члена, а не выборного тем или иным округом. Более того, по словам генерала М. Халилова, чаще всего это были совершен но случайные люди, оказавшиеся в тот момент в Темир-Хан-Шуре[752]. М. Халилов обвинял свергнутое им правительство в разбазаривании средств, в неумении организовать воинские части, кумовстве и прочих негативных явлениях. И это на фоне массового набора большевиками добровольцев! Красная армия готова была платить по 300 рублей николаевскими, лишь бы люди не уходили в части Горской республики, где деньги выдавались обесцененными азербайджанскими бонами.

Единственным поводом для принятия отставки П. Коцева генерал М. Халилов назвал угрозу свержения его правительства большевиками. Получив информацию о том, что большевики готовят провозглашение Советской республики 13 мая 1919 года, он якобы и решил взять власть в свои руки. Совещание большевиков было сорвано их арестом. И только после трехдневного обсуждения в парламенте и консультаций с военным советом генерал взял власть в свои руки[753]. На самом деле Халилов приложил для этого максимум усилий. Будучи товарищем министра в кабинете министров, он на деле занимался блокированием всех его решений. С офицерами бывшего Дагестанского конного полка Туземной дивизии было решено установить военную диктатуру и на пост диктатора призвать губернатора в Чечне М. Джафарова. Однако, по словам очевидцев – офицеров, которых вызвали в Темир-Хан-Шуру на собрание, на котором М. Джафарову было предложено немедленно занять пост

диктатора (наместника), тот якобы ответил: «Я, господа, сейчас нахожусь слегка в нетрезвом состоянии, но если бы я был совершенно пьяным, и то не согласился бы с вашим предложением». После чего офицерство отказалось от планов установления диктатуры, так как у него не было никаких шансов найти поддержку за пределами этого собрания. Поэтому генерал М. Халилов предложил трансформировать идею из диктатуры в директорию из трех человек: генерала М. Халилова, полковника М. Джафарова и шейха Узунхаджи. Но и эта идея не была поддержана М. Джафаровым, поэтому было решено действовать руками парламента, вернее, депутатов от Дагестана, которые составляли большинство в парламенте Республики горцев Северного Кавказа и Дагестана.

По мнению Халилова, кабинет и так распадался: ушел министр внутренних дел Р. Капланов[754], ушел министр князь Н.-б. Тарковский[755], отказался от поста шейх-уль-ислама Н. Гоцинский[756]. Кабинет министров так и не смог стать кабинетом северокавказцев, он практически все больше и больше замыкался на Дагестане. Это то, чего добивался генерал И. Эрдели, который был заинтересован вести переговоры в отдельности с каждым народом, а не с неким единым центром, представляющим весь Северный Кавказ и Дагестан.

Новый кабинет военных оказался очень компактным: премьер-министр, министр внутренних дел и военный министр в одном лице – генерал М. Халилов, заместитель по гражданской части – полковник Мусулаев, заместитель по военной части – полковник Хаджи-Мурад Арацханов, министр народного хозяйства – Али Гасанов, министр путей сообщения и почт – Багадур Малачиханов, министром иностранных дел, просвещения и юстиции также должен был стать один человек, который еще не был к тому моменту найден. Считалось, что этот пост сохранит за собой Г. Баммат, который в этот момент находился в Париже. Пост шейх-уль-ислама был предложен

Али-хаджи Акушинскому, но тот уже через три дня, то есть 18 мая 1919 года, под предлогом необходимости быть дома накануне месяца рамадана неожиданно покинул лагерь генерала Халилова.

Начало работы кабинета давало основания предположить, что генерал Халилов и вправду намерен навести порядок в Дагестане. Он решил обратиться к парламенту с инициативой довести армию Горской республики с 1,5 тысячи человек до 5 тысяч (притом что армия генерала Деникина на Северном Кавказе насчитывала до 25 тысяч человек)[757]. Странным было то, что даже после взятия под полный контроль Петровска генерал Халилов пытался выяснить «истинные цели деникинцев в Дагестане». Для этого он направил к генералу Драценко своего посланника – полковника Магометова.

О том, насколько кандидатура генерала Халилова была приемлемой для Добровольческой армии, свидетельствуют поздравительная телеграмма от генерала Драценко на имя нового председателя Горского правительства, визит Халилова к Драценко в Петровск и приглашение генерала Эрдели в Темир-Хан-Шуру (он был встречен музыкой, танцами и военным парадом)[758].

Свои совместные с деникинцами действия генерал Халилов объяснял ультиматумом со стороны генерала Драценко, который предупреждал, что намерен продвинуться вглубь Дагестана, если тот будет настаивать на том, что представляет Горскую республику. По его словам, 22 мая 1919 года[759] к нему в качестве переговорщиков от Добровольческой армии прибыли два именитых дагестанца. Один из них, полковник Тарковский, объяснил генералу, что задача Добровольческой армии – поддержание спокойствия на железной дороге от Владикавказа до Дербента путем очищения этого пространства от большевиков. Переговорщики заявили, что если Халилов представляет Горскую республику, то Добровольческая армия будет вести с ней войну. Если же он представляет только Дагестан, то они готовы вести с ним переговоры и содействовать установлению его власти на этой территории.

23 мая 1919 года генерал Халилов провел совещание с самыми влиятельными людьми из парламента и подробно рассказал им о миссии князя Тарковского и Магометова. По словам Тарковского, в Петровске было уже до 5 тысяч казаков, которые якобы находились там только для борьбы с большевиками. Разумеется, эта цифра должна была показать преимущество армии генерала Деникина и внушить мысль о том, что горцам не стоит вступать в конфликт с тем, кто предлагает Дагестану мир. В условиях, когда под началом у генерала Халилова было 500 человек в Темир-Хан-Шуре, 250 в Петровске и 150 в ЧирЮрте, он принимает решение пойти на условия генерала Драценко и сдать пост главы правительства Горской республики[760].

Вечером 23 мая 1919 года генерал Халилов вынес на обсуждение парламента решение о самороспуске. Это решение было зачитано депутатом Апашевым: «Выслушав заявление Председателя Правительства, Парламент, ввиду бессилия Дагестана бороться с добровольцами, предложил разойтись». Однако эта резолюция было встречена в штыки чеченскими, ингушскими и кабардинскими депутатами. Депутат Апашев, понимая, что при голосовании большинство будет на стороне противников роспуска парламента, заявил: «Дагестанская фракция отказывается участвовать в голосовании и принимать участие в заседаниях парламента, если он решит продолжить заседания». Тогда председательствующий произнес: «Объявляю заседание Союзного совета закрытым»[761].

Как бы ни оправдывался генерал Халилов, он не просто отказался от поста главы правительства Горской республики, он именно распустил правительство и парламент и поэтому несет прямую ответственность за свержение правительства Горской республики в угоду Добровольческой армии. Роспуск парламента не был прерогативой президента, он не мог себе этого позволить, так как Горская республика была республикой парламентской и не могла прекратить свое существование по желанию или по приказу президента. Именно это обстоятельство позволяет считать

ликвидацию Горской республики с юридической с точки зрения недействительной. Таким образом, сформованный позднее Совет обороны из числа депутатов и бывших членов правительства может считаться законным преемником парламента и власти Горской республики.

Правительство генерала Халилова просуществовало чуть больше недели, и трудно поверить, что его действия не были целенаправленным шагом. Иначе встает вопрос: почему в таком случае он просто не ушел в отставку и не позволил избрать новое правительство? Почему генерал Халилов, складывая с себя обязанности главы правительства по настоянию генерала Драценко, заставил разъехаться и членов парламента Горской республики, лишая их возможности избрать новое правительство?

Генерал Халилов сразу же обратился к населению края с обращением. Это обращение, зачитанное во всех мечетях Дагестана, привлекло внимание представителей иностранных миссий на Кавказе. Например, французская миссия не прошла мимо отдельных пассажей в его выступлении. В том числе и объяснения, почему он пошел на союз с Доброармией: «Ни Союз горцев, ни союз Дагестана с Азербайджаном не может предотвратить резню десятков деревень в Дагестане…»[762] Такого подарка иностранные миссии не могли себе даже представить. Фактически благодаря действиям генерала Халилова с политической арены был устранен один из участников событий – Горская республика.

В подтверждение своей пророссийской позиции он в июне фактически сдает власть Горской республики и принимает на себя обязанность правителя Дагестана, уполномоченного Добровольческой армией. При этом сам генерал не очень переживал по поводу того, что он сделал. Он оправдывался перед жителями края тем, что деникинцев интересует только железная дорога и морской порт в Петровске[763]. В своем «Воззвании к дагестанскому народу от 15 июня 1919 года» он отмечал, что «ко времени прихода в Петровск добровольцев фактически никакого Союза горцев не

было, а в нем оставался лишь только один Дагестан»[764]. При этом он не мог не понимать, что разрыв с Горской республикой куда менее опасен, чем разрыв с мусульманским духовенством. Он попытался найти согласие с А. Акушинским, но тот, уже будучи под влиянием противников роспуска Горской республики, осудил его связь с деникинцами[765]. В ответ недолго думая генерал Халилов попытался поставить во главе мусульманской общины Дагестана нового шейх-уль-ислама – Абдул-Басира Мустафаева, который был не против временно занять этот пост до выборов на всеобщем съезде мусульманского духовенства, созывавшегося по приказу Халилова. Но этого было мало. Общество было не готово к смещению почтенного старца Али-хаджи Акушинского по приказу «белого» генерала.

4 июня 1919 года в Темир-Хан-Шуру прибывает главноначальствующий и командующий войсками Терско-Дагестанского края генерал И.Г. Эрдели. В этот же день издается приказ от имени главнокомандующего всеми сила ми на Юге России генерала Деникина о назначении генерала Халилова временным правителем Дагестана, в котором особо указывается, что это назначение будет действительно до созыва Дагестанского народного съезда[766]. При временном правительстве назначаются Т. Пензулаев, полковник Мусулаев 2-й, генерал-майор Хаджи-Мурад назначается заведующим военным отделом, командиром Дагестанского стрелковой бригады назначается полковник Мусулаев 1-й. Командиром 1-го Дагестанского стрелкового имама Шамиля батальона назначается полковник Мусулаев 1-й[767]. В своем обращении к дагестанским народам Деникин вновь разъяснил свои претензии к Союзу горцев Северного Кавказа, все территории которого уже признали власть Добровольческой армии. Также было отмечено, что принятые им решения нашли поддержку у английской и американской миссий на Кавказе.

На фоне этого государственного переворота горские политики, оставшиеся в Грузии, предпринимают шаги по поддержанию имиджа Горского правительства даже в столь трудной исторической ситуации. В отсутствие А.-М. Чермоева и Г. Баммата горцы добиваются разрешения принять участие в открывшейся в эти дни Кавказской конференции в Тифлисе. В делегацию северокавказцев на Кавказской конференции вошли А. Кантамир, Мурундин Панзулаев и А. Бутаев.

Председатель горской делегации А. Кантамир выступил с разъяснением ситуации на Северном Кавказе. Из его выступления выяснилось, что до вступления Добровольческой армии на Северный Кавказ Горское правительство по инициативе союзного командования заключило с Добровольческой армией соглашение о сотрудничестве в борьбе с большевиками[768]. Однако данное соглашение было нарушено именно стороной генерала А. Деникина. Согласно А. Кантамиру, войска Горского правительства захватили Владикавказ, однако сутки спустя большевики перехватили инициативу и низвергли Горское правительство во Владикавказе. В связи с чем они понадеялись на заверения союзного командования, обещавшего помощь со стороны Деникина, который не только не помог Горскому правительству, но, продвигаясь к Грозному, объявил о непризнании им правительства горцев. То есть получилось, что А. Деникин выступил не столько против большевиков, сколько против Горского правительства. О том, что наступление не было неожиданностью для англичан, заметил и представитель армянской делегации Мамиконян, по его словам уход английской миссии из Темир-Хан-Шуры предрешал захват ее армией Деникина. При этом он посчитал, что само дело горцев уже потеряно[769]. После чего А. Кантамир жестко потребовал решения вопроса о Горской республике, иначе нет никакого смысла присутствия на конференции горцев, если закавказские республики не намерены жестко высказаться против действий Добровольческой армии. Азербайджанская делегация в лице Х.Б. Хас-Мамедова выступила не

просто в защиту горцев, но потребовала от закавказских республик сделать все, чтобы помочь Горскому правительству, которое полностью и однозначно поддерживается правительством Азербайджана[770], и на границу, к реке Самур, были высланы войска республики. От имени грузинской делегации в лице Н.Б. Рамишвили было предложено выступить перед Мирной конференцией в Париже с требованием немедленного вывода армии Деникина и заменой войсками Союзного командования[771].

В общей сложности конференция, продолжавшаяся почти полтора месяца, так и не смогла выработать единой позиции по границам, финансам и, главное, не смогла определиться, как именно помочь горцам Северного Кавказа в условиях оккупации. Практически Азербайджан и Грузия самостоятельно решили, как помочь северокавказцам, и выводы конференции в Тифлисе не имели существенного влияния на их решения.

Тем временем 1 июня 1919 года на имя президента Азербайджана поступило письмо от генерал-майора, командующего британскими силами в Закавказье Г.Н. Кори с заверениями, что армия Деникина не будет пересекать границу по линии «устье реки Бзыбь к северу по этой реке до границы Сухума, оттуда к востоку по областям Сумской, Кутаисской, Тифлисской, Дагестанской до точки, находящейся на 5 миль к югу от Петровска дагестанской железной дороги, до точки на Каспийском побережье на 5 миль южнее Петровска»[772]. Таким образом, в зоне влияния Деникина оставалась почти вся территория Северного Кавказа за исключением центральной и южной части Горного Дагестана. Эта демаркация от британцев не могла не обеспокоить Грузию, которой предлагалось отойти за реку Бзыбь[773].

Однако продвижение деникинцев на юг в направлении Дербента не могло не тревожить и Азербайджан. Президент Азербайджана заявил, что это было именно то, чего он ожидал, и что, как только Деникин достаточно укрепится в Дагестане, он повторит маневр и в его республике. Такого же мнения придерживались в Грузии, на фоне

действий англичан там потеряли веру в политику и добрую волю союзников. Северо-Кавказская республика ранее получила такие же заверения в территориальной неприкосновенности, как Азербайджан и Грузия, и захват первой Добровольческой армией будет означать, что такая же участь постигнет ее соседей. В ситуации, когда правительство Северного Кавказа перестало существовать и, следовательно, делегаты Северо-Кавказской республики в Париже потеряли право на свои представительские функции, происходящее вызвало значительное беспокойство в Закавказье. Союзная политика, которая позволила Добровольческой армии поглотить одно из государств, целостность которого была обещана союзниками до окончательного решения мирной конференции, подверглась критике[774].

В Баку прошли митинги в поддержку горцев Северного Кавказа. На их фоне власти начали думать о вводе азербайджанских частей в Дагестан[775]. Эти планы привели к обострению отношений между деникинцами и Азербайджаном. Генерал Эрдели потребовал от дипломатического представителя при правительстве горцев А. Ахвердова покинуть Темир-Хан-Шуру[776]. И уже к августу англичане заявили об изменении границ между территорией, подконтрольной Добровольческой армии, и закавказскими государствами. На этот раз было решено включить весь Дагестан в сферу влияния Деникина[777].

Неудивительно, что на фоне сопротивления, оказанного горцами Добровольческой армии, известие из Парижа, что делегации горцев и кубанских казаков подписали в июле 1919 года Договор о дружбе между Правительствами Кубани и Республики Союза горцев Кавказа, привело Деникина в бешенство и вылилось в физический разгром Кубанской рады в целом[778]. О том, что Кубанская рада, в противовес политике генерала Деникина, придерживается иных взглядов в отношении Республики горцев Северного Кавказа, стало понятно по заявлению главы делегации Рады на Мирной конференции в

Париже, в котором была однозначно выражена поддержка горцам на фоне действия Добровольческой армии[779]. В своем обращении к горской делегации он заявил, что уверен, что мир и хорошие отношения между казаками и горцами будут прочными.

Сам договор мало что решал, фактически его стоило рассматривать как попытку сгладить определенные конфликтные ситуации между горцами и казаками. Это была своего рода декларация о намерениях, так как в реальном положении дел он не мог что-либо изменить[780].

Объектами нападок генерала Деникина стали все подписанты этого договора, они же члены делегаций на Парижской мирной конференции. От имени Кубани его подписали: председатель делегации Л. Быч, члены делегации В. Савицкий, А. Кулабаков и А. Намитоков. Со стороны горцев его подписали А.-М. Чермоев, в качестве председателя делегации и И. Гайдаров, Х. Хадзарагов и Г. Баммат как члены делегации. Объявив всех подписантов преступниками перед Россией, Деникин издал приказ об их физическом уничтожении – всех без исключения, как делегатов Кубани, так и делегатов Горской республики. Не остался в стороне и командующий Кавказской армией генерал барон фон Врангель: «Прикрываясь именем кубанцев, горсть предателей, засев в тылу, отреклась от матери-России. Преступными действиями своими они грозили свести на нет все то, что сделано сынами Кубани для воссоздания Великой России, все то, за что десять тысяч кубанцев пролили свою кровь. Некоторые из них дошли до того, что заключили преступный договор с враждебными нам горскими народами, договор, предающий в руки врага младшего брата Кубани – Терек…»[781] Пытаясь спасти положение и вывести первых лиц Кубанской рады из-под удара, кубанский войсковой атаман генерал-лейтенант Филимонов попытался объяснить главнокомандующему, что договор, по словам подписавших его, подготовлен исключительно как проект, требующий подтверждения Кубанской

радой на тот случай, если большевики завладеют этой территорией и страны Антанты признают их власть[782].

Однако Деникину нужен был пример жесткого подавления своих же союзников в качестве назидания другим. Не дождавшись внятного и скорого осуждения со стороны руководства Кубанской рады, он отдал приказ о расстреле А. Калабухова, который был приведен в исполнение утром 7 ноября 1919 года[783]. Другим, отказавшимся осудить подписанный договор, удалось в буквальном смысле сбежать[784] и через Одессу покинуть Россию. Этот шаг генерала Деникина был своего рода военным переворотом в масштабах Кубани. Вся власть над казачеством Юга России теперь была сосредоточена в его руках[785].

О том, что расстрел угрожал и членам горской делегации, свидетельствует выезд из Владикавказа Х. Хадзарагова, который узнал о приказе арестовать его и предать военно-полевому суду буквально за полчаса до прихода казаков[786]. Уйдя в горы Осетии, оттуда он перебрался в Грузию.

В этой ситуации позиция терских казаков оказалась нейтральной, что было воспринято горцами как предательство по отношению к ним и к кубанцам[787].

Главнокомандующий русской армией генерал Деникин не мог позволить кому-либо решать вопросы, связанные с обустройством народов Кавказа. В его личной концепции будущей России не было места самостийности регионов. Столь жесткий удар по тем, кто подписал договор, должен был продемонстрировать, что такого рода шаги для него неприемлемы ни в ситуации лета – осени 1919 года, ни в будущем.

На фоне попыток Добровольческой армии захватить полностью Северный Кавказ никаких договоров у казаков с горцами на тот момент не могло быть. Данный договор стоит рассматривать всего лишь как демонстрацию намерения в будущем оформить отношения на основании такого рода документа. Тем более что военное

командование Белой армии все еще было нацелено на быстрое решение вопроса с горцами. Однако, нанеся удар по политической верхушке казаков Кубани, по словам атамана Филимонова, «следуя безрассудным советам молодых генералов и потворствуя их тщеславным планам, Деникин подрубил сук, на котором сидел сам»[788].

Тем временем на Северном Кавказе Добровольческая армия, несмотря на бравые заявления о победе, вынуждена была держать большое число своих войск. После захвата равнинной части предстоял второй этап – продвижение в горы. Командование белых не могло не понимать, что вторжение в горы приведет к еще более затяжной борьбе. Вместо того чтобы обезопасить свой тыл, Белая армия фактически заложила мину, которая могла взорваться в любую минуту.

6 сентября 1919 года в селе Урус-Мартан был проведен съезд чеченского народа, на который власти пригласили только тех, кто признавал власть генерала Деникина. Уже тот факт, что правитель Чечни генерал Э. Алиев не выступал на съезде первым лицом, свидетельствовал о конфликте с командованием деникинцев. Съездом руководил председатель Чеченского исполнительного совета И. Чуликов. Было решено создать единый фронт борьбы против отрядов шейха Узун-хаджи. За каждым делегатом закреплялся населенный пункт в Грозненском округе, для того чтобы не допустить в них формирования каких бы то ни было сил в поддержку шейха Узун-хаджи. В решении съезда особо указывалось, что именно Грозненский округ должен стать базой против Узун-хаджи. Это и есть признание фактической власти деникинцев на сентябрь 1919 года в Чечне.

Три недели спустя, 24 сентября, в Грозном под руководством того же И. Чуликова проходит собрание представителей крупнейших родов Чечни, где было объявлено о создании Чеченского комитета по изгнанию большевиков и банд Узун-хаджи из пределов равнинной Чечни. Председателем был избран Ибрагим Чуликов,

товарищем председателя – Ахмет Цутиев и членами комитета – Ахмат-хан Эльмурзаев, Магомат Мациев, Ахмат Арсамирзоев, Умар Хамирзоев, Абдул-азани Мустафинов, Эмби Исламов, Кесум Баширов, Абубакар Мирзоев, Эльмурза Мациев и Эши Яндаров[789].

Организованное сопротивление в Чечне (под руководством шейха Узун-хаджи) и в Дагестане (под руководством шейха Али-хаджи Акушинского) заставило Добровольческую армию сменить тактику в Горской республике. Уже в июне 1919 года шейх-уль-ислам Али-хаджи Акушинский обратился к генералу Халилову с требованием дать ответ, на каком основании тот сдал военное снаряжение казакам и готов ввести их в Темир-Хан-Шуру. Шейх Али-хаджи прямо предложил генералу отказаться от идеи сотрудничества с казаками, обещая ему в ответ Божий гнев и напоминая, что младшие офицеры, в отличие от высших офицеров, признавших генерала Халилова правителем, стоят за ним и готовы к борьбе[790]. В ответ генерал Халилов заявил, что приглашение казаков было связано с тем, что вокруг самого шейха собрались большевики, и он предлагает ему произвести самороспуск Совета обороны[791].

12 декабря 1919 года командование Добровольческой армии направило делегацию во временную столицу Горской республики село Леваши с сообщением о готовности признать руководство Горской республики в лице ее действующего органа – Совета обороны – и о том, что готово отвести свои войска из Дербента и Темир-Хан-Шуры, но оставляет за собой временный контроль над городом Петровском[792].

Наверное, с этим было связано появление приказа главноначальствующего Северным Кавказом И. Эрдели.

«Приказ Главноначальствующего Северного Кавказа.

Ход исторических событий на Кавказе уже призвал к жизни новые государственные образования Дона, Кубани и Терека, а также Грузии, Азербайджана и Армении. И одни лишь горские народы Северного Кавказа остаются разъединенными и не имеют возглавляющего их

общепризнанного органа народной власти, способного водворить порядок и спокойствие и защитить эти народы от натиска враждебных им сил. Вследствие сего и в связи с создавшейся на Юге России обстановкой, я признал своевременным для блага горских народов и всего населения Северного Кавказа пойти навстречу заветным стремлениям горских народов и создать на территории Кабарды, Осетии, Ингушетии, Чечни, кумыкской плоскости, Салаватии и Дагестана объединенное государственное образование со своим законодательным органом, избранным на демократических началах, и выборным правительством, облеченным полнотою законодательной, исполнительной и судебной власти, признать фактически, впредь до окончательного разрешения этого вопроса Всероссийским Учредительным Собранием, таким государственным образованием Союз горцев Северного Кавказа...»[793]

По сути, это свидетельствовало о начале конца Добровольческой армии в Дагестане и на всем Северном Кавказе. Желание признать Совет обороны после того, как в феврале и марте 1919 года была занята территория Горской республики, свидетельствовало не столько об усилении Горской республики, сколько об ослаблении хватки деникинской армии на Северном Кавказе и необходимости перебросить войска из этого региона на север, против наступающих частей Красной армии. Таким образом, Добровольческая армия потеряла год и десятки тысяч людей, удерживая Северный Кавказ, вместо того чтобы бороться с главным своим врагом – большевиками.

Тем временем с севера, из-под Харькова, Полтавы, Ростова, Киева и Новочеркасска под натиском большевиков на Северный Кавказ устремились десятки тысяч беженцев. Во Владикавказе все учебные здания, отели и целые улицы были освобождены для устройства прибывающих в город беженцев[794]. Люди пытались прорваться в Грузию, но граница была закрыта с обеих сторон.

Северо-Кавказское эмиратство шейха Узун-хаджи

Если и не основную, то довольно существенную роль в ослаблении позиций Добровольческой армии в регионе сыграла политика накшбандийского шейха Узун-хаджи родом из селения Салты, Дагестан. Он являлся одной из ключевых фигур прошариатской партии на Северном Кавказе. В этой номинальной, но фактической по своей значимости и авторитетности партии были такие фигуры, как муфтий Северного Кавказа Н. Гоцинский, шейх А. Митаев, Узун-хаджи, шейх Али-хаджи Акушинский, Сугаипмулла Гайсумов и многие другие. Но сторонники необходимости утверждения шариата среди горцев не были едины, они были разделены на непримиримые группы, образованные по степени значимости того или иного шейха.

Было бы совершенно неправильно недооценивать роль шейха Узун-хаджи в годы, предшествовавшие установлению советской власти[795]. Его признавали лидером части мусульман, стоявших на позиции имама Шамиля в горной части Чечни и Дагестана. Дважды сосланный на каторгу и дважды сбегавший из мест ссылки, годами живший в бегах, но при этом сумевший в эти же годы совершить хадж, то есть пересечь границу империи, после чего вновь вернуться к себе в Дагестан, он стал своего рода живой легендой для региона. Образованный исламский теолог, хваткий и не знающий страха, он был не самым удобным собеседником для тех, кто хотел с ним обсудить вопросы религии или политики.

По свидетельству полномочного представителя Республики Азербайджан А. Ахвердова, Узун-хаджи был «низенького роста, худощавый, с блестящими глазами, сознающий всю свою силу и могущество». Шейх был из числа тех, кого было за что уважать чеченцам. Скрываясь от российских властей после своего побега из сибирской ссылки, он провел несколько лет именно среди чеченцев.

Более того, в числе тех, кто подталкивал шейха к объявлению эмирства, были и чеченцы. Нужно отметить, что в первый раз говорить от имени чеченцев и по поводу чеченцев относительно действий со стороны Грозненского Совета шейх Узун-хаджи был выдвинут еще в феврале 1918 года, когда прибыл в Чечню и предложил русским в Грозном стать посредником для решения вопросов с чеченцами[796].

Для исследователей чаще всего интересна тема его сотрудничества с большевиками. Провозглашая Северо-Кавказский эмират, он вступил в союз с ними, и это испортило ему репутацию. Да, конечно, этот союз был вынужденным и больше выгоден большевикам, чем самому Узун-хаджи. Это был союз, который позволял ему справиться с врагом, которого он считал на тот момент сильнейшим. Недооценка большевиков была связана с отсутствием поддержки большевистских настроений среди основной массы чеченского общества [797].

Другой вопрос – провозглашение эмирата: насколько оно было необходимо в это время? На самом деле это решение было принято только после того, как в отставку ушло правительство Халилова, распустившего и Союзный совет (парламент Горской республики)[798]. То есть шейх Узун-хаджи посчитал, что в регионе нет законной силы, способной отстоять интересы горцев Северного Кавказа перед угрозой, исходящей от деникинцев. И он как бы подобрал упавшее знамя горцев, чтобы организовать сопротивление Добрармии. Главное, что эмират не был создан в противовес Горской республике, наоборот, он должен был поддержать горцев после предательства генерала Халилова.

Ставка на эмират стала реакцией на поведение в регионе различных сил, где каждая партия пыталась привлечь новых сторонников и при этом сделать все, чтобы соперники не могли получить поддержку на местах. В итоге это привело к параличу власти на местах. Реальных же представителей у Горской республики

в селах, районах и округах не было. Такая же ситуация сложилась со всеми светскими структурами и у других политических сил региона. На местах люди за день могли встретиться с представителями совершенно разных политических сил, каждый из которых убеждал людей в ее исключительной легитимности.

На этом фоне действия шейха Узун-хаджи не стоит считать направленными против Горской республики. Если учитывать, что регион был захвачен войсками генерала Деникина, то инициатива шейха Узун-хаджи стала единственной заслуживающей уважения мерой по противодействию Белой армии.

Авторство одного из заявлений, приписываемых Узунхаджи: «Я пряду веревку, чтобы с помощью нее повесить всех инженеров, студентов и вообще всех, кто пишет слева направо»[799], на самом деле очень сомнительно. Именно шейх Узун-хаджи активно предлагал задействовать в строительстве эмирата не только тех, «кто пишет слева направо», но и иноверцев. К примеру, в самом Ведено было немало немцев, русских, грузин и др. Данная цитата больше напоминает фольклор, приписывающий Узун-хаджи те или иные высказывания.

В учебниках по истории СССР в теме освобождения края от белогвардейцев всегда делался упор на действиях некой Красной армии в Чечне. На самом деле ни одна армия, кроме армии шейха Узун-хаджи, не вступала в Чечне в прямой контакт с белогвардейцами, и именно его усилия и стали решающими в деле изгнания Белой армии с Северного Кавказа.

За столь короткий исторический период ему удается сразу же внедрить практически все важные элементы государства: суд, казну, правительство, парламент, деньги, тюрьму, армию и полицию.

При этом стоит отметить, что за рамками внимания исследователей[800] остается вопрос об отношении шейха Узун-хаджи к чеченским шейхам, в том числе из накшбандийского тариката. Ведь, по сути, он так и не получил поддержки от суфийских шейхов Чечни. Рядом с ним не оказалось ни одного из значимых политиков

как из шариатской партии, так и из партии приверженцев Горской республики.

Особенность позиции шейха Узун-хаджи заключалась в том, что он принципиально считал, что жить в составе России невозможно, что горцы обязаны иметь свое государство. Исходя из этого он являлся активным участником всех трех общерегиональных съездов горцев, где решалась судьба Северного Кавказа. Трудно не заметить, что он на протяжении 1917 и 1918 годов упорно отказывается взять на себя ответственность и стать лидером той или иной группы. И только сомнения муфтия Северного Кавказа Н. Гоцинского при выборе союзников заставили его включиться в борьбу и взять на себя роль организатора защиты Северного Кавказа от агрессии Добровольческой армии.

Если в начальный период образования Горской республики в 1917–1918 годах шейх Узун-хаджи поддерживал и продвигал фигуру Н. Гоцинского в качестве лидера всего мусульманского духовенства Северного Кавказа[801], то к 1919 году они кардинально расходятся во взглядах на то, кто является главным врагом: большевики или белогвардейцы Деникина. На этом фоне шейх Узун-хаджи, видимо, посчитал необходимым взять на себя роль организатора исламского государства. Первоначально опираясь на горные общества Дагестана и Чечни, он смог создать базу для постепенного приобщения разных частей Северного Кавказа к тому, что он объявил Северо-Кавказским эмиратом[802].

Шейх Узун-хаджи выбирает своим постоянным местом дислокации горное село Ведено. Здесь также просматривается его желание продолжить дело Шамиля в селе, которое было столицей имамата в период Кавказской войны[803]. Кроме того, до лета 1918 года это была русская крепость, что также было символично – изгнать из крепости русских солдат и на их месте объявить столицу.

По словам близких к окружению временного правителя Дагестана М. Халилова, шейха Узун-хаджи в его резиденции в чеченском селе

Ведено охраняли тщательно и хорошо экипированные телохранители, в том числе при дворе было много грузинских и азербайджанских офицеров[804].

Это был непростой для него шаг, он не мог не осознавать, что тем самым идет против того, кого поддерживал и продвигал все эти годы. Он не мог не понимать, что идет против Горской республики, которая не смогла организовать защиту края от Добровольческой армии. Это не было сиюминутным решением. Шейх Узун-хаджи понимал, что только так он сможет помочь своему краю в борьбе против захватчиков.

Эмиратство возникло не на пустом месте, у него был определенный фундамент исторической памяти, хранившейся народом со времен имамата Шамиля[805].

19 сентября 1919 года после получения письменного благословления со стороны последнего турецкого султана Магомеда Вахита[806] шейх Узун-хаджи провозглашает себя эмиром Северо-Кавказского мусульманского эмирата[807].

Мало что известно о членах его кабинета. Премьер-министр – чеченец Иналук Арсанукаев-Дышнинский занимал одновременно должности главнокомандующего вооруженными силами эмирата, министра иностранных дел, образования, юстиции, морских и вакуфных дел. Впоследствии эмир Узун-хаджи присвоил ему звание фельдмаршала. Министром двора был назначен генерал-майор КамильХан, министром торговли и промышленности – Магомет Хамхоев, министром земледелия и государственных имуществ – Билал Шамилов, министром путей сообщения, почт и телеграфа – Куси Байгиреев, военным министром – генерал-майор Шита Истамбулов, министром внутренних дел – Хабала Бесленеев, министром финансов – Абдул-Азим Абдуллаев. По своему составу правительство эмирата Узун-хаджи было интернациональным. В нем было по два аварца, чеченца, ингуша и кабардинца. Высшее светское образование имел один человек, высшее духовное – двое, русской

грамотой владел один министр, арабской – трое, вовсе неграмотными были два министра (военный и путей сообщения, почт и телеграфа)[808]. Мазлак Ушаев был командующим артиллерией в войсках эмира. В своем программном заявлении правительство эмирата сделало выводы на основе неудач Горской республики: «На основании дарованных свобод после ухода царя русского, мусульмане Северного Кавказа добивались, как известно, самоопределения путем Республики. Эта цель и эти мечты были разбиты варварским вторжением Деникинской банды. На мирной конференции в Париже вследствие интриг союзных великих держав т. н. Горскую Республику не признали и не нашли основания к ее признанию, так как всему цивилизованному миру несправедливым казалось, что горцам Северного Кавказа нет места в мировой политике… Вопреки тенденциозным вожделениям мусульмане Северного Кавказа… решили добиться полного самоуправления на началах шариатской монархии. Северо-Кавказские мусульмане составили свое правительство во главе с эмиром шейхом Узун-Хаджи Хаир-Ханом и пойдут по следам своих предков, которые в течение многих лет проливали кровь за свою свободу… Мы не требуем автономии, а хотим самостоятельной шариатской монархии… Мы избегаем повторения эпопеи мифической Горской Республики»[809]. Таким образом, сторонники шейха Узун-хаджи для себя уже окончательно похоронили Горскую республику и считали ее миссию невыполненной, полагая, что по-настоящему свободным от России государством для мусульман Северного Кавказа позволит только ислам с установлением полного шариата.

Здесь прослеживается желание иметь тесные контакты с Османской империей, которая сама находилась в стадии развала, подталкиваемая западными странами, которые создавали на ее территории новые государства, подконтрольные им.

Деятельность Узун-хаджи, а именно его успехи стали причиной и окончательного раздора с муфтием Северного Кавказа шейхом Н. Гоцинским. Сторонники Гоцинского организовывали в горной части

Дагестана собрания духовенства и принимали решения, осуждающие действия Узун-хаджи, определяя их как вредные для Дагестана. Они призывали сплотиться вокруг Н. Гоцинского[810]. Но это уже не имело особого значения: при нейтралитете шейха Али-хаджи Акушинского эмир Узун-хаджи был неуязвим для политики раздора, которую вели белогвардейцы и их ставленник М. Халилов.

Пытаясь взять ситуацию в свои руки, шейх во второй половине 1919 года начинает усиленно выпускать денежные знаки собственного производства, которые были в обращении одновременно с азербайджанскими и грузинскими бонами. Деньги печатались в столице эмирата Ведено. Для того чтобы они имели хождение среди населения, шейх во время своих частых переездов по Чечне буквально раздавал эти деньги населению, призывая отказаться от денег христианских и принять деньги с печатью эмирата Узун-хаджи. Купюры были разного достоинства: 5, 10, 50, 100, 250 и 500 рублей.

Была создана и армия эмирата. Она состояла из семи полков, собранных не только из числа добровольцев, но и на основе объявленной среди горцев Северного Кавказа мобилизации.

Впоследствии полки для придания весомости были переименованы в армии. Например, остатки Красной армии Н. Гикало назывались 5-й армией эмирата[811]. При этом стоит иметь в виду, что взаимоотношения Узун-хаджи и Гикало были натянутыми, вплоть до того, что Иналук Арса нукаев-Дышнинский мог себе позволить на заседании Совета министров пригрозить разоружением отрядам, подчиняющимся Н. Гикало, в случае самостоятельности его действий[812].

Командующим 1-й армией был Шита Истамулов, 2-й армией командовал Межид Геберто из Бильта[813], 3-й армией командовал Эски Байсагириев, 4-й армией (ингушской) командовал Хизир Арцханов, коммунист Гикало был назначен командующим 5-й армией[814], командующим 6-й конной армией стал турецкий офицер

Гусейн-эфенди (до того возглавлявший 5-ю армию). Все командующие (за исключением Гикало) были произведены в генералы. Численность всех числившихся во всех армиях вряд ли превышала тысячу человек. Со слов турецкого военного Гусейн-эфенди, находившегося при дворе шейха Узун-хаджи, на осень 1919 года числилось 605 всадников, 194 пехотинца, 30 офицеров и 2 генерал-майора».

По состоянию на ноябрь 1919 года армия Совета обороны состояла из 3 пехотных, 2 кавалерийских полков и 3 батарей. Пехотный полк состоял из 4 батальонов, каждый батальон – из 4 рот. В первом батальоне было также 3 пулеметные роты. Кавалерийский полк состоял из 6 сотен, одна сотня была пулеметной. Артиллерия состояла из 2 горных батарей и 1 легкой полевой батареи, по 4 орудия в каждой[815]. Некоторые исследователи ошибочно связывают и порой смешивают две совершенно разные военные силы: армию эмирата и армию Совета обороны. Они действовали раздельно, порой игнорируя друг друга.

В армии Совета обороны состояло 194 офицера и 9860 аскеров, в общем – 10 054 человека. На их содержание приходилось тратить 433 858 рублей в месяц. Кроме того, облагались налогом магазины и население. К примеру, крупные магазины должны были выделить по 200 патронов, мелкие – 150, а каждая семья по 5 патронов[816]. Не совсем понятно, включалась ли сюда армия шейха Узунхаджи, была ли эта цифра общей для всех сил, борющихся против Добровольческой армии?

Если отдельно взять «армию» Н. Гикало, например, со слов очевидца тех событий А. Костерина к осени 1919 года, она насчитывала в Шатое 70 человек, из которых вооруженных было только 20 человек, и он называет это «хорошим результатом»[817]. Позднее, к концу декабря 1919 года – началу 1920 года, численность ее достигла 400 человек, и это соединение уже считалось способным диктовать свои условия[818]. Поэтому вряд ли стоит говорить о цифрах,

превышающих тысячу человек относительно всего войска шейха Узун-хаджи. Факт того, что в армии Узун-хаджи находился отряд большевиков во главе с Н. Гикало, показывает, что нужда в ресурсах, даже не столь больших, а в тех, каким располагали большевики (речь идет о десятках), была жесткой необходимостью. «Что же касается большевистской, так называемой Красной Армии, ее нахождение как гостьи в наших пределах С.К. Эмиратства нахожу пока возможным, – заявил Арсамукаев, – однако, при условии, если Начальник Красной армии Гикало найдет непременным условием свое полное подчинение правительству С.К. Эмиратства. В случае бы, если Гикало пожелал оставаться на территории нашего Эмиратства будучи свободным в своих действиях, то в этом случае, если Гикало пожелает подчиниться правительству С.К. Эмиратства, то тогда его и его армию считать нашими друзьями, по очистке земли нашей от реакционеров. То тогда Гикало и его армию рассматривать как остаток Советской власти, пришедших к нам на помощь. Гикало обязан подчиниться нам, а в противном случае вопрос об обезоруживании Гикало и его армии остается открытым»[819]. То есть, говоря недвусмысленно, Гикало предоставляется выбор: подчиниться или разоружиться. Гикало выбирает первый вариант.

Был создан главный штаб армии. Часть оружия, в виде пушек например, чеченцам осталась от русских, которые до февраля 1918 года дислоцировались в регионе. В крепости Ведено было 19 орудий (по другим данным, там было 21 трехдюймовое орудие, 2 шестидюймовых тяжелых орудия, 2 горных орудия[820]), хотя и устаревшего образца, но все же обеспеченных боевыми запасами, 15 пулеметов, свыше 100 тысяч винтовочных патронов и много гранат, а также берданок и трехлинейных винтовок[821]. После осады крепости чеченцами гарнизон согласился оставить все вооружение в обмен на беспрепятственный проход до станции Гудермес. Это на первое время снимало вопрос вооружения добровольцев.

В структуре эмирата был создан военно-бюрократический и административный аппарат: градоначальник, начальник, губернатор (к примеру, губернатором шатоевским был Ахматуко Тесаев[822], после него стал Магомед Шерипов[823]), начальники округов, участковые начальники и сельские старшины, жандармерия. Губернаторств было всего семь. География губерний (Андийская, Веденская, Итум-Калинская, Шатойская, Грозненская и две Ингушских (Первая и Вторая) показывает, что Узун-хаджи не претендовал на территорию, на которую формально распространялась власть Совета обороны в Дагестане.

Дипломатия эмирата была направлена на поиск временных союзников в противостоянии с деникинцами. Не оказалось проблемой найти общий язык с меньшевистской Грузией, которая не могла не видеть, что Горское правительство, эмигрировавшее в Тифлис, все больше опирается на Дагестан, в то время как другие части Горской республики, находившиеся под оккупацией Добровольческой армии, остаются вне его компетенции. Тот факт, что и командующий Грузинским легионом Л. Кереселидзе активно взаимодействовал с шейхом, свидетельствует о тесной кооперации Грузии и Узун-хаджи в этот период[824].

Малоизученным остается факт активного сотрудничества эмирата с немецкими офицерами. Появившись в Грузии в августе – сентябре 1917 года, они внимательно следили за всем, что происходит в регионе. Прибыв в эмират к шейху Узун-хаджи, немецкие офицеры нашли у него полное понимание и поддержку. Например, они помогли в создании армии, в устройстве военного образа жизни населения[825]. К примеру, комендантом села Шали был назначен именно немецкий офицер фон Морах. Сохранился приказ, выпущенный им 11 октября 1919 года для жителей села Шали. В приказе определяется, что в селе все должно быть подчинено порядку, учитывающему, что в регионе введено военное положение. Все, кто выступает против Узун-хаджи, объявляются фон Мерахом

врагами и будут наказаны. Без разрешения коменданта не разрешается покидать село или въезжать в него. Запрещается ездить в Грозный (находящийся под контролем Добровольческой армии). Всем офицерам, прибывающим в село, приказано представляться военному коменданту. В селе вводится комендантский час с 9 вечера до 5 утра. Объявляется хождение всех денег, за исключением советских рублей, денежных банкнот Дона. Под запрет попадали и «николаевские» деньги[826]. Если помнить, что речь идет о селе в предгорной части, в 30 километрах от Грозного, и одном из самых больших в этой части Чечни, то можно понять, что комендант фон Морах был назначен эмиром Узун-хаджи именно с целью укрепления села, которое стояло на полпути из Грозного в столицу эмиратства Ведено. Более того, кроме немецких инструкторов в районах, контролируемых шейхом Узун-хаджи, были и австрийские инструкторы. Это объясняет, почему английские и французские военные миссии на Кавказе и на Юге России упорно игнорировали эмиратство Узун-хаджи.

Непростыми были отношения шейха с местным мусульманским духовенством. К примеру, в конце сентября 1919 года, после отказа кадия села Шали признать власть эмирата и прекратить какие-либо контакты с Добровольческой армией, он повесил его на центральной площади, а еще четырех мулл из этого же села за поддержку кадия посадил в тюрьму[827].

Не все селения были готовы признать власть Узун-хаджи на фоне сильной армии генерала Деникина. В ответ на это армия Узун-хаджи обстреливает из пушек село Бердыкель, что находилось всего в 8 верстах от Грозного. Со слов В.-Г. Джабагиева, обстрелу подверглось и село Шали.

Конечно же, вспоминая о эмирате Узун-хаджи, никак не нельзя не отметить личность, ставшую не менее популярной именно благодаря эмирату: Иналук Арсланакаев, выходец из горного общества Дышни, что на юге Чечни. Его отец, Уц-хаджи Арсанукаев, постарался дать

своим детям хорошее образование в высших учебных заведениях Российской империи. Будущий визирь эмирата выбрал военную стезю, но с юридическим уклоном, для чего поступил в военное училище в Тифлисе. Сам Иналук Арсанукаев в своих обращениях представлял свое учебное заведение как «военно-юридическую академию»[828]. После окончания Тифлисского училища он был направлен на службу в качестве пристава в Ереван. Приблизительно в 1905–1906 годах он возвращается на службу в Тифлис, где женится на княжне Екатерине Сумбатовой (Сумбаташвили). С началом Первой мировой войны он уходит на фронт и на Кавказском фронте, будучи раненным, попадает в плен к туркам. В плену он провел несколько месяцев, пока не был освобожден. Проживая в Стамбуле, он женится на красавице Меседе, с которой и возвращается в Чечню в 1919 году. В период его пребывания в Стамбуле он сумел не просто реабилитироваться в глазах турок как воевавший против них в составе российской армии, но и добиться личных контактов на высшем уровне, в том числе с султаном Османской империи.

Из документов французского посольства узнаем, что он имел хорошие контакты и с его представителями[829]. Их благожелательное отношение к нему свидетельствует о том, что он умел подать себя как собеседника нейтрального, незаинтересованного и не примкнувшего к той или иной партии или группе. Это делало его ценным источником информации для французов.

Тот факт, что это государственное образование просуществовало столько, сколько активно действовал сам шейх Узун-хаджи, дает основания предполагать, что главная заслуга при этом принадлежала все-таки шейху. Хотя и роль Иналука Дышнинского было бы неправильно принижать. Но главный визирь, фельдмаршал князь Дышнинский, несмотря на возможные связи с Константинополем и активную деятельность на месте, не смог продлить существование эмиратства после смерти его основателя 30 марта 1920 года. И здесь стоит учесть, что ему пришлось иметь дело

одновременно со всеми противниками: Горской республикой, с большевиками, с Н. Гоцинским, с Али-хаджи Акушинским, шейхом А. Митаевым и др. С изгнанием деникинцев у эмирата сразу исчезли друзья, все вчерашние естественные союзники вдруг стали его врагами.

Эмиратство Узун-хаджи – это короткий, но мощный сигнал того периода. Оно сумело поднять знамя горцев и способствовать освобождению региона от войск Добровольческой армии Деникина.

С момента своего провозглашения и до смерти его основателя, что можно считать и гибелью самого эмиратства, прошло всего семь месяцев. Но то, что было создано Иналуком совместно с Узун-хаджи за эти семь месяцев, есть с чем сравнивать, а именно с Горской республикой, которая за два года не смогла сделать многое из того, чего добился Иналук.

Совет обороны Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана

В условиях правительственного кризиса в Горской республике, когда фактически стоял вопрос о ее распаде с юридической точки зрения, было решено организовать ее новый временный руководящий орган. Принципиальная его особенность заключалась в том, что этот орган создавался на месте, на Северном Кавказе, из числа тех, кто был способен к действиям по защите своих земель от Добровольческой армии. Поэтому неудивительно, что Совет обороны Северного Кавказа объявил себя верховным органом разоренных добровольцами горских народов[830].

В свою очередь в регионах создавались местные Советы обороны (например, в Дербенте действовал Совет обороны Южного Дагестана), решавшие вопросы локального характера и являвшиеся своего рода филиалами Совета обороны в селе Леваши[831].

Из Баку в Дагестан, в ту часть Горской республики, где все еще сохранялись остатки ее власти, выехал А. Кантамир, который был дипломатическим представителем Горской республики при правительстве Азербайджана. В отличие от Г. Баммат он был в контакте со всеми политическими силами на Северном Кавказе. Все заседания Совета обороны в октябре и начале ноября 1919 года проходят под председательством А. Кантамира. Было бы логично, если бы Г. Баммат, будучи дагестанцем (кумыком по национальности), переехал в дагестанский Леваши вместо осетина А. Кантамира, но именно эта рокировка двух дипломатических представителей в Закавказье показывает, кто из них был более востребован на месте в тот исторический момент. А. Кантамира многие знали лично и уважали за его позицию, в то время как Г. Баммат им приходилось слушать больше на расстоянии, чаще всего из Тифлиса, при этом

мало кто сомневался, что политическая позиция последнего безупречна.

А. Кантамир выезжает 25 сентября в Дагестан не один, а с добровольцами, которые согласны вместе с ним работать на общее дело горцев. В первом эшелоне было всего 19 человек, однако уже во втором эшелоне к нему приехали 111 человек и третьим эшелоном 4 октября – еще 34 человека[832]. Речь идет о военных, и далеко не всегда о горцах. В общем числе добровольцев из Тифлиса, прибывших в Дагестан на трех эшелонах, горцы не составляли и трети, в большинстве своем это русские, грузины, есть азербайджанцы. В записке о навыках выехавших говорится, что большинство составляют пулеметчики и артиллеристы.

Одним из первых решений Совета обороны стала мобилизация населения на войну с Добровольческой армией в октябре 1919 года. Для этих целей было предложено призвать 1 пешего с 10 дворов и 1 всадника с 30 дворов в полном обмундировании[833]. Строго определялось, что призвать можно только мужчину в возрасте от 20 до 40 лет. Само сельское поселение должно было определять набор воинов по жребию. Если село выставляло 10 аскеров (воинов), то один из них должен был быть конным. Кто именно должен быть конным, опять же определялось жеребьевкой между мобилизованными. Решением Совета обороны определялось, что на службу не призывается единственный сын в семье. Из двоих или троих братьев, призванных на службу, один, определяемый жребием, должен был оставаться дома. В случае призыва четверых братьев дома должны были остаться двое братьев. В армию не призывались больные и те, кто учился на священника, не призывались также муллы, кадии, старики, участковые. Довольствие также возлагалось на то село, которое снаряжало аскера на войну[834].

Чтобы данный орган не ассоциировался только с Дагестаном, в него вошли и представители других народов, например осетины А. Кантамир и полковник Угалук Цаликов или ингуши В.-Г. Джабагиев и

полковник Муса Саутиев и др. Стоит учесть, что северокавказский статус ему придавался при согласии шейха Узун-хаджи быть членом этого совета, иначе, по мнению шейха Али-хаджи Акушинского, он должен был быть просто Советом обороны Дагестана[835]. В списке членов Совета обороны шейх Узун-хаджи идет вторым, сразу после шейха Али-хаджи Акушинского. Более того, указаны «шейх Узун-хаджи или его представитель», то есть Совет обороны был готов к тому, что ему вряд ли удастся заполучить шейха Узун-хаджи в качестве полноправного члена, и здесь готовы были видеть в своем составе хотя бы его представителя. Совместное участие двух шейхов поднимало статус данного органа на региональный уровень и позволяло говорить о продолжении исторической связи с Горской республикой.

При Совете обороны действовал военный отдел, который первоначально возглавил полковник У. Цаликов[836], но ввиду его командировки в Крым для возможных совместных действий с бароном Врангелем против большевиков его место занял Шафи-бей. Медико-санитарный отдел возглавлял профессиональный врач Джиор Урусов из Осетии[837], ранее занимавший пост врачебно-санитарного инспектора в Горской республике[838]. Финансовый отдел возглавлял Юсуф Магомедов[839]. Чуть позднее комиссаром внутренних дел был назначен Осман Османов[840]. Его помощником по административной части был назначен Кундухов, а по части контрразведки Микаил Цудахарский.

Хотя в Совете не было предусмотрено должность министра иностранных дел, его практически заменяли дипломатические представители в Баку и в Тифлисе. Например, дипломатическим представителем Совета обороны при правительстве Азербайджана с октября по декабрь выступал Ибрагим Гайдаров, ранее бывший министром в Горском правительстве (позднее, в январе 1920 года, вместо него был назначен Алибек Тахо-Годи). В Тифлисе представителем дипломатического представительства Совета

обороны Республики горцев Северного Кавказа при правительствах Грузии и Армении работал В.-Г. Джабагиев (в феврале 1920 года на этот пост был назначен Гайдар Баммат, а В.-Г. Джабагиев остался при нем в качестве заместителя)[841].

Особое место занимала военная структура при Совете обороны. Первоначально главнокомандующим Дагестанским фронтом был турецкий офицер Вазил-бей[842]. Дербентский фронт возглавлял также выходец из Турции Тасуйбей, его заместителем был грузинский офицер полковник Жордания[843]. Главнокомандующим всеми мусульманскими войсками был шейх Узун-хаджи, а командовать северокавказскими мусульманскими войсками поручили генерал-майору грузинской армии Л. Кереселидзе[844]. Нетрудно понять, что, назначая Л. Кереселидзе, Совет обороны пытался поставить его над шейхом Узун-хаджи, на что тот вряд ли бы согласился.

Стоит иметь в виду, что кроме вышеназванных были и небольшие по численности отряды при шейхах и у видных персон политической и военной элиты горцев[845]. На заседании Совета обороны 20 октября 1919 года было решено образовать для обороны Горской республики постоянную армию[846]. Небезынтересно, что члены армии Совета обороны (аскеры) должны были приносить присягу верности «Народной армии Совета Обороны Северного Кавказа»[847].

Был создан военно-полевой шариатский суд из трех лиц: двоих военных и одного кадия в лице Шафи-Кади Падучи[848].

В компетенцию Совета обороны входил и подсчет ущерба, нанесенного деникинцами Горской республике, который исчислялся на 1918 год миллиардами рублей[849].

Совет обороны был вынужден также заниматься вопросами военнопленных. Так, по словам шейха Ибрагимхаджи, сказанным на заседании Совета обороны, только в Гунибском округе находились 250 казаков, 49 офицеров и 1 полковник[850]: «Али Хан Кантемир, представитель Дагестана в Баку, сообщил мне, что его правительство имеет около 1400 русских пленников и некоторое число русских

женщин, кормить которых представляет бремя для дагестанцев»[851]. Члены Совета обороны констатировали, что, в отличие от содержавших русских военнопленных горцев, деникинцы морят голодом горцев, оказавшихся у них в плену[852]. Члены Совета обороны обратились к представителям союзников в лице английской миссии в Закавказье с просьбой оказать влияние на русских, чтобы они приняли меры для достойного содержания горцев в плену.

Санитарный отдел активно работал по предотвращению эпидемии среди горских народов[853]. Доктор Д. Урусов занимался поиском медикаментов в Грузии, Азербайджане, контактируя с представителями Англии и Франции в регионе.

При Совете обороны действовала горская жандармерия, выполнявшая функции полиции на территории, подвластной Совету обороны[854].

В Леваши находились и представители бывшего парламента, что также давало основание говорить о преемственности власти. В отличие от предыдущего Горского парламента в Союзном совете[855] не было партийных фракций, но были национальные: чеченская, ингушская, кумыкская и т. д.[856]

Следовательно, говорить, что государственных структур не было, было бы неправильно. Другое дело – насколько они были внедрены на уровне села, джамаата, это вопрос спорный. Но в это время ни эмиратство шейха Узун-хаджи, ни администрация Добровольческой армии в регионе, ни тем более большевики не могли утверждать, что именно они контролируют ситуацию.

Некоторые исследователи пытались представить этот орган как пробольшевистский, где большевики якобы «играли ведущую роль в антиденикинской борьбе»[857]. На самом деле это очень сомнительный тезис. Запутанные отношения с отдельными большевиками (с Д. Коркмасовым) не дают основания считать, что он помогал в установлении советской власти[858].

В столь трудных условиях горцы пытались поддерживать все элементы государственного образования, в том числе флаг и герб. Например, 20 января 1919 года в Темир-Хан-Шуре, второй столице Горской республики после оккупации Владикавказа, был поднят ее флаг.

Глава 4
Закат Горской республики (март 1920 года)

Политика западных держав на фоне поражения Добровольческой армии на Северном Кавказе

Начало 1920 года для союзников по Антанте в России уже не было таким обнадеживающим, как время годом раньше. Белая армия отступала по всему фронту, что вызвало и перемены в подходе к горскому вопросу. Теперь союзники (Франция и Англия) уже не считали, что этот вопрос стоит рассматривать только в увязке с Деникиным. С ослаблением позиций Белой армии остро встал вопрос об обороне Кавказа и защите интересов нефтяных районов этого региона[859].

Если учесть, что Франция пользовалась большой симпатией на Кавказе до начала Первой мировой войны в силу популярности языка, культуры и т. д., то совершенно непонятно, почему после войны официальный Париж отдал первенство в этом регионе англичанам[860]. Французская миссия в своих депешах в Париж все время жалуется на активность англичан, но сама при этом ничего кардинального до второй половины 1919 года не предпринимает. Как сознается сам глава военной миссии на Кавказе, Франции необходимо укреплять свое присутствие в этом регионе[861].

Британцы, усилившись благодаря вводу своих войск взамен немецких и турецких, в какой-то период полностью господствовали на Кавказе от границ Персии до Ростова. США начали проявлять свой интерес и через английскую миссию пытались застолбить свое присутствие в этом регионе. С волей США уже приходилось считаться союзникам из Европы[862]. Политика американцев по мере продвижения большевиков все больше становилась однополярной: ставка делалась на силы, выступавшие за единую и неделимую Россию. В ноте от 10 августа 1920 года, переданной итальянскому послу в Вашингтоне, говорилось: «США считают, что дружба и честь требуют защиты интересов русских в пределах возможного. Поэтому

все важные решения, касающиеся России, в частности, ее суверенитета над прежними территориями прежней русской империи, должны быть оставлены. К этому побуждают США чувство дружбы и долг чести в отношении великой нации, жертвенно содействующей счастливому исходу войны»[863]. Это был удар по тем политикам, которые строили свое будущее исключительно на помощи извне – а именно на основе поддержки со стороны стран из блока Антанты.

Германия, несмотря на свое поражение в войне, даже в 1919 и 1920 годах пытается оставаться активной в этом регионе посредством торговых отношений[864]. Более того, по информации французов, наблюдалась даже тенденция усиления роли Германии на Кавказе.

Усиление роли большевиков на Северном Кавказе не могло не волновать западные страны. Более всего их беспокоила концентрация войск на границе с Грузией. При этом, не имея точной информации о планах большевиков, посылали депеши о том, что красные вряд ли вторгнутся в Закавказье, якобы они должны быть задействованы на польской границе[865]. При этом они не могли не заметить, что население на Северном Кавказе разочаровано в союзниках, не предпринимавших никаких мер для оказаний помощи в борьбе против большевиков.

В какой-то момент западные страны решили, что барон Врангель способен исправить положение как в целом в России, так и на Кавказе. С этой целью они всячески пытались наладить координацию действий кубанских, терских казаков и горцев, чтобы те совместно, под командованием Колчака, смогли переломить ситуацию. Запад приветствовал, что Грузия не только не мешает этой задаче, но и втайне, чтобы не гневить Россию, пытается оказать помощь всякого рода комитетам, выступающим против большевиков[866].

В 1920 году, с распространением власти большевиков на Северном Кавказе, иностранные державы потеряли свой главный

офис во Владикавказе. С десяток иностранных консульств, аккредитованных в Тифлисе, имели своих представителей и во владикавказском офисе. Это позволяло независимо от тифлисского или бакинского офиса напрямую получать информацию о событиях, происходивших по эту сторону Главного Кавказского хребта. Постоянная смена власти или отсутствие таковой на протяжение всего 1919 и в начале 1920 года делали сохранение офиса во Владикавказе небезопасным. Поэтому во второй половине 1920 года иностранные представители один за другим перебрались в Тифлис.

Западные страны беспокоила концентрация советских войск на границах с Грузией и Азербайджаном[867]. Пытаясь оградить их от поглощения большевиками, западный мир согласился фактически признать Грузию и Азербайджан независимыми государствами[868]. Хотя это и не было оформлено юридически, считалось, что на какое-то время это осложнит для Советской России осуществление планов по советизации Закавказья. Однако то, что западный мир признал Грузию и Азербайджан только фактически, сыграло на пользу Советской России, это подтолкнуло ее как можно быстрее захватить эту территорию и провозгласить там подконтрольные себе советские закавказские государства.

Северокавказские политические деятели ошибочно считали, что приход в руководство министерства иностранных дел Британии Дэвида Керзона будет способствовать появлению у англичан желания иметь своего рода буфер между британскими владениями в Азии и Россией. При этом не совсем понятно, почему этот буфер должен был включать Северный Кавказ[869]. Хотя английские политики, например комиссар в Тифлисе Джон Оливер Уордроп и комиссар в Баку полковник Клод Стокс, считали, что Британии стоит изменить свое отношение к Горской республике и что Совет обороны можно было бы фактически признать в качестве ее правительства. Правда, при одном условии: отказе от турецкого и большевистского влияния[870]. Стоит отметить, что официального представителя Совета

обороны в Грузии Г. Баммата английское представительство рассматривало исключительно как частное лицо.

На фоне ухудшения позиций Англии в Закавказье и ее намерения вывести все свои войска из региона Франция, напротив, пыталась усилить там свое влияние. Для этого она просила Грузию продолжать поддерживать те силы на Северном Кавказе, которые воевали под флагом Горской республики.

Что касается американского присутствия, то горцы и лично Г. Баммат считали их роль в регионе настолько ничтожной, что ими не стоило заниматься, разве что для получения каких-нибудь гуманитарных грузов для нужд Горской республики.

По мере усиления влияния движения кемалистов в Турции начала меняться политика Анкары в отношении Северного Кавказа – она строила свою внешнюю политику на дружбе с Советской Россией.

Таким образом, 1919 год стал последним годом, когда Северный Кавказ занимал хоть и небольшую, но вполне определенную нишу в политике иностранных государств.

Поражение А. Деникина на Северном Кавказе

Одним из важных просчетов в стратегии Белого движения на Северном Кавказе было даже не столько непризнание Горской республики как де-факто существующего государственного образования в качестве союзницы в борьбе против большевизма. Главная причина поражения генерала Деникина заключалась в том, что он призывал к восстановлению старой России. Это пугало все нерусские народы. Никто не желал возврата в старые времена. Люди хотели перемен, а не восстановления царской России. Хотя А. Деникин и не подразумевал под этим восстановление системы, бывшей при императоре, но само словосочетание «Единая Россия» ассоциировалось у нерусского населения именно с царизмом. Тезис «Единая, Великая, Неделимая Россия. Защита веры»[871] работал на окраинах бывшей империи против него и всего Белого движения.

Еще до своего военного поражения на Северном Кавказе Белое движение потерпело поражение на политическом фронте. Властям не удалось получить поддержку у населения.

Уже к осени 1919 года стало понятно, что давление со стороны Добровольческой армии снижается, и это не могли не заметить и союзники Республики Союза горцев Северного Кавказа. К примеру, правительство Азербайджана обращается к британскому комиссару в Закавказье Уордропу в начале октября 1919 года с предложением по урегулированию положения в Дагестане. Министр иностранных дел Азербайджана М. Джафаров предлагает план удержания ситуации из трех пунктов:

«1. Путем временной передачи управления Дагестанской областью правительству Азербайджанской Республики, какое принимает на себя обязательство полного обеспечения тыла армии генерала Деникина от вторжения в Дагестан большевиков.

2. Путем предоставления населению Дагестана возможности организации собственной власти под контролем со стороны

Союзных держав.

3. Путем образования в Дагестане особого Генерал-Губернаторства под управлением Британского или Американского Генерал-губернаторства»[872].

Таким образом, Азербайджан все еще надеялся помочь Дагестану путем взятия ее территории под свой протекторат. В то время как союзники все еще надеялись, что смогут изменить соотношение сил в пользу Деникина, и поэтому вариант, предложенный азербайджанским правительством, так и не был рассмотрен.

Итог деятельности армии генерала Деникина на Северном Кавказе можно подвести словами В.-Г. Джабагиева, который считал, что: «1) Вторжение ген. Деникина в пределы Горской республики создавало анархию, беспорядок, уничтожение хозяйственных ценностей и непрерывную вооруженную борьбу там, где гражданская жизнь была уже более или менее налажена прежним Горским правительством в течение семимесячного своего существования, с октября 1918 г. по май 1919 г. 2) Вторжение это до крайней степени обострило национальную ненависть, существовавшую и раньше между терским казачеством и горскими народами. 3) Оно же, это вторжение, побудило горские народы, успевшие уже хотя и на короткое лишь время государственно самоопределиться, взяться за оружие для защиты своей национальной свободы и независимости. Ингушский, чеченский и дагестанский народы сражались с ген. Деникиным за последние 8 месяцев, каждый народ в отдельности уже дважды… Единственной причиной настоящего восстания является применение ген. Деникиным старых методов управления притеснения горских народов, испытанных так неудачно еще старым царским правительством, с той лишь разницей, что режим царский был более мягким и осторожным, а режим генерала Деникина построен весь на насилии и принуждении, на огне и мече, на насильственных реквизициях и насильственном же наборе войск из горцев, несмотря на то, что горцы и прежде не отбывали никогда воинской повинности»[873].

Грузия и Азербайджан в свете событий на Северном Кавказе

Грузия и Азербайджан были естественными союзниками горцев на этом переломном этапе истории Горской республики. Если кто-то и хотел победы горцев в борьбе против генерала А. Деникина и большевиков на Северном Кавказе – несомненно, эти две республики Закавказья. Г. Баммат, выполнявший с февраля 1920 года обязанности дипломатического представителя Республики Северного Кавказа при правительствах Армении и Грузии в Тифлисе[874], в своем письме на имя Совета обороны Республики Северного Кавказа в феврале 1920 года отмечал, что все его беседы с грузинским руководством убеждают его в заинтересованности Грузии видеть независимую Горскую республику. В беседе с ним Гегечкори также заявил, что «Грузия никогда не входила и не войдет ни в какие соглашения, направленные против суверенной Горской Республики»[875].

Грузия не могла не видеть, что вся власть Горской республики к началу 1920 года была сосредоточена только в Дагестане и, отчасти, в горной части Чечни. На это обращал внимание и Г. Баммат, требовавший немедленно сделать заявление о том, что в Осетии, Кабарде, Ингушетии и Балкарии созданы Национальные советы, подчиняющиеся Совету Обороны Северного Кавказа в Левашах[876]. Не менее важно для контроля над республикой было взять под полный контроль Военно-Грузинскую дорогу, что было трудно сделать в силу многочисленных противостояний между осетинами, ингушами, казаками и различными политическими партиями.

Грузия не скрывала своего отношения к Горской республике. На встречах с казаками Дона, Кубани и Терека, на замечания терских казаков, что дружественная Грузия потворствует горцам, врагам казаков, министр иностранных дел Е.П. Гегечкори определил

позицию официального Тифлиса: «Основным пунктом нашей политики считается установление добрососедских отношений с нашими соседями. Факт тот, что мы в соседстве с ними. И к дружбе с ними мы стремимся, тем более что у нас нет никаких оснований не быть в согласии со всеми горскими элементами. То, что сейчас происходит на Северном Кавказе, нас мало удовлетворяет, но ведь и самих горцев это не удовлетворяет. Образование «Совета Обороны» с национальным течением, лишенным большевизма, пользуется большими симпатиями. Это единственное течение, с которым мы можем считаться и которому мы сочувствуем. Наша цель, чтобы между вами не было вражды». В деле примирения казаков Терека и горцев были определены три стоящие перед грузинским правительством задачи:

«1) Стремление Грузии помочь горским элементам устроить свою жизнь.

2) Поощрение течения, ставящего своей задачей образование самостоятельной независимой республики.

3) Создание модуса между горцами и казаками»[877].

Грузия финансировала не только силы, связанные с Горской республикой, но и разного рода комитеты, которые создавались с целью нанесении урона большевикам на Северном Кавказе. Официально это отвергалось правительством Грузии, но в частной беседе с главой французской военной миссии на Кавказе эта политика подтвердилась[878].

В свою очередь, Азербайджан для распределения помощи жителям Горской республики, пострадавшим от военных действий, дает согласие на открытие отделения Красного Полумесяца, патронирующего Горскую республику[879]. Более того, по мере усиления угрозы самому Азербайджану там все активно начали говорить и о полноценном признании Горской республики[880]. Этот союз подтверждался и официальными ответами министра иностранных дел Азербайджана Ф. Хойского[881].

В целях лучшего понимания ситуации в Дагестане азербайджанский парламент 19 апреля 1920 года посылает туда делегацию во главе с членом парламента Р. Векиловым, П. Мирзой, А. Пепиновым. Они приехали в Темир-Хан-Шуру, чтобы принять участие в горском съезде[882].

Захват большевиками Дагестана

Ситуация начинает быстро меняться весной 1920 года, когда Красная армия повела стремительное наступление на Южном фронте.

Приход к власти в Совете обороны в феврале 1920 года социал-революционера Султан-Саида Казбекова надо считать закатом этого органа и переходом данной структуры под влияние большевиков. Изменилось и само название Совета обороны. Отныне оно именовалось в официальных документах как «Временный Совет Обороны Горских трудовых народов Северного Кавказа»[883]. Али-хаджи Акушинский был переведен в ранг номинального, «почетного» председателя Совета обороны. Почетным сопредседателем Али-хаджи Акушинского было решено указать и шейха Узун-хаджи Салтинского, что говорит о необходимости считаться с силой и с его реальными возможностями в этот период[884]. Тот факт, что еще одним сопредседателем двух шейхов стал социалист Д. Коркмасов, отчетливо свидетельствовал, кто на самом деле будет доминировать в этом Совете. Тем более сам состав обновленного Совета обороны не оставлял уже надежд на то, что здесь будут различные мнения.

Структура Совета обороны отныне строилась следующим образом:

секретари – Багаутдин Гаджиев и Гасан-эфенди;

комиссия Обороны (или Военный отдел) – Рабадан Нуров, Мута Рамазанов, Осман Османов;

комиссия Народного хозяйства – Юсуп Магометов и Магомет Мусламов;

комиссия культурно-просветительская и шариатского суда – Шарапутдин Рашкуев, Ибрагим Гаджи, Шапи Кади и Гамзалов.

Исполнительная власть представляла собой Внутренний отдел, комиссаром которого был избран Осман Османов, его помощником

по административной части – Кундухов, по контрразведке – Микаиль Цудахарский.

Также был определен судебный отдел, возглавляемый комиссаром Шарапутдиновым. Центральный Шариатский суд должен был состоять из представителей от каждого округа (по одному). В Совете обороны не забыли и про культурно-просветительскую работу, помощником здесь у С. Казбекова стал некий Иванов.

О том, что данный Совет обороны был правопреемником предыдущего состава Совета обороны, который ранее возглавлял лично шейх Али-хаджи Акушинский, было закреплено в декларации, оглашенной им же, но подписанной председателем Совета обороны С. Казбековым. То есть народу как бы давалась гарантия преемственности. В декларации указывалось, что новый состав Совета обороны Северного Кавказа, избранный дагестанским народом, является «временным органом, существующим до полного очищения территории бывшей Горской республики от врага и организации постоянной власти, согласно воли всех горских народов… Совет обороны, объединяя вокруг защиты самостоятельности и свободы С.-Кавказа все живые силы страны, разрешает все текущие вопросы согласно духу Шариата и Революции. Исстрадавшийся горский народ стремится к миру и культурному развитию, поэтому Совет обороны ставит задачей своей внешней политики сохранение мирных и добрососедских отношений со всеми Республиками, граничащими с территорией Республики Союза трудовых горских народов. Он передает новому составу всю полноту власти…»[885]

Как раз последнее предложение и характеризует передачу власти пробольшевистски настроенным силам в этом органе. Тот факт, что это не было сделано более решительно, революционным разгоном, подчеркивает, что в данный момент коммунисты не были готовы взять власть в свои руки, приходилось считаться, что силы вокруг шейхов Али-хаджи Акушинского и Узун-хаджи действительно представляют собой реальную угрозу их планам.

С. Казбеков и впоследствии Д. Коркмасов не спешили преобразовывать Совет Обороны в ревком, в обычный орган революционных комитетов. И продолжали заигрывать с шейхом Али-хаджи Акушинским в марте – апреле 1920 года, организуя в честь его прибытия в Петровск или в Темир-Хан-Шуру торжественныее парады[886]. Более того, в декларации предусмотрительно нет ни слова о связях с Советской Россией, хотя не говорится и о полной независимости Горской республики. Этот вопрос большевики оставляют для решения как бы на потом, а на самом деле – до укрепления своих позиций на местах.

В таком случае почему же шейх Али-хаджи Акушинский пошел на союз с силами, олицетворяющими себя с большевизмом? На самом деле большевики Северного Кавказа, выступая под знаменем социал-революционеров, чаще всего многих в регионе вводили в заблуждение своими целями и задачами. Они всегда кооптировались с сильными регионами, будь это вначале Горская республика или эмиратство Узун-хаджи, с казаками против горцев или с горцами против казаков, разницы не было, лишь бы это приближало их к цели – захвату власти. Поэтому даже политики вроде Гайдара Баммата могли себе позволить общаться с большевиками как с возможными союзниками в борьбе против Добровольческой армии. Именно на этой почве у него проявились разногласия с председателем делегации Горской республики на Парижской мирной конференции[887].

Дипломатический представитель Горской республики при правительстве Азербайджана А. Тахо-Годи, который первоначально усердно работал на независимость Горской республики, был в числе инициаторов, предложивших отправить делегацию горцев в Советскую Россию для разъяснения позиций нового состава Совета обороны. В его понимании, было достаточно объяснить, что Совет обороны возник на фоне антиденикинской борьбы и что пока не надо спешить направлять в край комиссаров для того, чтобы

возглавить горские народы. А. Тахо-Годи[888] считал, что в центре следует объяснить, что судьбу народов Дагестана, Терека и Кубани необходимо решать на общегорском съезде. При этом он был убежден, что горцы примут советскую власть, лишь бы власти Москвы не допустили ненужных мер в обход Совета обороны[889].

Таким образом, если в мае 1919 года был совершен переворот генералом М. Халиловым, распустившим официальное правительство Горской республики, взявшим на себя обязанности премьер-министра и после отдавшим власть Добровольческой армии, то девять месяцев спустя, к февралю 1920 года, мы имеем дело с очередным переворотом, но уже в пользу сил, связанных с большевиками.

Прежде чем вообще прекратить существование Совета обороны как органа, представляющего Горскую республику Северного Кавказа, пройдет еще несколько месяцев, и номинальная власть до начала марта 1921 года полностью сосредоточится в руках эмигрантских структур в Тифлисе.

С падением демократической Грузии в марте 1921 года деятельность горских политиков уже не в единой структуре, а в группах, организованных по принципу политических пристрастий того или иного лидера, будет продолжена в рамках горской эмиграции в Стамбуле, Варшаве, Праге, Берлине и Париже.

Конфликт Нури-паши с Советом обороны

Деятельность Нури-паши, младшего брата известного турецкого военноначальника Энвер-паши, является до сих пор малоизученным фактом на Северном Кавказе.

На заседании в Совете обороны 2 февраля 1920 года большевики потребовали от своих представителей срочной политической нейтрализации Нури-паши. Было предложено Нури-паше выдвинуть ультиматум признания им верховной власти Совета обороны и подчинения его как главнокомандующего войсками непосредственно Военному совету Совета обороны, признания с его стороны политических комиссаров на фронтах и в частях, потребовать формирование командного состава передать в ведение Военному совету Совета обороны[890]. В случае отказа им от предъявленных условий предлагалось сделать все, чтобы он покинул Дагестан. Для начала было решено назначить при нем политкомиссаром Д. Кормасова.

12 февраля под влиянием красных комиссаров 1-й Дербентский полк (800 человек) отказался выполнить приказ подчиненного Нури-паши командующего Дербентским фронтом Руфат-бея о передаче одного орудия в распоряжение гарнизона в село Касум-Кент[891]. В ответ на это Нури-паша приказывает арестовать политкомиссара армии С. Дударова, которого обвиняет в срыве его указаний[892].

В это же время один из приближенных Нури-паши Кязим-бей[893] решает предпринять меры для уничтожения социалистической группы в Совете обороны[894]. С этой целью он арестовывает тех членов Совета обороны, кто ассоциировал себя с большевиками. Турки считали необходимым раз и навсегда покончить с большевистскими настроениями в Дагестане, для чего предприняли атаку на село Маджлис, где находился главный штаб дагестанских большевиков. Однако большевикам удалось сбежать. Шейх Али-

хаджи Акушинский вынужден был сделать заявление и призвать противоборствующие стороны к миру, предупредив, что тем, кто пришел в Дагестан не для борьбы с Добровольческой армией, а для ведения своих партийных дел, стоит немедленно удалиться [895].

Однако новое столкновение с турками, уже в селе Леваши, привело к гибели председателя Совета обороны С. Казбекова и еще одного члена Совета – Аббаса Эфендиева. Гибель первого лица Совета обороны не могла не вызвать реакции даже среди сторонников Нури-паши[896]. В общей сложности турецкого офицера Кязим-бея[897] обвинили в убийстве трех комиссаров и до нескольких десятков бойцов, пытавшихся противостоять планам Кязим-бея раз и навсегда избавить Совет обороны от влияния большевиков[898]. Молодой Кязим-бей стал проблемой в силу своей решимости конфликтовать с большевиками, которые подавили сопротивление во Владикавказе и в Грозном и успешно наступали уже на Темир-Хан-Шуру и Петровск.

15 марта Совет обороны Союза горцев Северного Кавказа обращается к правительству Азербайджана с просьбой отозвать Нури-пашу из Дагестана, на что получает разъяснения из Баку, что правительство не может отозвать того, кого никогда не посылало, и что он не в сфере компетенции правительства Армении[899]. Но тем не менее совершенно неожиданно для западных военных миссий на Кавказе Азербайджан обращается к ним с просьбой прекратить поддержку Нури-паши[900].

Этот отзыв был санкционирован пробольшевистски настроенными силами Совета обороны из-за боязни, что они могут быть им окончательно разгромлены[901].

В итоге 20 марта Нури-паша покидает Дагестан и перебирается в Азербайджан, где также был замечен в конфликтах с властью.

Ахмед Цаликов по поводу конфликта Нури-паши в Дагестане писал, что его роль в гибели Горской республики очевидна[902]. Его руками большевики захватили власть, и трагедия момента в том, что,

дав свободу в 1918 году, через два года именно турки оказались той силой, что убила последние ростки власти горцев в лице Союза горцев Северного Кавказа в Дагестане.

Уход белых из Владикавказа давал шанс силам, связанным с Горской республикой, взять власть в этом городе. Город находился в руках ингушей, среди которых и те, кто был связан с большевиками, но это не давало оснований считать, что захват произведен именно большевиками. Генерал И. Эрдели, видя общую ситуацию, просто покинул Владикавказ и перебрался с 4,5-тысячной армией, вкупе с от 3 до 4 тысячами чиновниками города и с членами их семей, в Грузию[903]. То есть город был не столько взят силами большевиков, как это преподносится в советской историографии, сколько был брошен генералом Эрдели на произвол судьбы. И власть была подобрана тем, кто вошел в город первым. Путь из Тифлиса и Леваши во Владикавказ оказался не столь близким, чтобы перехватить власть, и этим воспользовались большевики. Делегатам Совета обороны, прибывшим из Леваши и Темир-ХанШуры, уже нечего было брать во Владикавказе, и они месяц-полтора пытались договориться с коммунистами, чтобы им позволили функционировать в городе. Но большевики не собирались ни с кем делить власть.

Закат эмирства шейха Узун-хаджи

Век эмирства шейха Узун-хаджи оказался очень короток. С момента своего провозглашения и до смерти его основателя прошло всего семь месяцев. Но то, что было создано шейхом Узун-хаджи за эти семь месяцев, есть с чем сравнивать, а именно с Горской республикой, которая за два года не смогла сделать многое из того, чего добился эмират Узун-хаджи. Анализируя события тех лет, можно сделать вывод, что это было персональное дело Узун-хаджи. Его имя и его авторитет, его характер стали мощным рычагом продвижения горцев к государственному устройству.

Почему эмират возник именно в этот период, а не раньше или позже? Объявление своего государства стало возможным исключительно на фоне предательства генерала М. Халилова[904], сдавшего власть Добровольческой армии. В этот промежуток, когда в Горской республике произошел по сути государственный переворот, шейх Узун-хаджи берет ситуацию в свои руки, чтобы организовать центр сопротивления армии генерала Деникина. Это не было проявлением амбиций уже глубокого старика. Изучая жизненный путь шейха Узун-хаджи, можно понять его логику действий. Он пытался поднять сброшенное с пьедестала знамя борьбы горцев Северного Кавказа и в эти несколько месяцев существования эмирства показал, как можно и нужно было сделать это грамотно и быстро.

Не Узун-хаджи искал себе союзников в регионе, а, наоборот, все политические игроки искали в нем себе союзника. И это многое объясняет. Быть может, только деникинцы недооценивали его, но и они вынуждены были впоследствии, в ходе боев с его армией, осознать его силу и значимость для региона.

Ни разу, ни на одном из заседаний Совета обороны он так и не появился, хотя для него постоянно оставлялось место или предлагалось его занять своим представителям. Но шейх Узун-хаджи

намеренно дистанцировался от всех политических игроков того периода.

Шейх Узун-хаджи Салтинский умер неожиданно для многих 30 марта 1920 года[905]. Тот факт, что он скончался после встречи с делегацией большевиков, вызывает определенные вопросы, но исходя из его возраста нельзя исключить и естественной смерти.

На протяжении трех дней его похорон со всех концов горной части Чечни и Дагестана стекались люди, чтобы почтить его память и заодно прояснить ситуацию с преемником. Конечно, Иналук Арсанукаев приглядывался ко всем возможным кандидатам. Не будучи сам религиозно образованным, Иналук понимал, что ему нужен кто-то, кто будет формально религиозным главой, оставив ему, как и при шейхе Узун-хаджи, всю работу по строительству эмирства. И его выбор пал на Мухамед-хаджи, человека ему хорошо известного, неконфликтного и преданного шейху Узун-хаджи. Его легитимность была поддержана меджлисом, в состав которого входили делегаты из округов: Аварского, Андийского, Грозненского, Веденского, Шатоевского и Хасавюртовского[906]. Документ о назначении на место умершего шейха Узун-хаджи Салтинского дервиша Мухамед-хаджи был составлен в четверг 6 мая 1920 года после совещания маджлис-шуры (парламента), которое прошло на горе Кхеташ-Корт у селения Центорой (Чечня).

«Делегаты Чечни и Дагестана собрались в четверг, 6 мая 1920 года, на историческом холме возле КхеташКорт у селения Центорой для принятия решения о восстановлении независимого государства на Северном Кавказе. Присутствующие члены собрания на этой Ассамблее должны заменить умершего Эмира Узун-Хаджи и Шейхуль-ислам на Северном Кавказе».

На этой сессии делегаты единогласно решили восстановить независимое государство Северо-Кавказский эмират и в осуществление этой резолюции выбрали членов милли-маджлиса:

- Билал-хаджи Гойтинский из Мартана;
- Абдул-Халим бин Тата из Шатоя;

- Мачуко бин Аме из Итонкали;
- Дечи бин Хасуха из Мартана;
- Геда бин Цеке из Валерик;
- Каим-хаджи бин Аахе из Нижелоя;
- Даниел хан бин Гиха из Эбгени;
- Осман бин Берсануко из Автуры;
- Гафи-хаджи Талат из Беноя;
- Габеш бин Гиха из Дышни-Ведено;
- Юсуф бин Мешаб из Шали;
- Ислам бин Кхуна из Центороя;
- Ислам бин Габардо из Ножай-Юрта;
- Абдул-Вахаб бин тута из Зандака;
- Исраил бин Абел из Бони[907].

Документ интересен хотя бы по той причине, что мы видим почти однородное совещание духовных лиц из Чечни. Нет ни аварцев, ни кого-либо другого. При этом делегаты назначают аварца, видимо тем самым пытаясь хоть как-то заполучить поддержку со стороны аварского населения. Но уже через пять дней милли-маджлис говорит не от имени всего Северного Кавказа, а от имени милли-маджлиса Чечни. Видимо, к этому времени пришло осознание, что нового духовного лидера, заменившего умершего Узун-хаджи, не признают в Дагестане.

Вторым документом, принятым членами милли-маджлиса, стало решение назначить уполномоченных, чтобы довести свои интересы до публики за рубежом:

«Мы, нижеподписавшиеся, члены Милли-меджлиса Чечни, уполномачиваем Исмаила Беркук, Мустафу Потт и Азиза Мокера отстаивать нашу независимость, и мы им дали полномочия сделать необходимые представления для европейских держав и других государств об опасениях правительства на Северном Кавказе.

11 мая 1920 года[908]».

Вряд ли долго еще заседал милли-маджлис, но все эти решения были уже не актуальны на фоне того, что в Дагестане Совет обороны

уже перешел в руки большевиков, что предопределило как падение Горской республики, так и того, что осталось после Узун-хаджи Салтинского.

Эксцентричный И. Арсанукаев, несмотря на свои связи с Константинополем и активную деятельность, не смог продлить существования эмирства после смерти его основателя. Данное государственное образование, столь стремительно вторгшееся в жизнь горцев Северо-Восточного Кавказа и столь же быстро угасшее, выполнило свою историческую миссию, оказав сопротивление армии А. Деникина, и вряд ли на большее можно было бы надеяться в сложившихся условиях.

Правительство Горской республики в эмиграции в Грузии

Те силы, что еще олицетворяли правительство Горской республики из числа лиц, придерживавшихся статуса полной независимости от России, сосредоточились вокруг дипломатического представительства этой республики в Грузии. С февраля 1920 года его возглавлял видный общественный и политический деятель Гайдар Баммат. Прежде чем принять данное предложение Совета обороны горцев Северного Кавказа, Гайдар Баммат, предположительно, лично совершил поездку в Леваши, чтобы на месте выяснить некоторые моменты видения этим органом будущего горцев Северного Кавказа. Получив, видимо, удовлетворившие его ответы, он согласился занять этот пост в Тифлисе[909]. Хотя это могла быть поездка и в Баку, к дипломатическому представителю горцев в Азербайджане А. Тахо-Годи, постоянно находившемуся на связи с Советом обороны. Вокруг Г. Баммата сосредоточились А. Кантамир, В.-Г. Джабагиев, А. Цаликов и те немногие, кто был готов бороться за идею независимой республики горцев Северного Кавказа[910]. С падением в апреле 1920 года Демократической Республики Азербайджан и представительство горцев в лице А. Тахо-Годи прекратило свое существование. С весны 1920 года Тифлис стал единственным центром, представляющим Горскую республику в Закавказье.

Неудивительно, что, покидая территорию Горской республики, через Тифлис направлялись совершенно разные по своим политическим взглядам лица, и они порой вынуждены были обращаться к своим врагам, когда не находили понимания с грузинскими властями. К примеру, при въезде в Грузию на станции «Казбек» 22 марта 1920 года были арестованы и препровождены в Тифлис несколько северокавказских высших офицеров,

сотрудничавших с генералом А. Деникиным. Среди арестованных оказались бывший правитель Дагестана генерал М. Халилов, бывший правитель Ингушетии генерал С. Мальсагов и правитель Осетии полковник С. Икаев[911]. Все три офицера, считавшие себя сторонниками единой России, не могли не вызвать вопросов у грузинских властей. Генерал Халилов даже послал телеграмму в дипломатическое представительство горцев в Тифлисе: «В чем дело?»[912] Видимо, он никак не рассчитывал, что может быть задержан грузинскими властями. Тем более, по его словам, он направлялся прямым путем в Батум[913]. Дипломатическая миссия в Грузии, узнав об их аресте, попросила правительство Грузии не отпускать их до решения вопроса Советом обороны Северного Кавказа.

Незадолго до своего отъезда из Дагестана генерал Халилов обратился с письмом к председателю Совета обороны шейх-уль-исламу Али-хаджи Акушинскому с просьбой помиловать его и разрешить ему служить на пользу делу горцев, борясь с теми, чьим представителем он был в последние восемь месяцев, сотрудничая с деникинцами[914]. Уже будучи в тюрьме, он пишет большое письмо с разъяснением своей позиции и того факта, почему он распустил правительство Горской республики в мае 1919 года. Он пытается убедить, что у него не было другого выхода, при этом не сообщает, почему он взял в таком случае власть, которую не в силах был удержать более одной недели.

Чуть позже на границе же был задержан и другой правитель, на этот раз Кабарды, генерал Д. Бекович-Черкасский, который был отпущен властями без претензий[915], с условием, что он, не задерживаясь, покинет Грузию и отбудет в сторону Турции.

На этом аресты горской верхушки не закончились. 19 октября 1920 года в Тифлисе был арестован бывший глава Горского правительства П. Коцев. Он обвинялся в связях с бароном Врангелем[916]. Хотя объективной причиной его ареста может быть его

связь с турками[917]. Неясность, в чем обвиняется арестованный П. Коцев, продолжалась на протяжении целого месяца. Везде фигурировала формулировка «вредное для Грузии лицо»[918]. В итоге это заставило горских представителей, работавших на постоянной основе в Тифлисе, обратиться на имя председателя правительства Грузии Ноя Жордания с просьбой разъяснить ситуацию с арестом П. Коцева и позволить ему до суда выйти из тюрьмы[919]. Данное письмо было подписано различными по политическим взглядам деятелями: Г. Баммат, А. Цаликов, Султан Шах Гирей, Тау Султан Шакманов (бывший председатель Кабардинского национального совета), Гухеир Сохов (бывший председатель начальник окружного Исполнительного комитета), Бах Шипшиев (бывший председатель Пятигорского горско-мусульманского совета). Видимо, прошение на таком уровне позволило укорить решение судьбы П. Коцева. Правительство Грузии осталось при своем мнении, и он был выдворен из страны. При этом имевшиеся при нем 3 миллиона донских денег также не были возвращены, хотя он просил передать их кабардинцам, остающимся в Тифлисе.

С конца апреля по май 1920 года горская эмиграция в лице Г. Баммата, А. Цаликова и других предпринимает шаги для переноса своей деятельности во Владикавказ или Темир-Хан-Шуру, куда уже перебрался из села Леваши Совет обороны Северного Кавказа. Однако то, что виделось из Тифлиса, на месте, на Северном Кавказе, выглядело совсем иначе. Не могло быть и речи об издании газеты «Вольный горец» на Северном Кавказе, как на это рассчитывал ее редактор А. Цаликов. Анархия после ухода деникинцев привела к тому, что большевики смогли открыть повсеместно свои ревкомы, и там, где они действовали, разумеется, они не стали бы давать и шанса представителям Горской республики[920].

Разочарованные событиями на Северном Кавказе, тифлиские эмигранты в конце мая возвратились обратно в Тифлис и изменили шапку своей газеты. Она перестала быть органом Совета обороны

Северного Кавказа, а вновь стала «органом социал-демократической мысли».

Если в 1919 году в Дагестане часто обсуждалась возможность объединения с Азербайджаном и это считалось возможностью уберечься от последствий деникинского вторжения, то в 1920 году с неожиданным проектом о включении в состав Грузии Аварии выступил полковник Кайтмаз Алиханов, начальник Аварского округа[921]. При ехав в Тифлис, К. Алиханов пришел в министерство иностранных дел Грузии с официальным обращением о включении Дагестана в состав Грузии. В письме он дал подробную информацию, что собой представляет Авария и чем она может быть полезной Грузии: выходом к Каспийскому морю и запасами минерального сырья, имеющимися в горах Авариии, и т. д. Он пытался убедить грузинское правительство, что наделен соответствующими полномочиями, расширенным собранием влиятельных людей Аварии[922]. В своем обращении он указывал границы расселения аварцев в Дагестане: «Аварский народ населяет Андийский, Аварский и Гунибский округа, часть Даргинского округа и несколько селений Темир-Хан-Шуринского округа… В указанных границах живет сплошь население аварского племени, более 300 000 душ»[923]. Алиханов пытается выгоднее представить Аварию, напоминает, что до нашествия Тимура Авария всегда была частью грузинского царства. Хотя нет сведений относительно ответа МИД Грузии, можно быть уверенным, что данная просьба не была всерьез рассмотрена в условиях, когда советизация Дагестана уже шла в полном разгаре. Грузии было не до новых территорий, ее целью было сохранить то, что ей принадлежало в рамках границ, в которых она была признана по итогам Первой мировой войны.

Победа большевиков в регионе

По мере отступления Добровольческой армии с Северного Кавказа его занимали большевики[924]. Другой силы в регионе, способной быстро уловить исторический момент, не оказалось. Грузия и Азербайджан, постоянно высказывая свои симпатии к горцам и их движению к независимости, не могли себе позволить ввести свои войска. Внутренняя и внешняя ситуация в обеих республиках была напряженной, чему способствовали территориальные споры и столкновения.

Центральная российская власть считала данную территорию своей, вследствие чего ей необходимо было укрепить свои структуры на местах, поставить полномочных комиссаров, которые должны были объявить о советизации региона. В радиосообщении в начале января 1920 года говорилось: «Скоро в состав Советской России войдут также Дон, Кубань и Терская область»[925]. Получается, большевики еще не были ни в чем уверены. Лидер большевиков в Чечне Н. Гикало 1 января 1920 года сообщал в Реввоенсовет 11-й армии: «Настроение горских народных масс в пользу Советской власти… Все горцы: дагестанцы, чеченцы, ингуши, кабардинцы – знают, что спасителем их есть Советская власть, и с нетерпением ждут прихода Красной армии…»[926]

Численное преимущество Красной армии стало огромным. На Кавказском фронте соотношение Красной армии и сил, противодействующих ей, было 3 к 1, то есть красноармейцев – 85 902 человека, против – 28 400 человек, оказывавших активное сопротивление им[927].

Большевики умело использовали и ситуации напряжения в ингушско-осетинских, казачье-чеченских и казачье-ингушских отношениях, обещая всем конфликтующим сторонам окончательное решение их проблем[928].

Хотя Совет обороны и призвал горцев вернуться на Родину, тем не менее все, кто решил узнать ситуацию на Северном Кавказе, убедились в том, что сторонникам лагеря Союза горцев Северного Кавказа не были рады. В числе первых актов большевиков стал арест и преследование активных участников Союза горцев. Первой жертвой стал А. Кантамир, который был арестован в Дагестане и полтора месяца содержался в Темир-Хан-Шуринской тюрьме. Только при переводе его в Москву[929] ему удалось сбежать и выехать в Грузию, где уже собрались все деятели Союза горцев Северного Кавказа. Посетивший в апреле 1920 года Дагестан Г. Баммат понял, что большевики не намерены вести какие-либо переговоры с Союзом горцев.

О том, что происходило на Северном Кавказе, красноречиво свидетельствует благодарственная телеграмма от Мустафы Кемаля на имя В. Ленина, датированная 14 декабря 1920 года, в которой он благодарит советского вождя за признание независимости Дагестана (Советского Дагестана!)[930]. При этом еще за две недели до этой телеграммы в Турции выражали опасения по поводу политики Советской России в отношении Азербайджана и мусульманских народов. То есть шаги, предпринятые Советами в те дни, были скорее направлены на смягчение позиции Турции[931], чем диктовались желанием создать что-то для местных народов.

Советы все еще нуждались в поддержке разных политических сил в этот период на местах, что было связано со слабостью коммунистической идеи на Северном Кавказе. Тезис большевиков о диктатуре пролетариата в данном регионе был неисполним.

При этом резонно также ставить вопрос: а куда же девалась якобы «десятитысячная» армия Горского правительства, о котором не раз говорилось в ее документах, почему она не смогла противостоять притязаний большевиков на власть? На самом деле вряд ли Горская республика имела под ружьем контингент, им обозначенный. Речь могла идти обо всех возможных отрядах, находившихся под

командованием того или иного шейха, генерала и других горских деятелей. Как бы то ни было, но в феврале 1920 года на имя дипломатического представителя Горской республики поступают обращения с мест из Дагестана о тяжелой участи тех, кто верен долгу перед республикой. По данным начальника штаба Дербентского фронта некого Шурбы, на фронтах участились случаи бегства не только простых аскеров, но наблюдалось и массовое бегство из армии офицеров. По его словам, люди, доведенные буквально до нищеты и голода, питаются кореньями растений. Из-за отсутствия обмундирования отмечались массовые заболевания. Порой аскерам приходилось из-за отсутствия обуви обматывать босые ноги кусками ткани и т. д.[932] Увольнялись даже те, кто не хотел, из-за болезней, из-за невозможности лечиться, лишая тем самым фронт специалистов. Уходили лучшие, о восполнении потерь в этот период не могло быть и речи. То есть ситуация была фактически катастрофической. И это на фоне отступления из Дагестана Белой армии. А значит, армия Горской республики не была готова с ходу закрыть брешь, образовавшуюся после ухода из Дагестана Добровольческой армии. Да и сама армия была номинальной, держалась лишь на доверии к тому или иному офицеру бывшей Дикой дивизии.

Совершенно неожиданная смерть шейха Узун-хаджи привела к ускорению распада армии, подчиненной эмиру Северного Кавказа, которая была самой боеспособной. Всем этим смогли грамотно воспользоваться большевики, оказавшиеся подготовленными к подобному повороту дел.

Позднее, в 1921 году, большевики признали, что в годы Гражданской войны на Северном Кавказе они несли «громадные потери в борьбе с контрреволюционными бандами, и были случаи, когда части теряли до 60 % своего боевого состава»[933]. По их словам, только помощь мелких местных отрядов, с которыми удавалось договариваться, спасала положение. По мере вовлечения в отряды местного населения по принципу 60 % русских на 40 % местного населения их силы крепли, что позволило одержать победу

над теми, кого большевики считали контрреволюционерами. То есть только союз с горцами, которых переманили обещаниями предоставить все, что они просили, позволил советской власти кардинально изменить ситуацию в свою пользу.

Шейх Али-хаджи Акушинский, все еще формально глава Совета обороны Северного Кавказа – политического органа Союза горцев Северного Кавказа – 3 апреля 1920 года, обращаясь к большевикам, отметил: «Лишь признание независимой государственности горских народов может обеспечить прочный мир на Кавказе и добрососедские отношения между народами Северного Кавказа и Советской России. Поэтому прошу вас изложенное довести до сведения вашего высокого правительства и сообщить мне ответ последнего по существу вопроса о признании независимости Горской республики и о том, когда и где будет угодно встретиться представителям советского правительства с представителями горских народов для детального обсуждения вопросов установления условий нашей дружбы и мирного соседства»[934]. Руководитель Совета обороны не понимал, что пришли те, кто ни с кем не собирался ни чем делиться.

Не вполне осознавая всю трагичность ситуации с идеей независимой горской республики, член Совета обороны Северного Кавказа Гайдар Баммат посылает телеграмму на имя министра иностранных дел России Г.В. Чичерина с предложением о признании независимости Союза горцев Северного Кавказа. Символично, что телеграмма ушла не с Северного Кавказа, а из Тифлиса. «Советские войска занимают оставленные добровольцами или взятые у них горскими частями с боя города. Элементами, чуждыми коренному населению края, провозглашена уже советская власть в Грозном, являющемся не только месторождением нефти, но и географическим и культурно-экономическим центром Чечни, во Владикавказе – центре Ингушетии и Осетии, в Нальчике – центре Кабарды. Идее независимой Горской Республики и власти трудовых горцев, за

которую горцы боролись с Деникиным в течение 8 месяцев, на носится непоправимый удар. Попирается суверенная воля горских народов» [935].

Это был выстрел в никуда. В Москве даже не сочли нужным отвечать на эту телеграмму. Союз горцев Северного Кавказа в лице его органа Совета обороны Северного Кавказа доживал свои последние дни.

Поражение Республики Союза горцев Северного Кавказа

При всех значительных и существенных ошибках республике удалось три года активно действовать на политической арене Кавказа как государственному образованию и еще почти год (с апреля 1920 по март 1921 года) просуществовать в лице ее политических персон в Тифлисе (до марта 1921 года), не позволивших полностью погаснуть идее, которая была так близка в 1917 году.

Причины поражения были заложены в самом моменте ее основания. Начав строительство республики сверху вниз, структуру управления так и не довели до логического конца. Имея президента и членов парламента, на местах не подготовили организованной системы власти. Поэтому в разных населенных пунктах одновременно существовали многочисленные представители совершенно различных по своим убеждениям органов власти (Горской республики, большевиков, деникинцев, эмиратчиков). Правительство, по сути, было оторвано от своего собственного населения, существуя само по себе. Выступая в 1919 году перед парламентом, председатель правительства П. Коцев вынужден был признать, что основная масса населения Горской республики готова идти за любым политическим лидером, который продемонстрирует сильную власть[936].

Одной из причин фиаско явилась недооценка опасности со стороны большевиков на начальном этапе развития республики. Социал-демократов горские политики рассматривали как своих политических оппонентов, но не как врагов. Это приводило к тому, что большевики, выступая в союзниках по той или иной причине и пользуясь услугами Горской республики, играли против нее, собираясь с силами, чтобы нанести удар.

При этом горская интеллигенция, пытаясь быть независимой, порой отчаянно сторонилась сближения с исламской духовной интеллигенцией (Н. Гоцинский, Узун-хаджи, А. Митаев и др.), которая в ответ сама чуждалась тех, кто их принципиально игнорировал. Напротив, большевики всегда шли навстречу исламскому духовенству, пытаясь заручиться их поддержкой (Али-хаджи Акушинский, Узунхаджи, А. Митаев и др.) для достижения своих целей. Известные шейхи (А. Митаев, Али-хаджи Акушинский и др.) были уверены, что их власть и влияние на общество продлятся долго, переоценивая свои возможности. Это позволило большевикам заключить союз с религиозными деятелями, тем самым усилить свою власть, а затем расправиться с теми, кто был их союзниками в борьбе против Белой гвардии, – горской интеллигенцией, стремящейся к независимости от России. Духовенство не было единым, и этим воспользовались региональные политики, продвигая того или иного шейха или противопоставляя его другим в угоду своих интересов.

Безусловно, было огромным внешнее влияние – действия армии генерала А. Деникина на Северном Кавказе лишили руководство Республики Союза горцев и той незначительной власти, которой они располагали. Ошибка руководства Республики Союза горцев проявилась и в расчетах на Азербайджан и Грузию – соседи могли ввести свои войска для спасения ситуации. На самом деле в обоих государствах внутреннее положение не позволяло делать такого рода жесткие шаги против армии генерала А. Деникина и позже уже против Советской России.

Действия казачества внутри самой Республики Союза горцев разделили страну на две части, «горцев» и «казаков», где найти общий язык оказалось на тот момент фактически невозможным из-за принципиального расхождения будущего устройства республики. Отсюда и межэтнические конфликты, которые происходили на всем протяжении существования Горской республики (ингушско-казачий, чеченско-казачий и др.) и только расшатывали и без того слабое государство. При этом горское руководство свободно находило

общий язык с руководством кубанского казачества, чего не получалось с терским.

Терские казаки, с самого начала ориентировавшиеся на силы, призывающие восстановить Российское государство в рамках бывшей империи, не могли согласиться с горцами, претендовавшими на независимость от бывшей империи. В итоге, уже под властью большевиков, атаман терского казачества генерал Г.А. Вдовенко[937] вынужден был передать решение всех вопросов, связанных с судьбой терского казачества, в руки руководителя донского казачества в эмиграции, главы донского войскового казачества Николая Михайловича Мельникова[938]. Он обращается за помощью к европейцам уже из Севастополя перед эмиграцией из России, указывая, что это первое обращение терских казаков к лидерам иностранных государств. В прошении есть пожелание, чтобы иностранные государства были посредниками между терскими казаками и большевиками, что выглядело нереально в апреле 1920 года. Терский атаман явно недооценивал ситуацию. При этом ни слова о горцах, о союзе с горцами. Теоретически, он готов был пойти на соглашение с большевиками, но не с горцами, что красочно определяет отношения горцев и казаков.

Стоит также иметь в виду, что Горское правительство сильно зависело от нескольких персон и у него не было резерва политически активных лиц, способных заменить тех, кто по разным причинам вышел из строя. Непопулярность правительства П. Коцева стало одной (хотя и не главной) причиной падения Республики Союза горцев в мае 1919 года. И наоборот, авторитет и влияние исламского духовенства (А-х. Акушинский, Узун-хаджи и др.) вкупе с работой политиков ранга А. Кантамира, Г. Баммата, А. Цаликова, В.-Г. Джабагиева и А.-М. Чермоева и других позволило воссоздать временные органы и пытаться найти удобный момент, чтобы провести выборы и избрать в итоге законное правительство республики.

Ошибка руководства Горской республики заключалась и в зависимости ее экономики от денежных единиц соседних стран. За три года существования не было сделано ни одного реального шага для ввода своей денежной единицы. Не была организована регулярная армия, она чаще всего состояла из отрядов, привязанных к отдельным вождям.

Республика Союза горцев Северного Кавказа полностью зависела от иностранной поддержки, и это было не лучшим ее качеством, а проявлением слабости. Существуя за счет всемерной поддержки Грузии и Азербайджана, Республика Союза горцев не могла выступать на международной арене на одном уровне с теми, кто ее подпитывал. Горское правительство первоначально делало ставку на Турцию, но не смогло быстро переориентироваться на победителей в лице Британии и Франции, что привело к поддержке последними армии генерала А. Деникина. Здесь таилась и другая ошибка горцев – они не смогли с самого начала представить себя как антибольшевистскую силу, и это способствовало их игнорированию со стороны западных держав.

Практически до победы Советской России над Белой армией генералов Деникина и барона Врангеля западные страны всерьез не рассматривали Горскую республику как имеющую право на самостоятельное существование. Сконцентрировав все свое внимание на борьбе против большевиков, на идеях генералов Белого движения, придерживающихся восстановления империи, они практически стали противниками горцев Северного Кавказа. И удар, нанесенный политикой западных держав в отношении горцев в 1918–1919 годах, стал самым сильным действием против независимости горцев Северного Кавказа.

Если в 1917 году победа большевиков регионе была гипотетической, в 1918 они, казалось, не имели шансов, то в 1919 они уже были реальной политической силой, победившей в 1920 году. И этому способствовала не политика большевиков в регионе, а

общая тенденция поражения Белой армии по всей стране. Горская республика оказалась не способна убедить союзников в 1918 и в 1919 годах о том, что горцы реально их союзники. Только поражение А. Деникина подтолкнуло союзников рассмотреть возможность использования горской карты, но было поздно, битва была проиграна, пойти против большевиков горцы были не в состоянии.

Северокавказская политическая элита, немногочисленная по сути, была разобщена с самого начала, разойдясь во мнениях по главному вопросу: каким быть государству и с кем пойти на соглашение— с меньшевистской Грузией, с демократическим Азербайджаном или даже с большевиками России, а может, с религиозной частью горского общества, требующей воссоздания теократического устройства, каким было государство в период правления имама Шамиля в 1840–1859 годах.

Попытка соединить совершенно разные по устройству, социальному положению, по языку, традициям, обычаям и вероисповеданию народы Северного Кавказа привела к тому, что предпочтение отдавалось национальным интересам, так как каждому обществу в рамках своей этнической группы были ближе свои проблемы. Постоянное лавирование в этом вопросе не приносило успеха и выливалось порой в открытые столкновения.

В итоге успешным оказался вариант республики, организованной большевиками. Для достижения своих целей большевики пошли на заведомый обман населения. Они пообещали горцам сохранить их традиционное устройство, вероисповедание и судопроизводство на основе шариата и перераспределить земли в пользу горцев. В действительности к 1924–1925 годам все это было ликвидировано, а национальная и религиозная элита подверглась преследованию.

С прекращением де-факто существования Республики горцев ее идея продолжала жить еще два десятка лет в рамках деятельности горской эмиграции на Западе. Члены бывшего правительства горцев оказались разделены по лагерям своих политических пристрастий и разбросаны по всей Европе и Турции. Правопреемником Республики

горцев до конца 20-х годов XX века оставалась официальная делегация Горской республики на Мирной конференции в Париже. Делегацию возглавлял один из первых лидеров, стоявших у истоков ее образования, – Абдул-Меджид Чермоев. Не имея единого политического центра, горская эмиграция разделилась на несколько группировок вокруг отдельных персон: Г. Баммат (Париж), А. Цаликов (Прага), Б. Байтуганов (Варшава), П. Коцев (Стамбул) и т. д., не сумев объединиться и на чужбине.

История региона постреволюционного периода без истории Республики Союза горцев Северного Кавказа совершенно невозможна, и этим определяется ее значимость и тот огромный интерес, который она вызывает все эти годы у населения региона.

Примечания

[1] Чечня, Ингушетия, Кабарда, Балкария, Карачай, Черкесия, части степных регионов Северного Кавказа, Дагестана, казачества Кубанского войска, Терского войска. (*Здесь и далее примеч. авт.*)

[2] Современная Чечня была представлена на тот момент двумя округами: Грозненским и Веденским.

[3] Ингушетия была представлена Назрановским округом.

[4] Северная Осетия-Алания представлена Владикавказским округом.

[5] Кабардино-Балкария в те годы была представлена Нальчикским округом.

[6] Ставропольская губерния была представлена семью уездами, из которых два были пограничными для туркмен и ногайцев (Туркменский и Ачикулакский). Пятигорский округ был в составе Терской области.

[7] Хасавюртовский округ административно делился первоначально на четыре участка, а в 1914 году был поделен на два участка, которые включали в себя территорию современных районов Дагестана: Хасавюртовского, Бабаюртовского и Казбековского.

[8] Черноморская губерния состояла из трех округов: Новороссийского, Туапсинского и Сочинского. Процент черкесов (адыгов) в целом по округу относительно других национальностей, согласно данным всеобщей переписи на 1897 год, был равен 3,4 %.

[9] Терское казачье войско делилось в военном отношении на четыре полковых округа – Волгский, Горско-Моздокский, Сунженско-Владикавказский и Кизляро-Гребенской. И в гражданском отношении – на Сунженский и Кизлярский отделы при Терской области.

[10] С включением Абхазии, Закатальского округа, ногайской степи и проч.

[11] Всего 35 месяцев существования, с мая 1918 по март 1920 года.

[12] *Денстервиль*, генерал-майор. Британский империализм в Баку и Персии 1917–1918 (воспоминания) / Пер. с англ. Б. Руденко. Тифлис: Советский Кавказ, 1925. С. 2.

[13] В Батуми: консульства персидское, турецкое, французское, немецкое, австро-венгерское, испанское, американское и др. Грузинский исторический архив. Ф. 228.

[14] Во Владикавказе были вице-консульства: персидское, греческое, французское, английское и др.

[15] Здесь располагались консульские агентства от Великобритании, Франции, Бельгии, Германии и других государств.

[16] ГАРФ. Ф. Р7558. Польское консульское агентство Дагестанской области. Переписка польского консульского агентства в Дагестане с Комитетом «польского коло» в Дербенте. 1918 г.

[17] ГАРФ. Ф. Р4135. Вице-консульство Великобритании. Астрахань, Баку. Оп. 1. Дела постоянного хранения за 1918–1919 гг.; а также аналогичные учреждения французское, персидское, османское, немецкое, польское и т. д.

[18] В Тифлисе находились консульства почти всех крупных государств Европы, и отсюда направлялись вице-консульства по городам Северного Кавказа и Закавказья, здесь же были представительства: английская (железнодорожная) миссия в Грузии, английская военная миссия, французская военная миссия, итальянская военная миссия и т. д.

[19] Например, японское правительство еще в 1897 году изъявило желание иметь своего нештатного консула в Батуми. Грузинский исторический архив. Ф. 228.

[20] ГАРФ. Представительства иностранных государств на территории, контролируемой вооруженными силами на юге России: Ф. Р3596. Польское консульство в Новороссийске. Ф. Р3606.

Французское консульство в Новороссийске. Ф. Р3609. Испанский вице-консул в Новороссийске. Новороссийск; и мн. др.

[21] За исключением, быть может, духовной (мусульманской) интеллигенции, понимавшей, что в рамках России не может быть речи о строительстве исламского государства или государства, построенного на основе шариата.

[22] Ни Особый Закавказский комитет, созданный 9 (22) марта 1917 года, ни Закавказский комиссариат 15 (28) ноября 1917 года, ни какой-либо другой орган, представлявший на определенных отрезках истории будущие три республики, не претендовали на то, чтобы быть центром и для Северного Кавказа. Даже представительство Алихана Кантамира в Закавказском сейме было больше символическим, чем реальным, слабо отражало участие горцев в этом временном законодательном органе Закавказья до образования трех закавказских независимых республик в мае 1918 года.

[23] *Бугаев А.М.* Революция 1917 г. и Гражданская война // Чеченцы. М.: Наука, 2012. С. 77–85.

[24] Иосиф Сталин, Серго Орджоникидзе, Чхенкели и многие другие.

[25] В последние годы изданы посвященные им отдельные работы М.Н. Нахибашева, М.А. Абдуллаева, М.Д. Заурбекова, Х.М. Доного, но этого недостаточно для определения влияния этих фигур на ход исторического развития Республики горцев Северного Кавказа и Дагестана.

[26] *Музаев Т.* Указ. соч. С. 368.

[27] *Гиоев М.И.* Антиденикинский фронт на Кавказе. Орджоникидзе, 1984. Автор преподносит события так, будто вся основная заслуга организации антиденикинского фронта на Северном Кавказе принадлежала большевикам, руководимым из глубокого подполья; *Исрапилов А.К.-М.* Революционные комитеты в борьбе за установление и упрочение Советской власти в национальных районах Северного Кавказа. Махачкала, 1976; *Даниялов Г.*

Строительство социализма в Дагестане в 1918–1937 гг. Махачкала, 1988; *Борисенко И.П.* Советские республики на Северном Кавказе в 1918 г.: В 2 т. Рос тов н/Д, 1930; *Буркин Н.Г.* Октябрьская революция и гражданская война в горских областях Северного Кавказа. Ростов н/Д, 1934; *Разгон И.* Орджоникидзе и Киров и борьба за власть...; *Гугов Р.Х., Улигов У.А.* Борьба трудящихся за власть Советов в Кабарде и Балкарии. Нальчик, 1957; *Гиоев М.И.* Указ. соч.; *Лайпанов К.Т.* Октябрь в Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1971; *Осадчий И.П.* Партия большевиков – организатор победы социалистической революции на Северном Кавказе. Ростов н/Д, 1978; *Борьба* за установление и упрочение советской власти в Дагестане, 1917–1921: Сборник документов и материалов. М., 1958; и др.

[28] *Гаджиев И.Б.* Совместная борьба бакинского пролетариата и трудящихся Дагестана против английских интервентов и деникинской контрреволюции в 1919–1920 гг. Махачкала, 1960; *Эмиров Н.П.* Установление Советской власти в Дагестане и борьба с германо-турецкими интервентами. М., 1949; Империалистическая интервенция на Дону и Северном Кавказе / Под общ. ред. И.И. Минца. М.: Наука, 1988; *Кривошеенкова Е.Ф.* Гражданская война и военная интервенция: историко-партийные историографические аспекты. М., 1989; *Волков Ф.Д.* Крах английской политики интервенции и дипломатической изоляции Советского государства (1917–1924 гг.). М., 1954; *Кадишев А.Б.* Интервенция и гражданская война в Закавказье. М., 1960; *Лавров С.В.* Политика Англии на Кавказе и в Средней Азии в 1917–1921 гг. // Вопросы истории. 1979. № 5; и др.

[29] Газета стала преемницей газеты «Вольный горец», которая выходила здесь же, в Тбилиси, с 1919 по 1920 год.

[30] В Большой советской энциклопедии (БСЭ), во всех ее трех изданиях, нет даже упоминания о факте существования Горской республики (см.: БЭС. 3-е изд. Т. 1–30. М.: Сов. энциклопедия, 1969–1978).

[31] Советская историческая энциклопедия «Союз Объединенных горцев Кавказа» / Под ред. Е.М. Жукова. М.: Советская энциклопедия, 1973–1982.

[32] *Российский* энциклопедический словарь. М.: РЭС, 2001.

[33] *Даудова А.Х.* Образование и развитие Горской АССР. 1920–1924 гг. (проблемы национально-государственного строительства): Автореф. дис. … канд. ист. наук. СПб., 1972.

[34] *Даудова А.Х.* Социально-экономическое развитие Горской Автономной Советской Социалистической Республики, 1920–1924 гг.: Автореф. дис. … докт. ист. наук. СПб., 1998; *Чехоева И.А.* Социальная политика Советской власти на Северном Кавказе в 1917–1924 гг. На материалах Терской республики и Горской АССР: Автореф. дис. … канд. ист. наук. Владикавказ, 2001; и др.

[35] *Союз* объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917–1918 гг.), Горская республика (1918–1920 гг.). Документы и материалы. Махачкала, 1994; *Музаев Т.М.* Союз горцев. Русская революция и народы Северного Кавказа. М.: Патрия, 2007; *Союз* объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917–1918 гг.), Горская республика (1918–1920 гг.). 1994; *Даудов А.Х.* Горская АССР (1921–1924 гг.). Очерки социально-политической истории. СПб.: Издательство С.-Петербургского государственного университета, 1997; *Гусейнова И.С.* Горская республика: зарождение, становление и причины падения (1917–1920 гг.): Автореф. дис. … канд. ист. наук. Махачкала, 2003; *Дзидзоев В.Д.* От Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана до Горской АССР (1917–1924 гг.). Владикавказ: СОГУ, 2003; *Джавахишвили Н.Г.* Борьба за свободу Кавказа (Из истории военно-политического сотрудничества грузин и северокавказцев в первой половине XX века). Тбилиси, 2005; *Месхидзе Дж. И.* Национальная государственность горских народов Северного Кавказа (1917–1920 годы): Автореф. дис. … канд. ист. наук. СПб., 2006.

[36] *Второй* Кубанский поход и освобождение Северного Кавказа / Под общ. ред. А.К. Голицына. М., 2002; *Безугольный А.Ю.* Народы Кавказа и Красная армия. 1918–1945 гг. М.: Вече, 2007; *Мамулиа Г.* Борьба за свободу и независимость Кавказа (1921–1945). Тбилиси; Париж, 2012; *Гусейнова И.С.* Горская республика: зарождение, становление и причины падения (1917–1920 годы). Автореф. дис. … канд. ист. наук. СПб., Махачкала, 2004; и мн. др.

[37] *Мамаев О.М.* Аграрная политика Горского Правительства в 1917–1919 годы // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 60; *Дзидзоев В.Д.* Экономическое и общественно-политическое состояние Северной Осетии в нач. XX века (1900–1917 гг.). Владикавказ, 2002; и др.

[38] За исключением работ Г. Мамулиа, на Западе практически нет специальных исследований по теме образования и развала Горской республики Северного Кавказа.

[39] *Бушуев С.К.* Из истории внешнеполитических отношений в период присоединения Кавказа к России (20–60-е гг. XIX в.). М., 1955; *Смирнов Н.А.* Политика России на Кавказе в XVI–XIX вв. М., 1958; *Дегоев В.В.* Внешнеполитические аспекты истории народов Кавказа в 30–60-х гг. XIX в. в освещении советской историографии // Роль России в истории Осетии. Орджоникидзе, 1989; *Фадеев А.В.* Кавказ в системе международных отношений 20–50 гг. XIX в. М., 1955; *Маркова О.П.* Восточный кризис 30-х – начала 40-х годов XIX века и движение мюридизма // Исторические записки. М., 1953. № 42.

[40] *Фадеев А.В.* Россия и Кавказ первой трети XIX в. М., 1960. С. 23.

[41] *Баддели Д.* Завоевание Кавказа русскими. 1720–1860 гг. М., 2007. С. 50.

[42] *Ибрагимбейли Х.* Кавказ в Крымской войне 1853–1856 гг. М., 1971. С. 7.

[43] Договор о признании царем Карталинским и Кахетинским Ираклием II покровительства и верховной власти России (Георгиевский трактат) 24 июля 1783 г.

[44] *Вачагаев М.* Чечня в Кавказской войне XIX ст.: События и судьбы. Киев, 2003. С. 361–364.

[45] *Баддели Д.* Указ. соч. С. 35.

[46] *Фадеев А.В.* Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореволюционный период. М., 1957. С. 4, 18–44.

[47] РГВИА. ВУА. 6164. Ч. 1/1/. Материалы для истории Кавказа и кавказских войн, собранные Бушеном. С. 85.

[48] *Вачагаев М.* Чечня в Кавказской войне XIX ст.: События и судьбы. Киев, 2003. С. 223.

[49] *Чеучева А.К.* Северо-Западный Кавказ в политике Великобритании и Османской империи в последней четверти XVIII – 60-х гг. XIX вв.: Автореф. дис. … докт. ист. наук. М., 2008. С. 25; *Федосеева Л.Д.* Иностранное вмешательство в Кавказскую войну // Вестник Адыгейского государственного университета. Майкоп, 2005. № 4. С. 16; и др.

[50] *Шварц Е.* Иран на перекрестке интересов великих держав XIX века // Грибоедовские чтения. Ереван: Лингва, 2009. Вып. 1. С. 94–108.

[51] *Фадеев А.В.* Шестьдесят лет Кавказской войны. Тифлис, 1860. С. 8.

[52] *Киняпина Н.С.* Внешняя политика России первой пол. XIX в. М., 1969. С. 5.

[53] *Дубровин Н.Ф.* История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1888. Т. 6. С. 192.

[54] *Anderson M.S.* The Eastern Question 1774–1923. A Study in International Relations. London, 1966. С. 118–119. Ссылка дана по кн.: *Ибрагимбейли Х.М.* Кавказ в Крымской войне 1853–1856 гг. М.: Наука, 1971. С. 13.

[55] *Орешков С.Ф.* Проблемы развития османистики: историко-политические стереотипы и необходимость их преодоления // Материалы международного симпозиума, посвященного 200-летию создания кафедры восточной словесности в Казанском университете: Сбор ник материалов международного симпозиума (2–5 июля 2007 г.). Казань, 2008. Автор статьи имеет свою точку зрения на события, происходившие в XVIII–XIX веках, и считает, что планы по продвижению к южным морям подталкивались политикой европейских государств, но что это не было самоцелью российской политики. Более того, автор считает, что Россия была заинтересована в укреплении своих границ в южном направлении, а не в продвижении вперед к южным морям.

[56] *Вовк А.С.* Регулирование положения иностранного капитала в Российской империи в конце XIX – начале XX в. // Экономическая история России: проблемы, поиски, решения: Ежегодник. М., Волгоград, 2006. Вып. 8. С. 188–189.

[57] *Чшиева М.Ч.* История нефтяного соперничества иностранного капитала на Кавказе в конце XIX – начале XX вв. Владикавказ, 2008. С. 95, 98.

[58] *Люднева С.А.* История финансового капитала в экономическом развитии Северного Кавказа (1861–1914 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 2005. С. 77, 82.

[59] *Чшиева М.Ч.* Иностранный капитал в нефтяной промышленности Кавказа в конце XIX – начале XX вв.: Дис. ... канд. ист. наук. Владикавказ, 2005. С. 100.

[60] *Липранди А.П.* Кавказ и Россия. Харьков, 1911. С. 94.

[61] Посольство Великобритании в России постоянно отслеживало ситуацию на нефтяных промыслах и обращалось в МВД России с требованием обеспечить безопасность своих сотрудников и максимально оградить их от действий революционных масс (Sent by Sir Arthur Nilson, the British Embassy, St Petersburg, 06/07/1906. Russian Government requested to take measures to protect British lives

and property at Baku, and also to protect British interests at Grozny. FO 371/120/516. Folios 516–517. Russia: code 38, file 8, paper 22954).

[62] *Мамулиа Г.* Документы и материалы по истории национально-освободительного движения народов Грузии и Северного Кавказа в годы Первой мировой войны (1914–1918) // Prometheus. Париж, 2013. № 16. С. 5. http://chechen.org/archives/1359.

[63] *Мамулиа Г.* Указ. соч. С. 7.

[64] См.: *Jäschke G.* Les peuples opprimés de la Russie et la Conférence de Lausanne en 1916. In: Prométhée. Organe de défense nationale des Peuples du Caucase, de l'Ukraine et du Turkestan. Paris, novembre 1937. N 132. P. 17–19.

[65] HHStA. PA. I 947 Krieg 21 k Türkei: Georgisch-grusinischer Aufstand im Kaukasus 1914–18. Fol. 126–131. Цитата по статье: *Мамулиа Г.* Документы и материалы по истории национально-освободительного движения народов Грузии и Северного Кавказа в годы Первой мировой войны (1914–1918) // Prometheus. Париж, 2013. № 16. С. 10. http://chechen.org/archives/ 1359.

[66] *Мамулиа Г.* Указ. соч. С. 11.

[67] См.: Письмо дипломатического представителя горского правительства Г. Баммат председателю правительства А. Чермоеву о политике Германии и Турции в отношении Кавказа и России. Константинополь, 31 августа 1918 г. // *Союз* объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917–1918 гг.), Горская республика (1918–1920 гг.). Документы и материалы. Махачкала, 1994. С. 152–153.

[68] Рауф-бей, Нури-паша и многие другие турецкие высокопоставленные военачальники были из числа потомков мухаджиров, то есть из числа горцев – переселенцев с Северного Кавказа. См.: *Sahin E.* Trabzon ve Batum konferanslari ve antlasmalari (1917–1918). Turk Tarih Kurumu. Basimevi-Ankara, 2002.

[69] L'action Allemand au Caucase. Рапорт на имя Министра Иностранных дел Франции от 27 января 1918 г. // MAE. Europe.

1918–1919. Russie. 626. Séria Z. carton 653. Dossier 1. 1 avril 1918. Russie – Caucase. P. 1–7.

[70] Des nationalités du Caucase. Рапорт на имя Министра Иностранных дел Франции от 15 июня 1918 г. // MAE. Europe. 1918–1919. Russie. 626. Séria Z. Carton 653. Dossier 1. 11 mai 1918. Russie – Caucase. P. 20 t.

[71] Des nationalités du Caucase. Рапорт на имя Министра Иностранных дел Франции от 15 июня 1918 г. // Op. cit. P. 21 t.

[72] Rapport sur voyage exécute au front du Caucase du 1er Octobre au 10 Novembre 1917 par le General Lavergne. P. 24. Petrograd, Novembre 1917 / Conseil supérieur du Guerre, section Française. Carton 44. Dossier 1 // GR 4N40.

[73] Rapport sur voyage exécute au front du Caucase du 1er Octobre au 10 Novembre 1917 par le General Lavergne. Résumé. P. 2. Petrograd, Novembre 1917 / Conseil supérieur du Guerre, section Française. Carton 44. Dossier 1 // GR 4N40.

[74] *Даудов А.Х., Месхидзе Д.И.* Национальная государственность горских народов Северного Кавказа (1917–1924). СПб., 2009. С. 82; и др.

[75] *Бушуев С.К.* Из истории внешнеполитических отношений в период присоединения Кавказа к России (20–70-е гг. XIX в.). М., 1955. С. 3. Автор считал, что Англия, увлекшись нефтью Кавказа, пытаясь заполучить этот район, тем самым старалась ослабить и Россию, лишая ее возможности пользоваться единственным на тот период регионом, где шло развитие нефтяной промышленности.

[76] *Материалы* для описания русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Кавказско-Малоазиатском театре с планами. Т. VI. Составлен в военно-историческом отделе при Штабе Кавказского военного округа полковником Томкаевым. Тифлис, 1910. С. 12.

[77] Haidat Bammate. Le Problème du Caucase // Extrait de la revue Politique Internationale. № de novembre – décembre 1918. Lausanne, 1919. P. 12.

[78] Rapport sur voyage exécute au front du Caucase du 1er Octobre au 10 Novembre 1917 par le General Lavergne. P. 6. Petrograd, Novembre 1917 / Conseil supérieur du Guerre, section Française. Carton 44. Dossier 1 // GR 4N40.

[79] Генерал-лейтенант Владимир Платонович Ляхов (1869–1920) с 1917 года командовал 1-м Кавказским армейским корпусом, с 15 ноября 1918 года – 3-м армейским корпусом, с 10 января 1919-го – главнокомандующий войсками Добровольческой армии в Терско-Дагестанском крае.

[80] Турецкая армия находилась под большим влиянием германских офицеров. Немецкий генерал Лиман фон Сандерс был генеральным инспектором турецкой армии.

[81] *История* первой мировой войны 1914–1918 гг. С. 370.

[82] *Владимиров А., Подымов А.* Главком Кавказского фронта // Столетие. http://www.stoletie.ru/voyna_1914/glavkom_kavkazskogo_fronta_484.htm.

[83] *Корсун Н.Г.* Первая мировая война на Кавказском фронте. С. 22.

[84] По мере успешного продвижения русской армии к линии Трапезунд – Эрзерум это расстояние увеличилось до 1000 километров.

[85] Из 12 русско-турецких войн с XVI по XX век 9 раз турки проиграли, одну победу одержали за счет союзников – англичан и французов в Крымской войне 1853–1856 годов. В войне 1735–1739 годов и в 1914–1918 годах территориальные потери турок были восполнены мирными договорами мировых держав, но это также нельзя отнести к победам турецкой армии.

[86] *Корсун Н.Г.* Сарыкамышская операция на Кавказском фронте мировой войны в 1914–1915 гг. Изд. 2. М., 1941. С. 22–24.

[87] *Опрышко О.Л.* Кавказская конная дивизия. 1914–1917: Возвращение из забвения. Нальчик, 2007. С. 9, 15–17.

[88] *Безугольный А.* «Дикая дивизия». Горцы на фронтах Первой мировой войны и в революционных событиях 1917 г. // Столетие.

www.stoletie.ru/voyna_1914/dikaja_divizija_311.htm.

[89] Les archives du MD service historique. 6N226. Fond Clemenceau. Renseignements Russie 1918–1921. Lieutenant-colonel Chardigny. Front du Caucase. Attaché à l'Etat-Major des armées du Caucase. Tiflis, le 18 Août 1917. № 37. P. 1.

[90] *Опрышко О.Л.* Указ. соч. Раздел «Их ждало впереди…».

С. 429–460.

[91] *Первая* мировая война 1914–1918. Факты. Документы. М., 2003. С. 222.

[92] L'action Allemand en Caucase. Note pour le Ministre. 27 avril 1918 // MAE 626. Serie Z. Carton 653. Dossier 1. Avril 1918 – avril 1919. Russie. Caucase I. P. 1–2.

[93] Приход немецкой армии на Кавказ встревожил Англию, которая видела в этом непосредственную угрозу своим владениям в Индии, о чем говорится в статье журнала L'Europe Nouvelle 01.07.1918. P. 971 // Orient (Menace d'hégémonie Allemande). Extrait d'un article du journal l'Europe Nouvelle 01.07.1918 S.I.R. № 1571, 24/6/1918, MAE 1918–1919. Caucase – Kurdistan. № 1. P. 158.

[94] Op. cit. P. 3.

[95] *Кавказский* край // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1890–1907. Т. 13. С. 818.

[96] *Статистические* сведения о кавказских горцах, состоящих в военно-народном управлении // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 1. Отд. VIII. Тифлис, 1868. С. 5–12.

[97] Без учета Дагестанской области, входившей в отдельную административную единицу в составе Кавказской губернии.

[98] *Коренев Д.З.* Революция на Тереке. Орджоникидзе, 1967. С. 10.

[99] *Кавказский* край // Губернии Российской империи. 1708–1917 гг. М., 2003. С. 468–470.

[100] *Экономическое* развитие региона в XIX – начале XX в. // Северный Кавказ в составе Российской империи. М., 2007. С. 229–241.

[101] По закону, принятому в России в 1893 году, горцам запрещалось селиться и иметь недвижимость в городах и слободах области. Закон был отменен в 1901 году. См.: *Берозов Б.П.* К вопросу об особенностях и формах аграрного движения и классовой борьбы осетинского крестьянства в пореформенный период // Проблемы и культура народов Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1985. С. 142.

[102] *Ибрагимова З.И.* Чеченцы в зеркале царской статистики (1860–1900). М., 2000. С. 32.

[103] Приложение к всеподданнейшему отчету // Терская область. Статистический комитет. Обзор Терской области за 1884 год. Тифлис, 1885. С. 403. Цитата по кн.: *Ибрагимова З.И.* Чеченцы в зеркале царской статистики (1860–1900). М., 2000. С. 35.

[104] *Ибрагимова З.И.* Чеченцы в зеркале царской статистики. С. 155.

[105] Там же.

[106] *Адухов М.Д.* Формирование системы светского образования в Дагестане в XIX – начале XX века. http://www.superinf.ru/view_helpstud.php?id=5488.

[107] *Василенко В.Г.* История здравоохранения и медицинского образования на Дону и Северном Кавказе: XIX в. 1940. Автореф. дис. … канд. ист. наук. Армавир, 2006.

[108] *Рубаева Э.М.* Формирование медицинской интеллигенции на Северном Кавказе в XIX – начале XX в. http://www.journaldiscussion.ru/publication.php?id=59.

[109] *Мамаев О.М.* Аграрная политика горского правительства в 1917–1919 годы // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. СПб., 2008. Вып. 60. С. 182.

[110] РГВИА. Ф. 366. Оп. 1. Д. 21. Справка о ситутации на Северном Кавказе в 1917 году. Л. 45.

[111] *Борисенко И.* Советские республики на Северном Кавказе в 1918 году / И. Борисенко; под ред. Н. Лихницкого; Северо-Кавказ. крайистпарт. Ростов н/Д: Северный Кавказ, 1930. Т. 2. С. 31.

[112] *Полковник* Магомед Джафаров: Сборник материалов / Ответственный редактор Х.М. Доного. Махачкала, 2005. С. 58–59.

[113] *Тахо-Годи А.* Революция и контрреволюция в Дагестане. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1927. С. 2–3.

[114] *Бигаев Н.А.* Последние Наместники Кавказа (в свете личных воспоминаний) (1902–1917). Несколько документов о проблеме Кавказа // Российский архив. Т. XII. М., 2003. С. 445.

[115] *Борьба* за Советскую власть в Северной Осетии: Сборник документов и материалов. Орджоникидзе, 1972. С. 12.

[116] *Революция* на Тереке. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1967. С. 25.

[117] Это не касалось духовенства, здесь в лидеры того или иного общества выдвигались те, кто достиг успехов в области мусульманского богослужения, теологии.

[118] Впрочем, как и Октябрьская революция, которая в регионе Северного Кавказа (касательно региона проживания горцев) также была первоначально довольно спокойно воспринята, пока не начались события, которые в истории России определяются термином «Гражданская война».

[119] *Гугов Р.Х.* Совместная борьба народов Терека за Советскую власть. Нальчик, 1975. С. 117.

[120] *Борьба* за Советскую власть в Чечено-Ингушетии: Сборник документов и материалов. Грозный, 1958. С. 44.

[121] По мнению Алихана Кантамира, «Кермен» была создана 1 октября 1917 года и выдвигала следующие требования: свобода личности, освобождение труда, народовластие, уравнительно-трудовое землепользование и полная автономия Осетии. Основатели партии (Казбек, Бутаев, Д. Тогоев, Рамонов) были расстреляны коммунистами. Только летом 1918 года члены этой организации присоединились к большевикам (*Кантамир А.* Очередная фальсификация горской истории. 1951. № 2/3. Ноябрь – декабрь. С. 33.

[122] *Цалыкаты А.* Брат на брата. Прага, 1926. С. 111.

[123] *История* Дона и Северного Кавказа (1917–2000). Ростов н/Д, 2004. С. 9–10.

[124] *Жанситов О.А.* Воспоминания К. Чхеидзе о событиях гражданской войны на Кавказе // Исторический вестник КБИГИ. Нальчик, 2006. № 3.

[125] *История* Дона и Северного Кавказа (1917–2000). С. 13.

[126] *Музаев Т.* Союз горцев. Русская революция и народы Северного Кавказа, март 1917 – март 1918 г. С. 17–25.

[127] *История* Дона и Северного Кавказа (1917–2000). С. 10.

[128] РГИА. Ф. 1276 (Совет Министров 1905–1917 гг.). Оп. 21. Д. 68. По ходатайству чеченцев о смене администрации в Грозненском и других населенных чеченцами округах. 1917. Л. 2.

[129] РГИА. Ф. 1276. Л. 1.

[130] *Ошаев Х.* Очерк начала революционного движения в Чечне. Грозный: Издательство ОДН (Общество «Долой безграмотность»), 1928.

[131] Были попытки объединить народы Северного Кавказа при шейхе Мансуре в последней четверти XVIII века и во второй четверти XIX века при имаме Шамиле. Однако они не имели такого размаха.

[132] Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана… С. 24.

[133] Там же. С. 23.

[134] В США избирательное право для женщин было закреплено в 1920 году, во Франции в 1944 году.

[135] Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917–1918). Горская республика (1918–1920). С. 24.

[136] Compte-rendu des Assemblées des peuples de la Ciscaucasie et de leurs travaux législatifs. Constantinople: Comité des émigrés politiques de la Ciscaucasie en Turquie, 191. С. 11.

[137] *Музаев Т.* Союз горцев. С. 46.

[138] М.В. Родзянко возглавлял Временный комитет Госдумы, Г.Е. Львов – председатель Временного правительства, Н.С. Чхеидзе – председатель Совета рабочих и солдатских депутатов Петербурга. Рукописный фонд Института ИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 57. Л. 27.

[139] Резолюции, принятые на I съезде Горских народов Кавказа. 6 мая 1917 года. По кн.: *Союз* объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана… С. 45.

[140] Политическая платформа и программа Союза объединенных горцев Кавказа, принятая на съезде 7 мая 1917 года. По кн.: Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана… С. 47–50.

[141] *Музаев Т.* Союз горцев. Русская революция и народы Северного Кавказа, март 1917 – март 1918 г. С. 62.

[142] Конституция Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана, принятая на I съезде 7 мая 1917 года. По кн.: Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана… С. 50–53.

[143] *Для ориентации* // Северный Кавказ. Варшава, 1934. Июнь. № 2. С. 23–24.

[144] Грузинский национальный исторический архив. Ф. 1854. Оп. 1. Д. 282. С. 4. Политическая платформа и программа Союза Объединенных Горцев Кавказа, принятая на съезде 7 мая 1917 года.

[145] Керенский А.Ф. (1981–1970 гг.) – российский политический и общественный деятель; министр, затем министр-председатель Временного правительства.

[146] РГВИА. Ф. 366. Оп. 1. Д. 21.

[147] *Косок П.* Исторические эпизоды нашей борьбы // Свободный Кавказ. 1927. № 7. С. 27.

[148] Заявление ЦК Союза Объединенных Горцев Северного Кавказа и Дагестана от 19 июля 1917 года. Грузинский Национальный исторический архив. Ф. 1852. Оп. 1. Д. 282. Л. 10.

[149] *Амирэджиби Ш.* Из незаконченного прошлого // Горцы Кавказа. Париж, 1929. № 4–5. С. 7.

[150] *Мусаясул Х.-Б.* Страна последних рыцарей. Махачкала: Юпитер, 1999. С. 195.

[151] К примеру, имамат Шамиля (1840–1859), союз племен Чечни и Дагестана, который по форме был теократическим исламским государством, возглавляемым Шамилем.

[152] Телеграмма окружного комиссара К. Гаитова исполкому // ЦГА РД. Ф. П-8. Оп. 3. Д. 249. Л. 38. Ссылка по кн.: *Доного Х.М.* Нажмуддин Гоцинский. Махачкала, 2011. II глава: Попытки национально-государственного строительства. С. 124.

[153] *Тахо-Годи А.* Революция и контрреволюция в Дагестане. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1927. С. 24.

[154] *Дибиров М.-К.* История Дагестана в годы революции и гражданской войны. Махачкала, 1997. С. 20.

[155] Рукописный фонд ИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 151.

[156] *Тахо-Годи А.* Указ. соч. С. 24.

[157] *Кузнецов Б.М.* 1918 год в Дагестане. Нью-Йорк, 1960. С. 16.

[158] *Авторханов А.* Революция и контрреволюция в Чечне. Грозный: Чеченское национальное издательство, 1933. С. 55.

[159] Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана… С. 67–68.

[160] Рукописный фонд ИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 151. Заверенная копия. Ссылка дана по кн.: Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана… С. 62.

[161] Время. 1917. 30 августа. № 19.

[162] *Тахо-Годи А.* Революция и контрреволюция в Дагестане. С. 24.

[163] *Киндаров А.* Хайба. Сугаип-мулла Гойсумов. Грозный, 2012. С. 174–175.

[164] *Амиреджиби Ш.* Из незаконченного прошлого // Горцы Кавказа. Париж. 1929. Май – июнь. № 4–5. С. 7.

[165] *Кузнецов Б.М.* 1918 год в Дагестане. Нью-Йорк, 1960. С. 17.

[166] *Киндаров А.* Указ. соч. С. 176.

[167] *Джемалдин* Казикумыхский Ал Адаб ул Марзия. Накшбандийский тарикат. Оксфорд, 1986. С. 29.

[168] *Вачагаев М.* Шейхи и зияраты Чечни. М., 2009. С. 204.

[169] *Ошаев Х.* Указ. соч. С. 11: автор считает, что претензии Сугаип-муллы на пост лидера мусульман Северного Кавказа были совершенно недвусмысленны.

[170] Особенность данного суфийского братства в том, что его чле ны не признают преемников основателя братства, они ждут его возвращения, поэтому здесь нет ярко выраженной фигуры, таковым может быть член семьи шейха.

[171] *Джабаги В.Г.* К истории провозглашения независимости Республики Северного Кавказа // Свободный Кавказ (The Free Caucasus). 1953. Май. № 5 (20). С. 17.

[172] Время. 1917. 30 августа. № 19.

[173] Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана… С. 63.

[174] Воспоминания Г. Баммата // Из личного архива Г. Баммата. Воспоминания о тех событиях на 11 страницах машинописного текста приводятся в ответе на письмо неизвестного, который спрашивает у Баммата разъяснения по поводу участия в съезде лидеров Союза горцев.

[175] Коцев в своих воспоминаниях пишет, где и у кого им был предоставлен дом для ночлега в селе Анди (*Kosok P.* Revolution and sovietization in the Northern Caucasus // Caucasian Review. Munich, 1956. № 3. P. 47): Об его присутствии на съезде пишет и другой очевидец: *Кузнецов Б.М.* 1918 год в Дагестане. Гражданская война. Нью-Йорк, 1959. С. 14. В воспоминаниях грузинского участника событий тех лет на озере Анди, именно благодаря действиям Чермоева и Коцева удалось отговорить Н. Гоцинского не принимать

титул имама (*Амирэджиби Ш.* Из незаконченного прошлого // Горцы Кавка за. Париж, 1929. № 4–5. С. 7).

[176] *Ливен А.* Война в Чечне и упадок российского могущества // Чечня и Россия: общество и государства. М., 1999. С. 283. Ссылка по работе: *Жупикова Е.* Повстанческое движение на Северном Кавказе в 1920–1925 годах // Академия исторических наук. Т. 1. М.: Академия исторических наук, 2007. С. 122.

[177] *Данлоп Д.* Россия и Чечня: история противоборства. Корни сепаратистского конфликта. М.: Р. Валент, 2001. С. 42.

[178] *Дибиров М.-К.* Указ. соч. С. 36–37.

[179] Там же. С. 38.

[180] Письмо Г. Баммата неизвестному редактору, от 8 июля 1962 // Из личного архива Г. Баммата. Письмо на 10 страницах машинописного текста, с многочисленными исправлениями от руки. Письмо посвящено событиям на Северном Кавказе в 1917–1919 гг.

[181] Съезд горских народов в гор. Владикавказе // Джаридату Дагестан. 1917. 26 сентября. № 34. В сообщении газеты говорилось, что съезд как таковой в Анди не состоялся, что именно по этой причине решено созвать его вторично во Владикавказе 20 августа. Сообщалось также, что в знак несогласия с таким выводом определенных деятелей Союза горцев дагестанские депутаты будут саботировать съезд и не поедут во Владикавказ, что, конечно, было неверной информацией (ЦГА РД. Ф. П-8. Оп. 3. Д. 279. Протоколы заседаний контрреволюционного войскового круга войска Терского VI созыва, речь Г. Баммата на мусульманском съезде в Москве 6 мая 1917 года. События на Тереке и наказ Совету Главноуправляющему временно го контрреволюционного Терско-Дагестанского правительства (копии документов). С. 1–2).

[182] Перечисленные делегаты сфотографированы на общем фото делегатов съезда во Владикавказе и стоят слева во втором ряду, сразу за Сугаип-муллой Гайсумовым.

[183] Голос Дагестана. Темир-Хан-Шура. 1917. 8 октября. № 25. С. 1–2.

[184] Там же.

[185] Временный Кавказский комитет во главе с меньшевиком Е.П. Гегечкори еще не был реорганизован в Правительство Закавказья, это произошло 15 (28) ноября 1917 года. В данное правительство вошли представители грузинских меньшевиков и эсеров, азербайджанских мусаватистов и армянских дашнаковцев. Председателем данного объединенного правительства стал, опять же, Е.П. Гегечкори. В дальнейшем он займет пост министра иностранных дел Грузинской Демократической Республики.

[186] 20 сентября Владикавказским центральным комитетом Со юза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана получено сообщение военного министра о возвращении Туземного корпуса на Кавказ, причем Временное правительство заявляет, что счастливо засвидетельствовать, что рожденные для свободы горцы остались верными долгу свободы, когда темные силы пытались обманом их использовать, чтобы задушить свободу. Ссылка по газете «Голос Дагестана» (Темир-Хан-Шура) (1917. 8 октября. № 25. С. 2).

[187] *Музаев Т.* Указ. соч. С. 211–212.

[188] Там же. С. 213.

[189] *Джамбулатов Р.* Из истории города Хасавюрт // Кумыкский мир. Культура, история и современность. Махачкала, 2006–2007. Вып. 12–14.

[190] *Жупикова Е*. Повстанческое движение на Северном Кавказе в 1920–1925 годах // Академия исторических наук: Сборник. М.: Академия исторических наук, 2007. Т. 1. С. 120.

[191] *Данлоп Д*. Указ. соч. С. 40.

[192] *Музаев Т.* Указ. соч. С. 213.

[193] *Абдуллаев М.А*. Общественно-политическая мысль в Дагестане в начале XX в. М., 1987. С. 110.

[194] *Агафонов О.В*. Казачьи войска России во втором тысячелетии. Киров, 2002. С. 251. Ссылка по статье: *Бурда Э*. Терское казачество в

период революций и гражданской войны 1917–1921 гг. 2010. www.apn.ru/publications/article23367.htm.

[195] *Музаев Т.* Указ. соч. С. 213.

[196] По родным местам // Мусульманин. 1925. № 11–13. С. 503.

[197] Джаридату Дагестан. 1917. 5 октября.

[198] *Доного Х.М.* Указ. соч.

[199] *Гражданская* война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. М., 1983. С. 584. Ссылка дана по статье: *Бурда Э.* Терское казачество в период революций и гражданской войны 1917–1921 гг. www.apn.ru/publications/article23240.htm.

[200] *Вайнахи* и имперская власть: проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР. М., 2011. С. 267.

[201] *Безугольный А.* Народы Кавказа и Красная армия. 1918–1945 годы. М., 2007. С. 49.

[202] Половцев Петр Александрович, командир Татарского полка, командир Туземной (Дикой) дивизии, умер в эмиграции в МонтеКарло в 1964 году (кладбище Монако, галерея Италия, 1-й этаж, 5-я строчка).

[203] *Янчевский Н.* Гражданская война на Северном Кавказе: В 2 т. Ростов, 1927. Т. 1. С. 53. Ссылка по книге: *Безугольный А.* Указ. соч. С. 49.

[204] *Гражданская* война в Северной Осетии. По воспоминаниям участников. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1965. С. 374.

[205] *Дибиров М.-К.* Указ. соч. С. 39–40.

[206] *История* Дона и Северного Кавказа (1917–2000): Учебное пособие для студентов. Ростов н/Д; Нальчик, 2011. С. 13.

[207] *Алиева С.* Азербайджан и народы Северного Кавказа (XVIII–XXI вв.). Баку, 2010. С. 322–323.

[208] *Тахо-Годи А.* Революция и контрреволюция в Дагестане. С. 164–166.

[209] Меморандум Парламентской делегации Кубанского казачества в Париже. От 16 апреля 1919 года. Архив МИД Франции. Отдел политики и торговли. Серия Z. Картон № 653. Досье № 3. С. 7.

[210] *Империалистическая* интервенция на Дону и Северном Кавказе. М.: Наука, 1988. С. 57.

[211] Декларация о создании Объединенного Правительства Юго-Восточного Союза казачьих войск, горцев Кавказа и Вольных народов степей (текст составлен, видимо, не позднее 19 ноября 1917 г.). По кн.: Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917–1918). Горская республика (1918–1920). С. 86–89.

[212] Горская жизнь. 1917. 9 декабря. № 40.

[213] Союз объединенных горцев… С. 93.

[214] Там же. С. 94.

[215] Там же.

[216] Горская жизнь. 1917. 9 декабря. № 40.

[217] ЦГА РСО-А. Ф. 255. Оп. 1. Д. 2. Л. 167. Из статьи: *Бурда Э.* Терское казачество в период революций и гражданской войны 1917–1921 гг. www.apn.ru/publications/article23240.htm.

[218] Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана… С. 93–95.

[219] В разъяснениях о территории нового Союза особо указывалось, что пока нет подтверждений со стороны Абхазии и степных народов Предкавказья, в том числе народов Карачая, Кубанской Черкесии, предполагалось вести переговоры с Кубанским правительством. См.: Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917–1918). Горская республика (1918–1920). С. 92–93.

[220] Обращение Терско-Дагестанского правительства к населению от 8 декабря 1917 года // Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана… С. 95–96.

[221] *Гражданская* война в Северной Осетии. По воспоминаниям участников. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное

издательство, 1965. С. 374.

[222] *Кажаров А.Г.* Национально-государственные процессы на Северном Кавказе в 1917–1919 гг. // Материалы международной юбилейной научной конференции «Россия и Кавказ» (Владикавказ, 6–7 октября 2009 г.). С. 106–113.

[223] *Баранов А.Г.* Региональные, местные и городские выпуски денежных знаков Терско-Дагестанского края // Научные труды Московского гуманитарного университета. М., 2005. Вып. 52. С. 76–77.

[224] Там же. С. 83.

[225] Делегация Союза Горских народов Кавказа (Отчет П. Коцева о поездке в Украину) // Отчет на 6 страницах машинописного текста. От 16 сентября 1918 года. Тифлис. С. 1. Из личного архива Г. Баммата.

[226] *Фарфаровский С.В.* Ногайцы Ставропольской губернии: Историко-этнографический очерк. Тифлис, 1909. С. 1.

[227] *Лайпанов К.Т.* Октябрь в Карачаево-Черкесии. Борьба большевиков за власть Советов (1917–1920). Черкесск, 1971. С. 34–38, 42. Ссылка дана по работе: *Алиева С.* Ногайские тюрки (XV–XX вв.). Баку, 2009. С. 237–263.

[228] *Музаев Т.* Указ. соч. С. 418.

[229] *Алиева С.* Ногайские тюрки (XV–XX вв.). С. 263.

[230] Каспий. 1917. 17 (30) декабря. № 276. С. 6. Ссылка дана по работе: *Алиева С.* Ногайские тюрки (XV–XX вв.). С. 263.

[231] ГАРФ. Ф. Р-5351. Войсковое правительство Терского казачьего войска. Оп. 1. Д. 40. Л. 25. Ссылка дана по работе: *Лобанов В.Б.* Гражданская война на Северном Кавказе в 1919–1920 годах: Терско-Дагестанский край // Петербургские исследования: Сборник научных статей. СПб., 2011. Вып. 3. С. 298.

[232] *Карвенов Л.* Угроза бытию инородцев Ставр. губ. // Ставропольский инородец. 1918. 1 (14) мая. Ссылка дана по работе: *Пученков А.С.* Антибольшевистское движение на Юге и Юго-Западе

России (ноябрь 1917 – январь 1919 гг.): Идеология, политика, основы режима власти. Дис. … докт. ист. наук. СПб., 2014. С. 441.

[233] Возрожденные полки русской армии в белой борьбе на Юге России. М., 2002. С. 95. Ссылка по работе: *Посадский А.В.* Чеченцы в вооруженных силах Юга России: к истории чеченской конной дивизии. Военно-исторические исследования в Поволжье: Сб. науч. трудов. Саратов, 2008. Вып. 8. С. 96.

[234] Куба, Дербент, Кайтаг, Табасаран, Кюра, Грозный, Хасавюрт, Петровск, Темир-Хан-Шура, Моздок, Кизляр, Нальчик, Владикавказ и мн. др.

[235] *Демография* и расселение // Дымшиц В. Горские евреи. История, этнография, культура. Иерусалим, 1999.

[236] *Горские* евреи во время революции и гражданской войны на Кавказе // Горские евреи. История, этнография, культура / Под ред. Бегуна И. Даат. Иерусалим; М.: Знание, 1999.

[237] Ханон Ифраимов во время Гражданской войны был заместителем начальника отряда городской самообороны Нальчика.

[238] КЕЭ. Иерусалим, 1976. Т. 2. Кол. 182–190.

[239] В 1917 году в Баку выходил еженедельник «Кавказер вохенблат» (на идиш), в 1917–1918 гг. – еженедельник «Кавказский еврейский вестник» с приложением «Палестина», в 1919–1920 гг. – двухнедельник «Еврейская воля»; в 1919 году некоторое время выпускалась газета «Тобуши сабхи» (на еврейско-татском языке).

[240] Азербайджанская Демократическая Республика (1918–1920 гг.). Законодательные акты (сборник документов). Баку: Азербайджан, 1998. С. 14.

[241] Среди 26 расстрелянных бакинских комиссаров было 6 евреев, в их числе видный социал-демократ Я. Зевин. Заметный фигурой был профсоюзный руководитель М. Басин (1890–1918). В правительстве Демократической Республики Азербайджан (1918–1920) был также представлен еврей – министр здравоохранения профессор Е.Я. Гиндес и др.

[242] ЦГА РД. Ф. 243. Из бывшего партийного фонда № П-8. Документ № 282. С. 29–30.

[243] *Еврейский* съезд // Дагестан. 29 января. 1919. № 26.

[244] Les délègues juifs chez le générale Denikine (compte rendu, établie par la délégation juive) // MD service historique F. 20. № 181. Carton 70. Dossier 2.

[245] *Будницкий О.В.* Российские евреи между красными и белыми (1917–1920). М., 2006. С. 493.

[246] *Иоффе Г.* Читая Будницкого // Новый исторический вестник. 2006. Вып. 15.

[247] Именно таким образом была сформулирована модель будущего государства на объединительном Первом съезде горцев во Владикавказе 7 мая 1917 года // Союз объединенных горцев. С. 49.

[248] *Союз* объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана… С. 50.

[249] *Музаев Т.* Указ. соч. С. 91.

[250] Эта форма образования нового государства указывалась в разделе «Цели союза» в параграфе № 1 в 5-й статье Союзного догово ра Юго-Восточного союза казачьих войск, горцев Северного Кавка за и вольных народов степей. От 20 октября 1917 г. // Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана… С. 74.

[251] Политическая платформа и программа Союза объединенных горцев Кавказа, принятая на съезде 7 мая 1917 года. Пункт № 7. Необходимость Федеративной Демократической Республики // Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана… Указ. соч. С. 47–48.

[252] Один из лидеров большевиков на Северном Кавказе С.М. Киров открыто называл еще в марте 1918 года взятие Зимнего дворца переворотом, чем и был в действительности захват власти Лениным в 1917 году. Позже большевики отказались от этого термина (№ 273. Из речи С.М. Кирова на Втором (Пятигорском) съезде народов Терека в годовщину Февральской революции. 12

марта 1918 г. // Документы по истории гражданской войны в СССР. Т. 1. Первый этап гражданской войны / Под ред. И. Минца, Е. Городецкого. Политиздат при ЦК ВКП(б), 1941. С. 254–255).

[253] Провозглашение Закавказья независимой Республикой. 9 (22 апреля) 1918 года // Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии. Тифлис, 1919. С. 200 (Издано грузинским правительством в Тифлисе в 1919 году).

[254] *Кашкаев Б.* Красная армия в Дагестане. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1964. С. 18.

[255] *Союзный* договор Юго-Восточного Союза казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей. От 20 октября 1917 г. // Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана… С. 73–75.

[256] *Бербеков Х.М.* Борьба трудящихся Кабарды и Балкарии за власть Советов. Нальчик: Кабардино-балкарское книжное издательство, 1957. С. 8.

[257] История Дона и Северного Кавказа (1917–2000). Ростов н/Д: Издательство Ростовского университета, 2004. С. 9.

[258] *Невская Т.А., Морозова О.М.* «Мои пятьсот трупов лежат…» // Родина. 2011. № 2.

[259] *С.М. Киров* и Г.К. Орджоникидзе на Северном Кавказе. Орджоникидзе, 1986. С. 16.

[260] *Невская Т.А., Морозова О.М.* Указ. соч.

[261] Киров (Костриков) Сергей, уроженец г. Уржум Вятской губернии, член реввоенсовета 11-й армии; Орджоникидзе Серго, уроженец Кутаисской губернии; Буачидзе Ной (Самуил), уроженец Кутаисской губернии.

[262] *Сухоруков В.Т.* XI армия в боях на Северном Кавказе и Нижней Волге в 1918–1920 гг. М., 1961. С. 42.

[263] *Пученков А.С.* Указ. соч. С. 407–408.

[264] *История* Дона и Северного Кавказа (1917–2000). Ростов н/Д; Нальчик: Кабардино-Балкарский госуниверситет, 2011. С. 17.

[265] «Ввиду объявления Центрального Комитета Союза горцев Горским правительством, – говорилось в письменном заявлении Тапы Чермоева, датированном 5 декабря, – настоящим я подтверждаю письменно свое заявление, сделанное 2-го декабря, что, не считая себя подготовленным к административно-управленческим функциям, слагаю с себя председательствование в Комитете (ныне Горском правительстве), оставаясь лишь членом Горского правительства, впредь до замены меня Чеченским Комитетом другим лицом» (Горская жизнь. Владикавказ. 1917. 9 декабря; ЦГА РСО-А. Ф. Р-9. Оп. 1. Уд. хр. 3. Л. 53). Ссылка по книге: *Музаев Т.* Союз горцев. Русская революция и народы Северного Кавказа, март 1917 – март 1918 г. С. 284–285.

[266] В изложении Магомеда Дибирова отставка А.-М. Чермоева была 22 декабря, и, по его версии, это было связано исключительно с желанием его самого присутствовать на международной конференции в Париже, где должна была решаться судьба признания независимости Республики Союза горцев Кавказа (Организация нового правительства коренных народов Дагестана и Северного Кавказа // Ф. П-8. Оп. 3. Д. 236. Копии, письма начальника Германской разведки об условиях признания независимости буржуазно-демократической «республики союза горцев Кавказа», мусавистского правительства, письма, телеграммы и пр. Переписка о заключении договора с «союзом горцев Кавказа» о создании нового кабинета республики. С. 10).

[267] *Музаев Т.* Союз горцев. Русская революция и народы Северного Кавказа, март 1917 – март 1918 г. С. 286.

[268] Le Caucase du Nord. Interview de Mehmed Kadi Bey // Le Tanin. 26 avril 1918. MAE. Caucase – Kurdistan. 1918–1919.

№ 1. P. 173.

[269] *Гатагова Л.С.* Кавказ после Кавказской войны: этнографический аспект // Вестник Института цивилизаций. Владикавказ, 2000. Вып. 3. С. 121.

[270] *Просалов Д.Н.* Земельный вопрос в Кабардино-Балкарии: образы прошлого в условиях социально-политических трансформаций в 1917 – начале 1920-х гг. // Стратегическое планирование в полиэтничном макрорегионе в условиях неравномерного развития и роста напряженности. Материалы Всероссийской научной конференции (Ростов-на-Дону, 3–4 октября 2013 г.). Ростов н/Д, 2013. С. 61.

[271] Выписка из протокола заседания ЦК Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана о территориях Горской Республики (3 декабря 1917) // Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана… С. 92.

[272] *Музаев Т.* Указ. соч. С. 415.

[273] Там же С. 416.

[274] Там же. Указ. соч. С. 442.

[275] Le Caucase du Nord. Interview de Mehmed Kadi Bey // Le Tanin. 26 avril 1918. MAE. Caucase – Kurdistan. № 1. 1918–1919. P. 173.

[276] *Албогачиев Д.* Интервью турецкому журналу «Алти» от 23 декабря 1918 г. // Information. Constantinople. 25/1/1919. Djemal Bey Albogatchi // MAE. Europe. 1918–1919. Russie. 626. Séria Z. Carton 653. Dossier 1. 1 avril 1918. Russie – Caucase. P. 122.

[277] *Музаев Т.* Указ. соч. С. 416.

[278] Депеша МИД Франции во французское посольство в Лон доне. От 2 декабря 1918 г. // MAE. Europe. 1918–1919. Russie. 626. Séria Z. Carton 653. Dossier 1. 1 avril 1918. Russie – Caucase. P. 46.

[279] Письмо российского посольства на имя МИДа Франции. От 3 декабря 1918 г. // MAE. Europe. 1918–1919. Russie. 626. Séria Z. Carton 653. Dossier 1. 1 avril 1918. Russie – Caucase. P. 47.

[280] *Мамулиа Г.* Кавказ и державы четверного союза в 1918 г. // Nowy Prometeusz. Warsava; 2013. № 5. С. 189.

[281] Рапорт представителя военной миссии Франции на Кавказе на имя военного атташе французского посольства в России. Из Владикавказа, за 26 мая 1918 года. La situation en Terek // Caucase.

10 rapports colonel Chardagny. 3 annexes. 7N1649. Attaches militaires. Turque. 1917–1918.

[282] Брест-Литовский мирный договор подписан Советской Россией с Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией в г. БрестЛитовске в марте 1918 года.

[283] Question du Caucase. 19 septembre 1918 // MAE. Europe. 1918–1919. Russie. 626. Séria Z. Carton 653. Dossier 1. avril 1918 – avril 1919. Russie – Caucase. P. 22.

[284] Рапорт о ситуации в Грузии и о политике Германии в Закавказье. La situation au Caucase // Caucase. 7N1649. Attaches militaires. Turque. 1917–1918.

[285] Рапорт из Тифлиса за 24 июля 1918 года. La situation en Terek // Caucase. 10 rapports colonel Chardagny. 3 annexes. 7N1649. Attaches militaires. Turque. 1917–1918.

[286] О турецко-немецком конфликте на фоне объявления независимости тремя закавказскими государствами. Бюллетень за № 963 от 1 августа 1918 г. // Etat-Major générale. 1ere Section. 7N1649. Attaches militaires. Turque. 1917–1918.

[287] *История* дипломатии. Т. 2. Дипломатия в новое время (1872–1919 гг.) / Под ред. акад. В.П. Потемкина. М.; Л.: ОГИЗ, 1945. Гл. 15.

[288] *Пайпс, Ричард*. Русская революция. М., 2005. Т. 2. 720 с.

[289] *Делегация* Союза Горских народов Кавказа (отчет П. Коцева о поездке в Украину) // Отчет на 6 страницах машинописного текста. От 16 сентября 1918 года. Тифлис. С. 2. Из личного архива Г. Баммата.

[290] *Из воспоминаний* Людендорфа о целях Германии в Закавказье // Германские оккупанты в Грузии в 1918 году: Сборник документов и материалов / Сост. и подг. М.М. Габричидзе. Тбилиси: Госиздат Груз. ССР, 1942. С. 153–154.

[291] Имеются в виду Горская республика, Терская Советская республика, Юго-Восточный союз, позже эмират Узун-хаджи, а также власть А. Деникина в лице его армии, захватившей Северный Кавказ.

[292] *Шебзухов М.Х.* Красный и белый террор в Адыгее // Северный Кавказ: национальные отношения (историография проблемы). Майкоп, 1992. С. 5.

[293] *Раенко-Туранский Я.Н.* Адыги до и после Октября. Ростов н/Д, 1927. С. 52.

[294] *Машитлов Р.М.* Адыго-казачий антибольшевистский союз (январь-август 1918 г.) // НИИ истории, экономики и права. М., 2013. № 6. С. 88.

[295] Терско-Дагестанское правительство – создано 1 (14) декабря 1917 года во Владикавказе на совещании представителей ЦК Союза объединенных горцев Кавказа, Войскового правительства Терского казачества, Союза городов Терско-Дагестанского края. М.А. Караулов (до смерти в декабре 1917 года фактический глава правительства), князь Р.Х. Капланов (председатель Совета правительства). В марте 1918 года с провозглашением Терской Советской республики в составе большевистской России со столицей во Владикавказе Терско-Дагестанское правительство распалось.

[296] Напомним, что Юго-Восточный союз казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей – объединение Донского, Кубанского, Терского и Астраханского казачьих войск, а также представителей калмыков, горских народов Дагестана и Закатальского округа, Терского, Кубанского, Сухумского краев, степных народов Терского края и Ставропольской губернии, государственно-территориальная единица, управляемая на принципах конфедерации, соглашение о создании которого было подписано на Учредительном съезде 20 октября (3 ноября) 1917 года во Владикавказе. Союз фактически распался с провозглашением в марте во Владикавказе Терской Советской республики.

[297] В Юго-Восточный союз входили не только казаки Северного Кавказа, Кубани, но и Дона, Поволжья и других отдаленных от Северного Кавказа регионов, что делало Союз более притягательным для казаков в борьбе против общего врага – большевиков.

Безусловно, горцам было интересно иметь такого мощного соседа, но сам горский элемент растворялся в этой большой массе казаков, что отодвигало их в этом Союзе на второй план.

[298] Архивный отдел администрации Армавира (АОАА). Ф. Р. 1271. Оп. 1. Д. 38; Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1788. Оп. 2. Д. 146.

[299] *Трахо Р.* Черкесы. Мюнхен, 1956. С. 60–61.

[300] *Авторханов А.* Указ. соч. С. 58.

[301] *Ильин Л.* Октябрьская революция на Северном Кавказе: Краткий очерк // На правах рукописи в ЦДНИРО (Центр документации новейшей истории Ростовской области). Ф. 12. Оп 2. Д. 58. Л. 6.

[302] Там же. С. 58.

[303] *Букановский Е.А.* На берегах Терека // Россия. 1918. Ссыл ка по: *Ильин Л.* Октябрьская революция на Северном Кавказе: Краткий очерк // Указ. соч. Л. 7.

[304] *Воспоминания* бывшего красного партизана, Мациева Тата Яхъяевича, 1888 г. р., о событиях, связанных с убийством шейха Арсанова Дени в 1917 г., 27 декабря, в пятницу: Неизданная рукопись // Личный архив Магомеда Нурдиновича Музаева (г. Грозный). Есть и другие воспоминания, к примеру сына участника тех событий Токаева.

[305] *Ильин Л.* Указ. соч. С. 8.

[306] Показания Тата Мациева интересны и показательны в отношении того, что происходило в самом городе и кто был по-настоящему хозяином положения. Офицеры казачьей управы, не имеющие никаких отношений к большевикам, полностью контролировали город и станицы в пригороде Грозного. Совет рабочих и солдат не имел реальной силы, максимум, что им разрешалось, – расположиться в своем здании, и не более.

[307] *Органы* государственной безопасности и общество. Кабардино-Балкария 1920–1992: Сборник документов и материалов / Сост. А.В.

Казаков. Нальчик, 2007. С. 278–279.

[308] Горская жизнь. Владикавказ. 1918. 6 марта. Ссылка по кн.: *Музаев Т.* Указ. соч. С. 366.

[309] Это практически на 300 километров восточнее первоначальной столицы – Владикавказа.

[310] *Полгода* во Владикавказе. Отрывки из дневника 1918–1919 гг. (фрагмент) // На чужой стороне (Берлин – Прага). 1924. Вып. VII. С. 151–175. Ссылка дана по книге «Красный террор на юге России». М., 2013. С. 83–112.

[311] *Авторханов А.* Указ. соч. С. 63. Коммунист И.Д. Орахишвили (председатель Совета рабочих и солдатских депутатов Владикавказа) писал в своих воспоминаниях, что в Чечне и Ингушетии, например, мало кто вообще знал о существовании большевиков не только в 1917, но даже в 1918 году. Борьба за Советскую власть в Северной Осетии (1917–1920 гг.): Сборник документов и материалов. Орджоникидзе, 1957. С. 34. Ссылка по кн.: *Коренев Д.З.* С. 66.

[312] *Карпов Н.Д.* А.И. Деникин и П.Н. Врангель: от несогласия к антагонизму // Крым. Врангель. 1920 год: Сборник научных трудов. М.: Социально-политическая мысль, 1996. С. 216.

[313] *Очерк* взаимоотношений вооруженных сил Юга России и представителей французского командования. Часть 1. Май 1919 г., г. Екатеринодар: Типография Канцелярии Главного Начальника Снабжения Вооруженных сил на Юге России. 1919 г. // Гессен И.В. Архив русской революции. Т. 16. С. 240.

[314] ГАРФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 29. Л. 10–14. Политическая канцелярия при Главнокомандующем Вооруженными Силами на Юге России; Д. 30. Л. 99–101 об. И.Н. Беликов. Охрана путей в Терско-Дагестанском крае. 8 декабря 1918 г.; ГАРФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 30. Л. 2–31 об. Доклад генерала А.С. Мадритова о событиях в Терской области с 20 февраля по 11 ноября 1918 г. Очерк борьбы с большевизмом и социалистическими течениями в Терской области; ГАРФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 30. Л. 96 об. «Оперативные соображения по вопросу об

очищении Терской области от красноармейцев» генерала Д.Ф. Левшина, поданные 11 декабря 1918 г., и др.

[315] Лазарев Б.П. – генерал-майор, один из активных участников Белого движения на Северном Кавказе в 1917–1918 гг. На май 1918 г. состоял в распоряжении начальника штаба войск Кавказского фронта в Тифлисе.

[316] *Лобанов В.Б., Михайлов В.В.* Доклад о положении на Северном Кавказе (конец 1918 г.). «Объединить весь Северный Кавказ в союз на основе идей единства России». Доклад генерал-майора Б.П. Лазарева главнокомандующему Добровольческой армией генерал-лейтенанту А.И. Деникину // Исторический архив. № 2. С. 148–164.

[317] *Лобанов В.Б., Михайлов В.В.* Указ. соч. С. 156.

[318] Съезд народов Терека, прошедший 5 марта 1918 года в Пятигорске, смог перехватить власть у Терско-Дагестанского правительства и передать ее Советам, контролируемым большевиками. После чего было решено мирно, без выстрелов, зайти во Владикавказ как столицу области и установить там свою власть, что и было сделано вошедшими якобы для поиска квартир подконтрольными большевикам военными (*Музаев Т.* Русская революция и народы Северного Кавказа, март 1917 – март 1918 г. С. 363–367).

[319] Central state historical archive of Georgia // Центральный исторический архив Грузии. Ф. 1968. Оп. 1. Д. 7. Письмо в Штаб фронта о выделении авиационных средств Северному Кавказу. От 10 февраля 1918 года.

[320] Документ датирован 28 февраля 1918 года, в левом углу штамп «Временное Правительство Союза горцев Северного Кавказа». Отдел юридический. За № 97. Город Владикавказ. На двух страницах. Документ подписан В. Джабагиевым. Из личного архива М. Вачагаева.

[321] *Лобанов В.Б.* Терское антибольшевистское восстание (июнь-ноябрь 1918 года): современный взгляд // Вестник КГУ им. Н.А.

Некрасова. 2012. № 4. С. 48.

[322] *Бакланова И.С.* Политика белых и красных по отношению к казачеству в годы гражданской войны: историографический обзор // Научный вестник МГТУ ГА. Серия «История, философия, социология». 2007. № 113. С. 25.

[323] *Коренев Д.З.* Банкротство трех правительств // Революция на Тереке. Орджоникидзе, 1967. С. 84.

[324] Передовая статья С.М. Кирова в газете «Голос» от 14 февраля 1918 г.

[325] На Первом съезде в Моздоке в январе 1918 года не было делегатов из числа чеченцев, ингушей и кумыков, на Втором (мартовском) не было делегатов от кумыков. Всего в течение 1918 года было проведено пять съездов народов Терека.

[326] *Протокол* заседания всех мусульманских Сеймовых фракций и делегации от горцев Северного Кавказа от 25 марта в Тифлисе // *Пашаев А.А.* Протоколы заседаний мусульманских фракций Закавказского сейма и азербайджанского Национального Совета 1918 г. Баку, 2006. С. 47.

[327] Решение Правительства Союза горцев Кавказа. С. 1. Решение правительства на бланке Временного Правительства Союза горцев Кавказа за номером 97 от 28 февраля 1918 года набрано машинописным текстом. Печать и подпись за председателя правительства В. Джабагиева. Из личного архива Г. Баммата.

[328] *Sahin E.* Trabzon ve Batum konferenslari ve antismalari (1917–1918). Turk Tarih Kurumu, Ankara, 2002. P. 523.

[329] *Доклад* генерал-майора Б.П. Лазарева главнокомандующему Добровольческой армией генерал-лейтенанту А.И. Деникину. 1918 // Исторический архив. 2011. № 2. С. 163.

[330] Sabah. 27 Nisan 1334 / 1918. № 10218. Ссылка по кн.: *Sahin E.* Trabzon ve Batum konferenslari ve antismalari (1917–1918). P. 523.

[331] *Sahin E.* Trabzon ve Batum konferenslari ve antismalari (1917–1918). P. 523.

[332] Там же. Вышеуказ. ссылка.

[333] *Sahin E.* Trabzon ve Batum konferenslari ve antismalari (1917–1918). P. 523.

[334] Вышеуказ. ссылка. P. 518.

[335] А.-М. Чермоев, З. Темирханов, М. Дебиров и А. Кантамир, которые покинули Стамбул 4 мая, чтобы присоединиться к Г. Баммату в Батуме для участия в конференции.

[336] *Sahin E.* Trabzon ve Batum konferenslari ve antismalari (1917–1918). P. 537.

[337] Там же вышеуказ. ссылка. P. 544.

[338] Интервью редакции газеты «Танин» с северокавказской делегацией в Константинополе (Tanin. 1918. 28 апреля). В этом интервью Гайдар Баммат подтверждает, что приход А. Чхенкели во главу правительства Закавказья – это позитивный шаг в направлении продолжения переговоров с Османской империей.

[339] В правительстве Е. Гегечкори, подавшем накануне в отставку, было пять представителей из числа мусульман (Tanin. 1918. 28 апреля).

[340] Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917–1918). Горская республика (1918–1920). С. 149–153. Ссылка дана по кн.: *Алиева С.* Борьба азербайджанских и северокавказских народов за национальную независимость. Баку. Институт истории НАНА, 2010. Глава 3. Ч. 2. С. 307.

[341] Грузия провозгласила свою независимость 26 мая 1918 года, Азербайджан и Армения – 28 мая 1918 года.

[342] Proces-verbal de la premier séance de la Conferencede Batum. Le 9 mai 1918 // MAE 626. Serie Z. Carton 653. Dossier 1. Avril 1918 – avril 1919. Russie. Caucase I. P. 8.

[343] Op. cit. P. 8–9.

[344] Le Caucase et Turquie. Départ de Constantinople pour Batoum // MAE. 1918–1929. Caucase-Kurdistan. 1. Serie E. Carton 311. Dossier 2.

Cauacse dossier generale. Pour les elements du Caucase consulter egalement les dossiers. Perse / E 369-1, P. 163.

[345] Op. cit. P. 8 об.

[346] Op. cit. P. 9.

[347] Le Caucase et Turquie. Départ de Constantinople pour Batoum // MAE. 1918–1929. Caucase-Kurdistan. 1. Serie E. Carton 311. Dossier 2. Cauacse dossier generale. Pour les elements du Caucase consulter egalement les dossiers. Perse / E 369-1. P. 164.

[348] Черкес по национальности, выходец из семьи переселившихся в Османскую империю после Кавказской войны мухаджиров.

[349] *Енукидзе Д.* Указ. соч. Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917–1918). Горская республика (1918–1920); и др.

[350] А.-М. Чермоев и А. Кантамир прибыли на конференцию с опозданием.

[351] Sabah. 14 Mays 1334/ 1918. № 10235.

[352] I заседание Батумской Конференции. 11 мая 1918 г. Центральный государственный исторический архив Грузии. Ф. 1819. Оп. 1. Д. 33. Л. 3. См. также: Proces-verbal de la premier séance de la Conference de Batum. le 9 mai 1918 // MAE 626. Serie Z. Carton 653. Dossier 1. Avril 1918 – avril 1919. Russie. Caucase I. P. 9–11.

[353] I заседание Батумской Конференции. 11 мая 1918 г. Центральный государственный исторический архив Грузии. Там же. Л. 8.

[354] Всего до XXI века было 12 войн, где друг другу противостояли Россия и Турция. *Документальная* история образования многонационального государства Российского. Россия и Северный Кавказ в XVI–XIX веках. Кн. I. М., 1998. С. 7, 24.

[355] Рауф-бей, руководитель турецкой делегации на конференции в Трапезунде, был этническим абхазом, его настоящая фамилия – Ашхаруа.

[356] *Союз* объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана… С. 287.

[357] Людендорф Эрих Фридрих Вильгельм – один из авторов Брестского мирного договора с Россией в 1918 году.

[358] Грёнер Карл Эдуард Вильгельм – заместитель военного министра, осенью 1918 года сменил Э. Людендорфа на посту начальника Генштаба.

[359] Послание генерала Людендорфа генералу Грёнеру. Киев, 12 июня 1918 г. // *Ботмер К. фон.* С графом Мирбахом в Москве: Дневниковые записи и документы за период с 19 апреля по 24 августа. 1918 г. / РАН. Ин-т росс. истории. 2-е изд., испр. и доп. М., 1997.

[360] *Людендорф Э.* Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. М.: Вече, 2014. С. 597–598.

[361] Договор о дружбе Союза горцев Северного Кавказа с Азербайджаном. Азербайджан, 3 ноября (21 октября) 1918. Ссылка по работе *Алиев С.* Борьба азербайджанских и северокавказских народов за национальную независимость // Роль России в исторических судьбах народов Кавказа. Материалы международной научной конференции (26–27 февраля 2013 г., г. Махачкала). Махачкала: АЛЕФ, 2013. С. 9–24.

[362] Договор дружбы между Императорским Оттоманским Правительством и Правительством Объединенных горцев Кавказа // Коллекции документов А. Топчибаши в библиотеке EHESS (Paris). Коробка № 3.

[363] Договор об установлении дружеских отношений между Императорским Германским Правительством и Правительством Горской Республики // Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана… С. 76–77.

[364] Резолюция временного правительства Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана о принятии срочных мер к политическому воссоединению территории и народов Северного Кавказа и Дагеста

на с Закавказьем, а также к вступлению в сношения с Оттоманской империей и союзными ей державами для выяснения возможности активной поддержки названными государствами независимого кавказского государства. 28.02.1918 // *Гайдар* Баммат – известный и неизвестный: Сборник документов и материалов. Баку, 2015. С. 206–207.

[365] Заявление Г. Баммата от имени горской делегации на Трапезундской мирной конференции относительно необходимости воссоединения Закавказья с Союзом объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана // *Гайдар* Баммат – известный и неизвестный. С. 208.

[366] *Алиева С.* Взаимоотношения Азербайджана и народов Северного Кавказа (XIX – начало XX вв.). Баку, 2015. С. 215.

[367] *Месхидзе Д.* Национальная государственность горских народов Северного Кавказа. М., 2006. С. 58.

[368] Об этом извещает турецкая газета «Tanin» от 27 апреля 1918 г., Стамбул. Мехмед Кадиев, имеется в виду Мехмед Кади Дебиров.

[369] Tasvir Efkar-I. 1918. Стамбул. 28 апреля.

[370] Du Hilal du 10 mai 1918. L'Appel du caucasienne // MAE. Caucase-Kurdistan. 1918–1919. P. 170.

[371] Генерал-лейтенанту Эссад паша (для Чермоева). За № 18/429 от 19 июня 1918 г. // Письмо на 4 страницах рукописного текста, лично подписанное Г. Бамматом. Из личного архива Г. Баммата.

[372] В других документах его представляют как капитана, как человека, бывшего в личной охране императора, и т. д.

[373] «Les Republique des Montagnards, appelée quel eu fois republique du Daghestan. Les cantons qui y etaient reste plus ou moins independants – ont proclame leur union à date du 11 mai, pretendant englober du meme coup tout le Kouban. La personnalité la plus energique de ce petit Etat le colonel Tchermoeff resiste du mieux qu'il peux aux maximalistes de Bacou et aux emissaires turcs qui prechent

la querre saint contre les cretiens» (Le Caucase // L'Echo de Paris. 13 mai 1918).

[374] Рукописный фонд Института ИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 59. Л. 31–37.

[375] *Союз* объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана… С. 104–106.

[376] Журнал заседания мирной конференции от 9 мая 1918 г.

[377] *Союз* объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана… С. 104.

[378] Там же. С. 106.

[379] Текст приведен по журналу «Горцы Кавказа» (1933. Май. № 39. С. 4–5).

[380] Оригинал документа на французском языке был опублико ван в Стамбуле. Archive de la présidence du conseil turc sur l'Empire Ottoman, Hariciye Nezareti – Siyasi Kisim (Supervision des Affaires Etrangères – Service du contentieux diplomatique). No. 2398–6.

[381] Le journal ottoman «Tasvir-i Efkar». Le mardi 14 mai 1918.

[382] Archive de la présidence du conseil turc sur l'Empire Ottoman, Hariciye Nezareti – Siyasi Kisim (Supervision des Affaires Etran gères – Service du contentieux diplomatique). No. 2398–6.

[383] Archive de la présidence du conseil turc sur l'Empire Ottoman, Hariciye Nezareti – Siyasi Kisim (Supervision des Affaires Etran gères – Service du contentieux diplomatique). No. 2372–3, 2398.

[384] Особо отмечалось, что консульства могут быть открыты на срок не больше двух лет, для урегулирования всех вопросов мира с третьими странами.

[385] От Правительства Республики Союза горских народов Кавка за (официальное сообщение). От 30 сентября 1918 года. Тифлис // Ф. 2. Оп. 1. Л. 14–16.

[386] *Союз* объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана… С. 122–123.

[387] Центральный государственный исторический архив Грузии (ЦГИАГ). Ф. 1819. Оп. 1. Д. 20.

[388] Телеграмма МИДа Франции от 12 мая 1918 г. // MAE. 1918–1929. Caucase – Kurdistan. 1. Serie E. Carton 311. Dossier 2. Caucase dossier generale. Pour les elements du Caucase consulter egalement les dossiers. Perse / E 369-1. P. 27.

[389] Телеграмма от 1 сентября 1918 года на имя Военного Министра Франции // MAE. 1918–1929, Caucase – Kurdistan. № 2. P. 230.

[390] *Союз* объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана… С. 61–62.

[391] *Документы* и материалы по военной политике Закавказья и Грузии: Сборник документов. Тифлис, 1919. С. 291–292.

[392] Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана… С. 125.

[393] *Сталин И.В*. Положение на Кавказе. Северный Кавказ. Т. 4. М., 1947. С. 99 // *Чеченцы*. М.: Наука, 2012. С. 81.

[394] *Шляпников А.Г.* За хлебом и нефтью. Глава № 26. Третий съезд народов области // Вопросы истории. М., 2003. № 4. С. 86.

[395] Кальнин – главком Красной армии на Северном Кавказе в 1918 году.

[396] Телеграмма Сталина наркому Троцкому, от 26 июля 1918 года, из Царицына… // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 274. Копия № 12498. С. 7.

[397] Письмо Сталина И.В. в Президиум ВЦИК от 30 октября 1918 года // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 3659.

[398] Мандат о назначении Добровольского В.К. // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 3860; Мандат о назначении В.К. Добровольского особо уполномоченным по срочному упорядочению железнодорожного транспорта в районе Северного Кавказа и Юга России до Царицына в целях быстрого продвижения продовольственных грузов в северные губернии; Мандат, выданный И.В. Сталиным П.М. Котову // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 3857; Мандат № 23, выданный наркомом И.В. Сталиным П.М. Котову с полномочиями наблюдать за

правильностью и своевременным транспортированием продовольственных грузов в районе Северного Кавказа и Юга России до Москвы.

[399] *Сталин И.* Положение на Кавказе // Правда. 1918. 23 мая. № 100.

[400] Резолюция чечено-ингушской фракции // Народная Власть: Орган Терского народного Совета. 1918. 9 мая.

[401] От Правительства Республики Союза горских народов Кавказа (официальное сообщение). От 30 сентября 1918 года. Тифлис // Рукописный фонд ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Л. 14–16.

[402] *Гасанли Дж.* Русская революция и Азербайджан: Трудный путь к независимости (1917–1920): Монография / Дж. П. Гасанлы. М., 2011. С. 390.

[403] Телеграмма Ахундова на имя Ганджинского от 25 января 1919 года о том, что мировой судья Кубинского уезда Азербайджана Джалилов просит Горское правительство включить его земли в состав Северного Кавказа, вычленив из состава Азербайджана // ЦГАОР Азерб. ССР. Ф. 894. Оп. 2. Д. 39. Л. 24.

[404] *Алиева С.* Азербайджан и народы Северного Кавказа в XVIII–XXI вв.). Баку, 2010. С. 317.

[405] *Союз* объединенных горцев… С. 47.

[406] Из письма Гайдару Баммату от ЦК Объединенных горцев Кавказа // Текст на 4 страницах в машинописном варианте, датирован 31 июля 1917 года, из Владикавказа адресован в Тифлис; основной целью определяется приглашение Г. Баммату стать активным членом Союза горцев, представлять ею интересы в Тифлисе и участвовать в подготовке заключения соглашения между горцами и Тифлисом. Подписано заместителем председателя Рашидханом Каплановым. С. 2. Из личного архива Г. Баммата.

[407] Доклад Делегации Груз. Республики, представленный на Мирной Конференции // ЦГИАГ. Ф. 1864. Оп. 1. Д. 47. С. 39.

[408] Приложение 1. Границы Грузии. Описание // Указ. док. С. 42–43.

[409] Mémoire présente a la conférence générale de la paix par la délégation de l'Union des peuples circassiens et du Daghestan // MAE. Série E. Carton 377. Dossier 2 Levant (Caucase – Kurdistan), du 1 mars 1919 – au 30 juin 1919. Caucase. Dossier generale. № 4. С. 288.

[410] Имеется в виду – к Союзу горцев Северного Кавказа и Дагестана.

[411] ГААР. Ф. 894. Оп. 2. Д. 140. Л. 1, 3.

[412] *Лобанов В.Б.* Гражданская война на Северном Кавказе в 1919–1920 годах. С. 303.

[413] Ранее указанный источник: *Из письма* Гайдару Баммату от ЦК Объединенных горцев Кавказа (Р. Капланов). С. 2 // Личный архив Г. Баммата.

[414] Сообщение о съезде делегатов Северной и Южной Осетии // ЦГА РСО – Алания; Горская жизнь. 1917. 11 ноября. № 31. Л. 23.

[415] Составителем проекта Устава Осетинского национального совета являлся инженер, почетный старик с. Ход. // ЦГА РСО – Алания. Ф. 224. Оп. 1. Д. 265. Л. 4–14.

[416] О созыве делегатов Северной и Южной Осетии 15 декабря 1917 г. // ЦГА РСО – Алания; Горская жизнь. 1917. 14 декабря. № 43. Л. 33.

[417] Список кандидатов Южно-Осетинской организации Социал-демократической партии Грузии в Южно-Осетинский Народный Совет № 1 // ЦГА РСО – Алания. Ф. 224. Оп. 1. Д. 274. Л. 28.

[418] «Le district de l'Ossétie méridionale peuplé d'Ossètes quoique situé sur le versement méridionale doit faire partie de l Union des peuples du Caucase du Nord, à cause de la volonté de ses habitants dont les compatriotes se trouvent principalement sur le versant septentrional et qui ont partie liée avec nous. Les Ossètes dans leur ensemble n'admettent pas qu'ils soient divisés en deux et se prononce catégoriquement pour notre République» (Mémoire présente a la conférence générale de la paix par la délégation de l'Union des peuples circassiens et du Daghestan // MAE. Série E. Carton 377.

Dossier 2 Levant (Caucase – Kurdistan), du 1 mars 1919 – au 30 juin 1919. Caucase, dos sier generale. № 4. P. 288.

[419] Министерство обороны Франции d'archives du ministère de la défense, le service historique de la défense (SHD), F. 7 N1649 Attachez militaires / Turque. Turque d'Asie/Armenie. Caucase / Affaires Etrangeres 1919. P. 1–14.

[420] Memorandum du peuple Ossete aux missions Alliées du Caucase. 10 mars 1919, Tiflis // MD service historique, 7N1649. Attaches militaires. Turque. 1917–1919. Turque d'Asie, Divers, Armenie, Caucase, Pont. 1919.

[421] Memorandum du peuple Ossete. Tiflis, le 26 mars 1919 // MD service historique, 7N1649. Attaches militaires. Turque. 1917–1919. Turque d'Asie, Divers, Armenie, Caucase, Pont. 1919.

[422] Haidat Bammate. Le Problème du Caucase // Extrait de la revue Politique Internationale. de novembre – décembre 1918. Lausanne, 1919. P. 30.

[423] Письмо А. Чхеидзе Александру Григорьевичу (Шервашидзе). От 6 января 1918 года // Из личного архива Г. Баммата. (Письмо на двух страницах, отпечатано на машинке.)

[424] Центр Союза горцев Северного Кавказа находился во Владикавказе, так что путь даже через горные перевалы составлял несколько сот километров.

[425] *Лакоба С.* После развала Российской империи: Абхазия в 1917–1925 годах. Полемические заметки. Абхазия после двух империй XIX–XXI вв. // Slavic Eurasian Studies. № 5. Hokkaido University, Japan. 12. 2004. С. 45.

[426] *Урутадзе Г.И.* Указ. соч. С. 91.

[427] *Михайлов В.П., Пученков А.С.* Добровольческая армия и Грузия в 1918 году // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. СПб., 2012. Вып. 1. С. 2.

[428] *Документы* и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии. Тифлис, 1919. С. 390.

[429] Интервью Ноя Жордания газете «Грузия» от 22 марта 1919 года.

[430] *Документы* и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии // Журнал совещания представителей Грузинской Республики, Краевого Кубанского Правительства и Добровольческой армии. От 25 сентября 1918 года. Тифлис: Типография Правительства Грузинской Республики, 1919. С. 392.

[431] *Цветков В.Ж.* Капкан тифлисского коварства. Особенности политического курса Белого движения в отношении Грузии в 1918–1920 годах // Родина. 2008. № 11. С. 10.

[432] *Карпенко С.В.* Россия на Кавказе останется навсегда: Добровольческая армия и независимая Грузия (1918–1919 гг.) // Новый исторический вестник. М., 2008. С. 113.

[433] Рапорт полковника Бертрена во время его поездки вдоль Черного моря. От 6 октября 1919 г. Батуми. Les archives du MD service historique. GR 7N802 du Caucase.

[434] *Пученков А.С.* Антибольшевистское движение на Юге и Юго-Западе России (ноябрь 1917 – январь 1919 гг.): Идеология, политика, основы режима власти. Дис. … докт. ист. наук. СПб., 2014. С. 468.

[435] *Brinkley G.* The Volunteer Army and Allied Intervention in South Russia, 1917–1921. Notre Dame (Ind.), 1966. P. 158–163 // *Карпенко С.В.* «Россия на Кавказе останется навсегда»: Добровольческая армия и независимая Грузия (1918–1919 гг.) // Белые генералы и красная смута. М.: Вече, 2008.

[436] Телеграмма представителя правительства Горской Республики Симона Басарва Гайдар-бею о противоправных действиях грузинского правительства по отношению к абхазскому народу (не позднее августа 1918 года) // Рукописный фонд ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 63. Л. 84.

[437] Письмо А. Шервашидзе на имя Г. Баммата // Текст рукописного письма, написанного А. Шервашидзе на 4 страницах, оно датировано накануне предполагаемой Константинопольской конференции. Из личного архива Г. Баммата.

[438] Речь члена Правительства Абхазии Туманова на заседании Союзного Совета (Парламента) Горской Республики, г. Темирханшура, 21 января 1919 года // Рукописный фонд ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. Р-621. Оп. 1. Д. 10. Л. 13–14.

[439] Правительству. Берн, 17 февраля 1919 г. Г. Баммат // ЦГА РД. Ф. Р-621 Правительство Республики Союза горских народов Северного Кавказа и Дагестана (Горское правительство), г. Темир-Хан-Шура. Оп. 1. Д. 27. Доклад дипломатического представителя буржуазно-националистического «горского правительства» о политической обстановке в Европе и деятельности его в вопросе признания «независимости» «Горской республики». С. 7.

[440] Открытие Союзного Совета Республики Союза горцев Северного Кавказа от 20 января 1919 года в Темир-Хан-Шуре // ЦГА РД. Ф. Р-621. Правительство Республики союза горских народов Северного Кавказа и Дагестана (горское правительство), г. Темир-ХанШура. Оп. 1. Д. 10. Воззвание буржуазно-националистического «горского правительства» с изложением политической программы действий, протоколы заседаний, приказы о создании кабинета министров «горского правительства», доклады о поездках членов буржуазно-националистического союзного совета в Баку и на Терек для переговоров с представителями деникинской армии. С. 12.

[441] Делегация Союза Горских народов Кавказа (отчет П. Коцева о поездке в Украину) // Отчет на 6 страницах машинописного текста. От 16 сентября 1918 года. Тифлис. С. 5–6. Из личного архива Г. Баммата.

[442] *Доного Х.М.* Наджмутдин Гоцинский и общественно-политическая борьба в Дагестане в первой четверти XX века: Автореф. дис. … докт. ист. наук. М., 2008. С. 25.

[443] *Кузнецов Б.М.* 1918 год в Дагестане. Нью-Йорк, 1960. С. 30.

[444] *Енукидзе Д.Е.* Германо-турецкая интервенция и ее крах в Закавказье // Указ. соч. С. 62–131.

[445] Дополнительные приложения и соглашения между Турцией и Грузией были на кабальных для молодой Грузии условиях. Шаг за шагом Османская империя укрепляла свое влияние в этой части Закавказья. Приложения III к договору мира и дружбы. Батум, от 4 июня 1918 года // *Документы* и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии. С. 353–357.

[446] Дополнительный договор между Оттоманской Империей и Грузинской Республикой, Батум, от 4 июня 1918 года // *Документы* и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии. С. 357–363.

[447] *Гусейнов Г.М.* Борьба мировых держав за влияние в Дагестане в 1914–1921 годах // Вестник Дагестанского научного центра. Махачкала, 2009. № 35. С. 32.

[448] Письмо генерала фон Лоссова на имя Председателя Закавказской делегации // *Документы* и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии. С. 278.

[449] Question du Caucase. От 19 сентября 1918 г. // MAE. Europe. 1918–1919. Russie. 626. Séria Z. Carton 653. Dossier 1. 1 avril 1918. Russie – Caucase. P. 22.

[450] Письмо Баммату от А.М.-Чермоева. С. 9 // Письмо написано от руки, на 12 страницах, и датировано 14 июля 1918 года. Из Тифлиса. Из личного архива Г. Баммата.

[451] *Мамулиа Г.* Кавказ и державы Четверного союза в 1918 г. // Nowy Prometeusz. № 5. GrudzienЦ 2013. P. 125–158.

[452] Письмо Х. Арсамакова Г. Баммате // Письмо от руки написанное, на бланке отеля Adlon (Берлин) на 4 страницах, датировано от 5 августа 1918 года. Из личного архива Г. Баммата.

[453] *Кашкаев Б.* Красная армия в Дагестане. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1964. С. 60–62.

[454] *Гаджиев А.-Г.* Горская Республика 11 мая 1918 года (историческая правда и вымыслы) // Сборник материалов 1-й научно-практической конференции «История горских народов Кавказа (1917–1920 гг.) и независимая Горская Республика 11 мая 1918 года». Махачкала, 18–19 мая 1992 г. С. 25.

[455] *Кашкаев Б.* Указ. соч. С. 61.

[456] Там же. С. 62.

[457] 11 мая 1918 года на мирной конференции в Батуми.

[458] *Авторханов А.* Народоубийство в СССР. Убийство чеченско го народа. Махачкала, 2002. С. 15.

[459] *Доного Х.М.* Наджмутдин Гоцинский и общественно-политическая борьба в Дагестане в первой четверти XX века: Автореф. дис. … докт. ист. наук. М., 2008. С. 25.

[460] *Борьба* за победу и упрочение Советской власти в Дагестане / Под ред. Г.А. Аликберова. Махачкала, 1960. С. 194.

[461] Письмо Г. Баммату. От Зубайра Темирханова из Тифлиса 14 июля 1918 года. С. 2–3 // Письмо на 4 страницах, рукопись, датировано и подписано им самим. Из личного архива Г. Баммата.

[462] *Гусейнов Г.М.* Борьба мировых держав за влияние в Дагестане в 1914–1921 годы // Вестник Дагестанского научного центра. Махачкала, 2009. № 35. С. 33.

[463] *Вагабов М.В.* Кара Караев. Махачкала, 1998. С. 25.

[464] *Гаджиев А.-Г.* Указ. соч. С. 26.

[465] Приказ Правительства Республики Союза Горцев на Кавказе. № 2, от 29 октября 1918 года. Темир-Хан-Шура // ГАРФ. Ф. Р-10073. Оп. 2. Д. 1084. Л. 1–3. Листовки с приказами председателя правительства Республики Союза горцев Северного Кавказа Абдул Меджида Чермоева о мерах по освобождению территории Дагестана от лиц и организаций, препятствующих получению независимости, об организации эвакуации с территории Дагестана лиц других национальностей (из коллекции Русского заграничного исторического архива, Прага).

[466] Приказ Военного Диктатора Дагестанской области. № 8 от 29 октября 1918 г. Гор. Т.-Х.-Шура // ГАРФ. Ф. Р-10073. Оп. 2. Д. 1084. Л. 1–3.

[467] Дода, сын Магомет-Мирзы. История семьи Токаева Магомет-Мирзы из села Алды. Грозный, 1993. Неизданный машинописный текст. В подтверждение своим словам рассказчик приводит ссылку на дело в архиве КГБ СССР по ЧИ АССР номер дела № 2622, лист 69 из числа того, что было выдано семье по запросу из архива ФСБ РФ // Личный архив Магомеда Нурдиновича Музаева (г. Грозный).

[468] Это не касалось вчерашних социалистов из числа дагестанцев, которые, уйдя в горы под защиту своих родных и кланов (джамаатов), переждали время, чтобы потом влиться в ряды большевиков и стоять за силами, которые свергнут власть Горской республики в Дагестане в 1920 году.

[469] Телефонограмма от 8 ноября 1918 г. Президент Чермоев и Военный Губернатор Кн. Тарковский. Гор. Т.-Х.-Шура // ГАРФ. Ф. Р-10073. Оп. 2. Д. 1084. Л. 3.

[470] *Кашкаев Б.* Указ. соч. С. 93.

[471] О событиях на Кавказе и в Средней Азии. Донесение генерала Джорджа Мильна // *Каспийский* транзит: В 2 т. М., 1996. Т. 1. С. 329. Ссылка по книге: *Гасанли Д.* Русская революция и Азербайджан. Трудный путь к независимости. 1917–1920. М., 2011. С. 392.

[472] *Kazemzadeh F.* The struggle for Transcaucasia 1917–1921. New York; Oxford, 1951. P. 243. (англ.). Ссылка дана по работе: *Доного Х.-М.* Британская политика на Ближнем Востоке. Английская миссия в Дагестане. 1918–1919 гг. С. 164.

[473] Вайнахи и имперская власть: проблемы Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало XIX – середина XX в.). М., 2011. С. 266.

[474] Терские ведомости. 1906. № 126 // Ссылка по работе: *Жупикова Е.Ф.* Повстанческое движение на Северном Кавказе в 1920–1925

годах // Академия исторических наук: Сборник трудов. Т. 1. М., 2007. С. 114–319.

[475] Третий съезд Терской области проходил в Грозном с 22 по 28 мая.

[476] *Бугай Н.Ф., Гонов А.М.* Кавказ: народы в эшелонах (20–60-е годы). М., 1998. С. 82. Ссылка дана по статье: *Жупикова Е.Ф.* Указ. соч. С. 43.

[477] В 20-х годах были выселены не 70 тысяч терцев (эту цифру называет А. Петрович в работе «Так это было: национальные репрессии в СССР. 1919–1952 годы». М., 1993. Т. I. С. 27) и не 45 тысяч, как у П. Полян (*Не по своей* воле… История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001. С. 53, 54) и др.

[478] *Бугай Н.Ф., Гонов А.М.* Указ. соч. С. 82–83.

[479] *На Курском* фронте в 1918 году (Из записок полк. И.П. Барагунова) // Терский Казак. Белград. 1939. Ноябрь. № 37. С. 12–13.

[480] *Аврамов П.* Генерал А.Г. Шкуро // Вожди и герои России. Серия: Народная библиотека. № 4. Ростов н/Д: Донская волна, 1919. С. 8–9.

[481] ГАРФ. Ф. 5351. Оп. 1. Д. 26. Л. 87–88.

[482] *Destinataire M.* Shebounin, ambassade de Russe Paris. Expéditeur W. Minorski, légation de Russie Teheran. 1 Juillet 1918 // MAE. Caucase – Kurdistan. 1918–1919. P. 284.

[483] Георгий Бичерахов окончил в Петербурге реальное училище и высшее техническое училище. С июня 1918 года председатель казачье-крестьянского совета, временного народного правительства Терского края, организатор выступления казаков Терека против советской власти, в ноябре 1918 года отступил в Дагестан и соединился со своим братом Лазарем Бичераховым. Предполагается, что в 1920 году он был расстрелян в Баку большевиками.

[484] Главнокомандующим всеми войсками был избран генерал Э. Мисостов, а гражданскую часть должен был возглавлять Г. Бичерахов (*Шахвердов Л.* В войну гражданскую (воспоминания) // Родной Терек. 1977. № 7. С. 8 (Издание Союза терских казаков. США).

[485] Подробно деятельность братьев описана в работе: *Безугольный А.Ю.* Генерал Бичерахов и его Кавказская армия. Неизвестные страницы истории Гражданской войны и интервенции на Кавказе. 1917–1919. М.: Центрополиграф, 2011. Эту тему затрагивают: *Исхаков С.М.* Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. – лето 1918 г.). М., 2004. С. 471; *Доного Х.М.* Нажмуддин Гоцинский и общественно-политическая борьба в Дагестане в первой четверти XX века: Автореф. дис. … докт. ист. наук. М., 2008. С. 27–28; *Генис В.А.* Красная Персия. Большевики в Гиляне. 1920–1921. Документальная хроника. М., 2000. С. 45; *Хетагуров Г.А.* Правда о генерале Бичерахове // Дарьял. Владикавказ. 2008. № 1–3.

[486] Télégramme. Téhéran. Le 13 mai 1918 pour le Ministère des Affaire Etrangère, Paris // MAE. 1918–1929. Caucase – Kurdistan. 1. Serie E. Carton 311. Dossier 2. Caucase dossier Generale. Pour les elements du Caucase consulter egalement les dossiers. Perse / E 369-1. P. 29.

[487] Союзниками Антанты первоначально были три государства: Россия, Англия и Франция, позднее к ним присоединились два десятка государств.

[488] *Бичерахов Л.Ф.* Казачество. Мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества. Сборник. Париж: Казачий союз, 1928. С. 92–93.

[489] Там же. С. 90.

[490] Примерно такого же рода сценарий будет повторен уже генералом М. Халиловым в мае 1919 года в Темир-Хан-Шуре. Видимо, случай с Бичераховым натолкнул его на мысль, как обойти обвинения в причастности к гибели большевиков Дагестана.

[491] *Безугольный А.Ю.* Генерал Бичерахов и его Кавказская армия. Неизвестные страницы из истории гражданской войны и интервенции на Кавказе (1917–1919 гг.). М., 2011. С. 108.

[492] *Безугольный А.Ю.* Указ. соч. С. 65–67.

[493] Нух-бек Тарковский, кумыкский князь из правящей шамхальской фамилии, являлся авторитетным военным и политиком. Его особый статус позволял ему вести переговоры с различными политическими силами напрямую, не прибегая к посредникам.

[494] Telegramme dechiffre. Teheran, le 7 juin 1918 // MAE. Caucase – Kurdistan. 1918–1919. № 1. P. 192.

[495] *Цветков В.Ж.* Добровольческая армия идет на Ингушетию не с миром, а с войной // Военно-исторический журнал. М., 1999. № 1–2. С. 32.

[496] Разъяснения русского посла во Франции на имя МИД Франции. От 3 декабря 1918 г. // MAE. Europe. 1918–1919. Russie. 626. Séria Z. Carton 653. Dossier 1. 1 avril 1918. Russie Caucase. P. 40.

[497] *Пученков А.С.* Национальная политика генерала Деникина (весна 1918 – весна 1920 г.). СПб., 2012. С. 42.

[498] РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 929. Л. 130.

[499] *Безугольный А.Ю.* Указ. соч. С. 66.

[500] Юсуф-Иззет-паша – командующий турецкими войсками в Дагестане. Происходил из семьи Мэт-Чюнатуко. Родился в 1876 году в черкесском эмигрантском селении Салехлэр, что недалеко от города Бургаса в Османской империи. Художник, писатель, историк, военный, общественный деятель, депутат Большого национального собрания Турции. Шапсуг // Горцы Кавказа (Les Montagnards du Caucase). 1932. Ноябрь. № 33. С. 20.

[501] *Доного Х.М.* Бичерахов // Ахульго, 2000. № 4. Махачкала. С. 24–26.

[502] *Кузнецов Б.М.* 1918 год в Дагестане (гражданская война). Нью-Йорк: Военный вестник, 1959. С. 47.

[503] Директивы командования фронтов Красной армии (1917–1922 гг.): Сборник документов: В 4 т. Т. 1. Ноябрь 1917 – март 1919 г. М.: Воениздат, 1971. С. 788.

[504] *Лобанов В.Б.* Указ. соч. С. 48.

[505] *Воробьев В.З.* Борьба Терских казаков с большевиками // Родной Терек. 1983–1984. № 12–13. С. 17.

[506] *Денстервиль.* Воспоминания. Британский империализм в Баку и в Персии (1917–1918) / Пер с англ. Б. Руденко. Тифлис: Советский Кавказ, 1925. С. 9.

[507] *Лобанов В.Б., Михайлов В.В.* Доклад о положении на Северном Кавказе (конец 1918 г.). «Объединить весь Северный Кавказ в союз на основе идей единства России». Доклад генерал-майора Б.П. Лазарева главнокомандующему Добровольческой армии генерал-лейтенанту А.И. Деникину // Исторический архив. № 2. С. 158.

[508] *Лобанов В.Б.* Терское антибольшевистское восстание (июнь—ноябрь 1918 года): современный взгляд // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2012. № 4. С. 50.

[509] Мистулов Эльмураз Асланбекович (1873–1918) – казак осетинского происхождения, генерал-майор, покончил жизнь самоубийством, поняв, что проиграл большевикам осенью 1918 года.

[510] Агоев Владимир Константинович (1885–12.08.1920) – казак осетинского происхождения, полковник (1917). Генерал-майор (01.03.1919). Участник Первой мировой войны: командир полка. В Белом движении – руководитель отряда терских казаков и кабардинцев в восстании (06.1918).

[511] Хабаев Яков – казак осетинского происхождения, полковник, в период оккупации армией А. Деникина Северного Кавказа был правителем Осетии.

[512] *Бакланова И.С.* Политика белых и красных по отношению к казачеству в годы гражданской войны: Историографический обзор // Научный вестник МГТУ ГА. Серия: История, философия, социология. 2007. № 113. С. 27.

[513] Договор, заключенный между представителями белого повстанческого Временного военного правительства казаков и крестьян Терского края и правительством Республики союза горцев

Кавказа. От 10 декабря 1918 года // ГАРФ. Ф. 446. Оп. 2. Д. 31. Л. 5–5 об.

[514] *Цветков В.Ж.* Добровольческая армия идет на Ингушетию не с миром, а с войной // Военно-исторический журнал. М., 1999. № 1–2. С. 34.

[515] *Бакланова И.С.* Из истории формирования Белым движением системы управления на юге России // Научный вестник МГТУ ГА. Серия: История, философия, социология. М., 2006. № 101. С. 156.

[516] Не путать с тем Терско-Дагестанским краем, который был создан с декабря 1917 года по март 1918 года по инициативе самих горцев и казаков под руководством Р. Капланова и Л. Медяника.

[517] Копия сношения МИД 27 августа 1918 года за № 1501 Дипломатическому представителю Азербайджанской Республики при Грузинском Правительстве // ЦГИАГ. Ф. 1864. Оп. 1. Д. 38. Л. 1, 1 об.

[518] Закавказская конференция. Документ № 211. Журнал совещания представителей Грузинской Республики, Краевого Кубанского Правительства и Добровольческой армии. От 25 сентября 1918 года // *Документы* и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии. С. 428–429.

[519] Там же. Отношение Министра Иностранных дел Грузинской Республики на имя Поверенного в делах Республики Армении при Правительстве Грузии. Документ № 213. Ответная телеграмма дипломатического представителя Грузии за номером 215. С. 430–431.

[520] *Мархулия Г.* Армяно-грузинские взаимоотношения в 1918–1920 годах. Тбилиси, 2007. С. 10–15.

[521] Протокол заседания Кавказской конференции, от 10 ноября 1918 года. Тифлис // ЦГИАГ. Ф. 1864. Оп. 1. Д. 38. Л. 1.

[522] Там же. Протокол заседания международной Конференции в Тифлисе. От 14 ноября 1918 года. Л. 432.

[523] Там же. Л. 432.

[524] Армяно-грузинская конференция состоялась 9–17 января 1919 года в Тифлисе в целях урегулирования пограничного конфликта между двумя республиками ЦГИА Грузии (*Из истории* армяно-английских отношений в 1918–1919 гг. http://hpj.asj-oa.am/2472/1/2007-3(211). pdf).

[525] Ministère des Affaires étrangères. Archives diplomatique. № 834. Europe. Russie. S.R.I.E XLIII. Zanguesour – Dahestan. 1918–1919. Série A. Carton 35. Gouvernement du sud-ouest du Caucase. Ligue des peuples montagnards de la Circassie et du Daghestan. P. 10.

[526] Телеграмма из Тифлиса от полковника Шардиньи в Париж Военному министру за 1 января 1919 года.

[527] Г-ну Дипломатическому Представителю при Азербайджанском Правительстве Алихану Кантамиру. От П. Коцева за 390 от 26 декабря из Темир-Хан-Шуры // Ф. П-8. Оп. 3. Д. 236. С. 11.

[528] Телеграмма из Константинополя в Париж в МИД Франции, от 2 февраля 1919 года // MAE. 1918–1919. Caucase – Kurdistan. № 3. P. 230.

[529] Конфиденциальное письмо Х. Хадзарагова на имя П. Коцева // ЦГА РД. Копии приказа, постановлений, нота дипломатического представителя, правила о горской почетной милиции, копии писем генерала Деникина о рабочем вопросе, Гайдара Баммата по вопросу о реорганизации высшей правительственной власти на Кавказе и др. Материалы о работе и деятельности буржуазно-националистического правительства в 1918–1919 годах.

[530] *Союз* горцев Северного Кавказа и Дагестана (Lique des peu ples Montagnards de la Circassie et du Daghestan) // Archives diplomatiques MAE.834. Europe. Russie. S.R.L.E. XLIII. Zanguesour—Daghestan. 1918–1919. P. 10.

[531] Телеграмма о приезде делегации Горской Республики в Париж. La conference de la Paix. La delegation du Caucase du Nord. Le Temps. 30.04.1919. № 21116. P. 1–6.

[532] *Мельчин А.* Военные руководители народов Дагестана // Военно-исторический журнал. 1939. № 3. С. 123.

[533] *История* Гражданской войны в СССР. Т. 4. Решающие победы Красной Армии над объединенными силами Антанты и внутренней контрреволюции (март 1919 г. – февраль 1920 г.). М.: Государственное издательство политической литературы, 1959. С. 305.

[534] *История* Гражданской войны в СССР. С. 307–308.

[535] *Сулаев И.Х.* Мусульманское духовенство Дагестана. Советская власть: Борьба и сотрудничество (1917–1921 гг.). Махачкала, 2004. С. 48.

[536] *Борьба* за установление Советской власти в Дагестане в 1917–1921 гг. М., 1958. С. 98.

[537] Центральный государственный архив республики Дагестан (ЦГА РД). Ф. 8-п. Оп. 3. Д. 64. Л. 46. Ссылка по статье: *Джамбулатова Р.Т.* Гражданская война в Терской области в 1918 – начале 1919 г. // Вопросы истории: 2008. № 12. С. 79–90.

[538] Выступление Сталина на объединенном совещании представителей мусульманских организаций // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 578. Л. 1.

[539] *Бутаев К.* Борьба горцев за революцию (Беглые очерки из воспоминаний). Владикавказ, 1922. С. 12. Ссылка дана по работе: *Пученков А.С.* Национальная политика генерала Деникина (весна 1918 – весна 1920 гг.). СПб., 2012. С. 141.

[540] *Пученков А.С.* Указ. соч. С. 141.

[541] *Янчевский Н.Л.* Указ. соч. С. 72–73.

[542] *Benningsen A.* Ch. Lemercier-Quelqueyey. Islam in the Soviet Union. London, 1967. P. 81.

[543] *Цаликов А.* Крах советской власти. Ч. 1. Гражданская война в Терском крае. Борьба. Тифлис. 1919. 25 февраля – 11 апреля. Ссылка дана по кн.: *Исхаков С.М.* Указ. соч. С. 428.

[544] Юсуф-Бек. Коммунисты-националы // Горцы Кавказа (Les montagnards du Caucase). 1932. Сентябрь. № 31. С. 25.

[545] *Юсуф-Бек*. Указ. соч. С. 28.

[546] *Крушельницкий А.В., Молодцыгин М.А*. К вопросу о становлении Красной Армии как армии дружбы и братства народов // Гражданская война на Северном Кавказе. Махачкала, 1983. Материалы региональной научной сессии 23–24 декабря 1980 г. Махачкала, 1982. С. 78.

[547] Касательно тех станиц, что клином разделяли на две части Ингушетию: Тарская, Фельдмаршальская и др.

[548] *Лобанов В.Б*. Гражданская война на Северном Кавказе в 1919–1920 годах: Терско-Дагестанский край // *Петербургские* исследования: Сборник научных статей. СПб., 2011. Вып. 3. С. 269.

[549] Заявление Председателя Совета министров Горской республики в Парламенте // АПД УДП АР. Ф. 970. Оп 1с. Д. 160. Л. 22.

[550] *Карпенко С.В*. Антибольшевистские военные диктатуры и чиновничество (Юг России, 1918–1920 гг.). С. 92 // Вестник РГГУ. Серия: Исторические науки. История России. М., 2012. № 4.

[551] *Голдин В.И*. Интервенция и антибольшевистское движение на русском Севере. М., 1993. Ссылка дана по статье: *Гришанин П.И*. Гражданская война и Белое движение в исследовательской практике конца 80 – начала 90-х гг. XX в.: историографическое осмысление // Вестник РГГУ. 2009. № 4. С. 54.

[552] *Цветков В.Ж*. Белые армии Юга России. М., 2000. С. 26.

[553] *Разгон И*. Из истории борьбы горцев Северного Кавказа за власть Советов в 1917–1920 гг. // Историк-марксист. 1941. № 2. С. 49. Победа Советов на Тереке – торжество ленинского интернационализма. Орджоникидзе: Издательство ИР, 1983; *Кирилина А*. Неизвестный Киров. М., 2002; и др.

[554] *Цаликов А*. Крах советской власти. Ч. 1. Гражданская война в Терском крае. Ссылка дана по кн.: *Исхаков С.М*. Указ. соч. С. 428.

[555] La situation au Caucase. Projet d'organisation du pays. Le lieutenant-colonel Chardignay. Bakou, 10.12.1918. Conférence de la Paix. Question territoires // BDIC. Dossier Klotz. XVII. Problèmes russes. Ukraine. Dossier 16–18. Fol. 223. Res Y/e.

[556] Ministère des Affaires étrangères. Archives diplomatiques. № 834. Europe. Russie. S.R.I.E XLIII. Zanguesour-Daghestan. 1918–1919. Série Z. Carton 6. Daghestan. Ligue des peuples montagnards. Evénements 1918–1919.

[557] Беседа с Г. Бамматом. Министр иностранных дел Горской республики // Вольный Горец. Тифлис, 1919. 20 октября. № 6. С. 5.

[558] *Деникин А.И.* Вооруженные силы Юга России. М.: Вече, 2014. С. 85.

[559] «Тан» о Кавказе и горских народах // Борьба. 1919. 5 декабря. С. 2.

[560] La République du Caucase du Nord (De notre envoyé spécial). Bakou, avril // Le Temps, 17 mai 1919.

[561] Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1967. Т. II. С. 45–51.

[562] О сопротивлении жителей Сурхахи А. Цаликов пишет, что это были подконтрольные Горской республике части, что маловероятно, так как речь шла о сопротивлении, оказанном жителями села, а не какими-то воинскими подразделениями Горской республики или армии большевиков (Ахмед Цаликов. Горцы Кавказа в борьбе с Добровольческой армией. 1919 г. Материалы бывшего председателя Союзного Меджлиса Горских народов Кавказа // ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 889. Л. 2).

[563] Приказ начальника добровольческого владикавказского отряда. Указ. выше источник. Ахмед Цаликов… // ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 889. Л. 2.

[564] *Цаликов А.* Указ. выше источник. С. 3.

[565] Милн Джордж Френсис (*англ.* George Francis Milne, 1866–1948) – барон, британский военачальник, возглавлял

десантирование английских войск в Крыму, позднее руководил вводом английских войск в Стамбул, фельдмаршал (1928).

[566] Шифротелеграмма главнокомандующему ВСЮР генерал-лейтенанту А.И. Деникину о намерении Великобритании ввести войска в Дагестан. От генерала Эрдели 25 февраля 1919 года из Баку // ГАРФ. Ф. 446. Оп. 2. Д. 31. Л. 18–18 об. Ссылка дана по статье: *Цветков В.Ж.* Добровольческая армия идет на Ингушетию не с миром, а с войной // Военно-исторический журнал. М., 1999. № 1–2. С. 34.

[567] Туэйтс В. (William Thwaites) (1868–1947) – сэр, директор британской военной разведки с 1918 по 1922 г.

[568] FO. 608 881. Директор военной разведки генерал Туэйтс заместителю Государственного секретаря МИД Англии от 9 июля 1919 г. DSC 0311-031.

[569] Томсон В.М. (William Montgomery Thomson, 1877–1963) – сэр, генерал, командующий английскими войсками на севере Персии и глава военной миссии в Южном Кавказе в 1918–1919 годах, военный губернатор Баку в 1918 году.

[570] FO. 608 881. Меморандум подполковника Камерона, начальника военной разведки в Константинополе, заместителя секретаря по иностранным делам относительно линии демаркации между Деникиным и Закавказскими республиками от 14 июля 1919 г. Fol. 174–186.

[571] Запросы в английском парламенте о Северном Кавказе // Борьба. № 288 (544). Тифлис, 1919. 18 декабря. С. 2.

[572] Письмо председателя делегации Азербайджанской Республики на Парижской мирной конференции А.М. Топчибашева председателю Совета министров Азербайджанской Республики. 22–25.09.1919 г. // ГА АР. Ф. 970. Оп. 1. Д. 142. Л. 11.

[573] Указ. документ. Л. 21–22.

[574] Lieutenant Colonel Georges Rowlandson (Джордж Роландсон), 1877–1962, участник войны в Индии, Персии, на Кавказе,

представитель британской военной миссии при генерале Деникине.

[575] Les premiers essais d'autonomie musulmane dans le Caucase du Nord et de la Transcaucasie // Revue du monde musulman. Tome cinquante et unième. Le bolchevisme et l'islam. Les organisations soviétiques de la Russie Musulmans par Joseph Castagné. Paris: Ernest Leroux, octobre 1922. Vol. LI. P. 77–91.

[576] Протест союзного Меджлиса горцев Кавказа по поводу воззвания полковника Роландсона // Вольный Горец. Тифлис, 1919. 27 октября. № 7. С. 1.

[577] Меморандум за № 29 от 1 ноября 1919 года на имя Гегечкори отмечал, что сомневается, делал ли вообще такое заявление полковник Роландсон (*Горцы* и английская политика // Вольный Горец. 1919. 22 декабря. № 20. С. 1).

[578] Holman, Sir Herbert Campbell, 1869–1949, Lieutenant General, Head of British Military Mission to South Caucasus 1919–1920.

[579] Верховный комиссар Британии О. Уордроп о заявлении полковника Роландсона // Борьба. 1919. 19 ноября. Тифлис. № 264 (520). С. 1.

[580] Спенсер-Черчилль Уинстон Леонард (Sir Winston Leonard Spencer-Churchill). В июле 1917 года был назначен министром вооружений, а в январе 1919 – военным министром и министром авиации.

[581] Бальфур Артур Джеймс – 1-й граф Бальфур (Arthur James Balfour), в годы Первой мировой войны (1916–19) занимал пост министра иностранных дел.

[582] Керзон Джордж Натаниел (George Nathaniel Curzon) – министр иностранных дел Великобритании (1919–1924).

[583] Ллойд Джордж – премьер-министр Великобритании в 1916–1922 годах.

[584] *Деникин А.И.* Вооруженные силы Юга России. М., 2014. С. 91.

[585] Т.В. Вильсон лично возглавлял американскую делегацию на Парижской мирной конференции и находился во Франции на

протяжении шести месяцев, он был одним из авторов Версальского мирного договора (1919).

[586] Le Nord-Caucasien // Le Temps. 1919. 31 may. № 21146. P. 1.

[587] *Чочиев Г.В.* Северокавказская диаспора и кавказская политика кемалистской Турции в 1919–1922 гг. // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова. Общественные науки. 2011. № 2. С. 76.

[588] *Чочиев Г.В.* С. 76.

[589] *Чочиев Г.В.* Кавказско-ориентированная деятельность черкесской политической элиты в Турции в 1918–1922 гг. // Материалы Международной научной конференции «Северокавказский исторический дискурс гражданской войны в России (1917–1922 гг.)». Махачкала, 2013. С. 206.

[590] *Карпенко С.В.* Россия на Кавказе останется навсегда: Добровольческая армия и независимая Грузия (1918–1919 гг.) // Новый исторический вестник. М., 2008. С. 116.

[591] Рапорт французской военной миссии на Кавказе о ситуации на Северном Кавказе из Владикавказа, 12 ноября 1919 года // Les archives MD service historique. F. GR 7N802, Mission militaire français au Caucase.

[592] *Карпенко С.В.* Указ. соч. С. 121.

[593] Нота Правительства Грузии // Рукописный фонд ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 61. С. 27–28.

[594] *Джавахишвили Н.Г.* Борьба за свободу Кавказа (Из истории военно-политического сотрудничества грузин и северокавказцев в первой половине XX века). Тбилиси, 2005. С. 21.

[595] Начальнику Грузинского легиона. Распоряжение за № 5330/4224 Министерства обороны Грузии // Грузинский архив: ЦГИАГ. Ф. 1861. Оп. 2. Д. 13. Л. 27.

[596] Кереселидзе Лео – офицер Российской армии, организатор армии периода Грузинской Демократической Республики.

[597] Экспедиция полковника Кереселидзе в Ингушетии. От 13 августа 1919 // ЦГИАГ. Ф. 1960. Оп. 2. Д. 34.

[598] Обзор прессы. Газета «Жизнь» от 9 октября 1919 года. V. Ситуация на Северном Кавказе. Французская военная миссия при командовании русской армии на Юге // Les archives le MD service historique. GR 20N 186-3. CAA. Caucase. Renseignement Généreux. Décembre 1919 – octobre 1920.

[599] Терский казак. 1919. 10 августа. № 152.

[600] *Мамулиа Г.* Curriculum Vitae Лео Кереселидзе. Танамемамулэ (Соотечественник), центральное издание грузинских эмигрантов. Тбилиси, 2007. № 3 (24). С. 16. (На груз. яз.)

[601] *Апухтин В.* Материалы о гражданской войне в Чечне в 1919 г. // Новый Восток. Т. VIII–IX. 1925. С. 168.

[602] На Тереке. Занятие Грозного // Вольный горец. 1920. 1 января. № 24. С. 4.

[603] Приказ по войскам Республики Северного Кавказа о назначении генерал майора Кереселидзе исполняющим обязанности Главнокомандующего всеми вооруженными силами Республики. От 26 ноября 1919 года. Военный отдел. Назначения // ЦГА РД. Ф. Р-608. Оп. 1. Д. 11. Л. 38.

[604] Обращения Лео Кереселидзе к народам Северного Кавказа и Дагестана // Вольный горец. 1919. 22 декабря. № 20. С. 1.

[605] *Мамулиа Г.* Curriculum Vitae Лео Кереселидзе. Указ. соч. С. 16.

[606] Справка по Югу России. От 10 октября из Таганрога. V. Ситуация на Северном Кавказе. Французская военная миссия при командовании русской армии на Юге // Les archives le MD service historique. GR 20N 186-3. CAA. Caucase. Renseignement Généreux. Décembre 1919 – octobre 1920.

[607] О выдаче денег на содержание грузинских частей при войсках Горского Правительства // ЦГИАГ. Ф. 1861. Оп. 2. Д. 13. Л. 20–28.

[608] Главноуполномоченный по призрению беженцев в Грузинской Республике. От 5 июня 1919 года // ЦГИАГ. Ф. 1861. Оп. 1. Д. 268.

[609] Донесение от барона Нолкина на имя главы французской военной миссии от 5 ноября 1919 года за № 51424 из Таганрога. Les archives MD service historique. F. 6 N225, Mission militaire français au Russie méridionale. General majeur. Octobre 1919 – juin 1920.

[610] Указ. выше документ.

[611] Рапорт французской военной миссии на Кавказе о ситуации на Северном Кавказе. Из Владикавказа, 12 ноября 1919 года. Les archives MD service historique. F. GR 7N802, Mission militaire français au Caucase.

[612] В горной Чечне (от собственного корреспондента) // Вольный горец. 1920. 1 января. № 22. С. 4.

[613] Первоначально, в приказе от 26 ноября 1919 года, его чин определяется как «капитан», а его подразделение называется «Первый особый Ударный батальон», с конца декабря он действовал под командованием Тасуй-бея, командующего Дербентским фронтом (ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 889. Л. 99. Приказ о переподчинении Жордания Дербентскому фронту. Из дела «Ахмед Цаликов. Горцы Кавказа в борьбе с Добровольческой армией. 1919. Материалы бывшего председателя Союзного Меджлиса Горцев Народа Кавказа»).

[614] Договор о дружбе Горской Республики и Республики Азербайджан // ГААР. Ф. 153. Оп. 1. Д. 1094. Л. 1 – 5.

[615] Текст договора приводится в разделе «Приложения».

[616] Выписка из журнала заседания азербайджанского правительства от 9 июня 1918 года. Выписка дана на 1 странице машинописным текстом. Сверху в скобках указано: «Копия». Из личного архива Г. Баммата.

[617] Письмо З. Темирханову от Гаджинского. От 10 июля 1918 года, из Елисоветполя. Выписка дана на 1 странице машинописного текста. Сверху в скобках указано «копия». Из личного архива Г. Баммата.

[618] Запрос в Парламент Азербайджана от министра финансов об оформлении просьбы Горской Республики законодательным образом и принятии решения о выделении кредита от 10 февраля 1919 года. За № 621 // АПД УДП АР. Ф. 895. Оп. 3. Д. 22. Л. 1–2.

[619] *Азербайджанская* Демократическая республика (1918–1919 гг.). Законодательные акты: Сборник документов. Баку: Азербайджан, 1998. С. 24.

[620] *Азербайджанская* Демократическая республика. С. 290.

[621] Там же. С. 24.

[622] Письмо Министра иностранных дел Азербайджана на имя Председателя делегации Азербайджана по мирной конференции в Париже. От 20 августа 1919 г. за № 2688. С. 115–121.

[623] Пояснительная записка министра финансов Парламенту Азербайджана // АПД УДП АР. Ф. 895. Оп. 3. Д. 39. Л. 9.

[624] Удостоверение на имя Абдурахим-бека Ахвердова от имени МИД Азербайджанской Республики за № 256 от 25 февраля 1919 г. // АПД УДП АР. Ф. 970. Оп. 1с. Д. 46. Л. 1.

[625] Телеграмма на имя Министра МИДа Азербайджана от князя Н.-б. Тарковского // АПД УДП АР. Ф. 970. Оп. 1с. Д. 46. Л. 2.

[626] Нота министра иностранных дел азербайджанского правительства генералу В.И. Томсону // ГАРФ. Ф. 446. Оп. 2. Д. 31. Л. 63–67.

[627] Записка Дипломатического Представителя Республики Союза Горцев Кавказа при Правительстве Азербайджанской Республики от 26 февраля 1919 года. За № 186 в г. Баку // АПД УДП АР. Ф. 970. Оп. 3. Д. 5.

[628] *Азербайджанская* Демократическая республика. С. 298.

[629] Там же. С. 300.

[630] Благодарственное письмо Шейха уль ислама Али Акушинского на имя медицинского отряда бакинского студенчества. Дербентский

фронт. Совет Обороны Республики Северного Кавказа // ЦГА РД. Ф. Р-608. Оп. 1. Д. 11. Л. 98.

[631] Телеграмма на имя Алихана Кантамира // ЦГА РД. Ф. Р-608. Оп. 1. Д. 12. Л. 50–50 об.

[632] Телеграмма из Темир-Хан-Шуры в Баку за подписью Ахвердова, от 4 апреля 1919 года // АПД УДП АР. Ф. 970. Оп. 1. Д. 58. Л. 1.

[633] *Декларация* нового Азербайджанского Правительства // Вольный Горец. 1919. 29 декабря. № 22. С. 4.

[634] *Азербайджанская* Демократическая республика. С. 372.

[635] *Алиева С.И.* Взаимоотношения Азербайджана и народов Северного Кавказа (XIX–XX вв.). Дис. … докт. ист. наук. Баку, 2014. С. 262.

[636] *Неудавшийся* план (от нашего корреспондента) // Вольный горец. 1920. 2 февраля № 28. С. 3.

[637] *Опровержение* // Вольный горец. 1920. 2 февраля. № 28, С. 4. Азербайджанское правительство в категорической форме отказывалось подтвердить данное сообщение и заявило, что оно всегда стоит на позициях единой и независимой Горской республики.

[638] *Ибр. Гайдаров* в Дагестане // Вольный горец. 1920. 23 февраля. № 31. С. 4. Однако в документах ГААР (Ф. 894. Оп. 2. Д. 140. Л. 1, 3) говорится о его назначении заместителем министра. Может быть, редакция газеты не сочла нужным конкретизировать его новую должность, а дала информацию о его переходе в правительство Азербайджана.

[639] *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Т. 3. С. 564.

[640] *Дзидзоев В.Д.* Основные этапы межнациональных отношений и национально-государственного строительства на Северном Кавказе (1917–1925 гг.) // Вестник Владикавказского научного центра. Владикавказ, 2000. № 1. С. 3.

[641] Traduction d'un télegramme du G.g.G. à Constantinopole au War Office en date du 13 fevrier 1919. Des renseignements parvenus du

Caucase Septentrional du 22 Janvier au 5 Fevrier. Les archives la MD servisse historique. GR 7N802; Du Caucase.

[642] Mouvement bolshevique en Trascaucasie (Движение большевиков в Закавказье) // Mission Militaire Française en Caucase. Tiflis 19 sept. 1919 // Attaché Militaire. Rapports. 1919 / 7N1640 Attache militaires. Turque, 1918–1920.

[643] *Лобанов В.Б.* Гражданская война на Северном Кавказе в 1919–1920 годах: Терско-Дагестанский край // Петербургские исследования: Сборник научных статей. СПб., 2011. Вып. 3. С. 268.

[644] Пояснительная записка директора депо трамвая во Владикавказе М. Лорент о ситуации в городе на 17 ноября 1919 года // Les archives la MD servisse historique. GR 7N802; Du Caucase.

[645] *Пученков А.* Белый диктатор и народы Северного Кавказа в 1919 году // www.regnum.ru/news/1107147.html от 3 января 2009 года.

[646] АПП ОД УДП АР. Ф. 970. Оп. 3. Д. 5. Л. 4.

[647] *Деникин А.И.* Очерки русской смуты: Вооруженные силы юга России. Распад Российской империи. Октябрь 1918 – январь 1919. Минск: Харвест, 2002. С. 204.

[648] Сообщение МИДа Азербайджана на имя дипломатического Представителя Азербайджана в Грузии от 3 марта 1919 года за № 1516 // АПП ОД УДП АР. Ф. 970. Оп. 3. Д. 5. Л. 12.

[649] Юг России (оккупация Доброармией) // Les archives MD service historique. F. GR 7N802, Mission militaire français au Caucase. P. 58.

[650] *Апухтин В.* Материалы о гражданской войне в Чечне в 1919 г. // Новый Восток. 1925. Т. VIII–IX. С. 160.

[651] Председателю Делегации Правительства Республики Северного Кавказа на мирной конференции в Париже. За № 23, от 23 мая 1919 г. Тифлис // Письмо машинописного текста на 5 страницах. Датировано 23 мая, за номером 23, из Тифлиса. На бланке «Делегация Правительства Республики горцев Кавказа на

конференции Кавказских республик». Из личного архива Г. Баммата. С. 1.

[652] *Апухтин В.* Указ. соч. С. 161.

[653] Речь генерала Ч. Бриггса, обращенная к чеченским представителям // Вестник Дагестана. 1919. 5 июня. № 2. С. 2.

[654] Выступление генерала Вдовенко на съезде чеченских представителей в Грозном 11 апреля 1919 года // ГАРФ. Ф. 446. Оп. 2. Д. 112. Л. 140.

[655] Постановление, принятое съездом представителей чеченского народа // ГА РФ. Ф. 446. Оп. 2. Д. 112. Л. 43.

[656] Список аулов, с указанием, сколько каждый аул должен поставить пшеницы или муки, кукурузы или ячменя, сена или соломы, согласно выставленным условиям за объявленную в условии плату. Приложение к приказу Правителя Чечни за № 4 от 30 апреля 1919 г. // ЦГА РД. Ф. Р-630. Оп. 1. Д. 5. Л. 16.

[657] Председателю Делегации Правительства Республики Северного Кавказа на конференции мира в Париже. За № 23 от 23 мая 1919 года из Тифлиса // Дело Парижской конференции 1919 г. // Ф. 1964. Оп. 1. Д. 131. Л. 1–2.

[658] Председателю Делегации Правительства Республики Северного Кавказа на мирной конференции в Париже. За № 23 от 23 мая 1919 года из Тифлиса. Л. 2–4.

[659] Заявление Председателя Совета Министров Горской Республики в Парламенте // АПД УДП АР. Ф. 970. Оп. 1с. Д. 160. Л. 22.

[660] Телеграмма Представителя Азербайджана Джафарова от 2 марта 1919 года // АПД УДП АР. Ф. 970. Оп. 3. Д. 5. Л. 7.

[661] Телеграмма на имя А. Кантамира в Баку с поручением заявить решительный протест. От 2 марта 1919 года из Темир-Хан-Шуры // АПП ОД УДП АР. Ф. 970. Оп. 3. Д. 5. Л. 7.

[662] Сообщение разведотдела штаба войск Терско-Дагестанского края о заседании Горского правительства (Союзного совета горцев Кавказа) // ГАРФ. Ф. 446. Оп. 2. Д. 31. Л. 35–36 об.

[663] *Анишев А.И.* Очерки истории гражданской войны (1917–1920). Л., 1925. С. 261.

[664] Объявление. От командующего 1-й Конной дивизией генерал-майора Шатилова чеченскому народу // ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 860 (Коллекция г. Осберга, III. Рукописи. Материалы, касающиеся Закавказья в 1918 году, и записки А.А. Осберга о гражданской войне). Л. 4.

[665] Шифротелеграмма генерал-лейтенанта В.П. Ляхова генералу от кавалерии А.М. Драгомирову о желательных способах давления на Чечню. От 3 февраля 1919 года из Пятигорска // ГАРФ. Ф. 446. Оп. 2. Д. 31. Л. 24–24 об.

[666] За что борются Добровольческая, Донская, Кубанская Терская армии. Декларация // АПП ОД УДП АР. Ф. 970. Оп. 1. Д. 59. Л. 31.

[667] Запрос в английском Правительстве о Северном Кавказе. От 11 ноября 1919 года // Вольный Горец. 1919. 22 декабря. № 20. С. 3.

[668] *Ратгаузер Я.А.* К истории гражданской войны на Тереке. Баку, 1928. С. 137.

[669] Рапорт французской военной миссии на Кавказе о ситуации на Северном Кавказе. Из Владикавказа, 12 ноября 1919 года // Les archives MD service historique. F. GR 7N802, Mission militaire français au Caucase.

[670] Обращение с протестом во французскую военную миссию на Кавказе 1-го заместителя правительства крестьян и казаков Терека К. Сопронова. От 13 февраля 1919 года // Archives diplomatiques MAE. 834. Europe – Russie. S.R.I.E. XLIII. Zanguesour – Daghestan. Direction des affaires politiques et commerciales. Série Z. Carton 6, Caucase. Dossier 191. Daghestan – Ligue des peuples montagnards. Evènements. 1918–1919. P. 19–21.

[671] Приложения к срочным постановлениям к журналу № 46: Дополнительные правила об упорядочении обращения денежных знаков в пределах Терско-Дагестанского края и Ставропольской губернии // Срочные постановления к журналу № 46. От 22 марта

1919 // Журналы заседаний Особого совещания при Главнокомандующем Вооруженными Силами на Юге России А.И. Деникине. М. 2008. С. 273–274.

[672] Временное положение об удовлетворении пенсиями и пособиями увечных солдат, а также семейств солдат, убитых и умерших в рядах Вооруженных Сил на Юге России // Журналы заседаний Особого совещания… С. 338.

[673] Для борьбы с чумной эпизоотией крупного рогатого скота // Журналы заседаний Особого совещания. С. 356.

[674] Вторые дополнительные правила об упорядочении обращения денежных знаков в пределах Терско-Дагестанского края и Ставропольской губернии // Журналы заседаний Особого совещания… С. 392.

[675] Правила о сборе урожая 1919 года в местностях, находящихся под управлением Главнокомандующего Вооруженными Силами на Юге России. О продлении на 1919 г. по Терской области раскладки поземельных сборов, произведенных на 3-летие 1915–1917 гг., об увеличении окладов налога // Журналы заседаний Особого совещания… С. 474 и 381.

[676] Доклад начальника Управления торговли и промышленности по вопросу о передаче чеченскому народу прав по распоряжению недрами земель, находящихся в пользовании чеченского народа, от 5 июля 1919 года // Журналы заседаний Особого совещания… С. 492–493.

[677] Представление начальника Управления земледелия и землеустройства об отпуске средств на обсеменение полей в Ингушетии от 18 октября 1919 года // Журнал заседаний Особого совещания… С. 758.

[678] Представление начальника Управления внутренних дел об отпуске Совету при правителе Кабарды беспроцентной ссуды в раз мере 1 345 380 рублей на организацию медико-санитарной помощи

населению. От 13 ноября 1919 года // Журналы заседаний Особого совещания… С. 801.

[679] *Цаликов А.* Крах советской власти. Ч. 1. Гражданская война в Терском крае.

[680] За исключением всего нескольких работ, в числе которых следует отметить и работу Очирова У.Б. «Национальные полки в составе ВСЮР в период гражданской войны».

[681] *Врангель П.* Освобождение Северного Кавказа // Второй Кубанский поход и освобождение Северного Кавказа. М., 2002. С. 308.

[682] *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Т. IV.

[683] Протокол общего собрания гг. представителей фирм Старого и Нового Грозненских районов от 27 марта 1919 г. // ЦГА ЧР. Ф. 42. Оп. 1. Д. 3. Л. 9.

[684] *Притула А.Ф.* Грозненская нефтяная и терская горная промышленность перед национализацией. С. 56.

[685] *Волков С.В.* Белое движение в России: организационная структура. Ссылка дана по интернет-ресурсу http://swolkov.org/bdorg/list06.htm.

[686] *Де Витт.* Чеченская конная дивизия. 1919 год // Звезда. 2005. № 10. С. 133.

[687] *Русская* армия генерала Врангеля. Бои на Кубани и в Северной Таврии. М., 2003. С. 634.

[688] *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Т. 4. С. 175.

[689] *Ультиматум* Деникина ингушам // ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 889. Л. 1 об.

[690] *Исхаков С.М.* Указ. соч. С. 417.

[691] *Волков С.В.* Указ. соч.

[692] *Шилова С.Г.* Черкесские формирования в составе добровольческой армии // Новый исторический вестник. 2007. Вып. 17. С. 244–251.

[693] *Шилова С.Г.* Командный состав горских частей белых армий Юга России // Вестник православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. 2010. Вып. 4 (37). С. 7–16.

[694] *Волков С.В.* Указ. соч.

[695] Там же.

[696] *Шилова С.Г.* Черкесские формирования… С. 244–251.

[697] *Волков С.В.* Указ. соч.

[698] Обращение Главнокомандующего генерала Деникина к выборным представителям Чеченского народа. От 11 апреля 1919 года в Грозном // ГАРФ. Ф. 446. Оп. 1. Д. 25. Л. 41–42.

[699] *Волков С.В.* Указ. соч.

[700] *Тахо-Годи А.* Революция и контрреволюция в Дагестане. Махачкала, 1927. С. 116–118.

[701] *Цветков В.Ж.* Добровольческая армия не пропустит в горы ни одного фунта хлеба // Военно-исторический журнал. Гражданская война в СССР. 1999. № 4. С. 54.

[702] *Деникин А.И.* Вооруженные силы Юга России. М., 2014. С. 163.

[703] Обращение к чеченцам командующего Южного района Северного Кавказа (грозненской группы) генерала Драценко // Вестник Чеченского комитета по очищению Чечни от банд большевиков и Узун-Хаджи. Грозный. 1919. 17 октября. № 2.

[704] Объявление чеченскому народу от генерала Э. Алиева, правителя Чечни // РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2931. Л. 6.

[705] Обращение к чеченцам генерала Драценко // Вестник Чеченского комитета по очищению Чечни от банд большевиков и Узун-Хаджи. 1919, Грозный. 7 ноября. № 4.

[706] В горной Чечне (от собственного корреспондента) // Вольный горец. 1920, Тифлис. 1 января. С. 4.

[707] *Посадский А.В.* Чеченцы в вооруженных силах юга России: к истории чеченской конной дивизии // Военно-исторические

исследования в Поволжье: Сб. науч. трудов. Саратов: Научная книга, 2008. Вып. 8. С. 97.

[708] РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 35. Л. 145–166.

[709] Приложение № 2. Боевой состав Вооруженных Сил на Юге России к 5 (18) октября 1919 года.

[710] *Морозова О.* Баловень судьбы: генерал Иван Георгиевич Эрдели. М., 2013. С. 175.

[711] Отчет о состоянии дел в Горской Республике Господину Министру Иностранных Дел, от 15 апреля 1919, за № 370 МИДу Азербайджана // АПД УДП АР Ф. 970. Оп. 1с. Д. 59. Л. 1–4.

[712] О дагестанском полке. Телеграмма. От 16 апреля за № 36 // АПД УДП АР. Ф. 970. Оп. 1с. Д. 59. Л. 31 об.

[713] Телеграмма Ахвердова из Темир-Хан-Шуры // АПД УДП АР. Ф. 970. Оп. 3. Д. 5. Л. 67.

[714] О присоединении Дагестана к Азербайджану. Телеграмма от 13 апреля 1919 года // АПД УДП АР. Ф. 970. Оп. 1. Д. 59. Л. 31.

[715] *Апухтин В.* Материалы о гражданской войне в Чечне в 1919 г. // Новый Восток. 1925. Т. VIII–IX. С. 161.

[716] Министру Иностранных дел Азербайджана, от Дипломатического представителя Азербайджанской Республики в Республике Союза Горских народов Кавказа. От 15 апреля 1919 г из Темир-Хан-Шуры // АПД УДП АР. Ф. 970. Оп. 1с. Д. 59. Л. 1–3.

[717] Отчет на имя министра Иностранных дел Азербайджана за 15 апреля 1919 года от Полномочного Представителя Республики Азербайджан при Горском Правительстве // АПД УДП АР. Ф. 970. Оп. 1с. Д. 59. Л. 14.

[718] Тарковский Нух-бек Шамхал в тот период времени был членом Горского правительства.

[719] На северо-запад: Гудермес – Моздок – Минводы, на северо-восток: Гудермес – Кизляр – Астрахань, в южном направлении: Гудермес – Петровск – Дербент – Баку.

[720] Донесение Министру иностранных дел Азербайджана, от Дипломатического представителя Азербайджанской Республики в Республике Союза Горских народов Кавказа. От 15 апреля 1919 г. из Темир-Хан-Шуры // АПД УДП АР. Ф. 970. Оп. 1с. Д. 59. Л. 3.

[721] Донесение Министру иностранных дел Азербайджана от Дипломатического представителя Азербайджанской Республики в Республике Союза Горских народов Кавказа. От 20 апреля 1919 г. из Темир-Хан-Шуры // АПД УДП АР. Ф. 970. Оп. 1с. Д. 59. Л. 1.

[722] Там же. Л. 2.

[723] Протокол № 19 заседания Союзного Меджлиса от 6 октября 1919 года // ГАРФ. Ф. Р6144. Оп. 1. Д. 8. Л. 19.

[724] Письмо шейха Узун-хаджи С. Эльдиеву и Г. Ахриеву от 13 августа 1919 г. из Ведено // ГАРФ. Ф. Р6144. Оп. 1. Д. 27. Л. 18.

[725] *Апухтин В*. Материалы о гражданской войне в Чечне в 1919 г. // Новый Восток. 1925. Т. VIII – IX. С. 163.

[726] Г. Председателю Делегации Правительства Республики Северного Кавказа на конференции мира в Париже // Дело Парижской конференции 1919 г. от 23 мая за № 23.

[727] Интервью генерала Ивана Эрдели // Великая Россия. 1919. 29 апреля. Екатеринодар. Ссылка дана по работе: *Апухтин В*. Материалы о гражданской войне в Чечне в 1919 г. // Новый Восток. 1925. Т. VIII – IX. С. 163.

[728] Телеграмма от А. Ахвердова в адрес МИДа Азербайджана, от 15 апреля 1919 г. Из Темир-Хан Шуры // АПД УДП АР. Ф. 970. Оп. 1с. Д. 59. Тут заслуга в оказании сопротивления армии Деники на полностью приписывается двум известным шейхам того периода, а не правительству, которое было дезорганизовано к тому моменту изнутри действиями генерала М. Халилова, который был в сговоре с кн. Н.-б. Тарковским.

[729] Телеграмма от А. Ахвердова в адрес МИДа Азербайджана // АПД УДП АР. Ф. 970. Оп. 1с. Д. 59. Л. 19.

[730] Донесение Министру Иностранных дел Азербайджана, от Дипломатического представителя Азербайджанской Республики в Республике Союза Горских народов Кавказа. От 20 апреля 1919 г. из Темир-Хан-Шуры // АПД УДП АР. Ф. 970. Оп. 1с. Д. 59. Л. 3.

[731] Телеграмма от А. Ахвердова на имя министру иностранных дел Азербайджана, от 29 апреля 1919 года // АПД УДП АР. Ф. 970. Оп. 1с. Д. 5а. Л. 21.

[732] Телеграмма от А. Ахвердова на имя министра иностранных дел Азербайджана, от 20 апреля 1919 года // Ссылка по работе: *Алиев С.* «Историческая призма»: Азербайджанские части воевали с большевиками за Дагестан. Опубликована на интернет-ресурсе http:// news.day.az/politics/324827.html.

[733] Разъяснения А. Ахвердова на вопрос объединения Дагестана с Азербайджаном от 3 мая 1919 года // АПД. УДП АР. Ф. 970. Оп. 10. Д. 59. Л. 25–26.

[734] *Лобанов В.* «Громадное государственное значение флота на Каспии, к сожалению, плохо учитывается на берегу». Памятка А.И. Сергеева о возрождении Каспийской военной флотилии в составе ВСЮР и ее действиях в 1919 г. // Новейшая история России. 2015. № 2. С. 232–233.

[735] *Лобанов В.Б.* История антибольшевистского движения на Северном Кавказе, 1917–1920 (на материалах Терека и Дагестана). СПб.: Полторак, 2013. С. 286.

[736] *Кузнецов Н.А.* Русский флот на чужбине. М.: Вече, 2009. С. 113.

[737] Обращение МИДа Азербайджана на имя господина Командующего Английскими силами в Баку от 4 августа. 1919 г. из Баку // АПД УДП АР. Ф. 970. Оп. 1с. Д. 60. Л. 9.

[738] Главному Представителю Главнокомандующему Вооруженными силами на юге России при главном Союзном командовании в Закавказье от 2 сентября 1919 г. // АПД УДП АР. Ф. 894. Оп. 10. Д. 86. Л. 47.

[739] Ответ вице-адмирала Герасимова // АПД УДП АР. Ф. 970. Оп. 1с. Д. 196. Л. 3.

[740] Донесение его превосходительству г. Командующему Союзными силами в Баку генералу Томсону от министра-Председателя и министра иностранных дел Х. Хойского // АПД УДП АР. Ф. 970. Оп. 1с. Д. 160. Л. 14–15.

[741] Сообщение Дипломатическому Представителю Азербайджана в Грузии, от 3 марта 1919 года за № 1516 // АПД УДП АР. Ф. 970. Оп. 3. Д. 5. Л. 12.

[742] Нота Министра Иностранных дел Армении к представителям держав в Эривани по поводу действий добровольческой армии на территории республики горцев Кавказа от 27 марта 1919 года // АПД УДП АР. Ф. 970. Оп. 1с. Д. 160. Л. 17.

[743] Телеграмма от Представителя Азербайджана при Правительстве горской республики от 2 марта 1919 // АПД УДП АР. Ф. 970. Оп. 3. Д. 5. Л. 7.

[744] Сообщение военной французской миссии на Кавказе, от 3 декабря 1919 года в МИД Азербайджана // АПД УДП АР. Ф. 970. Оп. 1. Д. 157. Л. 37.

[745] О политической ситуации в Горской Республике. А. Ахвердов на имя министра МИДа от 19 мая 1919 года за № 8 /с // АГД УДП АР. Ф. 894. Оп. 10. Д. 86. Л. 1–2.

[746] Делегация от офицеров была представлена: генерал Талышханов, полковник Кугушев, полковник Хаджи-Мурат Арацханов / Министру Иностранных дел Азербайджана, от Дипломатического представителя Азербайджанской Республики в Республике Союза Горских народов Кавказа, от 19 мая 1919 г. из Темир-Хан-Шуры. За № 8/с // АПД УДП АР. Ф. 970. Оп. 1с. Д. 59. Л. 29.

[747] Однако именно генерал М. Халилов, имея в распоряжении тюрьму в Темир-Хан-Шуре, переправил арестованных большевиков в Петровск, в тюрьму, подконтрольную Добрармии. Он объяснял это желанием провести совместный военный и шариатский суд над

ними. «Хотя не стоит исключать, что истинной версией переправки в Петровск была попытка обезопасить себя от возможного нападения со стороны большевиков». Выписка из журнала «Кавказское слово», 19–24 июня 1919 г., Тифлис. Sort des bolcheviks arrêtes // Les archives du MD service historique. 7N1649.

[748] WO 32 5678. Документы военного министерства о взаимоотношениях Деникина с Северным Кавказом, Грузией и Азербайджаном за время от ноября 1918 г. по июнь 1919 г. Col. 96 A.

[749] FO. 608 881. Меморандум подполковника Камерона, начальника военной разведки в Константинополе, заместителю секретаря по иностранным делам относительно линии демаркации между Деникиным и Закавказскими республиками от 14 июля 1919 г. Fol. 174–186.

[750] Постановление членов Союзного Совета от Дагестанской области от 23 мая 1919 года // ЦГА РД. Ф. Р-627. Оп. 1. Д. 3. С. 1–2.

[751] Впоследствии своим Приказом за № 100 от 13 июля 1919 года генерал М. Халилов назначил шейх-уль-исламом Дагестана вместо Али-гаджи Акушинского Абдул-Басира Гаджи Мустафаева (Вестник Дагестана. 1919. 1 августа. № 17. С. 3.).

[752] Письмо дипломатическому Представителю Республики горцев Северного Кавказа от содержащегося в Тифлисской военной тюрьме бывшего Председателя Горского правительства и бывшего Правителя Дагестана генерал-майора Микаиля Халилова // ЦГИАГ. Ф. 1869. Оп. 1. Д. 4. Л. 68.

[753] Письмо дипломатическому представителю Республики горцев Северного Кавказа от содержащегося в Тифлисской военной тюрьме бывшего Председателя Горского правительства и бывшего Правителя Дагестана генерал-майора Микаиля Халилова // ЦГИАГ. Ф. 1869. Оп. 1. Д. 4. Л. 68 об.

[754] Его портфель был принят самим П. Коцевым.

[755] Его заменил в правительстве Мусулаев 2-й.

[756] Этот пост предполагалось разделить между шейхами Узун-хаджи и Али-хаджи Акушинским.

[757] *Халилов М.* Ответ генералу Деникину // Горцы Кавказа. 1934. Апрель. № 50. С. 17.

[758] Донесение Дипломатического Представителя Азербайджанской Республики при Республике Союза Горских народов Кавказа А. Ахвердова от 7 июня 1919 г. за № 10с из Темир-Хан-Шуры // АПД УДП АР. Ф. 970. Оп. 1с. Д. 48. Л. 44–45.

[759] По словам А. Ахвердова, это было 23-е число. Донесение Министру Иностранных дел Азербайджана от Дипломатического представителя Азербайджанской Республики в Республике Союза Горских народов Кавказа. От 25 мая 1919 г. из Темир-Хан-Шуры.

[760] Письмо дипломатическому Представителю Республики горцев Северного Кавказа от содержащегося в Тифлисской военной тюрьме бывшего Председателя Горского правительства и бывшего Правителя Дагестана генерал-майора Микаиля Халилова // ЦГИАГ. Ф. 1869. Оп. 1. Д. 4. Л. 70.

[761] Донесение министру Иностранных дел Азербайджана, от Дипломатического представителя Азербайджанской Республики в Республике Союза Горских народов Кавказа. От 25 мая 1919 г. из Темир-Хан-Шуры // АПД УДП АР. Ф. 970. Оп. 1с. Д. 48. Л. 46.

[762] Выписка из журнала «Кавказское слово», 19–24 июня 1919 г., Тифлис. Bulletin de renseignement sur le Daghestan // Les archives du MD service historique. 7N1649.

[763] Воззвание временного Правителя Дагестана генерал-майора М. Халилова к дагестанскому народу // Вестник Дагестана. 1919. 15 июня. № 5.

[764] *Алиева С.* Борьба азербайджанских и северокавказских народов за национальную независимость. Ссылка дана по статье на интернет-ресурсе http://clio-caucasus.hu-berlin.de/clio-caucasus-ru-ru/wissenschaftliche-arbeiten/beitraege.

[765] *Магомедов М.* Как большевики обманули шейха Али Хаджи Акушинского // Ахульго. Махачкала, 1998. № 1. С. 39–41.

[766] Приказы Временного Правительства Дагестана. Председатель временного правительства Дагестана за № 13 от 4 июня 1919 года // Вестник Дагестана. 1919. 12 июня. С. 1.

[767] Там же.

[768] Протокол частного совещания Кавказской Конференции. 29 мая 1919 г. С. 1–3 // Протокол на 10 страницах машинописно го текста. Из личного архива Г. Баммата.

[769] Там же. С. 9.

[770] Там же.

[771] Там же. С. 3.

[772] Письмо Министру Председателю Азербайджанской Республики // АПД УДП АР. Ф. 970. Оп. 1с. Д. 48. Л. 53.

[773] Телеграмма Е. Гегечкори Премьер-Министру Англии Ллойд Джорджу, от 1 июля 1919 года // АПД УДП АР. Ф. 894. Оп. 10. Д. 147. Л. 102–103.

[774] FO. 608 881. Меморандум подполковника Камерона, начальника военной разведки в Константинополе, заместителю секретаря по иностранным делам относительно линии демаркации между Деникиным и Закавказскими республиками от 14 июля 1919 г. Fol. 174–186.

[775] Предложения генерала Хольмана о разграничении границ Закавказья и армии генерала А. Деникина. FO. 608 881. Указанный выше документ. Fol. 174–186.

[776] Письмо А. Ахвердова на имя Временного Правителя Дагеста на // АПД УДП АР. Ф. 894. Оп. 10. Д. 112. Л. 91.

[777] Письмо командующего английскими войсками в Закавказье главе мусаватского правительства об изменении демаркационной линии между территорией, занятой Деникиным, и буржуазно-националистическими республиками Кавказа. От 4 августа 1919

года, от генерал-майора, командующего войсками в Закавказье (Г.Н. Кори) // *Борьба* за победу Советской власти в Азербайджане 1918–1920 гг. Баку, 1967. С. 247.

[778] *Филимонов А.П.* Разгром Кубанской рады // Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. V. С. 322.

[779] Le Kouban et le Caucase du nord // Le Temps. Le 9 juillet 1919.

[780] Traite D'Amitie. Paris, Juin 1919. Les archives du MD service historique. GR 7N802. Fond du Caucase. Договор был составлен в двух экземплярах.

[781] Телеграмма командующего Кавказской армией генерала П.Н. Врангеля. Приказ по Кавказской армии 6 ноября 1919 года за № 357. Кисловодск // Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. V. Изд. 2. С. 359–360.

[782] Телеграмма Кубанского Войского Атамана Начальнику Штаба Армии генералу Романовскому, от 24 октября 1919 года // Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. V. Изд. 2. С. 359.

[783] Казнь Калабухова // Вольный Горец. 1919. 1 декабря. № 14. С. 14.

[784] Бегство Ив. Макаренко, Бескровного и Гончарова // Вольный Горец. 1919. 1 декабря. № 14. С. 14.

[785] *Бакланова И.С.* Из истории формирования Белым движением системы управления на юге России // Научный вестник МГТУ ГА. Серия: История, философия, социология. М., 2006. № 101. С. 156.

[786] *Бегство* доктора Хадзарагова // Вольный Горец. 1919. 18 декабря. № 19, С. 4.

[787] *Позиция* терцев-казаков // Вольный Горец. 1919. 4 декабря. № 15. С. 2.

[788] *Филимонов А.П.* Разгром Кубанской рады // Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. V. Изд. 2. С. 358.

[789] Вестник Чеченского комитета по очищению Чечни от банд большевиков и Узун-хаджи (Грозный). 1919. 6 октября.

[790] Перевод письма Али-хаджи Акушинского чинам Дагестанского Правительства и офицерству // Вестник Дагестана. 1919. 15 июня. № 5. С. 3.

[791] Письмо генерала Халилова шейху Али-хаджи Акушинскому // Газета Вестник Дагестана. 1919. 29 июня. № 9. С. 2–3.

[792] Мирные предложения от добровольцев // Вольный горец. 1919. 25 декабря. № 21. С. 3.

[793] Машинописный текст, копия, которая в архиве в общей сложности повторяется 7 раз, среди разных бумаг, связанных с события ми 1918–1920 годов. Из личного архива Г. Баммата.

[794] *Северный* Кавказ. Во Владикавказе // Борьба. 1919, Тифлис. 26 декабря. № 295 (551). С. 3.

[795] Автор М.А. Абдуллаева в своей монографии «Триумф и трагедия шейх-уль-ислама Дагестана Али-хаджи Акушинского» (Махачкала, 2013) противопоставляет трех крупнейших шейхов того периода: Узун-хаджи, Гоцинского и Али-хаджи Акушинского, отдавая приоритет последнему, что само по себе неправильно. Вряд ли кто-либо из них смог бы сделать то, что было сделано, не будь рядом других. Каждый шел своим путем, но все трое были едины в желании построить шариатское управление в обществе.

[796] *Шляпников А.Г.* За хлебом и нефтью. Глава 25. Организация Советской власти и борьба за мир // Вопросы истории. 2003. № 3. С. 86.

[797] *Анишев А.И.* Очерки истории гражданской войны (1917–1920). Л., 1956. С. 262.

[798] О заседании Союзного Совета Республики горцев Северного Кавказа о самороспуске от 23 мая 1919 года // Борьба. Тифлис, 1919. 19 июля.

[799] *Pipes R.* The Formation of the Soviet Union. Communism and nationalism. 1917–1923. Cambridge, Massachusetts, 1954. P. 97. Ссылка по статье: *Ибрагимбейли Х.М.* История гражданской войны на

Северном Кавказе и схемы современной буржуазной историографии // Гражданская война на Северном Кавказе. Махачкала, 1983. С. 18.

[800] *Сулаев И.Х.* Мусульманское духовенство Дагестана и Советская власть: борьба и сотрудничество (1917–1921 гг.). Махачкала, 2004; *Абдуллаев Г.М.* Али-хаджи Акушинский – общественно-политический и религиозный деятель Дагестана. Махачкала, 2005; *Сулаев И.Х.* Мусульманское духовенство Дагестана в революции и гражданской войне (1917–1921 гг.) Автореф. дис. … канд. ист. наук. Махачкала, 1997; *Нахибашев М.З.* Узун-хаджи Салтинский. Махачкала, 2009; *Доного Х.М.* Деньги в эмирате Узун-Хаджи // Научная мысль Кавказа.

[801] *Доного Х.М.* Наджмутдин Гоцинский. Махачкала, 2011; *Нахибашев М.З.* Узун-хаджи Салтинский. Махачкала: Эпоха, 2009; и др.

[802] *Нажмутдин* Самурский (Эфендиев). Книги, статьи, документы, исследования. Махачкала, 2003. С. 82–89.

[803] *Нахибашев М.З.* Узун-хаджи Салтинский. Махачкала, 2009. С. 45.

[804] Гаджи Узун Хаирин // Дагестанский вестник. 1919. 16 ноября. № 22. С. 4.

[805] *Нажмутдин* Самурский (Эфендиев). С. 146, 147.

[806] Наверное, следует оценивать это письмо не как «назначение» Узун-хаджи эмиром, оно могло быть чисто дипломатическим посланием от турецкого султана, знаком уважения к шейху и его борьбе на Северном Кавказе. Как бы то ни было, именно ссылаясь на него, премьер-министр Иналук Арсанукаев (Дышнинский) пытался представить шейха не самопровозглашенным эмиром, но имеющим реальную поддержку от турецкого султана.

[807] *Нажмутдин* Самурский (Эфейдиев). С. 85.

[808] *Борисенко И.* Авантюристы в гражданской войне. Ростов н/Д, 1930. С. 107, 108.

[809] ЦГА РД. Ф. Оп. 3. Д. 248. Л. 40–43.

[810] Там же. Л. 138, 139.

[811] *Очерки* истории Чечено-Ингушской АССР. 1917–1970 гг. Грозный, 1972. Т. 2. С. 55.

[812] *Кастерин А.* 1919–1920 гг. в горах Северного Кавказа. Исторический очерк горского революционного движения. Владикавказ, 1921. С. 39–45.

[813] Потомки Межида Гебератоева (Межидов Ваха Абдурахманович) сохранили все реликвии того периода, в том числе и персональную печать командующего и неизвестные фотографии шейха Узунхаджи.

[814] *Как коммунисты* сами себя высекли // Вольный горец. 1920. 16 февраля. № 30. С. 2.

[815] Смета по организации войск Дагестана // ЦГА РД. Ф. Р-608. Оп. 1. Д. 12. Л. 20.

[816] Телеграмма от шейха Ибрагим-хаджи начальнику округа. От 26 октября 1919 г. из Кумыха // ЦГА РД. Ф. Р-608. Оп. 1. Д. 12. Л. 103.

[817] *Костерин А.* В горах Кавказа. 1919–1920: исторический очерк горского революционного движения. Владикавказ, 1921. С. 33.

[818] Там же. С. 68.

[819] Там же. С. 39–40.

[820] *Алиев А.* Гарнизон вывезли из крепости Ведено // Ламанан Аз. 1992. 18 марта.

[821] *Шляпников А.Г.* За хлебом и нефтью // Вопросы истории. М., 2002. № 11. С. 129.

[822] *Гатуев Д.* Указ. соч. С. 295.

[823] Магомед Шерипов, дядя Асланбека Шерипова, еще в августе 1919 года пытался вместе с другими деятелями Союза горцев Северного Кавказа в Тифлисе что-то сделать против утверждения большевиков в Чечне.

[824] ЦХД НИРО. Ф. 12. Оп. 11. Д. 7. Л. 1–26.

[825] Справка для ознакомления (Кавказ) // Les archives le MD service historique. GR 20N186. CAA. Caucase. Renseignement Généreux. Décembre 1919 – octobre 1920.

[826] Приказ по селу Шали. № 1, от 11 октября 1919 г. // Les archives le MD service historique. GR 20N186. CAA. Caucase. Renseignement Généreux. Décembre 1919 – octobre 1920.

[827] Письмо В.Г. Джабагиева А. Кантамиру // ЦГА РД. Ф. П.-8. Оп. 3. Д. 244.

[828] Декларация об Образовании власти Северокавказского эмиратства // ГАРФ. Ф. 5827. Оп. 1. Д. 137. Л. 12–15.

[829] Rapport du Prince Dischninski // MAE 626 serie Z. Carton 653. Dossier. 1 avril 1918 – avril 1919. Russie. Caucase I. P. 124.

[830] Копия письма дипломатического Представителя Совета Обороны Дагестана министру иностранных дел Азербайджанской Республики о наложении ареста на имущество интернированных в Баку деникинцев // ЦГА РД. Ф. Р-608. Оп. 1. Д. 4. Л. 94 об.

[831] Совет Обороны Северного Кавказа и Дагестана, с. Леваши, 19 октября 1919 г. – 27 марта 1920 г. // ЦГА РД. Ф. Р-608. Оп. 3. Д. 18. Л. 60.

[832] Списки воинских чинов, командированных националистическим Меджлисом на Дагестанский фронт // ГАРФ. Ф. Р6144. Оп. 1. Д. 34. Л. 2–4.

[833] Протоколы Совета Обороны Дагестана о внутреннем положении страны и принятии необходимых мер для организации народного движения против деникинцев // ЦГА РД. Совет обороны Северного Кавказа и Дагестана. Ф. Р-608. Оп. 1. Д. 3. Л. 4.

[834] Постановление Совета обороны Дагестана о мобилизации. Село Леваши, 20 октября 1919 г. // ЦГА РД. Ф. Р-608. Оп. 1. Д. 12. Л. 14–18.

[835] ЦГА РД. Ф. Р-608. Оп. 3. Д. 53. Л. 4.

[836] Письма на имя Цаликова для решения вопросов военного характера // ЦГА РД. Ф. Р-608. Оп. 1. Д. 12. Л. 109.

[837] Протокол вечернего заседания Совета Обороны 19 октября 1919 г. Леваши // ЦГА РД. Ф. Р-608. Оп. 1. Д. 12. Л. 5.

[838] *Исхаков С.М.* Указ. соч. С. 476.

[839] Протокол № 2 вечернего заседания Света обороны от 19 октября 1919 г. Леваши // ЦГА РД. Ф. Р-608. Оп. 1. Д. 12. Л. 5.

[840] Первое заседание Временного Совета Обороны горских трудовых народов Сев. Кавказа 3 сессии, состоявшееся 07.02.1920 г. в селе Леваши под председательством единогласно избранного шейх-ульислама Али Акушинского, при секретаре Гаджиеве // ЦГА РД. Ф. Р-608. Оп. 3. Д. 15. Л. 43.

[841] Первые письма, отчеты, аналитические записки на имя Совета Обороны, подписанные им, датируются началом 1920 года // ЦГА РД. Ф. Р-608. Оп. 2. Д. 4. Л. 3. Известие о назначении Г. Баммата и Тахо-Годи представителями Совета обороны в Грузии и в Азербайджане напечатала газета «Вольный горец» (26 января. № 27).

[842] Распоряжение командующего Дагестанским фронтом Вазаилбея об отпуске вооружения Асадулаеву Хаджи Гусейну // ЦГА РД. Ф. Р-608. Оп. 1. Д. 12. Л. 49.

[843] Приказ Совета обороны по войскам № 5 «О назначении полковника Жордания в распоряжение Дербентского фронта» от 26 ноября 1919 г. // ЦГА РД. Ф. Р-608. Оп. 1. Д. 12. Л. 39.

[844] Приказ Совета обороны по войскам № 4 «О назначении генерал-майора Кереселидзе исполняющим обязанности командующего всеми вооруженными силами Республики» от 26 ноября 1919 г. // ЦГА РД. Ф. Р-608. Оп. 1. Д. 12. Л. 38.

[845] Как, например, армии при шейхах Узун-хаджи, Наджмутдине Гоцинском, Али Акушинском, Али Митаеве. Имел свои вооруженные отряды и десяток других влиятельных горцев.

[846] Протокол вечернего заседания Совета Обороны от 20 октября 1919 г. // ЦГА РД. Ф. Р-608. Оп. 1. Д. 12. Л. 6.

[847] *Сулаев И.Х.* Совет Обороны Северного Кавказа и Дагестана: неизвестные страницы истории. Махачкала, 2004. С. 17.

[848] Протокол вечернего заседания Совета Обороны 19 октября 1919 г. Леваши // ЦГА РД. Ф. Р-608. Оп. 1. Д. 12. Л. 5.

[849] Копия письма дипломатического Представителя Совета Обороны Дагестана министру иностранных дел Азербайджанской Республики о наложении ареста на имущество интернированных в Баку деникинцев // ЦГА РД. Ф. Р-608. Оп. 1. Д. 4. Л. 94 об.

[850] О русских военнопленных. С заседания Совета обороны Северного Кавказа // ЦГА РД. Ф. Р-608. Оп. 1. Д. 3. Д. 7–8.

[851] Приложение к депеше от мистера О. Вордрона (№ 132). FO 371/3673 27981 от 20 декабря 1919 г. От лейтенант-полковника С.Б. Стоукса, Верховному Комиссару Великобритании в Закавказье. Баку, 18 декабря 1919 г.

[852] О русских военнопленных. С заседания Совета обороны Северного Кавказа // ЦГА РД. Ф. Р-608. Оп. 1. Д. 3. Л. 7–8.

[853] Медико-Санитарный отдел Совета Обороны горцев Северного Кавказа // ЦГА РД. Ф. Р-608. Оп. 1. Д. 12. Л. 41–47.

[854] Об убитых жандармах Горского правительства говорится в письме на имя главнокомандующего Нури-паши от комиссара С. Дударова от 18 февраля 1920 г. из с. Башлы // ЦГА РД. Ф. Р-608. Оп. 1. Д. 12. Л. 111.

[855] Парламент был преобразован в Союзный совет в апреле 1919 года.

[856] АПД УДП АР. Ф. 97. Оп. 1. Д. 59. Л. 7–8.

[857] *Абдуллаев М.А.* Триумф и трагедия шейх-уль-ислама Дагестана Али-хаджи Акушинского. Махачкала, 2013. С. 33.

[858] *Benngsen A.* Lemercier-Quelquejay C. Le soufi et le commissaire. Les confréries musulmanes en URSS. Paris, 1987. P. 87.

[859] Défense du Caucase et des régions pétrolifères. 31 janvier 1920 // Archives diplomatiques MAE. Direction des affaires politique et commerciales. Série Z. Carton 653. Dossier 1. Lere novembre 1919 – 15 février 1920. Russie. Caucase. III. P. 245.

[860] Доклад Главы французской военной миссии в Тифлисе майора Ш.-М. де Нонанкурта от 3 ноября 1919 г. из Тифлиса // Archives diplomatiques MAE. Direction des affaires politique et commerciales.

Série Z. Carton 653. Dossier 1. Lere novembre 1919 – 15 février 1920 Russie. Caucase. III. P. 7.

[861] Demande du Commandant Nonancourt adressée au Ministère de la Guerre. 3 novembre 1919 // MAE. Carton 628. Dossier 1 Russie, Caucase. 1 nov. 1919 – 1 fev. 1920. P. 8. Глава французской военной миссии на Кавказе в письме на имя военного министра Франции предлагает меры по усилению позиции французов на Кавказе.

[862] Londres, Ambassade, reçu le 17 février 1920. Urgent // Archives diplomatiques MAE. Europe. Russie. Caucase. Série Z. 653 1. Caucase IV. 15 février – 31 mai 1920. P. 1–3.

[863] *Briquet E*. Nations opprimées et la Société Nations. Paris, 1938. Ссылка дана по редакционной статье «Завоевание и советизация Кавказа» (Кавказ (Der Kaukasus). 1952. Апрель. № 4 (9). С. 4.

[864] Londres, Ambassade, reçu le 17 février 1920. Urgent // Archives diplomatiques MAE. Europe. Russie. Caucase. Série Z. 653 1. Caucase IV. 15 février – 31 mai 1920. P. 1–3. В докладе французской военной миссии в Тифлисе майора Ш.-М. де Нонанкурта от 3 ноября 1919 года из Тифлиса.

[865] Шифрованная телеграмма за № 70 на имя главного французского комиссара в Константинополе от 11 июня 1920 г. от графа де Мартеля // Archives diplomatique MAE. № 630. Europe. Russie Z 653 1. Caucase V, 1er juin – 30 septembre 1920. P. 40.

[866] Телеграмма от главы французской военной миссии на Кавказе полковника Курбеля, от 29 июля 1920 года за № 137. Секретно // Les archives de MD service historique. GR 20N186. CAA. Caucase. Rensignement generaux. Decembre 1919 – octobre 1920. Carton 75. Dossier 1. P. 3.

[867] Les archives le MD service historique. GR 20 N186. Caucase. Décembre 1919 – octobre 1920. Carton 75. Dossier 1. Tiflis, le 20 mai 1920. № 225–228. P. 4.

[868] Les archives diplomatiques MAE Europe URSS Géorgie, Politique extérieure vol. 648, sept. 1918 – mai 1920. P. 309. И тот же текст на

французском языке на с. 301, от 3 января 1920 года за № 017664 со ст. Тихорецкая на имя главы французской военной миссии на Кавказе: «Я получил официальное уведомление, что Союзные Державы признали независимость Грузии и Азербайджана. Прошу Вас довести до сведения Вашего правительства, что этот акт, ведущий к расчленению России, никакого юридического значения для нее иметь не может, и его никогда ни Правительство, ни народ русский не признает».

[869] *Баммат Г.* Указ. соч. С. 4.

[870] Там же. С. 4 об.

[871] «Наказ» Особому Совещанию. 14 декабря 1919 г. // *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Т. 5. С. 280–281.

[872] Обращение к его превосходительству Комиссару в Закавказье Г. Уордроп. От 30 сентября 1919 года за № 3463 МИД Азербайджана // АПД УДП АР. Ф. 894. Оп. 10. Д. 86. Л. 65.

[873] Письмо и. о. председателя Союзного меджлиса горских народов Кавказа В.Г. Джабагиева генералу Дж. Харборду // ГАРФ. Ф. Р-6144. Оп. 1. Д. 18. Л. 1–6. Копия.

[874] *Новый* дипломатический представитель горцев в Грузии // Вольный горец. 1920. 2 февраля. С. 4.

[875] *Баммат Г.* Письмо Совету обороны Республики Северного Кавказа. Тифлис, февраль, 1920 // ЦГА РД. Ф. Р-608. Оп. 2. Д. 4. Л. 3.

[876] *Баммат Г.* Указ. соч. С. 3 об.

[877] МИД Грузии. Грузино-казачья конференция по вопросам оказания взаимопомощи по продовольствию и товарообмену и борьбы с большевизмом. К национальному вопросу. Март 1920 // Центральный государственный исторический архив Грузии. Ф. 1864. Оп. 1. Д. 95. Л. 4.

[878] Телеграмма от главы французской военной миссии на Кавказе полковника Курбеля, от 29 июля 1920 года за № 137. Секретно // Les archives de MD service historique. GR 20N186. CAA. Caucase.

Rensignement generaux. Decembre 1919 – octobre 1920. Carton 75. Dossier 1. P. 3.

[879] *Баммат Г.* Совету обороны Республики Северного Кавказа // ЦГА РД. Ф. Р-608. Оп. 2. Д. 4. Л. 6.

[880] Письмо Совету обороны. От 28 марта 1920 г. // ЦГА РД. Ф. Р-608. Оп. 2. Д. 4. Л. 8–10.

[881] Письмо дипломатическому Представителю Совета Обороны Северного Кавказа в Азербайджане, за № 58 от 18 марта 1920 г. из Баку // ЦГА РД. Ф. Р-608. Оп. 2. Д. 4. Л. 12.

[882] Les archives de MD service historique, GR 20 N 186, Caucase, décembre 1919 – octobre 1920. Carton 75. Dossier 1, P. 6.

[883] Выписка из протокола первого заседания Временного Совета Обороны Горских трудовых народов Северного Кавказа Третьей сессии от 7 февраля 1920 г., с. Леваши // ЦГА РД. Ф. Р-608. Оп. 3. Д. 15. Л. 46–46 об.

[884] Пункт б) О конструкции Центрального Совета Обороны. (Выписка из протокола первого заседания Временного Совета Обороны Горских трудовых народов Северного Кавказа Третьей сессии от 7 февраля 1920 г., с. Леваши): «Принять следующую конструкцию Совета Обороны: 1. Почетными Председателями Совета Обороны: Али хаджи Акушинский, Узун-хаджи, Джелал Коркмасов. 2. Председателем Совета Обороны избрать Султан-Саида Казбекова» // ЦГА РД. Ф. Р-608. Оп. 3. Д. 15. Л. 46–46 об.

[885] Проект декларации Совета Обороны Северного Кавказа // ЦГА РД. Ф. Р-608. Оп. 3. Д. 15. Л. 46 об.

[886] Парад войск. Прибытие Шейх-уль-Ислама. Бюллетени Революционного Совета Обороны, за № 2, от 1 апреля 1920 // ЦГА РД. Ф. Р-608. Оп. 2. Д. 3. Л. 2.

[887] Письмо Совету обороны Республики Северного Кавказа, от февраля 1920 г., из Тифлиса // ЦГА РД. Ф. Р-608. Оп. 2. Д. 4. Л. 5.

[888] Тахо-Годи Алибек, видный общественный и политический деятель Дагестана, Северного Кавказа, с 1920 года активный член

РКП(б). В 1937 году был расстрелян по обвинению в пантюркистских взглядах.

[889] В Совет Обороны за № 876 от 4 апреля 1920 года, из Баку. От дипломатического Представителя А. Тохи-Годи // ЦГА РД. Ф. Р-608. Оп. 2. Д. 10. Л. 3–4.

[890] Воззвание и протокол заседания Дагоблкомитета РКП(б) о борьбе с деникинцами и местными контрреволюционерами, о предъявлении условий турецкому главнокомандующему Нури-паше, о сепаратистской политике некоторых членов обкома в сношениях с Нури-паша // ЦГА РД. Ф. Р-608. Оп. 2. Д. 1. Л. 1 об. – 2 об.

[891] Протокол № 36 Общего собрания 1-го Дербентского Советского полка, 1920 г. 12 февраля, Дербент // ЦГА РД. Ф. Р-608. Оп. 1. Д. 7. Л. 111 об.

[892] Главнокомандующему Нури-Паше, от 18 февраля 1920 г. из с. Башлы // ЦГА РД. Ф. Р-608. Оп. 1. Д. 7. Л. 111.

[893] Казим-бей, со слов Ахвердова, был бывший турецкий офицер, но уроженец местного края, без уточнения конкретно из каких мест (АПД УДП АР. Ф. 970. Оп. 1. Д. 59. Л. 13–14).

[894] О ситуации на Северном Кавказе до 20 апреля 1920 года. Доклад французской военной миссии на Кавказе за № 53 от 1 мая 1920 года. Les archives de la MD service historique, GR 20 N186, Caucase, décembre 1919 – octobre 1920. Carton 75. Dossier 1. P. 4.

[895] Атмосфера в Дагестане расчищается // Вольный горец. 1920. 15 марта. № 34. С. 3.

[896] *Кюринский Ю.* Дагестанская «путаница» // Вольный горец. 1920. 29 марта. № 36. С. 2.

[897] Турецкий офицер Кязим-бей, по данным французской военной миссии, был по происхождению дагестанцем, из числа потомков тех, кто переселился во второй половине XIX века в Османскую империю.

[898] Дагестан. О ситуации на Северном Кавказе до 20 апреля 1920 года. Доклад французской военной миссии на Кавказе за № 53 от 1

мая 1920 // Les archives de la MD service historique, GR 20 N186, Caucase, décembre 1919 – octobre 1920. Carton 75. Dossier 1. P. 5.

[899] Ответ МИДа Азербайджана Дипломатическому представителю Совета Обороны Северного Кавказа в Азербайджане за № 58 от 18 марта 1920, из Баку // ЦГА РД. Ф. Р-608. Оп. 2. Д. 4. Л. 12.

[900] События в Леваши // Там же.

[901] Секретное донесение от Б. Шеболдаева // ЦГА РД. Ф. Р-608. Оп. 2. Д. 1. Л. 1.

[902] *Цаликов А.* Турецкий мавр // Борьба. 1920. 13 мая.

[903] События на Северном Кавказе. О ситуации на Северном Кавказе до 20 апреля 1920 года. Доклад французской военной миссии на Кавказе за № 53 от 1 мая 1920 года // Les archives de la MD service historique, GR 20N186, Caucase, décembre 1919 – octobre 1920. Carton 75. Dossier 1. P. 2.

[904] Ни тогда, в момент подписания соглашения с Добровольческой армией, ни в период ареста в Тифлисе, ни после, в эмиграции в Турции, М. Халилов не признавал, что им было сделано что-то против интересов Горской республики, считая свои действия на тот момент единственно верным решением в пользу сохранения мира в Дагестане.

[905] *Сулаев И.Х.* Узун-Хаджи Салтинский: штрихи к портрету // Известия Высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2007. № 2. С. 36–42.

[906] *Преемник* Узун-хаджи // Вольный горец. 1920. 21 июня. № 41. С. 2.

[907] Certificat concernant l'Assemblée de Tzontoroi et l'élection des membres du Medjlis Milli // Машинописный текст на двух страницах, на французском языке; ни печати, ни подписей нет. Из личного архива Г. Баммата.

[908] Tradustion de document de procuration donne par le medjliss mill aux messieurs Ismail Berkouk, Moustapha Pott et Aziz Moccer (Перевод документа доверенности данных Милли Маджлисом

Исмаил Беркук, Мустафу Потт и Азиз Мокера) // Машинописный текст на французском языке, 1 страница, без подписи и без печати. Из личного архива Г. Баммата.

[909] В хронике горской жизни извещается, что в Тифлис прибыл Г. Баммат, принявший предложение занять пост дипломатического представителя. Новый дипломатический представитель горцев в Грузии и Армении // Вольный горец. 1920. 16 февраля. № 30. С. 4.

[910] Баммат Г. был отозван уже три месяца спустя в конце мая 1920 г. с этого поста, о чем упоминается в заметке: *Цаликов А.* Коммунисты и Горская Республика // Вольный горец. 1920. 21 июня. № 41. С. 4.

[911] Письмо от Дипломатического Представителя Республики Северного Кавказа при Правительствах Грузии и Армении Г. Баммата на имя министра Иностранных Дел Грузии от 20 марта 1920 // Центральный государственный исторический архив Грузии. Ф. 1869. Оп. 1. Д. 4. Л. 118.

[912] Телеграмма генерала Халилова // Вольный горец. 1920. 29 марта. № 36. С. 3.

[913] Письмо дипломатическому Представителю Республики горцев Северного Кавказа от содержащегося в Тифлисской военной тюрьме бывшего Председателя Горского правительства и бывшего Правителя Дагестана генерал-майора Микаиля Халилова // Центральный государственный исторический архив Грузии. Ф. 1869. Оп. 1. Д. 4. Л. 67–71.

[914] Покаяние Халилова и К. (от нашего корреспондента) // Вольный горец. 1920. 23 февраля. № 31. С. 3.

[915] Рапорт от Дипломатического Представителя Республики Северного Кавказа при Правительствах Грузии и Армении Г. Баммата Дипломатическому представителю Республики горцев в Азербайджане А. Тахо-Годи за № 671, от 10 апреля 1920 г. Тифлис. С. 89.

[916] МВД Грузии, информация об аресте П. Коцева как о вредном лице // Центральный государственный исторический архив Грузии. Ф. 1864. Оп. 2. Д. 13. Л. 36.

[917] В документе указывается: «Коцев арестован Грузинским Правительством и заключен в Метехский замок за сношения с кемалистами». Письмо поручика Погодина, состоявшего в Центральной Врангельской организации в Тифлисе по устройству восстания на Северном Кавказе на имя Начальника Штаба Командования Юга России. 20 октября 1920 г. из Тифлиса // Центральный государственный исторический архив Грузии. Ф. 1861. Оп. 2. Д. 13. Л. 36–37. Обращение северокавказских политиков, находящихся на тот момент в Тифлисе, было опубликовано 6 ноября 1920 года в газете «Вольный горец».

[918] Письмо на имя Министерства Внутренних дел из управления аппаратом Правительства Грузии от 12/XI за № 5621 // ЦГИАГ. Ф. 1861. Оп. 2. Д. 13. Л. 36.

[919] Письмо горцев на имя Ноя Жордания // Вольный горец. 1920. 6 ноября.

[920] Под старым знаменем. Редакционная статья // Вольный горец. 1920. 7 июня. № 39. С. 1.

[921] Кайтмаз Алихан обвинялся Советом Обороны в поддержке деникинцев, и на период действия Совета Обороны занимал выжидательную позицию // Протокол вечернего заседания Совета Обороны от 24 октября 1919 // ЦГА РД. Ф. Р-608. Оп. 1. Д. 12. Л. 7.

[922] Докладная записка на имя Министра Иностранных дел Грузии, от Начальника Аварии полковника Кайтмаза Алиханова, от 2 июня 1920. Тифлис // ЦГА РД. Ф. Р-608. Оп. 3. Д. 15. Л. 62–65.

[923] Докладная записка начальника Аварского округа Дагестанской области полковника К. Алиханова Е.П. Гегечкори // ЦГИАГ. Ф. 1864. Оп. 1. Д. 25. Л. 59–62.

[924] *Цаликов А.* Трагический час. Редакционная статья // Вольный горец. 1920. 15 января. № 25. С. 1.

[925] *Обзор* печати // Вольный горец. 1920. 15 января. № 25. С. 1.

[926] *Борьба* за Советскую власть в Чечено-Ингушетии (1917–1920 гг.): Сборник документов и материалов. Грозный, 1958. С. 210. Ссылка дана по книге: *Абазатов М.А.* Из истории гражданской войны в Чечено-Ингушетии. Грозный, 1962. С. 158.

[927] *Директивы* Главного командования Красной Армии (1917–1920 гг.): Сб. документов. М., 1969. С. 327; *Директивы* командования фронтов Красной Армии: Сб. документов. М., 1978. Т. IV. С. 142–149, 160, 510–514.

[928] *Джераховец.* Что нужно предотвратить на Тереке // Вольный горец. 1920. 9 февраля. № 29. С. 2.

[929] Из расследования Особого комитета по делу А. Кантамира.

[930] La politique kemalist au Caucase (донесение Ролина из Стамбула от 31 декабря 1920 г. касательно кавказской политики кемалистов) // MAE, C.R. et syntheses de Reuseignements du 2eme Bureau. Russie – Caucase. (1919–1923). P. 1.

[931] la pacification de l'orient et le conflit sovietico-kémaliste au Caucase // MAE, C.R. et syntheses de Renseignements du 2eme Bureau. Russie – Caucase. (1919–1923).

[932] Оперативная сводка Штаба Дербентского полка с 8 по 20 февраля 1920 года // ЦГА РД. Ф. Р-608. Оп. 3. Д. 15. С. 8–9.

[933] Доклад от 8 июля 1921 года. Реввоенсовету С.К.В.О // РГВА. Ф. 25896. Оп. 3. Д. 581. С. 1.

[934] Обращение А. Акушинского к советскому командованию // Вольный горец. 1920. 13 сентября.

[935] Телеграмма наркому иностранных дел РСФСР Г.В. Чичерину представителя Совета обороны Республики Северного Кавказа Г. Баммату с предложением признать ее независимость за № 198 от 6 апреля 1920 г. // РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 1. Д. 58. Л. 1–1 об.

[936] Заявление Председателя Совета Министров Горской Республики в парламенте // АПД УДП АР. Ф. 970. Оп. 1. Д. 160. Л. 22.

[937] Вдовенко Герасим Андреевич (1867–1945) – атаман Терского казачьего войска с января 1918 года, генерал-лейтенант.

[938] Письмо генерала Г. Вдовенко на имя главы французской военной миссии на Кавказе генералу Мангин / 2eme Bureau A // Service historique de la Défense. GR 20 N 181. Russie B. Politique. Renseignement et presse. Carton 70. Dossier 1.

Список сокращений архивных источников

АПД УДП АР – Архив политических документов Управления делами Президента Азербайджанской Республики, Государственный Архив Азербайджанской Республики.

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.

РГА ВМФ – Российский государственный архив Военно-морского флота.

РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

РГВА – Российский Государственный военный архив.

ГА СК – Государственный архив Ставропольского края.

ГА КК – Государственный архив Краснодарского края.

ЦГИАГ – Центральный государственный исторический архив Грузии.

ИИАЭ ДНЦ РАН – Рукописный фонд Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской Академии наук.

ЦГА РД – Центральный государственный архив Республики Дагестан.

ЦГА РСО-А – Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания.

НА СОИГСИ – Научный архив Северо-Осетинского Института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева ВНЦ РАН и правительства РСО-А.

ЦГА КБР – Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской Республики.

Les archives de BDIC – Библиотека современной международной документации.

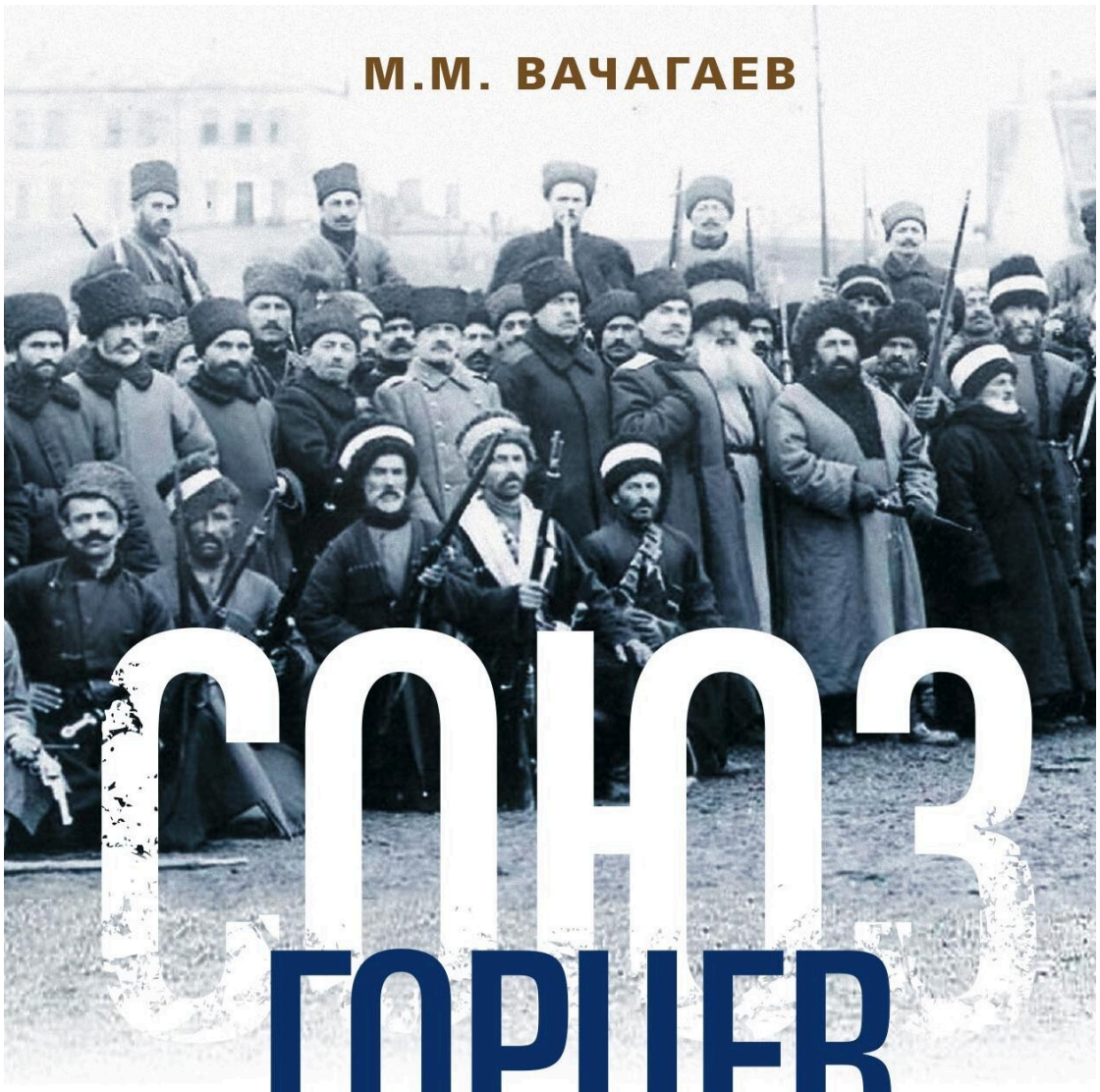
Les archives de la Ministére des Affaires Estrangére (MAE) – Архив министерства иностранных дел Франции.

Archives Nationales (Fontainebleau, Pierrefitte-sur-Seine) Национальный архив Франции в Фонтенбло и Пьерфит-сур-Сен.

Les archives de la Défense à Vincennes – Архив министерства обороны.

Les archives de préfecture de Paris – архив департамента полиции Парижа.

М.М. ВАЧАГАЕВ

СОЮЗ ГОРЦЕВ

СЕВЕРНОГО КАВКАЗА И ГОРСКАЯ РЕСПУБЛИКА

ИСТОРИЯ НЕСОСТОЯВШЕГОСЯ ГОСУДАРСТВА

1917—1920